

Александр Файн

**СРЕДИ
ЛЮДЕЙ**

Москва
«Вест-Консалтинг»
2012

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф 17

Файн А. М.
Ф 17 Среди людей
М.: Вест-Консалтинг, 2012. — 456 с.
ISBN 978-5-91865-133-9

Художник — Татьяна Виноградова

«Среди людей» — третья книга А. Файна. Впервые под одной обложкой объединены рассказы, повести и драматургия. Автор, проживший большую и непростую жизнь, размышляет — иногда с грустью, иногда с юмором — о том, как недавняя история нашего Отечества отразилась в судьбах обычных людей, о том, что такое любовь и предательство, честь и ответственность мужчины, верность в любви и благородство женщины, где проходит грань между компромиссом и трусостью... Все произведения существенно переработаны для настоящего издания.

- © Файн А. М., текст, 2012
- © Мединский В. Р., предисловие, 2012
- © Ерофеев В. В., предисловие, 2012
- © «Вест-Консалтинг», компьютерная верстка, макет, 2012

История в деталях...

Александр Файн написал свою «энциклопедию советской жизни» — небольшую по объему, но емкую. Это история в деталях. Энциклопедия в лицах. Деталях, которые уже исчезли, людях, которые ушли. Но мы знаем: мы их продолжение.

Файн пишет очень лично: о временах, которые прожил сам, активно, деятельно; о людях, которых знал; о драмах и трагедиях, которые пропустил через себя.

Итак, энциклопедия в лицах. Интеллигенты, работяги, военные, заключенные. Русские, евреи, украинцы... Все, кто населял нашу необъятную державу — СССР. У книги и географический охват такой же: от края и до края, от Западной Украины до Курил. Сегодня герой служит в московском главке, а завтра машет кайлом на «чуждой планете» Колыме. Исторический охват — вся советская эпоха. Какие-то узелки завязываются еще в Гражданскую... А развязка может наступить и в Перестройку, и даже в условные «наши дни».

Мифом является не только то, что в СССР «не было секса». Якобы невозможность проявить себя «в совке», добиться успеха, необходимость

по гроб жизни оставаться безликой частичкой серой массы — такой же миф. Другое дело, что критерии этого успеха имели совершенно иное выражение, чем сейчас. И цена его была иная.

Герои Файна (особенно ярко — в «Солнышке»), на первый взгляд, успешны, этак даже по-западному, по-брутальному: работа, карьера, женщины, спорт. Но они бесконечно далеки от нынешних олицетворяющих жизненный успех однолинейных героев кино и литературных боевиков. Не только потому, что интеллигентны, образованны, и их жизнь — не бизнес, а наука, скорее даже научно-технический менеджмент. Не только потому, что они работают на страну, на глобальные задачи, а не на свой маленький мирок, как герои дня сегодняшнего. Но и потому, что по сути они — никакие не «крепкие орешки», они одиноки, ранимы, за бравадой прячут неуверенность в себе, за круговертью любовниц-красавиц — нерешительность, боязнь остановиться, сделать выбор.

Вообще мне как историку интересна фактурная сторона — от материальных деталей быта до характерных жизненных ситуаций. И тут человеку, особенно младше 40, не знакомому с советским «стилем жизни», будет что узнать, что почувствовать: тут будут типажи и подробности похлеще парфеновских «Намедни».

Сквозных героев у автора вроде нет, но есть сквозные ситуации. Они соединяют рассказы, повести и пьесы в одно целое. Иногда для действующих лиц такой ситуацией становится резкий слом жизни, ГУЛАГ.

Не знаю, относился ли Варлам Шаламов, один из самых сильных писателей советской поры («советским» писателем его язык не поворачивается назвать), к числу литературных учителей Александра Файна. Но мне Шаламов вспомнился сразу, как только я добрался до лучшего произведения в этой книге — «Мальчиков с Колымы».

Невероятная — в своей обыденности для сталинского периода — история двух маленьких братьев, попавших с семьей в столицу «Дальстроя» Магадан, рассказывается через множество коротких и нередко ужасных эпизодов. Эти случаи, а может, и байки, вроде бы не связаны напрямую с судьбой мальчиков. Но этот тяжелый, безнадежный фон и движет повесть вперед — как через испарения мерзлого магаданского тумана. Напряжение нарастает, трагический финал кажется неизбежным, читатель уже опустошен, оглушен происходящим, но оторваться не может. Ощущение — того же плана, как от «Ледового берега».

Для меня эта повесть стала открытием. И внутреннее, само собой возникшее сравнение с Шаламовым для меня здесь — высшая возможная оценка.

Думаю, у этой книги будет хорошая судьба.

Владимир Мединский

*писатель, профессор МГИМО МИД России,
доктор исторических наук*

Оправдание людей

Русская жизнь — это богатейшее месторождение сюжетов. Ни с чем не сравнить. Копать — не перекопать. Но что делать писателю с этими залежами человеческих судеб? Он вправе выплавить из них всевозможные философские обобщения. На поверхности лежит трагедия существования. В наших краях она усилена до предела жестоким абсурдом советской утопии, дальнейшим постсоветским бредом.

В книге Александра Файна осмысление ужасов превращается в формулу *случайного выживания*. Герои мрут как мухи. Их даже нет времени пожалеть. Остается только, если выжил, оглянуться в конце собственной жизни и вспомнить. Так делает автор. Героев хоронят кое-как, прикрыв ветками, или вообще не хоронят. Жизнь становится синонимом войны. Если выжил — тебе повезло, ты увернулся от закономерности мук и смерти. Нечто подобное есть в романах Андрея Платонова. Такое же внешнее безразличие к бесчисленным потерям именно потому, что они бесчисленны.

В этих условиях написать книгу о человечности людей невозможно. Но автор берется за это безнадежное дело. И доводит его до конца. В этом

смелость и суть этой книги. Если бы автор был наивным человеком с ослабленной памятью или же выполнял команду какой-нибудь надчеловеческой идеологии — результат был бы плачевным. Он бы никого не убедил в своих доводах. Но он начинает свое повествование не от внешних условий существования, а от внутренних возможностей человека, и тогда черно-белое полотно ужасов наполняется разнообразными красками. Возникают сначала тени. Они движутся. За ними интересно следить. Затем возникает свет.

Свет в книге излучают, прежде всего, женщины. Они — теплые и телесные — оказываются хранительницами огня. Даже в безумных условиях сталинского лагеря некоторые из них поднимаются до звания литературных героинь. История отношений начлага и заключенной, тридцатилетней красавицы, особенно впечатляет своей беспристрастной, *непридуманной* человечностью. Красавица, оказавшись в похотливой власти начальника, взвешивает каждое слово, каждый жест, чтобы сохранить себе жизнь, защищать свое достоинство. Лагерный сленг, которым она владеет в совершенстве (вместе с автором книги!), дает ей возможность мгновенно самоопределиться и выстоять, отказавшись от доноительства. Она не *рыбка*, готовая к опасным авантюрам, не жалкая просительница, не «пипка», которую гонят подмываться над ведром — она растлительница зла. Прекрасный момент! Начлаг оттаивает, как мамонт. Из этой мертвой души народного садиста и расстрельщика, в конце концов, рождается человек. Лучше ли он булгаковского Шарикова? Не уверен. Досто-

ин ли он спасения? Этот вопрос не во власти людей. Но то, что любовь убедительно справилась с этой гнидой, — однозначный успех автора.

Мужчины в книге нередко выезжают на любви. А что им еще остается? Их деятельность, какой бы она ни была, бездарна, она привела их на Колыму в ролях палачей или жертв всесоюзного ада. Они взаимозаменяемые в этих ролях, хотя среди доходяг мы с сочувствием угадываем и тени великих ученых. Как зародился крошечный ад? Ведь каждый в отдельности изначально не был подлецом. Ведь они вышли из той России, где было много бед, но не было этого бесчеловечного безумия. Вчитываясь в книгу, понимаешь, что стены ада сложены из рабского страха. Мы с ним до сих пор не справились...

Мне нравится, как искусно запутываются мужчины этой книги в своих проблемах. Из милых московских мальчиков они вырастают в мужчин с кулаками — они обожают бокс, бокс — одна из главных тем книги, бокс — их защита и нападение. Вместе с боксом возникают тема удовольствий, мир девочек, пар московских бань, веселое пространство водки и анекдотов, любовь к погоням и чинам — жизнь катится по рельсам. Вдруг крушение! Предательство, тюрьма, лагерь, расстрел. Страх съел мужчину — нам не хватило исторической дистанции — от крепостного права до революции — преодолеть страх и не пустить его во власть. Раздавленный страхом и ужасом наказания, мужчина тянется уже не к девочкам, а к единственной любимой и любящей женщине,

ошибается в своих чувствах, и все равно ползет к настоящей любви. Даже если эта любовь уже лежит на кладбище.

Блуждая среди людей, человек оправдывается только любовью, и только любовь дает ему силы быть или хотя бы казаться человеком. В основе книги Александра Файна — надежда на любовь. Ею же пропитан язык книги. Описания еврейских семейств, московских улиц, скромных жилищ, женских нарядов, знание оперного пения, картин барбизонцев, запахи еды, наконец, встреча с великим блатным языком лагерников — все это рождается из любви к жизни, любви стойкой, последовательной, от отрочества до седин. Да, смерть для многих героев книги оказалась сильнее жизни, мы получили то, что заслужили, никто, кроме нас, не виноват в наших бедах, но, осмысляя советский погром людей и ценностей, автор — спасибо ему! — по-старомодному не сдастся: он оправдывает любящего человека.

Виктор Ерофеев,

*писатель, член Русского ПЕН-центра,
автор и ведущий программы «Апокриф»
на телеканале «Культура»*

РАССКАЗЫ

ЧАСЫ ИДУТ...

ХОЛОСТЯКУ со стажем знакомы длинные ночи, когда мысли о будущем, перемешанные с накопленными за прожитые годы разочарованиями, придавливают к подушке с такой силой, что бессонница становится в постели единственной подругой. В одну из таких ночей, пытаюсь уговорить подругу отпустить меня, я задавал ей вечные вопросы человеческого бытия.

К четырем часам утра наволочка стала мокрой, а воспаленное сознание сконцентрировалось на одном вопросе: «Как и чем живут те, у кого за плечами жизнь?» В трепетном ли ожидании перехода через грань, за которой бездна, в благостном ли ощущении своей значимости от содеянного, в желании ли что-то еще успеть или хотя бы покаяться...

Вопрос для меня не праздный. В половине шестого утра, это я знал от мамы, мне стукнет семьдесят четыре. Не так уж мало, но, надеюсь, и не так уж много...

Я жаворонок. Ведь мой родной дед по отцовской линии был крестьянином-колонистом¹, а отец мамы до рево-

¹ В царской России с конца XVIII в. Высочайшим Повелением еврейским семьям мастеровых и крестьян разрешалось селиться на казенных землях. Они пользовались теми же льготами, которые предоставлялись иностранцам, приехавшим в Россию по царскому приглашению. Голландцы, немцы и др. селились колониями. Отсюда и название «крестьяне-колонисты». Колонии иностранных поселенцев в России известны с XIV в.

люции слыл уважаемым кузнечных дел мастеровым в еврейском местечке под Гомелем. Генетика, как и положено, сработала через поколение. Я всегда вставал раньше всех. Но в это воскресное майское утро, по зову хранителя моего спокойствия, душеприказчика и друга — будильника Васи, с трудом оторвался от подушки.

Васю я купил по случаю двадцать один год назад, еще в *той*, советской жизни. Я возвращался после командировки в приподнятом настроении. Испытания, подводившие итог пятилетней работе моей лаборатории, завершились успешно. В кабинете главного инженера удачу мы закрепили из больших фужеров лучшим и доступным по тем временам армянским коньяком «Ара-рат».

За десять минут заводская «Волга» домчала меня до вокзала. Чтобы убить время в ожидании запаздывающего поезда, я забрел в одноэтажный полудом-полусарай на привокзальной площади, к ржавой железной двери которого была прибита фанерка с душевной надписью «Товары всем», и равнодушно оглядывал витрину и полки. Здесь было все: огромные зеленые бутылки с керосином и оцинкованные ведра, мешок муки и резиновые сапоги любых размеров. «Неплохо бы выбрать себе ко дню рождения подарок среди этого богатства», — подумалось мне.

Как говорит один психотерапевт с тридцатилетним стажем — с ним мы встречаемся по воскресеньям на первом пару в Сандуновских банях — самодостаточные холостяки любят сами себя радовать сувенирными приобретениями. Он прав, я не люблю от других получать подарки ни к собственному юбилею, ни к Двадцать третьему февраля, ни ко дню Парижской Коммуны.

Меж грязных картонных коробок, из которых торчали серые макароны толщиной с палец, коротал часы

механический будильник. Сувенирный вариант, в три раза превышающий по размеру обычный, похоже, был бы неплохим приобретением.

Макаронами с тушенкой нас кормили на сборах в моей спортивной юности. Деликатес! Ничего нет вкуснее. Наш тренер, еще до войны служивший на флоте, говорил, что вместо тушенки должен быть говяжий фарш, пережаренный с луком, и тогда бы это царское блюдо называлось «макаронами по-флотски». В холостяцкой ипостаси я научился готовить *свои* макароны по-флотски, опытным путем отработав рационализацию: лук я жарил отдельно, на подсолнечном масле, с мелко нарезанными морковью и зеленым сладким перцем, а уже потом в эмалированной кастрюле смешивал эту овощную приправу с поджаренным фаршем, дважды пропущенным с помидорной мякотью через мясорубку. Чуть не забыл: фарш должен быть на три четверти говяжий и на четверть свиной. Важное условие — проверено! Этого лакомства при полном игнорировании любой другой еды мне хватало на три дня.

Рекомендую вполне ответственно и семейным, а особенно молодоженам. Способствует!

В торговом зале никого не было. Спустив с прилавка облезлый хвост, развалившись по-хозяйски, ожидал посетителей толстый рыжий кот. К патронам лампочек, свисавшим на проводах с потолка, были привязаны скрученные в спирали клейкие ленты, этакая мухобойная версия апофеоза войны по Верещагину.

Коньячные пары еще бродили по моим жилам и звали на подвиг.

— Скажите, уважаемая, — обратился я к ухватистой продавщице, — макароны на витрине и в коробках идентичны?

Продавщица опытным взглядом оценила мое при-

поднятое состояние, властной рукой столкнула с прилавка огрызнувшегося кота и изрекла с чувством собственного достоинства:

— Налил глазюки и выражаешься. Иди, иткель пришел... «Итинчино», вишь какой умный! Сейчас милицию позову, в вытрезвителе сам разберешься, где витрина и где коробки!

Дабы избежать нежелательного развития конфликта, я с миролюбивой улыбкой показал на будильник:

— Давайте окрестим его Васей, а вы будете крестной... Вас как величать, уважаемая?

Наверное, за долгую службу в торговле таких посетителей она не встречала.

— Александра, уважаемый... Ну что, берете?— женщина смотрела на меня с вызовом.

— Тезка, значит. Ну вот и познакомились, — продолжал демонстрировать я искреннее дружелюбие.

Из магазина я вышел с кульком макарон и будильником в мятой картонной коробке. Через неделю мы подружились с Васей. Когда перед сном я заводил его, приходилось подкручивать стрелки и слегка постукивать по корпусу. Его механизм, как и мой мышечный аппарат, длительное время проведенный без тренажа, любил поспать. Аккуратно я ставил друга на прикроватную тумбочку, и мысли мои уносились в прошлое.

Ритуал этот стал неперменным атрибутом моей жизни.

Перед самым окончанием института, в чине кандидата в сборную страны, я ушел из спорта. Тогда один из лучших фильмов о спорте, «Первая перчатка», с прекрасным, сочным артистом Московского театра Оперетты Владимиром Володиным и молодым Иваном Переверзевым в главных ролях, смотрела вся страна. Предстояла защита диплома, меня занимала проблема, как совместить будущую инженерную деятельность и большой ринг.

Решение пришло неожиданно. Я возвращался из диспансера, где в кабинете физиотерапии залечивал выбитый локтевой сустав. На троллейбусной остановке стоял в мятом плаще довоенный и первых послевоенных лет чемпион страны в моем весе. За сокрушительные удары в боксерской среде его нарекли «Кувалдометром». Я дернулся подойти и пожать руку гроссмейстеру ринга, но подъехал троллейбус, и какие-то подростки оттолкнули вчерашнего чемпиона. Один из них крикнул моему кумиру, придерживая ногой дверь:

— Дядя, реакцию отрабатывать надо!

А Кувалдометр одиноко шмыгал носом и поправлял на шее несвежее кашне.

Выбор был сделан. Перчатки, подаренные мне наставником, великим тренером Огуренковым, вернулись к маэстро.

— Не пожалеешь?— спросил он, положив тяжелую руку мне на плечо.— У тебя бы получилось...

Опустив голову и чувствуя, как капельки пота стекают меж лопаток, я молчал.

— Ну что ж, мужчина решает один раз... Бокс, как и женщину, или любят или не любят... Иди! Возвращаться надумаешь — приходи. Но перчаток не дам.

Потом были научные степени и звания, беды житейские, неудачный бездетный брак, успехи и неприятности служебные, флирты быстрые, романы стойкие и ненужные, командировки дальние... и длинные, тягостные вечера на кухне в одиночестве.

Но счастливых минут, сравнимых с теми, когда рефери в центре ринга поднимает твою гудящую, забинтованную кисть, с которой тренер успел стянуть перчатку, судьба мне больше не дарила.

В ванной я окатил холодной водой из ведра свой угасший мышечный корсет, в большое зеркало показал

язык надоевшей физиономии с несвежими подглазьями, быстро договорился с ней пропустить в очередной раз разминку из практики тибетских монахов и в войлочных тапочках без задников прошаркал на кухню — пить мелкими глотками эликсир здоровья.

К тибетским делам четыре года меня приобщала Елена. Она и эти войлочные тапочки — обшитые бисером, с задранными носами — привезла из круиза по Средиземноморью.

Елена не скрывала своей неприязни к Васе, считая его виновником нашей затянувшейся предбрачной канители. Во время очередного ночного раунда согласования семейного кодекса Елена предложила поменять друга на современное электронное устройство, способное, помимо будильной, выполнять множество других функций, столь жизненно необходимых жителю мегаполиса. Я не предал друга.

На традиционной субботней трапезе (в столовой, со свечами и очередным кулинарным изыском) Елена методично сокрушала мое бобылево несчастье. Дверь в спальню обычно держалась открытой, и Вася был в курсе происходящего в доме. Но когда Елена собиралась сервировать стол к праздничному ужину, она демонстративно закрывала дверь. Деликатный Вася безропотно сносил эти уколы, накапливая рубцы на своем механическом сердце.

В воскресенье с утра Елена уезжала по фитнес-косметическим процедурам, предоставляя мне право посещения Сандуновских бань без последующего отчета. Прошедшая школу двух неудачных браков, она декларировала умеренно либеральные взгляды на права и обязанности супругов, но всегда крепко держала меня за руку, когда знакомила со своими незамужними подругами. В рабочие дни я должен был под ее присмотром начинать завтрак с эликсира здоровья. В постели,

когда не была занята, Елена объясняла мне, как наладить контакт со своей чакрой. Я слушал ее, но понять глубокомысленное *«погружаешься в сущность и находишь покой»* так и не мог. Зачем мне, профессору и автору учебника по теории управления, который был отмечен государственной премией в советское время, когда регалии еще не покупались, надо погружаться куда-то, чтобы найти умиротворение?

Эликсир здоровья готовила Елена из отваров трав, которые привозила из школы, где изучала тибетские практики. Содержимого в китайском термосе, в котором настаивалось это всемогущее снадобье, хватало на неделю. Пять упражнений из тибетского ритуала и эликсир здоровья должны были поддерживать мою работоспособность как на службе, так и на алтаре любви.

Умная, расчетливая, из приличной семьи, с ухоженным экстерьером и тренированным телом, без *семейных хвостов*, в меру немолодая и готовая, независимо от метеоусловий и курса доллара, оперативно откликаться на мои притязания, Елена таскала меня по фотовыставкам и авангардным спектаклям. Она очень ответственно относилась к своему участию в интимной сфере нашего партнерства, умело совмещая технологический опыт зрелой женщины с деликатной терпимостью по отношению к возможностям уже не юного мужчины.

Оставалось утвердить обоим наш семейный кодекс, и можно было заказывать марш Мендельсона. Организованная и предусмотрительная, Елена не забыла составить проект необременительного брачного контракта.

Советуясь перед сном с Васей, я излагал ему аргументы «за» и «против». Лишь об одном из них я не говорил моему молчаливому другу. Чем-то неуловимым, скорее всего, запахом, который меня волновал всегда,

Елена возвращала меня в юность, к моей несостоявшейся первой любви. У меня вообще была особенная память на запахи. Я помнил запах столовой детского сада и запах ринга, запахи подруг — слава богу, их было немного, запах институтского гардероба и — послевоенной «любительской» колбасы.

В конце концов, воскресным вечером, на подставке большого зеркала, где после размолвок оставляли мы сообщения друг другу, я обнаружил конверт с короткой запиской: *«Возможно, ты лучше многих, но лучше худшее решение, чем самое лучшее нерешение. Елена»*. От нее остались привезенное из Тибета покрывало из овечьей шерсти, на котором мы иногда экспериментировали, толстая тетрадь с рецептами заморских блюд, длинная шеренга фарфоровых банок с таинственными этикетками и инструкция по приготовлению эликсира здоровья.

Помня, что Елена не позволяла с алкоголем появляться в спальне, я подмигнул другу и сел на край неразобранной тахты с рюмкой «Посольской». Вася с укоризною смотрел на меня.

Звонок городского телефона был тревожно настойчив:

— Привет, Шура! Не тужься. Это я, Дод... Не наклеал в трусы с оторопа?.. Надо повидаться... Мало что ли случимши, при наших-то летах... — Трубка многозначительно умолкла.

— Ничего себе звоночек в воскресную рань! Сколько мы не виделись? — лишь смог вымолвить я.

— Думаешь, за полста годов календаря я забыл, кто встает со словами: «Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил...» — сказала трубка.

«Додом» звали в классе моего единственного школьного друга Сережку Циммермана. За все мои полные

семьдесят четыре «Шурой», кроме Дода, меня никто не называл. Может, потом, за полвека взрослой жини, настоящих друзей не приобрел? Дод всегда поражал своей лексикой. Его вокабуляр и манера построения фраз удивляли. А какие сочинения он писал! Елена Николаевна, наша школьная учительница по русскому и литературе, предрекала ему писательское будущее. Она всему классу читала вслух Серegiны опусы и ставила ему пятерки, не вызывая к доске: «А теперь послушаем, что написал наш Лесков...» — говорила она, снимая очки.

— ...Памяти твоей позавидует любой информационный центр ЦРУ, — помолчав, тихо сказал я в трубку.

— Все помню, Шура... И жизнь прошедшую, каждый день... и дружбу нашу... Не всякую ошибку только исправить можно... — Трубка замолкла.

— Приезжай прямо сейчас ко мне... *нах хаузе*¹.

— И мой *хохдойч*² помнишь... Нет, Шура, давай ты, ко входу на Востряковское кладбище, с еврейской стороны.

— Так я вроде бы еще не собирался.

— А чего тянуть? Труба зовет... Главное — не опоздать! Когда еще в России эвтаназию разрешат! А если честно, родителей надо навестить, тебя к могиле достойного человека отвести. Он тоже на Востряково, только через дорогу, где русская часть... А то спрыгнешь в ямку два на метр и не узнаешь, почему у тебя, несмотря на пятый пункт, все сложилось. Ну что, жидовская морда, ждатель?.. — Услышал я знакомую интонацию.

— Да уж, сложилось... Нашел успешного! Как ты меня отыскал?.. Мчусь!

— Я должен был с тобой увидеться. А тут само Провидение — в самолете открыл журнал, а там твоя се-

¹ Домой (*нем.*).

² Литературный немецкий язык (*нем.*).

митская харя. Правда, череп гладкий вместо кудрей. Через редакцию журнала и нашел. *Вер зухт*¹, тот всегда... — Трубка замолчала.

Вот так, спустя полвека, ранним майским утром явилась юность моя. Судьба нас развела с Додом из-за Ниночки Плешковской, в которую мы оба влюбились на новогоднем вечере в девятом классе. После войны школы в больших городах были «однополые». Наш класс дружил с девятым классом соседней женской школы. Мы с Серегой убегали с последнего урока, прятались за углом ее дома и, увидев Нину, вразвалку выходили из-за укрытия, чтобы *случайно* встретить и проводить до подъезда свою любовь.

Наша семья, мама, младшая сестра и я, занимала каморку в подвале — восемь с половиной метров, где до революции содержался дворницкий инвентарь. В тридцатых годах подвал бывшего доходного дома был переоборудован под коммунальное жилье. Дневной свет с трудом пробивался через тротуарную решетку, и только когда мама укладывала спать младшую сестру, мы выключали электричество. Весной, перед экзаменами, на лавочке во дворе, положив на колени фанерку, я переписывал знаменитые Серегины шпаргалки, которые составляла для Дода Роза Моисеевна, «жутко еврейская мама», как величал ее сын.

К совместным вечерам от каждого класса готовились номера. Нина пела шансон под собственный аккомпанемент на шестиструнной гитаре. Она занималась в хоровой студии при клубе завода «Каучук» на Плющихе, знала ноты и говорила по-французски. А Серега читал стихи *нерекомендуемых* Блока и Есенина. Он обладал феноменальной памятью и постоянно пугал преподавателей смелыми высказывания-

¹ Кто ищет (*нем.*).

ми. У него дома была дореволюционная энциклопедия Брокгауза и Эфрона. Но ему все сходило с рук. Дода любили, к тому же он чутко улавливал грань, за которую переходить было нельзя. Время такое было: до Воркуты и Магадана добирались чаще за казенный счет, в теплушках с решетками или в трюмах пароходов, без права выхода на палубу.

Учеба Сереге давалась легко. Я аккуратно списывал у него все, мы сидели за одной партой. За отцом Дода, Ефимом Яковлевичем, приезжала в половине восьмого утра серая «победа». Роза Моисеевна не работала, она была на двадцать лет моложе супруга, который, несмотря на *пятый пункт*, занимал важную должность в секретном институте.

Современная молодежь не знает, что такое «пятый пункт»: в анкете и паспорте нынче отменили графу «национальность». А на какие ухищрения шли, чтобы в фамилии *Абрамович* убрать две последние буквы... Другое теперь время: сейчас *еврей* — своего рода знак качества! Какой путь прошла страна! В восьмидесятых годах ходил анекдот: «Кадровик смотрит на анкету поступающего на работу:

— Так, Фаленбоген, значит... Русский, значит... — Кадровик перекладывает бумаги. — С такой фамилией мы бы лучше еврея взяли». В прежние времена в любви советской еврейской семье, независимо от должности главы семейства и материального достатка, всегда обсуждался *еврейский вопрос*.

У Сереги была своя комната с двумя большими окнами. Когда мы вместе готовили уроки у него дома, меня оставляли на ужин. Не помню, чтобы хоть раз я отказался. Ведь у них на столе в большом блюде всегда лежала моя любимая «любительская» колбаса. Закрою потом дома глаза, потяну ноздрями воздух, и под

ложечкой засосет от колдовского запаха. Сейчас такую не делают, небось рецепт потеряли. Жаль!

Роза Моисеевна одобряла нашу дружбу. По ее мнению, я мог быть примером для ее сына, легко оставившего на полпути очередное увлечение. Моя мама консультировала Розу Моисеевну по части еврейской кухни, до которой был охоч ее секретный супруг. Кулинарный талант передался маме по наследству от бабушки Паи Лазаревны, которая, как рассказывала мама, из рыбы могла приготовить блюдо со вкусом курицы и наоборот. Я помнил только теплые пухлые руки бабули. Она брала меня на руки и, целуя, приговаривала: «Сендер¹, мой Сендер». По рассказам мамы, ее отец обладал недюжинной физической силой и однажды, уже в преклонном возрасте, помог грузчикам втащить в полуторку старинный шкаф-мастодонт. Он одной рукой удерживал мебельное чудище, а трое крепких парней, кряхтя, на ремнях поднимали шкаф в кузов. Дед родился до отмены крепостного права и революцию встретил на шестом десятке. С гордостью мама рассказывала, как в цирке, во время выступления известного силача, дед вышел на арену и уложил профессионала под восторженные аплодисменты публики. Он был незаурядной личностью, обладал природным музыкальным слухом, неплохо играл на гитаре. Перед самой войной бабушка с дедом уехали на лето в Киев к младшему сыну Моне. Красивая еврейская пара, воспитавшая семерых детей, не дожидая до изумрудной свадьбы нескольких дней. Последним брачным ложем навсегда остался Бабий Яр².

Набожная и общительная Роза Моисеевна из синагоги приносила последние новости о состоянии еврей-

¹ Эквивалент имени «Александр» (*идиш*).

² Окраина Киева. В 1941 г. — место массовых расстрелов как гражданского населения, главным образом, евреев, так и советских военнопленных. В Бабьем Яру немецкими оккупационными войсками было расстреляно более ста тысяч человек.

ского вопроса и анекдоты на эту тему. Женщины общались на идиш, ведь еще был жив *Отец народов*, и длительную командировку на Колыму за казенный счет можно было обещать обеим, передай *кто-нибудь* содержание этих бесед *куда надо*. Со временем я стал понимать идиш, ведь его базой был немецкий язык, который мы изучали в школе.

Анекдотическая история произошла на защите моей кандидатской диссертации. Какой-то ученый муж усомнился в идее диссертанта. Ни мама, ни бабушка Пая Лазаревна институт благородных девиц не заканчивали, да и я с гувернанткой не ходил. Потому и выпалил от растерянности ничтоже сумняшеся: «Турки в таких случаях говорят — *ас гот вил, шист а бежэм*¹». Сидящий в зале профессор Сверановский зашелся от смеха. Все смотрели на него с недоумением, видимо, в аудитории больше владеющих *турецким* не было. Когда почтенный профессор ознакомил присутствовавших с содержанием моего апокрифа... я мог бы, наверное, претендовать сразу на степень доктора наук.

Настоящий еврейский анекдот основан только на игре слов: «Слушайте, Хайм, вчера в Японии было землетрясение. — Хайм почесывает лысину: “Ну так что теперь будет с еврейским вопросом?”» Во времена Брежнева ходил анекдот: «Абрам Семенович, проработавший тридцать лет на заводе, вышел на пенсию. Началось потепление отношений с Израилем. Пенсионера пригласили на Лубянку, сотрудник обращается к пришедшему:

— Мы знаем, что у вас брат живет в Израиле, вы это не указывали в анкете.

Посетителя пробивает озноб.

— Не волнуйтесь, — успокаивает его сотрудник. — Вот вам лист бумаги и ручка. Напишите брату письмо.

¹ Если бог захочет, то стреляет и веник (*идиш*).

Ведь он может подумать, что у вас могли быть неприятности из-за него.

Абрам Семенович вытирает холодный пот со лба и склоняется над листом: “Здравствуй, дорогой Арон. Все эти годы у меня была куча дел. Наконец я нашел время и место тебе написать”».

...Школа наша была новая, она открылась, когда я перешел в восьмой класс. Учеников собирали из близлежащих школ, где изучали разные иностранные языки. В нашем классе подобрались в основном «англичане» и только пятеро были «немцы», в том числе Серега и я. Преподавала немецкий Евгения Васильевна Милушина, образованная, интеллигентная. До революции она училась в Ляйпцигском университете. Мы любили ее и за глаза звали «Евгешей». Она обращалась к нам по-немецки, делала большие глаза, когда ей отвечали по-русски. И всегда мягко поправляла: Не Лейпциг, мой дорогой, а Ляйпциг. «*Хабен зи шон гефунден?*¹», — призывала она нас найти нужное место в учебнике. Дод артистично восклицал: «Я уже *нафундал*». Эта манера исказить немецкие корни русскими окончаниями или приставками, приводила в негодование почтенную Евгению Васильевну. Но за его *хохдойч*, на котором Дод мог, открыв томик Шиллера, читать с безупречным произношением, безобразнику прощалось все.

На занятия Евгеша приходила в платье, сшитом из генеральского сукна. На это обратил внимание Дод. На вечере, посвященном *Десяти Сталинским ударам*², сразившим гитлеровскую военную машину, директор школы, фронтовик Мирон Яковлевич Коган, преподававший историю в старших классах, сказал, что в школьном коллективе есть человек, который принимал

¹ Вы уже нашли? (нем.).

² При жизни Сталина основные военные операции, сыгравшие решающую роль в победе в Великой Отечественной войне, именовались «Сталинскими ударами».

непосредственное участие в подготовке ряда важнейших фронтовых операций. Коган назвал Милушину.

В десятом классе у нас появился новый предмет — «логика». Преподаватель с гоголевским профилем, мужчина весьма субтильной наружности — нынешние школьники отнесли бы его к гей-населению — заставлял заучивать определения красивых, но непонятных терминов: логический квадрат, силлогизм. Находчивый Дод для себя решил вопрос просто. Когда очередь отвечать доходила до него, доставал из портфеля изучавшуюся в десятом классе брошюру «Марксизм и вопросы языкознания» и уверенно вещал, независимо от вопроса преподавателя: «Мы должны терпеливо учиться правильному логическому мышлению у товарища Сталина», — а потом, полистав ее со знанием дела, вслух читал с выражением до звонка на перемену. Преподаватель, стоя, терпеливо внимал. Понятно, какая отметка по логике была у Дода в аттестате зрелости.

У нас был, наверное, самый спортивный класс Москвы, более половины учеников тренировались в различных спортивных обществах. Серега занимался на велотреке стадиона «Юных пионеров», а я — в «Трудовых резервах». Зал бокса размещался на улице Воровского, ныне Поварской. Сейчас этого здания без окон, похожего на большой сарай, уже нет. На его месте стоит шикарный особняк, окруженный высоким кованым забором, кругом камеры видеонаблюдения, охрана у ворот. А мы входили с улицы сразу в зал, вещи аккуратными кучками складывали на полу. Вместо душа в углу кран с холодной водой.

У Сереги был первый спортивный разряд. Я отставал от него на один шаг — у меня был второй. После войны спортивной категории «кандидат в мастера спорта» еще не было, и первый разряд отделял от мастера спорта хоть и большой, но *один* шаг. На молодежном

первенстве Москвы я вышел в финал и стал перворазрядником. Мы сравнялись с Серегой.

Соревнование за Нину было нашим главным занятием.

Однажды Серега опоздал на наше очередное свидание. Мы с Ниной шли по бульвару, она оглянулась и, прижавшись ко мне бедром, чмокнула в щеку.

— Я хочу встречаться только с тобой.

— А как же Дод? — неуклюже промямлил я.

Нина отстранилась и, опустив глаза, промолчала. Мы продолжали ходить втроем.

На тренировке ко мне подошел невысокий сухопарый мужчина. У него был перебитый нос и красные набухшие надбровья. Он поднял в стороны мои руки в перчатках:

— Хочешь перейти в «Динамо»? Мастером быстро станешь — стипендия, матери поможешь. Тебя твой тренер рекомендовал.

Это была реальная возможность обойти Серегу. Мне стал сниться один и тот же сон: я еду по велотреку, впереди Сергей, у него на раме сидит Нина, она держит в руках огромный значок мастера спорта и, смеясь, показывает его мне.

В нашей коммуналке за стеной проживал демобилизованный артиллерийский капитан Павел Зогин. У него не было одной руки. Капитан учился в институте кинематографии на сценарном факультете. Мы не получали пенсию за отца, поскольку он числился в пропавших без вести. Мама стирала Павлу. За глаза она называла его «наш капитан». Мама работала приемщицей в какой-то артели, и каждая копейка была на счету.

На Новый год, 1-е Мая, 7-е ноября мама делала свой знаменитый форшмак с яблочным пюре, смешанным с молоками селедок, и ставила на стол большую алюминиевую миску с винегретом. Она всегда преду-

преждала, что нельзя оставлять еду в алюминиевой посуде. Вся жизнь я не понимал смысла этого предупреждения: через несколько минут мне разрешалось под общий хохот вылизать миску.

Павел очень любил сладкое, и мы все вместе пили чай с потрясающим лакомством, которое красиво именовалось на идиш «*ангемахт*», — это была редька, томленная в меде. Павел приносил с собой пол-литра или две четвертинки водки. Пустые бутылки я сдавал. Когда он наконец уехал от нас, мама ангемахт больше не готовила. Вечерами, которые иногда Павел проводил с нами, он рассказывал о послевоенном киночуде — итальянском неореализме. Звучали потусторонние имена: Алессандро Блазетти, Джузеппе Де Сантис, Витторио Де Сика, Пьетро Джерми. Вооруженный неизвестным Доду знанием, я стал подавать голос во время прогулок втроем по арбатским переулкам.

На этажерке стояла фотография старшего брата мамы, дяди Лазаря. Он был одним из первых электросварщиков на Ярославской железной дороге, имел бронь, но пошел добровольцем на фронт и остался на Малаховом кургане.

Павел под Сталинградом получил контузию. Первый тост на наших коммунальных праздниках мы поднимали за Сталина, а со второй рюмкой Павел молча подходил к этажерке и стоял закрыв глаза. После третьей рюмки мамино лицо краснело. На праздники она одевала свое единственное, подаренное Павлом, платье — синее, с большими плоскими металлическими пуговицами, — которое он выменял на Тишинском рынке, главной в те годы московской толкучке. Я научился подглядывать в пуговицы как в маленькие зеркальца и, если после праздничного ужина садились играть в шестьдесят шесть, удивлял своим мастерством в карточной игре.

Однажды я пришел с тренировки раньше обычного, у меня была сильно рассечена бровь. Сестренка спала, а мама сидела в обнимку с Павлом на краю кровати. Под столом лежали две пустые четвертинки.

Когда провожали маму в семьдесят пятом, Павел приехал с букетом любимых маминых белых гвоздик. Он сильно постарел, отекавшее лицо, уставшие потухшие глаза. Ко мне он не подошел. Как сложилась его судьба? Удалось ли ему не сойти в обочину с дороги по имени *Кино*? Помнились слова одного из мэтров экрана, сказанные на популярной телепередаче «Кинопанорама»: «Чтобы стать успешным в нашем деле, нужно совпадение, как минимум, четырех условий: везение, востребованность, покладистость и талант». Может, Павел появлялся в титрах под псевдонимом?

Скоро Серега бросил велотрек, он стал первым стилигой в нашем классе. Стилиги появлялись в брюках-дудочках, клетчатых пиджаках с широченными спадающими плечами и ботинках на толстой рифленой подошве. За стилижье обличье можно было проститься с комсомольским билетом. Я снова был в отстающих.

Как-то Серега предложил собраться у него. В доме был патефон. Нина пришла с подругой. Гостеприимный хозяин позвал за стол, на знакомом мне блюде лежала гора бутербродов с красной икрой и любительской колбасой. Нина по-хозяйски подливала чай, а Серега читал стихи. Потом, загадочно улыбаясь, достал мягкий диск, вырезанный из рентгеновской пленки, укрепил его на пластинке и повернул рычажок. Послышалось шипение, сквозь которое доносилась незнакомая ритмичная музыка. Это и был *стиль* — новый, модный тогда танец, наверное, предшественник рок-н-ролла. Серега с Ниной выделявали такие кренделя! Мне показалось, что они так танцуют не первый раз. Я попросил поставить пластинку с популярной тогда «Голубкой»,

которую исполняла Клавдия Шульженко. Сначала для приличия я пригласил на танго Нинину подругу, от нее пахло модными тогда духами «Шипр». Когда мы танцевали с Ниной, она прижалась ко мне так, что я почувствовал ее груди, и тихо спросила:

— Ну хочешь, я сама скажу Доду?

Я промолчал.

Скоро *стиль* сменился рок-н-роллом. Но и он прошел мимо меня.

В нашем классе никогда не говорилось о взрослой стороне отношений между полами. Время другое было в стране, которую много лет спустя бывшая комсомолка в телемосте популярного Познера назвала «страной без секса». Может, кто-то из одноклассников уже был в курсе *этого*. Но я к их числу не принадлежал.

Последняя школьная осень пятьдесят второго, впереди выпускные экзамены — десять предметов. Приходилось вставать в половине пятого утра и на кухне, где можно было зажигать свет, хоть как-то готовиться к занятиям в школе. После уроков я мчался в «Динамо», возвращался домой в начале одиннадцатого, голова и тело гудели. Втроем мы встречались все реже и реже. Мне так хотелось, чтобы Нина увидела на моей груди заветный квадратик со словами «мастер спорта». Тогда эта заветная для каждого юноши регалия изготавливалась с использованием серебра и прикреплялась к одежде не булавкой, а шайбочкой на резьбе. И какой молодой человек не мечтал продырявить в единственной курточке дырочку на левой стороне груди, с удовольствием получив за это от матери вздрючку!

Тренер объявил основной и запасной составы молодежной сборной Москвы на поездку в Софию, где в июле предстоял матч четырех братских столиц: Будапешта, Бухареста, Москвы и Софии. Мою фамилию он назвал в основном составе. Радостный, я спешил до-

мой, у меня появился реальный шанс обойти Серегу без вымученных декламаций об итальянском неореализме.

На кухне с напряженными лицами стояли мама и Роза Моисеевна. Женщины не ответили на мое приветствие. Краем уха я услышал, что Роза Моисеевна на идиш говорила о товарных поездах, в которых всех евреев повезут на Дальний Восток. Это была какая-то ерунда. Как в советской стране, где в фильме «Цирк» главный Еврей страны, народный артист СССР Соломон Михоэлс поет негритянскому мальчику, такое могло быть?!

...Если бы не родимое пятно на правой щеке Дода, я бы долго высматривал его в толпе перед кладбищенскими воротами. Опираясь обеими руками на палку, стоял он. Темные очки, во рту трубка, на голове несуразная панамка. Мы обнялись. Палка шумно упала. Я чувствовал худое и вялое тело, вздрагивавшее от всхлипываний.

— Все потом... потом... — твердил он, повиснув на мне.

Отставив прямую ногу, нагнулся чтобы поднять палку. Я опередил его.

— *Данке*¹ очень... Что, сильно убогий? — Дод повернул ко мне лицо, криво улыбнулся и закашлялся.

Он выбил на асфальт остатки табака, достал платок и сосредоточенно стал протирать трубку. Мы молчали. Он сунул трубку в нагрудный карман, снял очки. У него не было одного глаза.

— Это как? — дернул я подбородком в его сторону.

— Свалились с автострады. Нина была за рулем, я дремал на заднем и при ударе провалился между сиденьями. Она — совсем...

— Когда это случилось?

— Восемь лет... Мы тебя вспоминали... — Серега

¹ Спасибо (*нем.*).

отвернулся и рукой прикрыл глаза. — Она тебя ждала всю жизнь... Прости, что так получилось... Не думай, у нас нормально было, помогали друг другу... У тебя семья, дети есть?

— Нет.

— Почему? — Извини... Ей детей иметь нельзя было... Ты хоть помнишь, что евреи на кладбище и в синагогу с покрытой головой входят? — Сергей протянул мне легкую кепку из белого полотна. — Вот, захватил на всякий случай.

На кладбищенской аллее было немногочисленно. Легкий ветер обдувал лицо. Монотонный голос Сереги заглушала воронья переключка.

«...Неужели все это было?!»

Дод опекал меня и подначивал бороться за школьную медаль: «Рыжая тебе все равно из-за антагонизма с литературой не полагается, а с серебром и с первым разрядом по боксу в институт нырнешь, как на ринг между канатов. Не трухай, я тебе подмогну... Хочешь — вместе...»

На зимние каникулы я уехал на сборы готовиться к матчу в Софии. Нагрузки были сумасшедшие — по три тренировки в день. К вечеру все падали на кровати, ноги и руки наливались свинцом, а голова была пустой. Я забыл про товарные поезда. Сборы завершались, предстояло контрольное медицинское освидетельствование. После вечерней тренировки тренер отозвал меня в сторону:

— Ты поезжай домой, к матери.

Я впервые увидел его смущенным. Он не смотрел мне в глаза.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Сам разберешься. Мужиком надо быть всегда. С матерью побудь. Пока на тренировки можешь не ходить.

Дома у нас была Роза Моисеевна. Новости ошеломили: арестована банда заговорщиков-врачей, большинство из них были евреи; они имели план отравить руководителей страны, в числе арестованных — родной брат отца Нины, и скоро всех евреев из крупных городов повезут в товарных поездах на Дальний Восток, чтобы уберечь от погромов разгневанного народа. Я ничего не понимал: а как же экзамены, София, тренировки?

Заболел Коган, уроки истории отменили. От Розы Моисеевны мы узнали, что директора в ближайшее время сменят. Семья Коганов жила в школе, тогда в новых школьных зданиях предусматривались для директоров квартиры с отдельным входом. Серега предложил навестить директора: «Я у него уже три раза был. Мать дружит с его женой». Но сходить к больному мы не успели.

В день похорон занятия для старшеклассников отменили. На заднем дворе школы на двух стульях стоял гроб, обшитый кумачом. Рядом три табуретки, на первой — ордена Боевого Красного Знамени, два — Красной Звезды и медаль «За отвагу».

Руководила церемонией Евгеша. Впервые мы увидели ее в военной форме, с погонами капитана и с наградами. Серега прошептал мне на ухо: «Она сидела в лагере, три года была под Воркутой, ее оттуда в штаб армии переводчиком взяли, а потом — за линию фронта. Мирон за нее лично поручился. Он сам мне рассказывал».

Возобновились тренировки. Однажды вечером мама мне прикладывала примочку из бодяги на глаз, заплывший от гематомы. Когда сестренка заснула, мама стала тихо говорить:

— Сынуля, бывают ситуации, когда надо ощущать себя мужчиной. Ты у меня мужчина вдвойне, потому

что спортсмен. Скоро станешь мастером спорта. Я горжусь тобой. Как у вас говорят, в боксе главное уметь держать удар. Тебе не нужно встречаться с Ниной. Она любит Сережу, и они поженятся, как только им исполнится по восемнадцать. Мужчина женится, когда в состоянии содержать семью, а чем я тебе могу помочь... Поверь мне, пройдет время — и ты поймешь меня. А сейчас школа, бокс, экзамены, институт — столько надо успеть! Поверь мне, сынок, ранние браки редко бывают счастливыми. Надо узнать жизнь, приобрести опыт разный, состояться надо — как личности и как мужчине... С годами ты поймешь, что я права. А любовь твоя останется с тобой на всю жизнь.

Я не спал всю ночь и решил объясниться с Сергеем.

Но утром страна вздрогнула и онемела — тяжело заболел Сталин. Четыре дня из репродукторов пронизывающий голос главного диктора Советского Союза Левитана сообщал об ухудшении сердечной деятельности Отца народов. Это было пострашнее сводок Совинформбюро осенью сорок первого. А пятого марта советский народ и прогрессивное человечество осиротели. «Как жить дальше? Неужели опять война?» — так думало большинство. Думал так и я. В актовом зале, где проходил траурный митинг, я со сцены, глотая слезы, пообещал приложить все силы, чтобы продолжить *дело Ленина — Сталина*.

К Колонному залу через Бульварное кольцо тянулся бесконечный людской поток. С Додом мы добрались до Рождественского бульвара, на сломанных ветках — галоши, шапки и шарфы. Трубная площадь была перекрыта грузовиками и конной милицией. Серега сказал тихо:

— Ходынка... Валить *нах хаузе*¹ пора — дальше не пройдем... Смотри, по крышам народ к гробу рвется...

¹ Домой (нем.).

Больше сочинение на тему «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство» писать не будем, *ферштейн*¹, Шура?

Я спросил:

— Ходынка — это что?

Сергея дернул меня за нос:

— Не видать тебе исторического факультета... В одна тысяча восемьсот девяносто шестом году от рождества Христова на Ходынском поле взошедший на трон Николай II одаривал в Первопрестольной люд. Халява всегда сладка — народу полегло и покалечено было более трех тысяч... Вот так, Шура... Дело Ленина — Сталина пошли продолжать, без нас не управиться...

Спустя месяц после похорон директора выпустили врачей. Оказалось, что их посадили по оговору врача Тимошук, награжденной ошибочно орденом Ленина. Страна в оцепенении затаилась.

Главную тему мы с Сергеей по-прежнему не затрагивали.

Когда Дод узнал, что меня исключили из списка на поездку в Софию, он положил мне руку на плечо:

— Сейчас главное — институт. Времена поменяются, еще приглашать будут, а пока утрись, сын Давида.

На выпускном вечере, под аплодисменты, Доду вручили золотую медаль, а Лешке Ягужинскому и мне — серебряные. Втроем мы подали заявления в знаменитое Высшее техническое училище имени Баумана, прошли медицинскую комиссию и стали ждать собеседования, которое абитуриентам-медалистам заменяло вступительные экзамены. У Лехи с «пятым пунктом» все было в порядке.

В назначенный день мы явились в главный корпус училища. Леху вызвали сразу; с удивленными глазами он вышел через несколько минут в ранге студента. А

¹ Понимаешь (нем.).

мы, со значками перворазрядников на груди, продолжали толкаться в коридоре среди медалистов в ожидании вызова.

К часу пополудни толпа поредела. Серега отвел меня на лестницу:

— Ты обратил внимание на фамилии вызываемых? Похоже, семитская часть народонаселения не вызывает интереса у приемной комиссии. Хочешь, брат мой перворазрядный Шура, я тебе открою тайну?

— Хочу. Какую?

— В жилах сурового и неподкупного Павла Ивановича Ягужинского, генерал-прокурора Сената и правой руки Петра Великого, бурлила иудейская кровь. Ягужинский — фамилия редкая, и не дай бог, новоиспеченный студент Леха Ягужинский — кровный потомок прокурора Всея Руси... Конфуз!

В очередной раз открывалась тяжелая белая дверь, за которой заседала приемная комиссия, и молодая женщина с тугим пучком вороных волос зачитывала дюжину «благозвучных» фамилий. Спустя десять минут счастливицы, уже студентами, протискивались сквозь редящую толпу к выходу. В два часа дня приемная комиссия в полном составе проследовала на обед. Коридор опустел.

К трем часам страждущие с фамилиями, вряд ли оканчивавшимися на «ов» и «ин» все еще толпились у заветной двери. Особо нетерпеливые дергали за ручку. Прошел слух, что приемная комиссия завершила на сегодня работу. Нарастал гул. Ровно в шесть вечера белая дверь открылась, в проеме возник плотный мужчина в чесучовом костюме и с зачесом, прикрывающим лысину. Он достал цветной платок, неспешно развернул его, вытер шею и обвел стихшую толпу очкариков и носатых недовольным взглядом:

— По всем поступившим в комиссию документам собеседование на сегодня закончено.

Толпа зашумела. Мужчина поднял руку:

— Ваши заявления утеряны.

Худенькая девушка в очках и с огромной смоляной косой до талии протиснулась к говорившему:

— Я выиграла олимпиады по физике и математике.

Мужчина с недоумением оглядел физико-математическое создание:

— Вас, таких победителей, как собак нерезаных. А наше учебное заведение на весь Советский Союз одно. Нам не победители... олимпиад разных нужны, а строители коммунизма.

Коридор галдел. Мужчина опять поднял руку:

— Ладно, поищем ваши заявления. Как найдем — назначим время.

Сергея толкнул меня локтем:

— Ясно, какое теперь будет собеседование для этих страждущих. Хиляем отсюда в темпе вальса, надо искать что-либо подходящее для специфической части народонаселения, в коей мы с тобой, несмотря на принадлежность к спорту, имеем честь состоять. Еще раз объяснят, кто есть кто... Моисей сорок лет водил евреев по пустыне, чтобы они достоинство обрели. Это будет не собеседование, а унижение, Шура.

Но я все-таки пошел на собеседование. В большой комнате по периметру сидело человек двадцать взрослых и умных людей. Посреди стоял вращающийся стул. Вопросы сыпались со всех сторон. Я не успевал отвечать, путался. Вывод комиссии был неумолим: «Отказать ввиду явно выраженной нелюбви к точным наукам».

Сергея молча посмотрел на меня, похлопал по плечу и на собеседование не пошел. Мы взяли документы и отнесли в Институт химического машиностроения, который располагался на улице Карла Маркса, недалеко от Курского вокзала.

— Вы москвичи? — Спросила миловидная женщина в комнате приемной комиссии.

Сергея развел понимающе руки:

— С Арбата, нам общежитие не нужно.

Женщина бросила взгляд на знаки нашей спортивной доблести:

— Зарегистрируйтесь на кафедре физвоспитания и через неделю приходите, назначим день собеседования.

Через неделю мы увидели свои фамилии в списках студентов, никакого собеседования не было. Мы оказались в одной группе элитного машиностроительного факультета.

— Ты знаешь, нам лучше на разных факультетах учиться, — сказал Сергей. И добавил, опустив голову:

— Нужна каждому самостоятельность.

Я все понял. Дод уехал в Сочи. Я догадывался — не один.

Неожиданно тяжело заболела мама, ей нужно было усиленное питание. Я перестал ходить на тренировки и устроился на пилораму недалеко от Курского вокзала. Работал по две смены. Сестренку Роза Моисеевна устроила в загородный детский сад от института, где работал Ефим Яковлевич.

В последний день августа пятьдесят третьего в самой большой институтской аудитории первокурсников поздравлял проректор по учебной работе Сычев, высокий, с роскошной рассыпающейся копной седоватых волос. Последний раз мы сидели с Серегой рядом. Он толкнул меня плечом:

— Помнишь евреечку в коридоре, с черной косой, — победительницу олимпиад? Вон, впереди сидит, красавица. Моя родительница считает, что на таких жениться надо. Сама не пропадет и мужа вытащит. — Сергей хихикнул.

Мы вышли на улицу. Загорелый, отдохнувший, Дод о своем отдыхе не рассказывал. Он подвел меня к доске, где висели списки зачисленных на первый курс.

— Смотри, — сказал он, ухмыльнувшись, — ну прямо синагога. Интересно, кто разрешил?

Лекции, семинары, тренировки, соревнования — свободного времени не оставалось. С Серегой мы порой встречались в институтских коридорах. Однажды я увидел на его правой руке тоненькое обручальное кольцо.

Я все понял и впервые в жизни напился.

...В конце аллеи Дод тронул меня за рукав и кивнул в сторону:

— Здесь мои лежат. — Он тяжело задышал, оперся на мое плечо, обмяк и стал протяжно кашлять. — Это с аварии, что-то в бронхах мешает.

На двухметровой плите черного мрамора с серыми поблескивающими вкраплениями — звезда Давида. Под ней — портреты молодых Розы Моисеевны и Ефима Яковлевича. В самом низу, золоченой крупной вязью: «Вместе навсегда».

— Красивая пара, — задумчиво проронил я.

— С разницей в полгода ушли... Извини, не спросил про твою матушку, — он погладил ладонью плиту.

— Недалеко от входа лежит... Вы в каком году свалили?

— В семьдесят пятом, как Брежнев послабление дал... Я тогда уже нигде не работал... Сразу в Канаду.

— А чего не на обетованную? Жалеешь?

— Что свалили? — Дод посмотрел на меня внимательно и зажмурился. — И да, и нет. Чего назад смотреть? Двадцать пять годиков за кордоном, целая жизнь... не выкинешь...

— Сейчас Россия другая. Но я бы и тогда не уехал. Мое это все. Россия без меня может, я без нее не смо-

гу. Пафосно для тебя звучит... Если что у нас не так — я лично в ответе... К нам из Мозамбика или Канады министров не присылают. Шолом-Алейхем — прекрасный писатель, но он ведь — тоже Россия.

— Романтик ты, старче. А раньше вроде таким не был. — Дод стал платком протирать надгробье. — Знаешь, почему Запад впереди?

— Почему?

— Реалисты они. Их самые крутые романтики в России трудоголиками бы считались... Хотя ты тоже трудяга... Мы когда в Вену приехали, Нина написала, что у нее четыре языка, не считая русского. Ее проверили в каком-то университете и сразу Канаду предложили. У нее заладилось, а я два года в иждивенцах кашу варил... Там политика никому не нужна... Думал, разбежусь. Пока языки осваивал, работу искал — годочки оттикали. Ушло мое время... Не случился я, Шура... А ты состоялся, друже.

— В каком смысле?

— В прямом. Я в журнале про тебя все прочел... Ты хоть знаешь, кто в институт наш дал команду евреямедалистов без ограничений принимать, только чтоб без общежития? У института по жилью дефицит большой был...

— Кто?

— Проректор Сычев. Небось забыл, профессор... Дворянских чистых кровей был Дмитрий Иванович. Богу угодно таких сохранять для совести России. Большевики всю его семью вырезали. Это *тогда* он не боялся говорить: таланты анкетой не назначаются. И с временем, конечно, потрафило — только что Злодей-Ирод отошел, никто толком ничего не понимал, борьба с космополитами на излете... Никита силу набирал, ему коврижку народу надобно сулить. Вот новый вождь и придумал войну с космополитами на борьбу с «куль-

том личности» поменять. На том Хрущ и поднимался, пока сам не осознал, куда эта борьба завести может. Мы с тобой тогда уже разбежались, а мать моя к самому Эренбургу меня отвела, мэтр полистал мои описки и посоветовал работать... Тогда вышла его повесть «Оттепель». Интеллигенция, переглядываясь, читала, а евреи на кухне строили планы на будущее... Мать про Сычева от Эренбурга узнала. Так что, Шура, нас с тобой и еще пару сотен *таких* приютил русский дворянин Сычев. Это он спас меня, когда я, захлебываясь от собственной значимости, орал оголтело на комсомольском собрании, что будущее мира — кибернетика, а Норберт Винер — Эйнштейн в теории управления. Тогда автора теории относительности только-только реабилитировали и перевели из буржуазного *лжеученого* в простого профессора физики, а Винер еще был под запретом. Из комсомола и из института друг твой мог вылететь под фанфары. А кто космополитов-профессоров Гутмана и Гольдфарба в институт на кафедры привел?!

— Я не знал этого.

— Ты всегда в нормальных координатах пребывал... Мать к Дмитрию Ивановичу ездила перед распределением. Тебя он к серьезным делам пристроил. А я все правду искал, со своей литературной галиматьей толкался. Без Нины уехал бы мошкú в тундре кормить. У нее разум был, а у меня — сопли да амбиции. Чего уж теперь ручками махать... Я и за бугром пытался по словесности протиснуться, да не сладил с гордыней. Теперь от этого всего только трубка да палка остались. Сжег я все... Не получился из меня Бунин... А теперь главное... Когда брата отца Нины арестовали по делу врачей, моя мать это все и придумала. — Серега снял панамку, вытер ею лоб. — ...А я не возражал. Она твоей матери сказала, что если ты не перестанешь встре-

чаться с Ниной, то не только в Софию не поедешь, а вообще из «Динамо» вылетишь.

— Не так. Мне мама сказала, что вы с Ниной собираетесь пожениться.

— Она умная женщина была и понимала, что ты выберешь Нину, а не Софию, и себе жизнь сломаешь. А моя родительница настояла, чтобы мы с Ниной заявление подали...

— А ты ведь не побоялся.

— Я всегда знал, что эта большевистская камарилья рано или поздно закончится. Только вот история страны и история конкретных людей чаще разные штуки... к сожалению. Ну да ладно, снял с души камень. Живы будем — не помрем! — Серега прикрыл рукой лицо.

Когда мы остановились у могилы мамы, он прищурился и, поглядев на солнце, тихо спросил:

— Часто бываешь?

— По воскресеньям, если не в отъезде.

— Мудрая твоя матушка была. Она однажды мне сказала: «В часу минута, как скажешь, так и будет». Сколько раз проверял. Верно!...

Мы молчали.

— Ну что, к Дмитрию Ивановичу? — Он тронул меня за плечо.

На могильной плите крупными буквами было начертано: «Русскому дворянину».

— Ты поставил? — спросил я.

— Он одинокий был. — Серега зажмурился и тяжело вздохнул. — Скольким помог! Святой был...

— Поехали ко мне, Нину, родителей, Дмитрия Ивановича помянем, — я обнял Серегу. — Часы только в одну сторону, как известно, идут.

— Уже поминал их. Прощай, Шура. Земля, хоть и круглая, да уж нет времени снова свидеться. Слава Богу, успел покаяться... Прости, если сможешь. «Судь-

ба — индейка, а жизнь — копейка», — помнишь, кто сказал... Хотя у тебя со словесностью всегда негусто было...

Дома я открыл холодильник, достал бутылку «Посольской» с черной этикеткой и пошел в спальню. Окно было открыто, с улицы доносился шум.

Вася не подавал признаков жизни. Я постучал по его корпусу.

— Васенька, дорогой, ну что случилось? — Я тряс его изо всех сил.

Вася вздрогнул и пошел.

ЗЯТЬ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

ПО УТРАМ, подавая зятю завтрак, теща выпаливает новости. А их в девятиэтажном доме за день накапливается уйма. Дом кооперативный, серого цвета, блочный. Оба его конца, по два подъезда с каждой стороны, отогнуты так, что в плане дом напоминает расплюснутую латинскую букву «Z». Во дворе от зари дотемна в неусыпном дозоре — войско бабушек, стерегущее внучат и мораль.

Тещу знают все. В прошлом дешевая портниха-надомница из маленького богомольного городка, тяжелой иглой поднявшая дочь, живет она чужой радостью и болью, щедро и доверчиво впуская их в свое недообласканное сердце. Семь лет назад горьким зимним вечером написала она письмо дочери в Москву про все свои напасти: как прострочила себе палец да сожгла утюгом дорогой костюм жене завмага, что принесла расставить английское джерси до ее русских бедер. К весне пришел ответ: *«Маманя, хватит тебе иголки менять, приезжай. Наталии нынче в школу, хлопот тебе и здесь наберется. А куском не прекнем, отработаешь по хозяйству. И Коля тебя зовет, говорит уж больно скучает по твоим толстым щам»*.

Теща встает рано, в доме напротив лишь два окна крайних светятся. Небось, такая же приживалка на

хлеб себе хлопотит. Теща ставит в духовку чугунок со щами. «В кастрюле крестьянские щи как стоить? — ни духа, ни вкуса. Чугунок знатный, ему и годов куда поболее, чем зятю, будет. Папаня еще при нэпе из Касимова привез, мамане — платок, мне — бусы. А духовка не духовка — дров не надо, повернул крючок и жди, а духа печного нет».

Теща садится на табурет, ладошкой-скребком разглаживает подол на коленях, уголки сухого морщинистого рта постепенно опускаются, глаза влажнеют. Огней напротив становится поболее, некогда о жизни страдать и слезы лить. «Скоро зять икать да харкать пойдет в ванную, потом внучку в школу надо спроводить. Дочь нынче выходная, пускай поспит чуток лишнего. Вот ведь как, всю жизнь людям одежу крбила да штопала и патент был, а пенсию не заработала. Сама за мужика была и дочь одна ростила. Теперича в приживалках при зяте. Какие мужики просились — не пустила, собой-то ничего была. Участковый год кругали вертел, по-хорошему сулил жить. Да и завмаг не с пустыми руками в окно стучался, все склонял... Супротив семьи не пошла. Настя корила: мол, гордыня тебя, Маня, мучает. Вот и осталась при пиковом интересе и раскладушке у плиты. Слава богу, зять пьющий в аккурат и куском не обидит».

Жили они дружно. Нравились больно зятю натуральная речь тещи да ее крестьянская повадка заготавливать все впрок.

Зять Николай Иванович был лысоват, коренаст, по дому ходил босиком, в трусах и в майке. В быту он был человек легкий, балагур, за столом неразборчив и на похвалы теще не скуп. В получку приносил ей бисквитный торт за рубль сорок девять или двести грамм ирисок. И хотя принимала теща эти подношения с молчаливой деликатностью, о них знал весь дом. Но самое главное,

зять был энциклопедически образован — запираясь в туалете, брал с собой том Детской энциклопедии.

Была у зятя с тещей любимая игра: они вместе смотрели детективные фильмы. Пока идут титры, Николай Иванович излагает сюжет никогда не виданной картины, нагоняя туда ужасы и небылицы. А потом каждый кадр сопровождает такими комментариями, что все запутывается в жуткую и бессмысленную мешанину. Теща охает и беззлобно отмахивается:

— Да ну тебя, мерин сивый, запутал совсем!

Иногда теща жаловалась зятю на дочь. Правда, дабы не лить масло в печь семейную, по не очень серьезным поводам:

— Вот пропесочил бы ее как следывает. И то, говорю, сход, собрание по-вашему, стало быть, а твоей кувалде все некогда! А как часами на телефоне, — небось, время находится... Коль, ты послухай ко мне! Марья Николаевна, бабка этого Антона, что вокруг нашей Наталии все кругали закладывает, сказывала, будто в ихнем правлении начет вышел.

Зять вопросительно поднимает брови.

— Да в прошлом годе от них отец смотался к молодухе! Такой высокий, породный мужик из десятого подъезда. Ну, машину-то разбил! Дворовые говорят, закладывал хорошо.

— А в чем дело? — пытается остановить ее зять.

— Да жена у него хромоньякая, лупоглазенькая, они вместе-то не ходили. А парень, какой удачный! Слышь, Колюня, врачи говорят — надо ему развитие остановить, а то свихнется... Так вот я и толкую, вроде бы там в правлении отчет-начет, леший его поймет, какой вышел! Уж краля твоя разве пойдет на сходку-то? А мне больно к Антонине надо. Вторую неделю не встает. Не дай бог помрет, так и не простимся... А нынче какое наше время?.. Вот и Настя пишет, что помирать пора.

— Ну вот, опять за свое! А кто Наталии подвенечное скроит? Еще дел сколько! А какое собрание?

— Да я тебе и говорю, — теща встрепенулась, — как раз поешь, я пельменей навертела. Чего тут до школы идти-то? Послушаешь новости какие. Может, теперь платить помене будем.

В актовом зале, снятом на субботний вечер для ежегодного собрания членов-пайщиков, председатель правления — высокий полковник с усами кавалериста — завершает отчетный доклад. Все ждут основной части собрания — вопросы к правлению. Доклад окончен. Нарастает гул, полковник левой рукой теребит ус и пытается урезонить распетушившихся членов-пайщиков. Где-то из середины зала раздается властное:

— Тихо! Что вы, как куры, кудахчете! — К трибуне, опираясь на палку, направляется высокий сухой мужчина в послевоенном кителе с тремя орденскими планками. — Я хочу сделать заявление.

— Слушаю вас, — полковник сохраняет спокойствие.

— Я живу в седьмом подъезде, на четвертом этаже. — Мужчина по-командирски чеканит каждое слово. В нашей секции строители преступно не закрепили канализационный стояк. Под действием потоков, — а кушаем мы все бутерброды, а не кашу, как в войну, — образовался прогиб... От того и запоры, извините.

— Переходим на мягкую диету, — раздается сочный бас.

— Товарищи! — оратор стучит палкой. — Юмор тут кончится слезами. Стояк связан с коллектором и, если соединение лопнет, фекал зальет подвал. Я провел обследование, в соседних подъездах стояки тоже держатся на честном слове, только не на моем, а тех, кто допустил это безобразие! В войну таких работников в штрафбате уму-разуму учили или к стенке ставили.

Тема всеобщего фекального потопа волнами расходится по рядам. Неожиданно за спиной Николая Ивановича слышится слабый женский голос:

— Товарищ председатель, вот и у нас тоже. Мы живем на сгибе, в десятом подъезде, так у нас швы наружные расходятся. Так я хочу спросить, — продолжает голос менее уверенно, — будут ли ремонтировать? А то когда мы с мужем спим, мне дует в голову.

— А вы ложитесь валетом! — резко оборачивается Николай Иванович.

Зал взрывается. Женщина вздрагивает, лицо ее передергивается гримасой, она закрывает его руками и опускается на скамью. Достоинства супружеского ложа в валетном варианте вызывают новый прилив творческой фантазии членов-пайщиков. Спустя некоторое время до слуха Николая Ивановича доносится:

— Разрешите... Выпустите меня отсюда!

По проходу, сильно припадая на левую ногу, пробирается женщина, которая не хочет спать с мужем валетом. Николай Иванович вспоминает утренний разговор с тещей: «Неужели это мать того Антона, что звонит его дочери?»

Предстояла осенняя уборка в квартире. Вечером после работы Николай Иванович взял парашютную стропу, которую привез из прошлой командировки, тяжелый куль с зимними вещами и направился во двор. Под аркой ему встретилась мать Антона. Она узнала обидчика:

— Куда же это вы, с веревкой?

— Как куда! Вы разве ничего не знаете?.. Тут весь, можно сказать, кооперативный актив встал на вахту. В сто тринадцатой квартире живет корреспондент «Вечерней Москвы». После вашего выступления он написал фельетон «Когда москвичке дует в голову». Приезжала компетентная комиссия из Моссовета.

Оказывается, наш дом на самой высокой точке Москвы, и здесь такая роза ветров, что края дома постоянно отгибаются. Вот швы и расходятся!

Женщина с испугом оглядывает дом.

— Теперь каждый год придется выпрямлять. В среду на экстренном заседании правления постановили оттягивать на общественных началах. Вот несу свою веревку, а это спецодежда на весь подъезд, — он приподнял куль.

— Как это? — большие серые глаза навывкате смотрят не мигая.

— Вот так! Все мужское поголовье левого загиба встало на вахту под девизом «Каждый день с натягом». Главное сейчас — всем миром тянуть в одну сторону! А жильцы правого загиба выступили со встречной инициативой: «Ни дня без оттяжки».

После завершения уборки сели всей семьей за стол. Жена достала из холодильника запотевшие пол-литра, початые в прошлую субботу.

— Ну, что новенького в доме? — осведомляется Николай Иванович, ловко наполняя семейные лафитнички и подмигивая любимой теще.

— Нашему председателю, усатому, — бес в ребро! Тоже мне, ухарь погонный, нашел соплю молодую. Из дома ушел, кобель бесстыжий! При жене-то больной. Вроде она начальству настучала, — так теперь его из армии попрут.

— Ну, по второй, что ли? — зять виртуозно, до самых краев наливает по второй.

— Коль, ты послухай, чего во дворе говорят, — нетерпеливо сообщает теща, — дом-то наш должен быть прямой.

Николай Иванович чуть не поперхнулся куском селедки, но, сглотив слюну, сдержался и безмятежно улыбнулся:

— Так что, теперь, небось, спрямлять начнут?

— Вроде как фунгамент новый положат, и на места края заводить будут, — со знанием дела уверенно вещает теща.

— Чушь какая-то! — вмешивается жена.

— Почему чушь? До войны в Москве так несколько домов перевезли, когда проспекты прокладывали, — безмятежно зять по третьей наполняет лафитнички.

За чаем он рассказал свежую историю.

Ранним утром в метро пусто, редкие пассажиры, забившись в углы, дремлют. Николай Иванович вынул субботнюю «Вечернюю Москву» с кроссвордом. На станции «Киевская» вошла девушка в красном плаще периферийного пошива, с двумя огромными чемоданами, плотно перевязанными бельевой веревкой. Она сдунула завитушку с потного лба, поправила сбившуюся косынку и, оглядевшись, подтащила чемоданы к Николаю Ивановичу.

— Товарищ, я доеду до Белорусского вокзала?

— В самый раз, подружка милая! Твое счастье, что едем в головном вагоне. Вот на следующей станции из первой двери выглянешь и попросишь помощника машиниста, чтоб на «Белорусской» остановился. Сейчас проводится «Месячник экономии электроэнергии». Так что, пока пассажиров маловато, тормозят по требованию. Улыбнешься ему, красавица, так он для тебя не только остановит, еще и чемоданчики подтащит.

Девушка поволокла чемоданы к первой двери. Поезд остановился, девушка вышла на перрон и встала между чемоданами. Николай Иванович боковым зрением увидел лишь вытаращенные глаза помощника машиниста. Двери захлопнулись.

Кончив рассказ, зять испытующе смотрит на тещу. По ее реакции он всегда проверяет, можно ли будет

оприходовать эту историю. Раскрасневшаяся теща фартуком утирает глаза:

— Ой, Колюня, ошеломудит тебя какой молодец! Ой, нарвешься — на лекарства работать будешь.

— Да это ж шутка. Рожи кругом кислые, зенки тусклые. А так хоть блеск какой в глазах появляется.

— А ты тоже, Олег Попов нашелся! — вмешивается жена. — Девушка, может, первый раз в Москве, на поезд опаздывает, а ей такой вот ухарь мозги пудрит!

— Эх вы, клуши сердобольные! Да вы хоть знаете, что в Москве в прошлом веке розыгрыши непременно устраивались на званых вечерах. Вот, скажем, Куприн или Гиляровский по части розыгрышей были специалисты суперкласса. Отношение к розыгрышу, — Николай Иванович поднимает над головой указательный палец, — это уровень культуры, только настоящей, а не по диплому. Обидели девочку-несмышлениша! А сдать чемоданы в переносную камеру хранения за рупь — ей, видите ли, двух дипломов и трех аттестатов не хватает; не сдавали такого предмета — «соображение». Это надо ж поверить, что метро — по требованию!.. — Свой монолог зять продолжал из коридора. — Да вы оглянитесь: придут гости, примут по полкило, винегрету натолкаются до изжоги — и в телевизор... О фильме двух слов связать не могут. Я, может, великую просветительскую миссию выполняю! Подхватила с чемоданами... Слава богу, комод бабкин не взяла из дому. А если б я сказал, что рельсы сперва надо шелковой тряпкой протереть, чтоб сцепления хватило, так она б живехонько комбинашку скинула и прыг на рельсы — тереть?

Ранним декабрьским утром, возвращаясь на такси после командировки, Николай Иванович вспоминает вчерашнюю удачу.

«Неплохо получилось. Рейс дважды откладывали. Потом, наконец, пассажиров построили и гуськом к самолету повели. У трапа опять стоять пришлось: не тот трап, оказывается, подали. А этот, с ковром, нужен был к другому рейсу. Бегал какой-то с толстыми нашивками, тряс ягодицами».

Николай Иванович одному командировочному с багровой рожей рассказывал истории из жизни «Аэрофлота». Видя, что к нему прислушиваются двое в кепках фасона «аэродром», Николай Иванович стал говорить приглушенно, но так, чтобы эти, в кепках, слышали:

— Надо деру давать. Я месяц назад летел с этим экипажем из Одессы и сразу признал шустрил этих. Так эти козлы воздушные на моих глазах в буфете приняли по два стакана молдавского — и давай такие иммельманы в воздухе заделывать! А у «ИЛов» обшивка рассчитана на простой вираж. В кабине стало «газить». Дышать трудно, а эти козлы отдраили люки и по бикфордову шнуру погнали пассажиров на плоскость. Я потом неделю, как провод или шнур увижу, хватаюсь — не оторвешь, аж пальцы белеют.

«Неплохо было исполнено. Правда, насчет бикфордова шнура передержал. До Москвы пассажиры унять не могли. Эти — в кепках, — вот бараны, стали требовать, чтоб экипаж на Раппопорта послали¹».

— Так говоришь, с клиентами сложно? — Николай Иванович обращается к водителю такси. — Это, друг, ты сам виноват. Вот ты приехал на аэродром, спокойно бери одного, чемоданчик поднеси, усади. Мужичку сигарет хороших предложи. Шепотком объясни, куда москвичи ходят, а где приезжие толкаются. Ну, конечно, адреса девочек... Если женщина с ребенком — резинку

¹ «Послать на Раппопорта» — определение степени алкогольного опьянения (*быт. жарг.*).

жевательную сунь ублюдочку, чтоб не облевал казенный интерьерчик. Мозги надо чуток приложить — всяк отблагодарит! А там и передовик, в нужный момент с инициативой: «Сервис — это по-московски».

— Ну, ты ушлый! С тобой не пропадешь! Может, и адресочки имеешь? — Таксист лихо пошел на обгон.

— Девочек?

— Ку-ку, Джузеппе, срелось, что ль?

— Красиво излагаешь! — Николай Иванович никак не может ухватить нить разговора.

— Ну, отец, тебе бы только акустиком на субмарине. Прибыли с разговором!.. Как там, интерьерчик казенный не подмочился? А то мне теперь в передовики пробиваться.

Николай Иванович подходит к дому. Снег залепляет глаза. «Где ж это он выпустил инициативу? Никакой логики, набор фраз, прямо кофемолка какая-то!.. Это ж надо так обмишуриться! Сейчас он заберется под бочок к жене. Как раз сегодня среда, она работает во вторую смену».

— Что же ты, дурачок, вчера не приходил? Мы тебя ждали. Беспokoиться даже стали, не приключилось ли что? — слышалось где-то совсем рядом.

В нескольких шагах, спиной к нему, вся в снегу стоит маленькая женщина, в руках она держит пакет. Возле полукругом расположились бродячие псы.

Николай Иванович остановился. «Вишь, какая сердобольная... Сейчас бы чаю или чего покрепче».

Пакет опустел. Женщина запахнула пальто и, сильно припадая на левую ногу, пошла к подъезду.

«Как назло, ключи на самом дне чемодана. В такси надо было вынуть, а то нашел себе товарища!»

Лифт, слава богу, работал.

Из кухни доносился храп. «Хорошо хоть, из кухни!»

Николай Иванович открыл дверь в спальню. «Вот

вчера один выступал по женскому вопросу — все, мол, бабы одинаковые! Лишенец он! Вот она, моя вкуснятина».

— На кухне не Джузеппе, случаем, отдыхает?

— Какой еще Дузеппа? Баба Настя приехала.

— Ну, как она, еще в девках шустрит, или, может, какой святой на паперти невзначай... по обоюдному?

— Ты смотри, ей не вякни!

— И чего божья девонька к нам пожаловала?

— По церковным делам.

— Хорошо бы сейчас чайку горячего с малиной или чего покрепче, а то до глубины души продрог.

— Не будить же старуху!

Вечером все собрались на кухне. Баба Настя, худенькая, сморщенная, сидела на самом краешке табурета, разглаживая подол и легонько суча ногами. Старушка не прочь была принять пару рюмочек. Жена и теща споро собирали на стол.

— Ну, как дела святые? — Николай Иванович наполняет лафитнички. — Церква-то стоит али ремонтик какой на амвоне требуется?.. В газетах пишут, в Греции, как черных полковников скинули, заместо водицы на паперти родненькую стали наливать. Теперича греческие мужики с ночи записываются. И у нас будут вводить. Вот только норму надо с епископатом согласовать. Какой черпак, значит, стандартный рассылать, чтоб церкви-то не накладно было. А то русский не грек, ему и пол-литра не в тягость.

— Заливай, заливай, язык нечестивый! — отмахивается баба Настя.

— Ну, еще по одной, прости меня, грешника окаянного! — Хозяин проворно накаливает кусочек селечки пожирнее и подносит гостье.

— Не много будет? Ты там, Мань, колбаски под-

ложи, — старушка усаживается поближе к столу. — Хлеб-то у вас отменный.

— А теремок-то стоит? — шустро освежает лафитнички хозяин.

— А че ему исделается? Это мы от суеты скывыркаемся... Вот крышу менять надо, стропилы совсем набок пошли.

— Баба Настя, вам командировочные как считают — «день отъезда — день приезда» или по-божески?

— Эх, болтун, язык твой блудливый! Батюшка наш преставился.

— О-о! Выходит, приход осиротел. Значит, за новым приехала. Гляди, привезешь молодого, ан пройдетя он мелким бреднем по приходу, и плакал Христос по своим невестушкам... В журнале одном пишут: оказывается, в среднерусской полосе доле всех живут натуральные девицы, «христовы невесты», значит. Так теперь под Москвой дом молельный будут строить, там невестушек соберут. Ну, конечно, пища и одежда специальные, чтобы невестушки случаём не понесли.

— Это как же? Вместо пензии, что ль? — удивляется старушка.

— Почему вместо? Пенсию нормально на книжку будут складывать. Одно условие: девка али нет — на каждую масленицу будут персонально по прибору устанавливать и принародно списки вывешивать, а то желяющих на дармовщинку...

Жена наступила ему под столом на ногу.

— Коль, ты чего плетешь?

— Думаете, расход большой для государства? Ничего подобного! По статистике, таких невест по всей Расее-матушке не боле двадцати дюжин. Это ж для страны — тараканий вздох! Поиздержалась Расея-матушка с христовыми невестушками.

Потом пили чай с ватрушками. Николай Иванович

допоздна сидел на кухне с бабой Настей, а под конец записал на слух молитву «Живые помощи».

Через день перед сном жена сказала:

— Ну, зачем ты эту историю с невестами затеял?!

Старуха спрашивает, неудобно...

— Эх ты, чурка, пораскинь мозгой! У нее много ли прямых родственников? То-то. А дом, между прочим, вполне приличный. Через пару дней ты ей скажешь, что, мол, я узнавал. Ее на очередь можно поставить. Весной сметаюсь, крышу сменяю. Летом мать к ней поедет, со старухами повидаться. Она с ней о вечном поговорит и посулит, что мы ее, если что, похороним по-божески. Так на чье имя теремок она отпишет?

Баба Настя, причитая, собиралась в обратный путь. Уж больно боялась она эскалатора. Николай Иванович успокоил старуху и вызвался ее доставить напрямик к вокзалу на такси, подсластив проводы батоном колбасы и банкой тушенки.

В мае Николай Иванович взял три дня за свой счет и с гостинцами поехал на рекогносцировку. Увиденное его поразило. Покосился, упершись в пустой амбар, дом. Огород зарос бурьяном и клевером. Трещины в окнах были заклеены пожелтевшим пластырем. В погребке шуршали мыши, а рыжая худосочная крыса без интереса покосилась на него и по-хозяйски прошагала мимо.

Баба Настя радовалась гостинцам, но к его словам, что скоро ответ насчет молельного дома придет и неплохо бы ремонт крыши в тереме какой провести, отнеслась безучастно:

— Поздно, милоч, пора собираться, к осени помру. Вот набрала я чуток денег, похорони меня, Колюня, полюдски. А терем — не терем, стыдоба одна, коли надо, берите.

— Да живи себе. Туда еще никто не опоздал...

Через пару дней баба Настя привела угрюмого мужика в телогрейке и резиновых сапогах. От него за версту несло навозом и винным перегаром. Они обстоятельно поговорили, прошлись по дому, спустились в погреб. На следующее утро мужик привел еще одного, тот был почище и пошустрее. Новый сказал, что в Касимове работает у него брат родной завскладом на стройбазе, он и поможет достать материалы по хорошим ценам. На том и порешили, а баба Настя на время ремонта у старосты церковного поживет.

Николай Иванович вручил мужикам триста пятьдесят рублей и взял расписку. Только вот пропили мужики аванс, а с распиской-то куда идти...

Осенью бабу Настю схоронили, а крышу ветром сорвало. Дозорные со двора докладывали, что видели Николая Ивановича и хромонькую из десятого подъезда в церкви. И будто стояли они рядком, со свечками.

Может, и вправду стояли. А вот что больше Николай Иванович не занимается просветительством и не помогает теще смотреть детективы — это истинная правда.

НЕ ОСТУПИСЬ, ДОЧЕНЬКА

ИЗ БОЛЬНИЦЫ Валентину Ивановну крылья несли. Сегодня на месткоме поставили ее в очередь на двухкомнатную квартиру.

«Подергались, правда, но ведь доче уже девятнадцать. Слава богу, старшая в авторитете и замолвила словечко. И то, кому в радость по ночам судна из-под чужих таскать? Вошли в положение. Дай бог, и старшой, не ровен час, подмога от людей как пригодится! Кричит-шумит, а не загордилась. Гляди-ка, так они с Зоенькой, а там и с зятьком... Счастье-то какое!»

По дороге домой она залетела в продмаг, поделилась новостью со знакомой продавщицей, взяла под аванс бутылку портвейна «три семерки» и двести граммов шоколадного печенья для дочуры — уж такая сластена! Потом забежала к портнихе, рассказала про свое счастье и сговорилась насчет пальто для себя.

«Перелицевать небось можно, материал-то вечный, бостон — сносу нет. Только пятый год, как на толкучке вырвала по случаю. Залупила, правда, портниха, хоть и в товарках ходит. Совсем оборзела падучая¹, все ей воздуха² мало. И то правда, дом в коврах, а мельника³ нет. — Женщина остановилась и тяжело задышала. —

¹ Жадная (*блатн.*).

² Денег (*блатн.*).

³ Сожителя (*блатн.*).

Но ничего, выкрутимся. Молодым оно нужнее. Конец квартала — из стройуправления принесут процентовки печатать. Все одно на приклад отстучу. Да ночных можно поднабрать — не привыкать параша скоблить. Вот и ночи покорооче будут, и больным сгодится, чем на мокрому преть. Да и старшая в интересе — не зря старалась. Как быстро доча налилась, фигурная, коса в руку — мужики оборачиваются. И Карен парень видный, не из простых. Дети красивые, не дурные будут, неча ее внукам по помойкам казаков-разбойников ловить. На балкончике как хорошо с казачатами помиловаться. Молода, правда, Зоя, да ведь и она еще крепкая. Вот только сердце по ночам длинным скулит, как псина безродная, сон гонит, под кадык давит — продыху нет. Кабы казачка малюго али малю дочечку — вот и ночи бы покорооче стали. Все к кровиночке, не по параше чужой суетиться».

Светло и тепло на душе Валентины Ивановны. Вот ведь и ей судьба с солнышка тучи согнала.

«А доче-то радость, не на чужом любушку своего миловать. Счастья тебе, Зоенька! Дай Боженька дорожки ровной тебе, доча, не осклизлой. Ан дорога по жизни какая узкая, а сколь народу по ей толкается, все норовят скинуть, кто слабинку дал. А коль мешать тебе, доча, буду — за мной не станет. В монашки постригусь, а Боженька не сочтет — к погосту напрямки, небось не заплутаю. Дорожка-то к мазару¹ покорооче будет. Провожатые не стребуются. Там уж Боженька простит и душу постылую отпустит. Коли людям не сгодилась да дочке помеха — на кой хлеб мусолить. Пусть кому поужней будет».

Очнулась Валентина Ивановна у самого дома. Старый Федька толкал носом авоську и преданно знобил хвостом. Она поставила авоську между ног, вынула из

¹ К могиле (*блатн.*).

кулька пару кружков печенья, сунула псу. Потом медленно достала из кармана пачку «Астры».

— Ну что, брат Федор, старость не в радость, — Валентина Ивановна затянулась и, выпустив сквозь щербинку в передних зубах сизую струйку, почесала пса за ухом. — Вот отдадим Зою за Карена и пойдем в монастырь, Боженьке послужим.

Сжав в кулаке сигарету и сощурившись, она втягивала табачный дым, пока пепел не обжег губы. Рванный, из нутра, кашель опять стал душить. Заныло под левой лопаткой, да в пальцах на ногах колотьба пошла.

— Совсем замучил, неладный! — натужно вырвалось сквозь приступ кашля. — Вот в бабки назначенье выйдет, и куряку брошу. Стыдно-то как перед внучоком, чему научится у бабки никудышной!

Валентина Ивановна грубо, по-мужицки, в сторону отхаркнула желтый мокротный сгусток. Пес ел суматошно, из пасти вываливались крошки. Вылизав все с земли, он поднял голову и, виляя хвостом, прижался к ее ногам.

— И то прикидываю, в монастырь пора. — Кашель не отпускал. Она присела на корточки и, сдерживая приступы рвоты, погладила пса. — Молодежь нынче норовит все по-своему, а приживалками... Богу послужить больно надо, а не ровен час не поспею! Схимну надену, отмолить сколь надо...

Она с силой провела ладонью по спине пса. Федор прогнулся, проскулил, затем положил ей голову на колени и закрыл слезящиеся глаза.

— Чистая душа. Может, и меня, беспутную, дурную, Боженька приголубит. Вона как, оскользнешься по молодой горячке, а потом где силушки взять душу отмыть... Грязюка прилипнет, скобли ни скобли...

Быстро темнело. Занавеска была задернута. Дочь лежала на кровати, отвернувшись к стене и накрыв го-

лову полотенцем. Так она всегда делала, когда не хотела разговаривать. Валентина Ивановна аккуратно прислонила авоську к тумбочке, подаренной ей к Восьмому марта Кареном.

— Доченька, радость-то какая!

Дочь не откликнулась. Но сегодня разве до девичьих капризов?!

— Ну, что приключилось? — Валентина Ивановна зажгла свет.

Чуя неладное, она прошла на кухню, выпила воды из-под крана, погасила лампу, разделась в темноте и легла рядом с дочерью. «Все никак не сохотились прикупить вторую кровать, да и ставить негде. Надо бы хоть раскладушку».

Сон не шел. Валентина Ивановна лежала, упершись остекленевшими враз глазами в уплывающий потолок. Внутри было пусто и прохладно, как тогда там, на нарах.

Последняя военная осень не скупилась на краски. Побуревшая от крови и стыда земля не успевала даже маленькими холмиками прикрывать изуродованные бездыханные тела детей своих. У войны своя мораль, свой счет. Полк, потерявший в августовских боях три четверти личного состава, стоял на переформировании в небольшой приграничной деревушке, чудом или по ошибке увернувшейся от войны. Оставшиеся в живых смывали со своих закопченных лиц пороховую гарь, тяжелораненых увезли в тыл. Прибывало пополнение.

Медицина занимала две крайние хаты, в ближней к лесу расположился медперсонал — полевой хирург, операционная сестра и три девушки-санитарки. В другой отлеживались легкораненые. Санитарка Даша, статная черноокая казачка, чаще других за-

ступала на ночное дежурство. Была Дарья молчалива и легко отзывалась на девичьи просьбы заменить их в ночную.

Раненые, напропалую и не всегда безрезультатно заигрывавшие с санитарками, Дарью побаивались. У нее был острый язык и неприступный взгляд. Но истинная причина частых ночных бдений ее объяснялась не характером девушки. Она любила и пила эту, так не ко времени пришедшую, взрослую любовь жадно и безоглядно. Как только ситцевая занавеска, отделявшая столик дежурной санитарки, начинала раскачиваться от канонады солдатского храпа, Дарья надевала шинель, брала плащ-палатку и, улучив момент, когда дозорные отходили шагов на сто, бежала в баньку, что спряталась в ольховнике, у самой просеки. Внутри парилки провисла ржавая сетка, в ней когда еще сопрели сосновые шишки. Ольховая сырость забиралась через разбитое оконце, смешивалась с прелым хвойным духом, отчего в давно не топленной баньке стоял ведьминский дурман.

Здесь ждал ее молодой, еще не нюхавший пороху лейтенант с простым и ясным именем Иван. Сентябрь доживал последние дни. По ночам бродил туман, он забирался в баньку и охлаждал разгоряченные тела влюбленных. Однажды на рассвете, когда, слившись в одну плоть, лежали они, утомленные бурными и неумелыми ласками, раздался лязг гусениц. Остатки ээсовской танковой дивизии прошли через дереvuшку, начисто исправив ошибку войны.

Надо было пробираться к своим. Днем лейтенант спустился к ручью набрать воды во фляжку и подорвался на mine. Дарья оттащила на плащ-палатке в овраг полуразорванное тело со страшно вывороченными ногами, прикрыла ветками. Документы и новенький ГТ забрала. Через два дня она давала показания в особом

отделе армии. У войны своя мораль, свой ясный счет. Трибунал назначил ей десять лет строгого.

Страна уже готовилась петь «Едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами...»¹, а тридцатилетняя Дарья сидела на отполированной сибирским терпением скамье небольшой станции в трехстах километрах от города Томска. Она щурилась и курила, жадно затягиваясь и держа самокрутку в кулаке. У ног ее жался худосочный сидор² военного образца.

Дарья закрыла глаза. Вот она, Воля! А еще утром:

— Ну, Дарьюшка, и твой прозвенел. Что мог, для тебя сделал.

— Спасибо, Валя.

— Тебе спасибо. Стольких видел, а душу да кровь только ты и согрела. С тобой и узнал, что это такое. У тебя свой путь, а я как-нибудь доволоку. Мне все одно — без толку. Смысла не вижу...

Она хорошо помнила, как год назад, переминаясь с ноги на ногу, стояла в кабинете начлага...

Второй год, как ее перевели в этот лагерь. Работа не из легких: двенадцать часов в день они таскали тяжелые шпалы, в стужу и зной кайлом махали. Но режим был полегче. Уж больно начальству сдать плотно к сроку надо. Потому и хавка получше, за норму к пайке масло полагалось. Дарье не привыкать к тяжелому: в войну скольких раненых перетаскала. А однажды немецкого офицера через минное волокна. Медаль «За отвагу» дали, важный, видать, был офицерик, живым доволокла, стонал больно. Напарница у Дарьи справная — доярка из-под Пензы, приземи-

¹ Песня «Едем мы, друзья» В. Мурадели на слова Э. Иодковского, написанная в 1954 г., когда началось освоение целинных земель в Казахстане.

² Вещмешок (*жарг.*).

стая, крепкая бабеха. Полмешка жмыха из коровника домой унесла и «красненькую»¹ схлопотала.

Спустя неделю, как Дарью поставили на полотно, появился начлаг. Кивнув в сторону начальства, доярка через плечо негромко сказала:

— Барин явился. Кобель из кобелей, но по справедливости. На зоне по-пустому «отче» величать не будут. Длинный рядом — кум², шестерка при барине, утеху ему присматривает. Чую, на тебя глаз положил. Смотри, не лопочи, закон знаешь.

— Чай, не первый год замужем, — Дарья сощурилась и посмотрела в сторону начлага. Короткие ноги в бурках, полушубок расстегнут. — Не больно-то завидный кобель, — усмехнулась она.

Длинный кивнул в сторону женщин:

— Вон та повыше, из новеньких, с характером, не бикса³ и клопов давить не будет⁴.

— Ты там в душе поройся⁵.

Начлаг не спеша проглядывал какие-то бумажки и курил лихо заломленную беломорину. В кабинете было жарко натоплено и дымно. Дарья недвижно смотрела на стенные часы, они шли, а с ними — и срок. На табурете рядом с часами лежал на боку незачехленный, выдавший виды баян.

Начлаг виртуозно вдел друг в друга два сизых кольца, невозмутимо загасил на ладони папиросу и властно оглядел с головы до ног заключенную.

— На зоне, говорят, тебя уважают.

Лагерным чутьем, обострившимся за девять лет до нюха сторожевого пса, Дарья прочухала, какое пред-

¹ Десять лет срока (*жарг.*)

² Сотрудник оперативно-режимной части лагеря (*блатн.*).

³ Молодая доступная женщина (*блатн.*).

⁴ Клопов давит — о фригидной женщине (*блатн.*).

⁵ В душе поройться — навести подробные справки (*блатн.*).

ложение может последовать. Она сощурилась и, упершись взглядом в баян, тихо, но уверенно сказала:

— Куковать¹ не буду.

— Ты коней-то не гони и характер поумерь. Не такие тут ломались. — Затянувшись и выпустив с интервалом пару колец, начлаг хитро улыбнулся. — Не для того звал. На склад толковая приемщица нужна, на руку чистая. — И, подмигнув, добавил: — По ночам в лес бегать не будешь?

— А где лес-то? Вертухаи небось кругом! — Дарья ухмыльнулась уголком рта.

— Печатать можешь? — спросил он совсем мирительно и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Научись — не велика мудреность, чай, не на баяне перебирать. Машинка есть, человека — нет.

Она согласилась — все не кайлом колотун греть. Спустя месяц начлаг вызвал ее к себе.

— Ну, освоилась? Небось как пальцы согрелись и печатать наострилась? Мне тут списки на материалку отослать в управление надо, — по-деловому начал он, потом помолчал и спокойно предложил: — Посумерничаем чем бог послал. Чай, давно домашнего не пробовала. Остаканимся?! — Он налил себе и ей белого². — Прими для здоровья. — Она понимала, к чему дело клонится, молча выпила и деликатно взяла ломтик сала. — Ладно, потом отстучишь. Баня-то вчера была? — Дарья кивнула. — Иди подмойся у ведра, с чайника слей, вода еще не остыла, да постели на диване. Не боись — не обижу, коли постарайся, а если что — лепило³ свой.

Когда одевались, начлаг посмотрел на нее удивленно:

¹ Доносить (*блатн.*).

² Здесь: водки.

³ Врач (*блатн.*).

— А ты жаркая.

Они сошлись. Начлаг сдержал слово и о лагерных делах не расспрашивал.

Теперь по субботам после лагерной помывки Дарья за кастеляншу в начальственном домике. Хоть и не Воля, а по другую сторону колючки, не хоромы, а вместо нар кровать со спинками. Занавески на окнах чистые, хотела какой узор вышить, да сноровку пальцы совсем растеряли, сколько уж годков по казенному календарю, дни считаны-пересчитаны! Где они нынче, мулине и цветочки в крестик, что бабуля наставляла?

Она достает из погреба тяжелую пятилитровую бутыл темного стекла с сорокапятиградусной настойкой. Только ему, начлагу, рецепт ее ведом, и именуется она «Валентинычем». В одиноком таинстве готовится настойка, при запертых дверях да занавешенных окнах, лишь свеча в углу горит, чтоб пропорцию из снадобий не нарушить. А потом сорок суток, день в день, в бутылки, обернутой выцветшим красным флагом, созревает до магической силы и тогда уж «Валентинычем» становится. Подавалось сие целебное могущество только именитым гостям в уважение да особо тяжким больным лагерным по чрезвычайной надобности. Кто доставлял ингредиенты для изготовления напитка, не считая, конечно, спирта медицинского, — были домыслы, но в точности никто не знал. Появлялась, правда, схимница в черном, с клюкой и мешком, и была она слишком стара, чтоб предположить иное.

— Что, дежурная по заведению, не обижают преступившие? — вопрошает начлаг, ловко просовывая плечи под большие ремни баяна. — Не дрожит очко, что ко мне на запевку после бани ходишь?

— На фарт польстилась, сама и в ответке буду, — бойчит Дарья, выставляя на стол нехитрую снедь.

— Одинокая ты, Дарья. Кому обиду бережешь? Чего со мной на клей пошла?¹

— А где холостой, красивой да без ксивы², утешение искать, как не у отца родного? — она щурится, с ухмылкой разглядывая на свет граненые стаканы, чтоб ни соринки. Уж больно аккуратист начлаг за столом и в кровати.

— Капусту, с клюквой квашенную, и бруснику моченую в одну миску ложь — соку поболее будет, а сало тоньше, листиками режь — при закусе со рта дух не уходит, — в радость командует начлаг. — Как зелье мое перельешь в графин, бутылку сразу закупорь и в погреб. На свету витамин силу теряет.

Он растягивает на пробу правой рукой мехи, проходит пальцами сверху вниз перебором и прислушивается к голосу инструмента.

— Ну что, дружбан судьбы моей, споем чего без радости про жизнь-жестянку нашу странную? К инструменту надо с уважением! — обращается он к Дарье. — Не то характер покажет, звук вялый будет.

Голос у начлага отмерзший, с фальцетом, но слух отменный. Песни все протяжные и тягостные. Первый, полный, стакан начлаг выпивает в глоток под сало, второй стакан слегка пригубит, почмокает губами:

— Секретная тайна моя: жмура с досок поднимет, а демократу половому³ с полшестого на девять с четвертью враз покажет!

Начлаг придерживает большим и указательным пальцами стакан с эликсиром на левой коробке баяна, а правой неспешно, с закрытыми глазами ведет одну мелодию, без басов. После очередной песни он наклоняется вперед и, сделав небольшой глоток, смачно облизывает губы.

¹ Пойти на клей — допустить к телу (*блатн.*).

² Ксива — документ, удостоверяющий личность (*блатн.*).

³ Демократ половой — импотент (*блатн.*).

— Вот она, силища натуральная! Мне бы дом, хозяйство, конопатых выводок... Я тебя сразу приметил, как поступила. Гляжу, вроде не рыбка¹. Судьба тебя, видать, крепко к испытанию пристроила.

— Не жалуясь, война для всех война. — Дарья вытирает фартуком руки и садится на табурет.

— И то факт... Ты не бойсь, я гигиену и субординацию соблюдаю. Врать не буду, не одна цыпа-киса за интерес на диване ерзала. Мне не пипка нужна, барахла этого... Уважаю, что не просишь.

— За просьбы в ответку становиться надо. Лагерные предьяву выкатят — галстук повязать² недолго.

— Тебя не тронут... Как маманю и сеструх белые загубили по-плохому, я на врагов власти смотреть не мог, кровь в горле клокотом стояла. Потому и пошел в органы мечь ублажать. В исполнение определили политическим путевки к святым вручать³. Там людей и людишек тьму нагяделся и, по молодости, себя не забывал, больно сладко было барышень перед последним уютжить. А как чины догонять стали, огяделся. Мы все — русские, нерусские, чухня разная или жидки — злобой поперхнулись. Негоже так, не по-людски. По злобе только ливер спалишь, а остынешь от «Лаврентия Палыча»⁴ — за стакан схватишься, коли душе подмоги не дашь... Вот он, спаситель мой, — начлаг любовно гладит по коробке баяна правой ладонью. — Без кукана⁵ выйдешь, куда подашься?

¹ Здесь: молодая женщина, идущая легко на интимные отношения (*блатн.*).

² Галстук повязать — задушить за стукачество (*блатн.*).

³ Собственноручно расстреливать (*блатн.*).

⁴ Здесь: исполнитель высшей меры наказания (*блатн.*).

Берия Лаврентий Павлович — в 1938-1945 гг. нарком (министр) внутренних дел СССР, позже — заместитель Председателя Совета Министров СССР; расстрелян по приговору Верховного суда СССР в декабре 1953 г.

⁵ После освобождения не находиться под надзором (*блатн.*).

— Осмотрюсь по первости, как она, Воля, нынче устроена.

— Пристал я к тебе, Дарья. Может, ворожбу черным глазом затеяла? Файная¹ ты и баба сладкая.

— Ты тоже, Валя, хоть и по другую сторону, а мужик не из последних. Лагерные к тебе с пониманием.

Однажды Дарью в сених встретил визгом пушистый комочек. Щенячья мордочка восточноевропейской овчарки тыкалась в ноги, песик норовил куснуть за пятку.

— Федором окличем кобелька. В дому поживет, пока мамку забудет... — начлаг взял щенка на руки. — Я у мамани с малолетства за кормильца, гармошкой подмогал. Свадьбы, крестины — все миску нальют и домой принесу... А тут баяниста с Колымы перевели. Он меня на слух проверил и посулил на баян пальцы поставить. Я поначалу думал: у него чистый интерес облегчение поиметь, а потом просек — со стержнем он. С известными артистами по всей стране концерты давал, песен знал немерено. Талант! А на язык неаккуратный был и слабость имел — мимо рта стакан не носил. Как примет, такую пургу погонит — у чертей уши заворачиваются. Ляпнул по пьяни, нашелся неленивый, с вечера стуканул, а утром уж и сподобился Валек-баянчик, тезка мой... К нам совсем чахлый поступил. Я его «Валентинычем» и салом подкреплял, а он мне пальцы ставил и к нотам приучал. К настоящей музыке понимание открыл.

Начлаг допел последний куплет «Тонкой рябины», пригубил «Валентиныча» и повернулся к Дарье.

— Чего, рябинушка, затихла? Тебе нынче силу к звонку копить надо. Колокольчик небось под подушкой уж ворочается. А то проспийшь...

— Не просплю, — тихо улыбается Дарья, покачиваясь на табурете с закрытыми глазами.

— Как вконец ослаб тезка мой, хотел его сактиро-

¹ Верная, надежная (блатн.).

вать¹, да курносоая² вперед забежала. У него присказка была: «Музыка только с Баха начинается, кто хоть одну фугу на баяне освоит, смысл жизни постигнет». Я ему про людей и паскудство ихнее, а он о Бахе. Файный был человек... Ходит тут ко мне одна божья травница, денег ей на приют даю, пусть молится. Может, и меня к моему смыслу бог допустит? — Он закрыл глаза и прильнул щекой к коробке инструмента. — ...Где она, суть людская?

Начлаг подписал Дарье пропуск на выход и подошел к окну. На плацу строились заключенные.

— Домой не возвращайся. Не простят они тебе. Эх, встретить бы тебя не в мои годы, повернул бы, не побоялся. — Он подошел к столу, выдвинул верхний ящик и вынул небольшой, завернутый в газету сверток. — Это тебе, здесь деньги. Харч и шмотье прикупишь, на первое время хватит... Кой-чего достал тебе из нижнего. Бери, щупалки³ не будет... Прощай, песня моя недопетая! — Начлаг вздохнул тяжело. — Ну, присядем по обычаю. Чай, не свидимся в этой жизни. Возьми на память. — Он вынул из нагрудного кармана цветастый носовой платок, аккуратно развернул его и протянул ей небольшое золотое кольцо с рубином. — Это твой камень, по гороскопу смотрел.

Они троекратно поцеловались.

— Иди к людям, не то сгниешь шалавой. — Начлаг отвернулся и поднес платок к завлажневшим глазам. — Сын будет, на баян отдай с малолетства учиться. И на хлеб заработает, и душу не испоганит.

На складе работала уборщицей Зоя. Прощались они по-бабьи, со слезами.

¹ Заключенных, находящихся в степени крайнего физического истощения и не способных работать, «активировали», т. е. отпускали из-под стражи, чтобы не увеличивать процент смертности. Как правило, они были не жильцы.

² Смерть (*блатн.*).

³ Щупалка — обыск заключенных-женщин (*блатн.*).

— Хорошая ты и не робкая. Но не одного мы с тобой поля... Тебе к Богу надо. — Зоя сняла с шеи висевшую на шнурке маленькую иконку Божией Матери, не спеша аккуратно протерла ее рукавом, поцеловала и протянула Дарье. — Возьми Заступницу.

Зоя обняла Дарью, потом помолчала и тихо, прямо в ухо ей сказала:

— Приедешь в Томск, пойдешь на улицу Нагорную, семь. Покличешь Аверьяна. Меня назовешь и от Луки поклон передашь. Скоро, мол, вести хорошие будут. За беляшкой¹ челнок явится, Аверьян его знает, он и форсы² доставит. Третий месяц кумор долбим³. Потом шепнешь, что Лука велел тебе черно-белое⁴ справить... Лишнего не воркуй, сама знаешь. Пришла — ушла. Еще от меня скажешь, что зла на Филина не держу, а звонка мне не дожидаться. Все запомнила?

Дарья кивнула.

— Теперь что скажу... человека найдешь — семью заводи, и еще... под пыткой молчи, что срок мотала... Ну, дай Бог тебе дорожку ровную. Хватит под номером ходить, это мне век чалиться, а тебе рожать надо. Все, кранты, сплюнь! Не было этого! Ступай на Волю с фартом. — Зоя легко оттолкнула Дарью и, дождавшись, когда та пошла к выходу, вслед трижды перекрестила ее.

Уроженка певучих донских степей, Дарья так устала от стужи и лагерного жаргона. Вот и появилась в пятьдесят пятом новой нянечка Валентина в железнодорожной больнице теплого южного города Адлера.

Поначалу Валентина жила в общежитии, потом сняла маленькую комнатку, недалеко от городского пля-

¹ За наркотиком (в виде белого порошка) (*блатн.*).

² Крупную партию денег (*блатн.*).

³ Кумор долбить — находиться в состоянии наркотического голода (*блатн.*).

⁴ Паспорт на чужое имя (*блатн.*).

жа. Иногда после дежурства, когда спадал зной, ходила купаться. В один из вечеров, когда Валентина сидела на камне и слушала море, к ней подошел здоровенный мужик в несвежей ковбойке с засученными рукавами и черных лакированных туфлях на босу ногу. Сквозь густую растительность на предплечьях проступали накладки с изображением русалок, на обоих мизинцах — массивные золотые перстни.

— Такая красавица баба пропадает.

Валентина не ответила.

— Слушай, красавица с железной выдержкой, ты посмотри, какого мужчину потерять можешь.

— Переживу, — ответила она с тихой улыбкой и, поглядев на море, добавила: — Не то теряла. Жизнь-то как ручей в лесу. Где омут, а где быстрина — не каждый словит.

— Слушай, у нас так с мужчинами не разговаривают.

— Ну тогда помолчим.

— Эх, пожалеешь!

— На то Бог есть.

Вартан работал водителем городского автобуса. В городе его знали. Как-то он принес старую пишущую машинку «Ундервуд» и наладил ее.

Однажды под утро Вартан проснулся от легких прикосновений. Она гладила его по лицу и голове. Вартан открыл глаза и притянул ее к себе.

— Ты ведьма, а не женщина! Люблю тебя, не нашему, душой люблю.

Валентина закрыла глаза и медленно освободилась из его объятий.

— Слушай, Вартан, нам расстаться пора!

— Как это расстаться? У тебя другой есть? Я его зарезу!

— Брось ты это! Много ли ты крови да ливера видел, — жестко сказала Валентина, потом улыбнулась:

— Не обижайся, дорогой. Мне хорошо было... Если по

правде, с тобой мы жить не будем, родные тебе не позволят, да и я не хочу. Больно много лиха да неправды носила. Боле не сдюжу. — И, помолчав, добавила: — А теперь вот что: у меня ребенок будет.

— Ну вот и поженимся. Ты что, думаешь, я гад, сволочь? Армяне детей не бросают!

— Знаю, все знаю. Не надо. Не торопись, дорогой, беду кликать — сама найдет.

— Почему не надо? Боишься, я брошу тебя? По закону жить будем, свадьбу справим как положено. Распишемся. Мы одной веры!

— Нет, Вартан, ни к чему это! — Она сощурилась.

— Все равно моей будешь.

— Спасибо, дорогой, но не пара мы!

— Как это не пара? Что я, плох как мужчина или зарабатываю мало?

— Да нет! Мужчина ты что надо. Не хотела, но иначе ты не поймешь. — Валентина глубоко вздохнула и тихо выдавила: — Ну, мотала срок я.

— Ну и что, я тоже перо¹ носил, — с вызовом сказал Вартан.

— Музыку знаешь²? Может, ты и кнут³ сховал? — Валентина усмехнулась.

— Я что, цыган? У меня рука не слабая! — Вартан смотрел на нее широко открытыми глазами.

— Эх ты, полукровка⁴ моя, знаю, что не зяблик⁵. — Она подошла вплотную к Вартану и провела ладонью по его волосам. — Живи с миром, дорогой. Не оступись токмо ненароком, вставать больно тяжко. Грех не всяк осилит с души стряхнуть. Спаси тебя Бог... И хватит об этом! Все, кранты!

¹ Финку, нож (*блатн.*).

² Знаешь воровской жаргон (*блатн.*).

³ Револьвер, пистолет (*блатн.*).

⁴ Неблатной, владеющий лагерным жаргоном (*блатн.*).

⁵ Физически слабый, дохловатый мужчина (*блатн.*).

— Я чистый армянин! Ходить по земле умею.

Больше Вартан не появлялся. После рождения дочери к праздникам приходили по почте недорогие подарки.

Утром Валентина Ивановна сказала:

— Ну вот что, дочка! Не у одной тебя беда. А сказать по правде, горя и беды ты не видела. Жила как у Христа за пазухой. И потому я тебе как мать и старшая — давай начистоту, а эти вздохи да молчок — пустое.

Разговор был долгий. Валентина Ивановна узнала, что Вартан приходится Карену двоюродным дядей, и родные Карена поставили условие: после свадьбы Зоя должна переехать к ним в дом... И еще отец Карена сказал, что, пока он жив, не даст позорить семью, и нога урки не переступит порог его дома.

— Видишь ли, доча, я не все тебе сказала. — Валентина Ивановна закурила, потом подошла к окну. — Была я тут у одного человека, понимающего, он говорит, легкие мои не держат климат этот, потому и кашель колом стоит. Я и сама чувствую, что долго не протяну. Надумала уж давно ехать на родину, да все не решалась тебе сказать. К родной земле пора. А ты совсем взрослая и свою жизнь сложить сможешь. Так что, доча, давай-ка так и сделаем... А время все рассудит, приедете еще ко мне, внучат привезете.

Через неделю Валентина Ивановна рассчиталась и уехала.

В кабинете начальника вокзала сидит капитан милиции. Перед ним на столе чистый бланк свидетельского показания. Напротив — немолодая женщина в платке и потертом сером кителе с одной маленькой звездочкой на обшлагае. Капитан достает авторучку и обращается к ней:

— Вы дежурили по перрону позавчера, когда женщина под поезд бросилась? Так?

— Да, через день заступаю.

— Продавщица из киоска показывает, что приблизительно за полчаса до случившегося погибшая разговаривала с вами. Постарайтесь поподробнее вспомнить, о чем говорили? Какое состояние у нее было?

Дежурная напряженно смотрит на бланк, лежащий на столе.

— Пока ничего писать не будем, потом вместе запишем.

— Ну, так, — она глубоко вздохнула. — Только, значит, отошел двадцать шестой. Народу на перроне никого. Я к Клавдии, мы с ей уж сколько лет товарки. Она меня больно жалела, как мой к Нинке ушел, сучке этой, все ей мало.

— Так, дальше.

— Подхожу к киоску спички взять. У ей мужик совсем запил, так она его с дома спровадила. На кой, говорит, ляд он нужон, ни днем, ни ночью проку нет, одни убытки.

— Вы, пожалуйста, ближе к делу.

— Только, значит, прикурила, подходит ко мне женщина, немолодая, в платке, ну, моих лет. Сумку держит под локтем, к себе прижимает. С ей чемоданчик старенький, она его меж ног поставила. Вот, говорит, вместе покурим. Видать, не наша, но разговор уважительный. Сама глаза щурит и в сторону глядит, папиросу в кулак зажала, как мальцы, когда хоронятся. А кашель из нутра — аж сип идет. По всему видать, беда какая прислонилась.

— А что за беда?

— Я ее спросила, значит, а она вроде как не слышит, сощурилась и лицо к солнцу поставила, а потом тихо так говорит, клянусь, я прям в слово запомнила, так

сердечно: «Солнце для всех вравную, и Бог у людей один, а какие ему дети, а какие пасынки...» Глаза у ей осоловелые, вроде как не с лица, а сама, гляжу, ликом стала светлая. Я аж вздрогнула. Потом она опять закашлялась, из горла у ей желтизна пошла. Отхаркалась и говорит, значит, как счас помню: «Верно, беда у меня. Младший брат машинистом тоже на дороге служит и человека переехал. Теперь под суд пойдет, а у него близнецы, только в школу наладились. Никак теперь сиротами станут». Очень проникновенная женщина.

— А еще о чем разговор был?

— Все больше пыталась, хорошо ли я порядки знаю, в каких разгах, мол, машинист привлекается, а в каких не несет ответственность, значит.

— Может, на руках кольца дорогие заметили?

— Да какие дорогие. Юбка постиранная, аж светится. Одно колечко было, ей-богу было, тоненькое, я как раз заметила, когда она папиросу в кулак зажала. Пальцы совсем белые, вроде как в хлорке окунутые, кольцо сильно врезалось, его снять — палец рубить надо. И камушек красный, не больно-то дорогой.

— Может, еще чего припомните? — Капитан глубоко вздохнул, вынул платок и вытер пот со лба. — Душно, наверное, дождь будет.

— Потом разговор за жизнь был. Сама с Дона, уехала в войну девчонкой. А сейчас из-за брата едет. Одинокая, на фронте человека потеряла, потом другие были, да не сладилось все. В толк сейчас не возьму, о чем еще... Так, по бабьим делам... А смотреть я не ходила, как ее с рельсов сымали... В горле комок, до сих пор не спускается. Какое ж горе надобно бабе!..

Капитан встал, зачерпнул в алюминиевую кружку воды из ведра и протянул дежурной.

МЕДАЛЬ

С СЕРЕДИНЫ февраля стало припекать солнце. Снег темнел и покрывался хрупкой пористой коркой. Днем в еще холодном воздухе пробивались теплые ароматные ручейки — предвестники ранней весны. Уставшие от промозглой зимы коренные москвичи, как правило, не отличающие ржи от пшеницы и свиноматер от хряка, на кухне обсуждали виды на озимые и опорос.

В конструкторском бюро завода бытовых приборов готовились к двадцать третьему февраля. Согласно календарю, праздник сильной половины народонаселения приходился на понедельник. И со среды предпраздничной недели слабая половина была озабочена: «сестры», с намеком на мартовский ответ, скидывались на подарки своим обездоленным эмансипацией «братьям».

Руководитель группы электроприборов Федор Степанович Тишкин, худощавый и улыбчивый мужчина, балансируя на узеньком подоконнике, дергал за ручку фрамуги. За зиму она изрядно присосалась к раме. Наконец фрамуга поддалась и, ухнув, откинулась. Федор подставил лицо свежему потоку и глубоко вдохнул. Закружилась голова и кольнуло под левой ключицей. Он схватился за ручку фрамуги и закрыл глаза: «Никак, звоночек. Не пора ли гантели на валидол менять?.. На каждую зиму — своя весна. Просто и вечно! Но про-

сто, когда вообще. А в его жизни зимы были почаще, да весны покороче».

Ему вспомнилась весна сорок пятого в Будапеште. Мог ли он тогда представить, что когда-нибудь будет считать весны. А теперь — сколько их осталось: одна, пять, двадцать?.. Боль понемногу отпускала и пятилась куда-то под лопатку.

— Федор Степанович, на городской проводочек вас дама хочет, — раздался на весь заставленный кульма-нами зал призывный голос Лидии Сергеевны.

— И кому это я, старый пень, понадобился? — Тишкин открыл глаза и улыбнулся.

— Ладно уж, Федор Степанович, прибедняться. Видели, да не скажем, с кем на новогоднем вечере в обе стороны вальсок закручивали... Между прочим, по статистике у вас сейчас самый опасный возраст, — открыла традиционную утреннюю дискуссию технолог Лидия Сергеевна. Два года назад от нее ушел муж.

Федор был знатным танцором и в свои пятьдесят пять на вечерах не уступал молодежи. До войны он занимался в хореографической студии. Когда в тесном кругу его уговаривали на «цыганочку» с полным выходом или «яблочко» с фигурной чечеткой, дамы, что постарше, млели.

— И откуда, Лидия Сергеевна, такая статистика? — Тишкин мягко спрыгнул с подоконника и пошел по проходу.

— Жизнь, Федор Степанович, жизнь. Смотреть-то надо ей в глаза прямо. А некоторые отворачиваются и не замечают, — неслось ему вдогонку.

Телефон стоял у стеклянной перегородки, отделявшей начальника бюро от коллектива.

— Тишкин у телефона.

— С вами гово'ят из отдела учебников Министес'тва

высшего и с'еднего об'азования... — услышал он тягучий женский голос, не выговаривающий букву «р».

— Извините, здесь плохо слышно, — Федор прикрыл рукой микрофон. — Я перейду к другому аппарату. — Он толкнул стеклянную дверь. — Не помешаю?

— Прóшу пана, — ответил, не поднимая головы, полный мужчина, в очках и с огромными залысынами. Одутловатое лицо его со склеротическими прожилками на щеках и на носу свидетельствовало о склонности.

Он сидел за массивным столом, заваленным рулонами калек, и лихо щелкал на старых конторских счетах. Старая толстовка с черными бархатными накладками под локти и зажеванная папироса выдавали опытного счетовода. Мужчина благоговейно выстукивал цифры долгожданной прогрессивки.

В эти минуты нельзя было его беспокоить. Не дай бог, ошибочка нарушит справедливость.

Тишкин взял трубку и, встретившись взглядом через перегородку с Лидией Сергеевной, подал ей знак, чтобы она положила на аппарат параллельную трубку.

— 'Эшением методического Совета, — продолжил голос, — ваш задачник п'едставлен к золотой медали ВДНХ. Для офо'мления документов необходимо п'ямо сейчас п'ехать к нам в кабинет. — Говорившая назвалась. — Запишите ад'ес и удобный т'анспорт.

— Спасибо, я знаю дорогу.

Услышав гудки отбоя, Тишкин аккуратно положил трубку.

— Станіслав Иванович, мне тут... в Министерство образования... надо бы подскочить, — прошерстив пальцами седой ежик на голове, обратился Федор к начальнику, сделав ударение на предпоследнем слого имени.

— Место замминистра присматриваешь или в министры прямиком? С твоей-то анкетой и морально-

политическим уровнем... — Начальник хитровато улыбался, явно намекая на недавнюю историю.

...Из райкома пришла разнарядка: всем поголовно принять индивидуальные соцобязательства. Тишкин вписал в пустую графу бланка печатными буквами: «Обязуюсь к 30-му декабря текущего года поднять свой технический, идейно-политический и моральный уровень на недостижимую высоту и организовать в коллективе борьбу под девизом “За яростный труд”». Заполненные бланки с визами руководителей всех уровней просматривал освобожденный секретарь заводской парторганизации. Отставной армейский политработник пришел в ярость. Спасло Федора от серьезных последствий лишь то, что они оба воевали на одном фронте.

Станіслав Иванович, а если точнее, Станіслав Адам Ёжи Сташевский до войны работал бухгалтером небольшого заводика в Варшаве. Когда немцы в тридцать девятом вошли в Польшу, он вступил в Армию Людову, потом оказался в смешанном польско-белорусском партизанском отряде. А в сорок пятом, из-за неподтвержденных обстоятельств пленения и побега из концлагеря, по решению компетентной санаторной комиссии (из известного ведомства) отбыл на Воркуту. Сташевский был физически крепким человеком, в юности он занимался боксом и выступал в полутяжелом весе.

Сначала его напарником в угольном забое был молодой критик, замеченный в дискуссиях о применении метода соцреализма в лирической поэзии. Способного критика, дабы сохранить для литературного процесса будущего Писарева, отправили на длительную стажировку на ту же шахту, что и партизана-интернационалиста. Они творчески дополняли друг

друга. Сташевский помогал напарнику выполнять норму, без чего не поспеть было им на подъем клетки. А критик учил бывшего бухгалтера отличать лагерную феню от литературной версии расейского языка. Партизан от природы обладал хорошей памятью и отменным музыкальным слухом. Он освоил обе версии.

Критик почти уже согласился с мнением своих бывших оппонентов, но, по недогляду, его подняли на-гора вместе с антрацитом. Напарником партизана стал профессор по слаботочным приборам. Общение с профессором помогло Сташевскому осознать значение закона Ома в повседневной жизни. Ежедневно толкая вагонетку, они уже вплотную приблизились к законам электромагнитной индукции. Но запах от запущенной гангрены на ногах профессора раздражал охранников, ведущих бригаду на смену, и в пару партизану поставили третьего учителя — полковника медицинской службы, члена партии с двадцатого года.

Слава богу, для расширения кругозора времени и здоровья пока еще хватало, а трудолюбия бухгалтеру и спортсмену было не занимать.

Из заключения Сташевский вышел в «весе пера», с пятнадцатью качающимися зубами (остальные семнадцать он оставил в забое), с распухшими коленями, подчеркивавшими его переход в легкую весовую категорию, привеском «пять по рогам»¹ и твердой надеждой встретить свою пятидесятую весну. В городе бухгалтера не требовались. Помня уроки, преподнесенные судьбой в забое на полукилометровой глубине, партизан освоил специальность электротехника по слабым токам, резонно, как бывший спортсмен, полагая, что для сильного тока надо для начала усилить собственные весовые кондиции. Спустя полгода он женился на учительнице музыки из Львова, освободившейся годом

¹ Ссылка на 5 лет после отбытия срока в лагере (*сленг экзков*).

раньше. В общежитии комбината им выделили бельевую кладовку размером пять квадратных метров. Марийка хорошо говорила по-польски. Лагерь ее не сломал, она сохранила редкое жизнелюбие и шутила:

— Ну, то добже, цо покои невелички, на обставу пенензы тратить не тшеба¹.

Она называла Сташевского «пан Кощей» и готовила ему наваристый борщ со шкварками. Наливая дымящийся, ароматный, с чесночным духом, эликсир в эмалированную миску, Марийка всегда деликатно вопрошала:

— Як завжды, повну, пан Здыхлик Неумеручы?²

На юбилей она подарила ему граммофонную пластинку на семьдесят восемь оборотов с мазуркой и вальсом Шопена в исполнении Софроницкого. По субботам Марийка накрывала белой скатертью самодельный стол, умещавшийся между стеной и кроватью, ставила графин с разведенным спиртом, и они чинно ужинали. Весь вечер говорили только по-польски и слушали гениальные мелодии. Брак был недолгим, у Марийки обнаружилась запущенная форма туберкулеза, и она быстро угасла.

Как только пришла бумага о реабилитации, Сташевский, по совету одного освобожденного-доходяги, в прошлом известного боксера, которому в лагере блатные кайлом пробили спину, уехал в подмосковный город Егорьевск и попробовал себя в качестве тренера детской спортивной школы. Но мальчишки, многие из которых пришли в секцию бокса, познав законы улицы, не приняли его демократический стиль общения. Возвращаться в Польшу было не к кому. Сташевский устроился техником по электроприборам на автобазу.

¹ Хорошо, что хоромы невелики, на обстановку тратиться не надо (*польск.*).

² Как всегда, полную, пан Кощей Бессмертный? (*польск.*).

Перебраться в столицу ему помогло случайное знакомство с бывшим фронтовым шофером маршала Рокоссовского.

Историю Сташевского Федор знал. Два раза в году — семнадцатого января, на день освобождения Варшавы, и тринадцатого февраля, в день взятия Будапешта нашими войсками в сорок пятом, — они брали два поллитра «столичной» и шли в пивную, напротив заводоуправления.

Сташевский стал убежденным холостяком, но к женщинам относился с картинной польской галантностью. И все в бюро знали: если обратиться к шефу, сделав ударение на имени по-польски, то есть на предпоследнем слоге, можно рассчитывать на начальственную благосклонность.

— Станіслав Иванович, я после обеда уйду? — Повторил просьбу Федор.

— А при чем тут Министерство образования? Я понимаю, военкомат, или, на худой конец, Министерство обороны. — Сташевский снял очки, потер переносицу. — Темнишь, боевой офицер! Или, может, на народной стезе просветительства, так сказать, скрытый Макаренко, в эпоху научно-технической революции...

— Да нет! Я тут... задачник по физике написал. В прошлом году вышло второе издание, и вроде бы за это дело медаль причитается. — Тишкин натужно выдохнул и провел ладонью по лбу.

— Как это — «написал»?! Выходит, Тишкин — автор, лауреат, а мы тут ему премию по процентам начисляем. Сколько лет работаем вместе, сколько поллитров... Ну, хоро-ош! — Сташевский был ошарашен. — Так. Та-ак! А завтра придут два искусствоведа в штатском и окажется, что конструктор Тишкин и майор Вихрь одно и то же лицо.

— Не придут. Я в саперах служил.

— Ну, выдал, саперный капитан. Хоть авторский с дарственной буду лицезреть? — не мог утихомириться Сташевский.

— Вроде бы тут никто не знает. — Федор потер ладонью лоб.

— Ладно, ладно, Сухомлинский-инкогнито¹ еще тут выискался. Небось, к медали и золотых подвалят? — добροжелательно постучал ладонью по столу Сташевский.

— Отказываться не буду! — Федор смущенно улыбнулся.

Тишкин хорошо знал этот подъезд со стесанными ступенями. В комнате знакомых лиц не было.

— Вы по поводу выставки? — слышалось сзади. — Проходите сюда. — По телефону голос казался более низким. — Познакомьтесь, пожалуйста, с Положением. — Молодая женщина протянула отпечатанные листы. — По месту 'аботы придется взять ха'акте'ис-тику и п'едставление по фо'ме. Все должно быть подписано «т'еугольником»² и утве'ждено заместителем минист'а, ку'и'ующим п'едп'иятие, где вы 'аботаете. Это надо успеть к началу заседания Глав-выставкома.

— Но ведь представляет к медали ваше ведомство.

— Нет, официально — ваше. Ну, а по существу, конечно, наше. Такой по'ядок, в Положении записано, что ха'акте'истика и П'едставление даются по месту основной 'аботы.

— А если я забулдыга и в перерывах между визитами в вытрезвитель написал хорошую книжку?

— Ну зачем такие к'айности? Алкоголик ничего хо'ошего сделать не сможет.

¹ Сухомлинский В. А. — выдающийся советский педагог-просветитель.

² В советское время любые характеристики, ходатайства (для награждения, выезда за границу и т. д.) должны были подписываться тремя лицами: руководителем организации, секретарем парткома, представителем профкома.

— А как быть с Мусоргским? А Некрасов был картежник, в деньгах нечист и у Панаева жену отбил. Вот бы ему характеристику дали!

— Музыка и стихи не задачи по физике, — она миролюбиво улыбнулась. — Лучше побыст'ей офо'мляйте документы. Возьмите об'азец. — Она порылась в стопке и вынула заполненные бланки.

Федор сел за свободный стол, лицом к окну, и прочел: «Доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки... “Электрические машины”...» — в какую компанию попал! Приходили еще какие-то авторы, они без лишних слов брали бланки и, вежливо прощаясь, уходили. Один, совсем седой, пришел с большим тортом и долго рассказывал анекдоты. Все смеялись, по всему было видно: у него этих медалей, как у Федора — фронтовых.

Он посмотрел в окно. По крыше соседнего дома расхаживала ворона. «Эта, небось, и войну помнит. Как было все ясно. Скоро дом, университет. Капитан Тишкин, командир роты саперов-подрывников, выписался из госпиталя, получил сухой паек, медаль за освобождение Будапешта, два костыля и увольнение в запас». А теперь он ссорится из-за какой-то глупой бумажки с молодухой, которая вполне могла быть его дочерью.

В армию его призвали с третьего курса физфака, в конце сорок первого, по спецнабору. Война тяжело прошла по их семье: погибли оба брата и отец. В небольшой двухкомнатной квартире, где до войны дым стоял коромыслом от четырех мужиков, теперь было тихо.

...Нога понемногу зажила. Федор решил вернуться в университет и снял с шифоньера запылившиеся учебники. Неожиданно мать разбил паралич. Нужно было думать о заработке, и он устроился на завод бытовой техники, а вечерами подрабатывал дежурным электро-

монтером в домоуправлении. Затерялась где-то в эвакуации Людмила, партнерша по хореографической студии. Она провожала Федора на фронт, тогда они решили, что после Победы поженятся.

Мать, уроженка Алтая, угасала медленно:

— Мешаю я тебе, Феденька. Свою жизнь тебе складывать надо, а тут со мной хлопот не оберешься... Может, сынок, таблеточек каких выпить, да и засну. Все одно помру. А годочки твои уйдут. Твоих родила и выходила, а ты все один.

— Ну что ты говоришь! — злился сын.

После смерти матери в университет так и не вернулся. Одно время стал даже принимать. Пытался отыскать следы Людмилы, но тщетно. Вскоре перешел во вновь организованную на заводе конструкторскую группу.

Женился поздно, на молоденькой машинистке из водоуправления. С Машей познакомился на новогоднем вечере. Во время танца она послушно следовала за опытным партнером. Федора потянуло к этому молодому, вздрагивающему телу... Маша так напоминала Людмилу.

Федор вызвался проводить девушку. Когда подошли к ее дому, обнял: «Я буду верным мужем. Выходи за меня». Маша прильнула к Федору.

Через год родилась Катька. Жили они спокойно и дружно. Иногда, правда, Федор задумывался, что, как ни скромна была его юность, настанет время — и двадцатилетняя разница в годах скажет свое. По утрам он крутил на балконе десятикилограммовые гири, обливался холодной водой. Катька росла смышленной. Едва научившись ходить, она шумно встречала отца, тащила ему тапки и висла на шее: «Мой бигамот пришел!». После того как оцарапала она мордашку об отцовскую щетину, Федор стал бриться дважды в день: утром — для дочери, перед сном — для жены.

Об университете Федор не вспоминал. Лишь когда приходили соседские ребята с трудными задачками, возмущался: «Уж люди на Луне скоро шахты будут рыть, лазером катаракту снимают, а в задачниках по физике как падали камни с крыши, так до сих пор до земли долететь не могут!»

Перед сном они с женой пили на кухне крепкий чай.

— Ты когда-нибудь видела, как с крыш камни падали? — однажды спросил Федор.

— Федь, ты чего?

— Да так, ничего... Вот послушай! У каждого человека в жизни должно быть что-то его, главное. Вот у меня была война, но она была у многих. И с войной жить нельзя, свихнешься... Теперь у меня есть ты, работа, Катюха... — Он вздохнул. — Давай заварим еще раз, да настоящего гусарского, а то пьем какой-то фельдфебель.

— Так ведь только заварила!

— Ничего, катехины требуют особого отношения. Надо чайник с заваркой накрывать. В роте у нас служил старшина-минер, взрывное дело кожей понимал, хоть и образования не имел. Чай заваривал — целый спектакль был. Красивый был парень, с раскосыми китайскими глазами и черными волосами. Саперы шутили, что кто-то из его предков ночью от китаянки секрет заварки на ощупь перенял. Его в роте «чайный минер», коротко — «чаймин», звали. Талант во всем был: санитарок на ощупь по ночам обучал этому искусству. У него теория была. Принесет чайник, накроет его своей шинелью и вещает: «При правильной заварке шинель катехины впитывает, и пули сворачивают». Собирался, вернувшись с фронта, вырастить особый сорт чая — «Сто лет без войны». Обещал мне в годовщину Победы чайник заварочный подарить. Не подарил. Один раз техноло-

гию нарушил... К чему это я? Понимаешь, у каждого человека есть свой час, а у каждого дела свое время. Если они совпадают — это счастье. Но жизнь есть жизнь, и ей плевать на твой час! А если рядом близкие, да еще зависимые от тебя... — Федор потер лоб.

— Федь, может, я тебе чего мешаю?

— Да нет, золотко. — Федор встал, подошел сзади к жене, легко приподнял ее за локти и положил голову ей на плечо. — Мне сейчас нужна твоя помощь... Давай-ка по чуть-чуть, у нас вроде бы осталось.

Они чокнулись. Федор обнял жену и стал целовать ее в глаза, брови, волосы. Потом опустил на колени и, обхватив руками талию, прижался лицом к животу.

— Знаешь, честное слово, если бы тысячу женщин в шеренгу построили, а меня с завязанными глазами и руками повели вдоль нее, я все равно тебя бы нашел!

— Интересно, это как?

— По запаху... Пойдем, обсудим все это в деловой обстановке. — Федор поднял жену на руки.

Потом они долго лежали обнявшись. Катюша была у родителей Маши.

— Пойдем еще по слегка, остатки сладки. — Он поцеловал жену, встал и пошел на кухню. Разливая в рюмки остатки, Федор громко сказал: — Так вот, родная, не прибился я к большому делу. Причины тут разные. А время идет, и скоро мои ходики остановятся... Короче, задумал написать я задачник по физике, в котором была бы настоящая техника. Но один я этого не сделаю.

— Феденька, а чем я могу тебе помочь? — Маша подошла, обнаженная.

— Эх, хороша! Вот повезло мне с женой: и красавица, и хозяйка, и любовница. Надо бы тебя работой занять, а то уведут такую кралю! Будешь печатать, а самое главное, по вечерам освободишь меня, по возможности, конечно, от домашних дел... Идет?

— Не уведут! Сама не пойду. Федь, а за задачки тебе заплатят?

— А как же!

Так в семье их стало четверо.

— Да пропади пропадом эти чертовы задачки, — жаловалась Маша соседке с пятого этажа, у которой муж работал экспедитором на мясокомбинате. — Жили как люди. Раньше, чего ни сготовлю, все хорошо, еще и приголубит. А теперь вилкой поковыряет и молчит... На работе все пальцы отстучишь, да и дома стучу, как дятел, стучу. Стирать не могу, пальцы, как деревяшки! Да и ласки от него не дождешься, как чурбан стал. Придет из своей библиотеки и молчит.

— Ой, подруга, не чисто это! Небось, там не библиотека, а библиотекша патлатая. Мужики все кобели! Вот моего, вроде как на повышение квалификации послали. И сразу прыти поубавилось: то устал, то-се. Я проверила — там такое повышение квалификации, милая, пошло, гляжу, как бы алименты не пришлось платить. Я в партком. До сих пор замасливает. Люстру, смотри, достал чешскую. К марту обещал плиту югославскую достать и дубленку мне. Кобель, он и есть кобель! А сейчас сучки молодые в постель сами лезут. Что ж так, жили-жили, любовь да ласка, а тут... Дыма без огня не бывает! Истаскался кобелина, вот и исхудал. А я гляжу, твой не такой стал. — Соседка распалась. — Ты скажи, он с тобой как с бабой живет нормально? Может, перемену какую почувствовала?

Слезы неудержимо текли по лицу Маши, которая теперь ненавидела эти задачки и разлучницу-«библиотекшу».

Вечером Маша заварила чай по всем правилам.

— Федь, я сегодня тут говорила с одной женщиной

в доме, у нее муж тоже пишет книги. Так ему аванс выдают. Может, и тебе полагается, а то ванну какой год собираемся...

Федор отсутствующе глянул на нее и промолчал. Маша сняла передник и вышла из кухни. Из ванной донесли приглушенные всхлипывания.

— Девочка моя, ну что случилось? — Федор дернул за ручку двери в ванную.

— У тебя кто-то есть?

— А я-то бог весть что подумал! Да я ни к одной бабе притронуться не могу, ее же отмачивать сутки в ванной с мылом и содой надо. Кто ж тебя надоумил? Ну ладно, ласточка, успокойся! Давай сегодня никаких дел, идем в кафе.

В кафе они не попали, стояла длинная очередь. Какие-то ребята пели под гитару.

— И когда же это будет у нас по-человечески?! Ведь сколько полезного времени впустую тратится! — злился Федор...

— Два... и на задний ряд, — подмигнул он кассирше кинотеатра, протягивая деньги.

Когда погас свет, он взял руку жены в свою и весь сеанс целовал родную ладошку.

Маша стелила кровать, острые лопатки просвечивали под старенькой, застиранной почти до дыр, ночной рубашкой.

— Вот получим деньги за этот чертов задачник и тебе купим все, что полагается молодой и красивой. — Он подошел сзади и обнял жену.

Так появился еще один автор в отделе учебников Министерства высшего и среднего образования, куда попал он далеко не сразу.

— Слушаю вас. — Сидевшая за большим столом женщина показала на стул.

— Дело в том, — начал Тишкин, — что я написал задачник по физике.

— То есть как это — «написал»? Вы преподаватель, методист?

— Да в том-то и дело, что нет! Вы выпускаете плохие задачники, они устарели и ничему никого научить не могут!

— Ну, так уж безнадежно устарели и ничему не учат... — Женщина приветливо улыбнулась. В комнате все подняли головы и стали разглядывать еще одного низвергателя. — Давайте по порядку. Кто вы, по чьему заказу написали? Одним словом, помните, как у Бабеля: «Кто ты, откуда идешь и чем дышишь?»

— Тишкин Федор Степанович. До войны учился в университете. На физическом факультете. Сейчас работаю на заводе. Я посмотрел все задачники по физике, авторы списывают друг у друга и не знают современной техники.

— Ну хорошо, где материал? — Завред Лидия Васильевна внимательно смотрела на Федора: «Сколько их, нервных трудяг, здесь перебывало!..»

Она молча листала рукопись:

— И откуда такие донкихоты берутся? Как раз два месяца назад мы дали гриф на такой задачник. Вы хоть знаете, что такое «гриф», дорогой мой? Ой, господи!

— А я думал, главное — это написать...

В комнате все разом дружелюбно засмеялись.

— Ну вот что! Вон за тем шкафом сидит Василий Григорьевич. Он вам объяснит, как нужно оформить авторское предложение и все документы. Только джентльменский уговор — гарантий не даю! — Завред улыбнулась.

Василий Григорьевич, сгорбленный, чахоточного вида пожилой мужчина с висячими усами, посмотрел на орденские планки, которые Федор теперь всегда

надевал по книжному делу, прокашлялся и показал на стул.

Через полгода Маша принесла конверт. Тишкина приглашали для переговоров...

Ворона улетела, и ее место заняли голуби, они сутились, наскакивали друг на друга, хлопали крыльями. «Вся жизнь наша — суета... Кстати, ни Лидии Васильевны, ни Василия Григорьевича не видно. Неудобно, пришел и не спросил», — подумал Федор и заглянул за шкаф.

— Здесь раньше работал Василий Григорьевич, такой пожилой мужчина с усами.

— Второй год, как похоронили.

— А Лидия Васильевна?

— Она на пенсии, внуков в зоопарк водит.

В направлении было сказано, что отдел учебников посылает рукопись в редакцию «Высшая школа» для заключения договора с автором Тишкиным Федором Степановичем.

— Ну, — сказал Федор жене, — вроде и денежкой запахло. Глядишь, и мы с тобой заживем красиво. Знаешь, сколько нам за вдохновение заплатят? — Он назвал сумму.

— А когда?

— Заключат договор и сразу же аванс — шестьдесят процентов от утвержденного объема.

Вечером долгожданную радость они вспрыснули. Утром в субботу Маша заглянула к соседке на пятый этаж и попросила мясорубку.

— А то моя совсем не работает. Знаешь, все некогда! Мы с Федей с этой книгой совсем запарились! Говорят, холодильники финские появились... Какой красивый материалчик! — Она потрогала рукой штору. — Мы тоже тут все с Федей думаем: чего ку-

пить, как деньги получим. Сколько нужно, одни дыры кругом!

— И сколько дадут за мучения-то ваши?

Маша назвала сумму в два раза больше той, что услышала от Федора.

— И только! За такие-то мучения!.. Слушай, а может, твой кое-чего прикарманить вздумал? Может, библиотешке-сучке чего отнести надумал?

— Мой Феденька не такой.

За первым в жизни гонораром они пошли всей семьей. Когда книга появилась на прилавках, Федор заходил в магазины.

— Еще много экземпляров осталось? — спрашивал он, переворачивая пахнущие типографской краской знакомые листы.

Ко второму изданию Федор сделал макет обложки сам. А теперь — медаль. Вечером он поделился радостью с женой, она позвала дочь.

— Катюша, иди скорее сюда, нашего папу наградили золотой медалью.

Утром Тишкин зашел за стеклянную перегородку.

— А где золотишко на ленточке? — поинтересовался Сташевский.

— Нужны моя характеристика и представление.

— Ну, это раз плюнуть!

До обеда все бумаги были готовы, и Тишкин поехал в свое министерство. В приемной сидела пожилая женщина.

— Замминистра без визы технического управления ни одной бумаги не подписывает, — изрекла она, не подняв головы.

— Простите, а где техническое управление?

— На тринадцатом этаже.

— А я думал, здесь, как у американцев, нет тринадцатого этажа.

Тишкин быстро шагал через ступеньки. Между девятым и десятым этажами кольнуло сердце.

«Начальник технического управления, член коллегии», — прочел он золотую табличку. Молодая симпатичная секретарша спокойно выслушала его, убрала косметичку в верхний ящик стола и, улыбнувшись, вежливо направила в патентный отдел. Начальник отдела, оторвавшись от бумаг, слушал нетерпеливо, а потом резко прервал раскрасневшегося посетителя.

— Вы из какой организации? Партизанщина какая-то! А где сопроводительное письмо? Откуда известно, кто вы такой? — Увидев четыре ряда орденских планок, уже спокойнее сказал: — Зайдите в соседнюю комнату, к моему заместителю. Это по его епархии.

Суховатый мужчина с болезненно-серым цветом лица предложил сесть и слушал молча. Потом докурил сигарету и, перебирая хмурым взглядом наградное величие просителя, встал:

— Подождите меня здесь, попробую помочь. — Вернулся он через полчаса, красный и возбужденный.

— Пожалуйста, оставьте бумаги. Скоро ваш день, — он кивнул на орденские планки.

Мужчины вошли в конструкторский зал гуськом. На сдвинутых столах, покрытых клеенкой, стояло традиционное праздничное угощение, принесенное «сестрами» из дома: отварная картошка, порезанная селедка с колечками лука, винегрет и — домашние пироги. Лидия Сергеевна, испекшая к празднику свой знаменитый пирог с капустой, открыла праздник, произнеся короткую, со смыслом речь. Обстановка быстро стала домашней. Все друг друга знали и наливали не скупясь. Сташевский, выждав момент, когда уже стало шумно, объявил о премии. Выпили и за нее. Затем он поднял руку:

— Друзья! Многие из нас знают о войне не понаслышке. Худое это было время. Горе входило в каждый дом. Сейчас у молодежи свои песни. А я хочу напомнить одну песню, кто постарше — ее знает. Там есть такие слова: «...И на груди его светилась медаль за город Будапешт».

Оказалось, что песню знали все. Станислав Иванович дирижировал одной рукой, а когда допели последние слова, предложил налить по полной.

— Я не случайно предложил эту песню. Есть среди нас один человек. За взятие Будапешта он получил боевую медаль. Вы знаете, о ком я говорю. — Все посмотрели на смутившегося Федора. — Но никто из вас не знает, что совсем недавно Федор Степанович получил еще одну медаль, и не простую, а золотую. Он написал задачник по физике — и теперь лауреат. — Все зашумели. — Я предлагаю тост за боевого офицера, который и сейчас в строю.

Молодежь настраивала магнитофон.

— А теперь, — опять встал Сташевский, — давайте выпьем за Варшаву. — Он залпом выпил полный стакан и сел, закрыв побагровевшее лицо руками.

— Вот бы с лауреатом под руку до метро пройтись... — Лидия Сергеевна повернулась всем телом к Федору: — Давайте на брудершафт.

Федор подошел к ней, наклонился и поцеловал пахнущую фиалками руку. Впервые его никто не попросил исполнить «цыганочку». Лауреат все-таки!

В конце недели позвонили из министерства. Тишкин вошел в уже знакомую комнату.

— Здравствуйте. Я у вас был несколько дней назад.

— По какому вопросу?.. А, вспомнил, это насчет выставки. К сожалению, мы сейчас готовим материал к коллегии. Но в двух словах: понимаете, ваша книга

не по профилю нашего министерства. Вот Министерство образования издало учебник, пусть и дает направление.

— За этим я и пришел. Получается замкнутый круг!

— А какое ведомство представляет к медали?

— По существу, Министерство образования, а официально, согласно Положению, наше министерство.

— А чье Положение?

— Министерства образования и Главвыставкома.

— Так что же вы от меня-то хотите?

— Чтобы наш замминистра подписал, необходима виза техуправления.

— Ну, спросит он меня, что я там завизировал, и буду я стоять и краснеть. Откуда мне известно, хорошая ваша книга или нет? А мне в мои годы выглядеть дурачком...

— Так ведь вышло уже второе издание.

Начальника техуправления Тишкин остановил в коридоре.

— Знаешь что, — сказал тот простецки, — мы готовим коллегию. Приезжай в пятницу, после обеда. Я предупрежу секретаря. Неужели старые фронтовики, — он посмотрел на три шеренги орденских планок, — не разберутся в этой кухне? Небось, и не в таких переделках бывали!

В пятницу Федор отпросился с утра. Секретарь сказала, что начальник техуправления срочно выехал в командировку, и посоветовала зайти к его первому заместителю.

— Как я могу подписать бумагу, если физику я читал последний раз по меньшей мере лет тридцать назад! — сказал худощавый мужчина в элегантно сером костюме.

Федор подошел к проходной. Над ключицей горело. Он повернулся и зашагал к пивной.

Утром Тишкин рассказал шефу про свой поход в министерство.

— Оставь! Сам зайду прямо к нему и подпишу.

Неожиданно Сташевский свалился с двухсторонним воспалением легких. Воркутинский «санаторий» весной или осенью всегда напоминал о себе. Появился Сташевский на работе лишь в конце мая. Про свое обещание он не забыл.

Осень была ранняя и холодная. Вечером, возвращаясь с работы, Федор открыл почтовый ящик. Из газеты выпал конверт.

«Уважаемый тов. Ф. С. Тишкин! — читал он. — Уведомляем Вас, что в связи с задержкой сопроводительных документов вопрос о представлении... — сообщалось полное наименование, год издания и т. д. — к медали ВДНХ не рассматривался. Согласно Положению, задачник может участвовать в конкурсе будущего года на общих основаниях».

Весь вечер Маша проплакала. Вернувшись со двора Катюша, увидев заплаканные глаза матери, ткнулась носиком в цветастый мамин передник.

— Вот, доченька, злые дяди забрали папину медаль.

В пятницу Маша отвела Катюку к родителям, давно ждавшим внучку. В воскресенье на своем столе Федор обнаружил конверт, на котором корявыми и большими буквами было написано: «МАИМУ ПАПИ». В конверте лежала большая шоколадная медаль в обертке из золотой фольги.

Вечером Маша молча разливала чай.

— Ну, ты чего примолкла? — Федор посмотрел на ее осунувшееся лицо и улыбнулся. — Ванну сменили, медаль получили. Пора за новую книгу браться... По рюмке слегка, что ль? «Чаймина» помянем. Какой бы чай с тобой пили!..

Федор встал из-за стола достать рюмки и судорожно схватился левой рукой за горло. «Скорая» приехала на редкость быстро.

— У него, милая, инфаркт, — сурово изрек немолодой седоватый врач. — На госпитализацию, милая, немедленно, и без разговоров и слюней. А то за цветами придется идти.

Бледная Маша, прикрывая обеими ладонями рот, шла по двору за носилками.

Соседка с пятого этажа, в бигуди, дубленке и ботах «аляска» на босу ногу, стояла с пустым ведром у мусорного бака. Она повернулась к дворничихе:

— Ведь говорила: за кобелями глаз да глаз. Машу жалко, куда она теперь. Моя воля, всем кобелям на мошонку клеймо б ставила, чтоб сучки не больно-то пялились.

Соседка оскалилась и показала дому кулак.

Через месяц Тишкина выписали из больницы. Ему полагалось еще долечиваться амбулаторно.

Дважды в неделю, по вторникам и четвергам, ровно в восемь вечера у Тишкиных появлялся Сташевский. Они с Федором садились играть в шахматы на кухне, Маша заваривала крепкий чай по всем правилам. Сташевский рассказывал о своей юности, спорте, о доменной Варшаве. Он всегда приносил с собой водку и закуску, но Федору выпить не предлагал.

Субботним солнечным днем Маша собирала мужа с дочерью на прогулку. Она наметила провести генеральную уборку. В дверь сильно постучали. На пороге стоял Сташевский с букетом белых гвоздик. Багровое лицо, набухшие веки, почти прикрывающие воспаленные, в красных прожилках, глаза. Гость был в темном костюме и накрахмаленной белой сорочке с черной шелковой «бабочкой» под горло.

— Прóшу, пани! — Гость вручил хозяйке цветы и картинно нагнулся, целуя ее руку.

Сташевский прошел на кухню, поставил на стол бутылку шампанского, положил коробку дорогих шоколадных конфет, шумно выдвинул табуретку и, глубоко вздохнув, сел.

— На Федорах земля держится... Только кому надо не хотят понимать... Знаете, друзья, как по-польски «не всякий конь ко двору сгодится»?

— Как? — Маша, вытиравшая клеенку на столе, выпрямилась.

— «Не всяк конь на двор годны».

— И переводить не надо. — Федор встал за спиной Сташевского и положил руки ему на плечи.

— Саперный капитан Тишкин какую войну прошел! Медалей и орденов военных заслужил больше, чем у меня волос на старой голове, а тоже ко двору не сгодился... Ничего, живы будем — не помрем... Вы, ребята, берегите друг друга! Вот я Марийку не сберег... Сегодня у нее именины... Ангел к ней придет... И медаль золотая — главная, мирная, — у тебя, Федор, будет... Хорунжий Армии Людовы обещает! — Сташевский положил голову на стол и обхватил ее обеими руками.

ДУСЬКА

СЕМЬ лет назад Герой Советского Союза генерал-полковник Николай Васильевич Варенцов вышел в отставку, и парадный мундир в полиэтиленовом мешке безвольно повис на антресолях. Лишь трижды в году: 23 февраля, Девятого мая и 11 сентября, в день рождения жены, генерал приносил с балкона лестницу-стремянку и снимал тяжелый мундир. Пока он спускался по лестнице, звонкий перестук в шеренгах наград и отличий напоминал о дальних и ближних гарнизонах, Анголе и Афганистане, где рихтовала его армейская судьба.

Раньше парадный мундир готовила жена с вечера. Маша доставала его из шкафа в спальне, где висели и ее выходные наряды, щеточкой очищала добротную ткань от ворсинок, заботливо протирала фланелью регалии, происхождение каждой из которых хорошо знала.

Супруги были одногодки и даже появились на свет в один месяц. Свои дни рождения они отмечали в «Машин» день, а друзья, по традиции, приносили один общий подарок.

Николай Васильевич дорожил и гордился своей половиной: умная, образованная, сдержанная — не в пример многим офицерским женам, стройная, с роскошной косой, которую супруг до последнего дня не

позволил тронуть, Маша притягивала мужское внимание. Но призывные и завистливые взгляды отскакивали от нее, как теннисные мячики от стенки. И даже когда Машу стал ломать недуг, но у нее еще оставались силы сопровождать мужа на приемах, — царственной статью и безупречным вкусом она выделялась среди разодетых и ухоженных спутниц сильных мира сего.

В пасмурный январский день Николай Васильевич вышел вдовцом из госпиталя, где три месяца не вставала с постели Маша, и в квартиру на Комсомольском проспекте 11 сентября друзья не приносили больше подарки. Пришла жизнь «без Машуки» — незачем было больше и собираться.

Для своих семидесяти пяти, пройденного и пережитого, генерал выглядел достойно. Он был широкоплеч, подтянут. Мощная прямая шея со складкой ниже затылка, седой ежик на голове и припухшие надбровья выдавали спортивное прошлое Николая Васильевича. Только его живые глаза сильно потускнели после ухода Маши.

11 сентября генерал не появлялся на службе, он вставал позже обычного, не делал зарядку, не слушал утренние новости, а доставал из холодильника запотевший графин со «Столичной», наполнял доверху два граненых стакана и выпивал залпом свой, не закусывая. В цветочном ларьке придирчиво отбирал двадцать две белых розы и при полном параде ехал с докладом на кладбище.

— Здравствуй, Машука.

С большого серого камня смотрят родные глаза с лучиками в уголках.

— Вот, мебель поменял. Твои колечки-висюльки невестке так и не отдал. Нет у них семьи. Подожду, пока Колька свою кралю приведет. Может, у него настоящему будет... А там и к тебе...

Родители внука, Коли-младшего, преуспевали в бизнесе — у каждого свое дело, свой бюджет и своя жизнь. Они не перегружали отпрыска своим вниманием, отдав воспитательную функцию на откуп деду.

Николай Васильевич ныне состоял советником при одном закрытом акционерном обществе. Перед уходом в отставку дважды доктор — военных и исторических наук — генерал-полковник Варенцов шесть лет возглавлял кафедру оперативного искусства в Академии Генерального штаба. Успешные выпускники элитного учебного заведения занимали нужные должности в нужных ведомствах. Одна беда — не мог он ни давать, ни брать. И потому, когда ресурса новой ипостаси генерала не хватало, уязвленное самолюбие его бунтовало, и вместо одной лечебной рюмки Николай Васильевич пропускал вечером две, а то и три. Что делать, пришла новая явь, в которой мерилом всему стала монета. После третьей рюмки вспоминал трехзвездный генерал, как кормил мошкú в колымской тайге, как с температурой сорок прятался от пассата в ангольской саванне... — И все, как оказалось, лишь для того, чтобы *электрификацию* заменить *монетизацией*.

По привычке, выработанной за долгую армейскую службу, генерал вставал в пять пятнадцать. Он делал часовую зарядку с десятикилограммовыми гантелями, в заключение отжимался сто раз на кулаках от пола и шел в ванную. Стоя под холодной водой, неспешно брился. А потом будил внука, готовил ему овсянку и свежавыжатый апельсиновый сок.

Коля-младший, вылитый дед в юности, опустив голову, вошел на кухню, левый глаз закрывал огромный фингал. Николай Васильевич положил газету, снял очки и со знанием дела оглядел фиолетовую гематому, расплывшуюся по лицу внука:

— С удовольствием отмечаю рост мастерства.

Тезки дружили, у них была общая тема, которая не меньше, чем кровные узы и английский, которым дед, благодаря Маше, неплохо владел, спланивала разные поколения. Маша была преподавателем «аглицкого», и в семье между собой они часто говорили на языке.

Внук тренировался в отделении бокса Центрального спортивного клуба армии, куда дед привел его четыре года назад.

В семнадцать лет Николай-старший стал мастером спорта. Ему прочили большой ринг, но он выбрал погоны.

Накануне генерал получил от совета директоров дорогой сувенир: боксерские перчатки с автографами армейцев — олимпийских чемпионов и, придя после ресторана, где отмечали успешное завершение крупной сделки, повесил перчатки на ручку двери в комнату внука.

— Дед, ну ты даешь! — Коля-младший держал связанные шнурками перчатки. — Ну как я их надену?

— А ты не надевай, повесь над кроватью и смотри на них — с моей надеждой и со своим рвением.

— Дед, почему ты в бокс пошел?

— Ну, во-первых, выбора не было, а во-вторых... Давай в субботу перед баней сходим к моим пенатам, я тебе все и расскажу, и покажу.

По субботам они вместе ходили в Кадашевские бани, для боксера баня первое дело, чтоб вес держать и из мышц молочную кислоту выгонять.

— Еще вопрос можно?

— Валяй. Только четко, в темпе вальса, как говорили у нас в училище.

— Зачем ты сухари жарить, никак свой бизнес задумал открыть? Клевое дело. С твоим-то иконостасом в переходе на Пушкинской кучу бабла огрести можно.

— Не могу хлеб черствый выбрасывать. Твоя ба-

бушка Маша сухарики с изюмом, корицей и черносливом знатные делала, с ними по вечерам чай пили.

— Это же сколько чая надо выпить, чтоб такую гору сгрызть, что ты нажарил.

— Эх, Колюха, счастливые вы, а может, несчастные. За что бороться вам? Это мы за краюху хлеба и миску каши до кровянки колотились. А теперь диета, свежесжатый сок, чтоб витамины не улетучились. Мы с твоей бабулей о книгах говорили, музыку достойную слушали. Бабка твоя в подлиннике Олдингтона, Честертон читала и меня заставляла. А твои предки нигде вместе не бывают, ужинают порознь и вряд ли знают, что Мо-оне и Ма-ане не одно и то же, — Николай Васильевич сартикулировал гласные.

— У них бизнес... Кому нужны сейчас твои Мо-оны-Ма-аны, лучше «мани», и побольше. Дед, а как вы с бабулей познакомились?

— Я училище военное заканчивал, а она пединститут. Ох, и танцевала бабуля твоя! А когда «цыганочку» выдавала — служивые, хоть курсант, хоть полковник, в шеренгу строились.

— И ты мог сбавать?

— Еще как! Нас в военном училище бальным танцам обучали: падеграс, краковяк, миньон. Сейчас молодежь таких названий-то не знает. Когда к нам на вечер барышни приходили, мы каждой гвоздику или розу дарили.

— А сколько вам лет было, когда поженились?

— По двадцать два. Кабы не бокс, не было бы у тебя такой бабули, а у меня Маши, и неизвестно, как жизнь пошла бы.

— Ну расскажи. Небось в пятак кому дал?

— В другой раз. Это целая история... Я перед самым окончанием чуть из училища не вылетел. Меня начальник курса вытащил, он боксер был.

— Дед, а давай с тобой тоже чай с сухарями пить.

— Тебе не сухари, а, как спортсмену, кефир нужен, чтоб нужная микрофлора за ночь в желудке восстанавливалась.

— Дедуля, у папена¹ сестра была. Ты мне о ней ничего не рассказывал.

— Анастасия работала нейрохирургом по очень редкой специализации, собиралась докторскую защищать. Понадобился специалист в Афганистан. Вертолет, на котором она летела, сбили.

— А чего мы забыли в Афганистане?

— Если просто, то есть большая политика, а есть воинский долг, они далеко не всегда совпадают. А если сложно... Вот мастером станешь, вместе и обсудим.

— А если не стану, что — ты от меня откажешься?

— Внуком ты всегда будешь, а в друзьях у меня одни мастера ходят. Мастером не обязательно по форме, главное, по сути быть. Вот Анастасия мастером была.

— А за что тебе Героя дали?

— Одной операцией, далеко отсюда, руководил.

Они вместе вышли из подъезда, черный «лендровер» ждал на парáх. Дед подвозил внука к колледжу и ехал «в присутствие», как он называл свою новую службу.

Дворник большим скребком чистил дорожку.

— Нынче опять снег обещают. Доброе утро, Николай Васильевич. И откуда такая жестокость у людей? Кошку из окна второй раз выбрасывают. Наширяются, сосунки хреновы. Видать, когда летела — за сетку зацепилась и подранилась, весь бок в крови. Слава богу, я тут еще снег не успел убрать. Жива еще животная.

— Жестокость всегда была, особенно против слабых и братьев наших меньших. — Николай Васильевич подошел к пушистому белому комочку. — Ты моя красавица. Слушай, Иваныч, возьми к себе, а то замерз-

¹ У отца (*молодежн. сленг*).

нет. Я с ветеринаром вечером приеду и заберу. Жаль, такая живая красота погибнет.

Ехали молча. Вспомнилась генералу послевоенная Москва, сорок седьмой год. Как быстро все пронеслось... Они жили в полуподвале. Окно, выходявшее на задний двор, только наполовину возвышалось над уровнем земли. Сплошная темно-серая стена соседнего дома полностью закрывала солнце. Плесень разъедала все. Мать старалась большую часть года держать окно или форточку открытыми, воздух с улицы хоть немного спасал от сырости. Рядом с кроватью, где спали мать и сестра, стоял топор — на всякий случай. За шифоньером размещались дед и контуженый дядька, пришедший с войны без ноги. Колька спал на ящиках. Ночью по комнатам бродили в поисках съестного голодные крысы, которые вытеснили из подвала худосочных кошек.

В квартире было пять комнат и жило шесть семей, в уборную ходили по расписанию, а умывались на кухне над общим тазом, вода из крана тоже была общая. Все бы ничего, если бы не так хотелось есть.

За стенкой жила с тремя детьми и новым мужем-инвалидом широкодушная и состоятельная, по тем временам, тетя Женя. Она работала уборщицей в столовой Института марксизма-ленинизма и подкармливала не только свою семью, но и соседей. По субботам тетя Женя приносила полведра борща или суточных щей, которые не доели теоретики великого учения. Все собиравшись на кухне, рассаживались по табуретам, и трапеза с разговором начиналась. Каждый приходил со своим хлебом, который полагался по карточке. Послевоенное коммунальное братство...

Когда первый диктор страны Юрий Левитан, которого Гитлер обещал и повесить первым, как только немцы войдут в Москву, объявил о денежной рефор-

ме и отмене карточек, квартирная сходка постановила перейти на покомнатное хлебное дежурство. Четыре комнаты, тетя Женя не в счет, стало быть, раз в месяц от комнаты две буханки белого. В буханке два кило, килограмм стоит два двадцать — это было по силам.

В коммуналке тридцать один человек, включая четырех членов семьи тети Жени. Больше одного ломтя хлеба, как ни кусай, на тарелку не хватит. Вот бы — целую буханку! Забраться на чердак и... от пуза! Деньги только достать... Можно было, конечно, из родительской сумки взять, но сумма велика, мать сразу пропажу обнаружит, а уж кто взял — ясное дело. Две недели назад он взял два рубля на кино. Он давно собирался пригласить в кино Аллу с третьего этажа. Сильно тогда мать прошлась по его задней плоскости. Выволокла киномана на задний двор и, держа за штрипки перешитого галифе, драла его мокрой бельевой веревкой. Ему повезло, что дворничиха заступилась, бездетная тетя Надя, зачисленная, как и полагалось, по известному ведомству «смотрящей» по их дому. Она жила под лестницей черного хода, и ключ от чердака был только у нее. Только бы достать четыре сорок...

Дистрофический дефицит мясного покрова на костях усиливал болевую составляющую сеанса педагоги. Колька выпросил у дворничихи ключ, чтобы оклеветаться и побыть одному: надо было наметить план, как без воспитательных последствий осуществить мечту. Да и Алла, хоть и не проронил Колька во время урока ни звука, видела его позор.

Тепло на шлаке, по крыше ходят сизари, к вечеру в темных углах бездомные кошки выясняют отношения. Колька шикарно подражает кошачьим песням. Мать только к утру хватится, а от голода пока вар пожевать можно. Все равно он денег достанет. Ночью на чердаке тихо, и просыпаться не нужно, здесь дед с дядькой со-

ревноваться не начнут, кто храпит громче. У деда храп музыкальный, с переливами. А вот дядька больше хрипел и под утро громко стонал.

На счастье, приехала из Вены двоюродная сестра матери. Ее муж-военврач служил там после войны. Взяв детей, мать поехала к сестре в Сокольники. Та привезла родственникам подарки, Кольке достались галифе и гимнастерка. Слава богу, военврач был щуплый, маленького роста мужичок, вдвое ниже и втрое уже своей супруги, каждая из грудей которой была больше головы медицинского майора. Дворничиха, жалевшая Кольку, подогнала амуницию под атлетическую фигуру отрока, у которого самым толстым и мускулистым местом на теле были коленки.

Как только сестры вышли в коридор покурить, Колька раскрыл теткину сумку и вытянул новенькую десятку. Много лет спустя в Москве праздновали первую генеральскую звезду, и тетка рассказала гостям про этот случай. Все смеялись, а новоиспеченный генерал предложил тост, чтоб у всех советских детей не было повода для таких поступков, но утром отослал пострадавшей долг с большими процентами.

Подошло хлебное дежурство их комнаты. Мать дала восемь восемьдесят. Можно совместить личное и общественное. Просто так в булочную не придешь, вдруг кто из соседей его увидит. Теперь совсем немного оставалось до исполнения мечты. «Общественные» и «свои» он положил в разные карманы. «У дворничихи он возьмет ключ и большую банку. Всухомятку трудно целую буханку съесть, а с водой — в самый раз».

Вот и булочная. С полуторки с надписью «Хлеб» высокий мужчина в гимнастерке без знаков различия выгружал лотки с румяными кирпичами и подавал в окно. Запах свежеевыпеченного хлеба пьянил, засосало под ложечкой. Демобилизованный сильно припадал на

одну ногу, на выцветшей гимнастерке справа — столбик желтых и красных нашивок, полный кавалер ранений, и орденская колодка не слабая. На подножке полуторки — палка с изогнутой ручкой. А хлебный дух плывет по переулку. Колька подошел совсем близко.

Как только демобилизованный взял очередной лоток и повернулся к приемному окну, Колька подскочил к открытой дверце кузова и, встав на цыпочки, схватил буханку.

— Стоп, машина. — Буханка упала на асфальт. — Ты откуда такой экспроприатор?

— У меня есть деньги — я заплачу.

— Это понятно. А родители есть?

— Мать.

Демобилизованный одной рукой опирался на палку, а другой, как щипцами, держал воришку за плечо.

— Отведи-ка этого экспроприатора с его буханкой в кассу, пусть заплатит и о будущей жизни задумается, а то поздно будет! — позвал водителя демобилизованный.

Спустя десять минут взбудораженный Колька шел к дому: «Чего тут о жизни думать! Буханочка тепленькая, под гимнастеркой. Живот втянул — совсем незаметно. Тетя Женя придет только вечером, еще куча времени, успеет он на чердак. Все равно в одни руки только по два кило дают, два раза в булочную бегать».

Рядом с булочной — магазин «Консервы». Прямо напротив входа, за огромным высоким прилавком — тетя Шура, соседка со второго этажа. Она торгует соками. Сегодня ее смена. «Можно заказать по полному стакану яблочного и виноградного. Больше нельзя — подозрительно: откуда такие деньги». Колька смотрел, как тетя Шура красными руками тщательно мыла граненые стаканы. Чистые, мокрые, они стоят под огромными конусными колбами, медленно наполняясь. Теперь нуж-

но осторожно взять сначала один, потом второй — и пить... пить... И вот уже булькает в животе, и отрыжка такая сладкая. Одна беда — живот теперь не втянешь, и буханку в руках надо нести. Дабы случайно не нарваться на знакомого (а вдруг буханку увидит), Колька зашел на задний двор через длинную темную подворотню в соседнем доме. Обычно жители избегали пользоваться этим проходом — поговаривали разное. Блатные дважды через него убегали от милиции во время облавы. Но Кольку не тронут, он «свой» и на «атасе» два раза стоял. У него рука верная, в «расшибец»¹ со старшими его ставили на первый удар.

Колька спрятал буханку в заветное место на черном ходу, за трубой, и пошел к дворничихе. Тут его осенило: «Осталось-то целых пять рублей, стало быть, хватит еще на сто пятьдесят «отдельной» и на кино. С колбаской совсем другое дело — это шесть кружочков. А если потоньше резать, то и все восемь. В гастрономе была ливерная, значит, на двести хватит. Вот уж праздник по полной! Одна беда — ливерную тонко не нарежешь, кусать помаленьку придется. А дух какой от ливерной! Теперь за водой. Времени навалом».

На чердаке сквозь щели и пыль пробивались солнечные лучи. За обитой жестью дверью на боку лежал и сипел кот Васька. Два дня назад коту кто-то прополрол брюхо, ребята видели, как Васька волочил по двору кишки. Кот еще был живой. Колька сбегал вниз, взял у дворничихи чистую тряпку и бинт. Он аккуратно переложил кота на тряпку, полил кишки водой, запихнул их в распоротое брюхо и обмотал туловище бинтом. Васька лежал без движения, изредка судороги прокатывались по его телу.

Операция была завершена, теперь можно было

¹ «Расшибец» или «расшибалочка» — уличная игра, в которой надо битой расшибать столбик монет.

приступать к главному. Колька отламывал пористые влажные комки от буханки, аккуратненько передними зубами отщипывал маленькие кусочки ливерной, облизывал губы и заглатывал свое счастье, запивая из банки холодной водой. Последние два кружка для Васьки, если оклемается. Еще шкурки колбасные меж зубов можно протянуть. Когда осталось полбуханки, резкие спазмы схватили живот, выступила испарина. Становилось все хуже и хуже. Только через сутки дворничиха поднялась на чердак.

...И Васька, и Колька выжили. Хотя субботняя трапеза была сорвана, все простили виновника, ведь деньги он не потратил и сам пострадал. А сердобольная дворничиха посоветовала матери отдать сына в ремесленное училище. Там давали форменную одежду и раз в день кормили. В ремеслухе набирали в секции гимнастики, самбо и бокса. Колька пошел в бокс.

Тренер, худощавый невысокий мужчина с утиным носом и красными бугристыми надбровными дугами, внимательно посмотрел на новичка, цыкнул, обнажив металлические коронки, и повернулся к пареньку, стоявшему за его спиной со скакалкой.

— Миша, покажи, как бинты мотать и принеси две пары перчаток. Сильно нос ему не бей.

Ринг был разделен веревками по диагонали на четыре сектора. В трех бились ребята постарше, в шлемах.

Колька поднялся на ринг и, не дожидаясь команды, стал молотить по голове, рукам, плечам противника. Тот закрыл голову перчатками и встал на колени. А Колька все бил и бил.

— Тут не улица, это бокс, дружище. Приходи в среду, — тренер с улыбкой остановил худосочного молотбойца.

За час до тренировки давали миску овсяной каши с подсолнечным маслом. К столу никто не опазды-

вал. Овсянка быстро усваивалась. Так, за кашу, стал тренироваться Колька. Только когда в таблице было больше двух троек за неделю, к тренировкам не допускали, а стало быть, и каша не полагалась. Пришлось и в учебе стараться. С первым разрядом по боксу и приличным аттестатом Кольку зачислили в пехотное военное училище.

«Неужели это все было?!»

Вечером Николай Васильевич приехал с ветеринарным врачом. Он положил кошечку к себе на колени, она лежала тихо и урчала. Врач, немолодая симпатичная женщина, посмотрела на большой портрет Маши, висевший в столовой и ощупала раненую.

— Ничего серьезного. Настоящая персияночка с рыжими глазами. Очень умные и здоровые кошки этой породы. Она признала вас. — Врач сделала усыпляющий укол и обработала рану.

Через полчаса кошка проснулась и стала чихать.

— Не волнуйтесь. Это нормальная реакция на укол.

— Дед, давай назовем ее Дуськой, — Коля-младший погладил мягкую шерстку.

Кошка лизнула руку Николая Васильевича.

— А что, нормальное имя. Только лучше — Евдокия, как-то уважительнее. Будет хозяйкой в доме, — генерал почесал кошечке за ухом.

— Вы подержите сегодня ее подольше на руках. Пусть окончательно привыкнет к вам, — посоветовала врач перед уходом.

— Ну что, упрямся? — Николай Васильевич ставит правый локоть на стол.

Внук обреченно соглашается и садится напротив. После трех поражений подряд Коля-младший тяжело вздыхает:

— Чай ставить? С сухарями?.. Варенье, сахар доставать?

— Как всегда... Тебе пора уже валить меня.

— Я нарочно поддаюсь, товарищ генерал-полковник, чтобы субординацию не нарушать.

— Ну, во-первых, я теперь не на должности, а во-вторых, в спорте нужна не субординация, а амбиция. Есть победитель и побежденный, и только в честном поединке. А то нынче такое увидишь на футбольном поле или ринге! В наше время за «грязь» на ринге принципиально потом руки не подавали.

Они долго сидели на кухне. Дуська устроилась удобнее на генеральских коленях и заурчала.

— Дедуля, а кто из наших великих мог бы пробиться на профессиональном ринге?

— Многое подзабылось — годы. Особенно мне близки по манере были Попенченко и Позняк. Технически и тактически выше всех стоял Попенченко. Он бил все и с обеих рук, у него колотушка знатная была. Помню, как-то приехал чемпион ФРГ, такой долговязый боксер. Валера походил, походил по рингу, пару раз левой слегка потрогал его и провел боковой. Тот сложился и рухнул. «Грязи» сейчас больше стало, она как-то даже стала элементом мастерства. В наше время за такое уважение можно было потерять, а теперь чуть что — виснут, из ближнего без удара выходят; «кино ломают», как наш тренер говорил. А мы к победам шли долго, годами базовую технику отработывали. Но индивидуального подхода не было. Компанейщина, как во всей тогдашней жизни, и в боксе процветала. — Николай Васильевич почесал Дуську за ухом. — Помню, появился талантливый парень с Украины, Ричард Карпов. Бил как из пушки, а его переучивать на игровой стиль начали. Сломали парня. Бокс без акцентированного удара — это не бокс, а театр... Сейчас молодежь

натаскивают на быстрый успех, обещают переход в профи. Там, конечно, деньги. А мы талоны на питание, спортивный костюм наградой считали. Коммерческой основы не было, потому чемпионы после ухода с ринга нередко нищими становились, некоторые спивались. Кое-кто из больших в криминал пошел. К сожалению, большой спорт не дает времени для получения другой профессии. Сейчас ринг, как и многое другое, — шоу, спортсмены будущее себе обеспечивают. Жить ведь надо и после ринга.

В субботу, как и собирались, они поехали на Арбат. На месте, где когда-то прошло детство старшего Кольки, стоял шикарный четырехэтажный особняк с огромными стрельчатыми окнами. Осталась только стена соседнего дома, у которой старым и надежным способом мать формировала отроку правильное отношение к жизни. Нет давно мамы.

— Деда, а вы с бабушкой ссорились?

— Она со мной — было дело, я — никогда.

— Мои все обещают, что разойдутся.

— Офицер должен без промаха жениться. Бабушка твоя великая женщина была, я за ней — как за каменной стеной. Но иногда не соответствовал... Места надо знать, где жену выбрать. Если доживу... научу.

«Как рассказать внуку, почему пошел в бокс и как судьба в армию привела, а не в исправительную колонию, и почему черствый хлеб не может выкинуть в мусорное ведро? Время другое было. И хорошо, что нет старого дома, чердака. Пусть это в его памяти остается, а внук пусть пьет свежавыжатый сок, своих детей по-своему воспитывает, всегда слабому поможет. История опять новый виток со страной затеяла... А мы уж с Машей оттуда посмотрим», — думал про себя генерал.

— Дед, только честно, когда вы поженились, у тебя другие женщины были?

Николай Васильевич внимательно посмотрел на внука:

— Ну что ж, вопрос прямой... Как времена поменялись! Такой бы вопрос задать старшему в наше время... У нас, Колюха, любовь с Машей была настоящая. Она себе цену знала и, если *что*, сразу же ушла бы. Маша королева была — гордая и прямая. Таким не изменяют... Я с ней как мужчина такое счастье познал! Мы не только любовники, мы главные друзья по жизни были... Кабы не Маша — не видать мне генеральских лампасов и докторских дипломов. А так, Коля, жизнь есть жизнь... Честь ронять нельзя.

— Не хочешь — не говори. Вон, соседка из квартиры над нами все про тебя спрашивает. По-моему, она собой даже очень ничего. У нее сын тоже спортсмен. Он говорит, она готовит классно, и дача у них в Кратове, с гаражом.

— Ты, Колюха, не сватай меня. Лучше сам пока себе жену приглядывай. — Генерал посмотрел на небо и закрыл глаза. — Несовременный у тебя дед. В мое время жен искали не по гаражам... Хотя кто знает, как правильно... Ну, уж терпи, какой есть. Второй Маши нет на свете, а другая меня не стерпит. Так-то, Колюха...

А Дуська-Евдокия и по сей день спит в ногах Николая Васильевича, а если нужно, снимает ему давление, царственно устроившись на все еще крепкой шее генерала.

ПОВЕСТИ

МАЛЬЧИКИ С КОЛЫМЫ

Памяти мамы посвящается

*Я помню тот Ванинский порт
И вид пароходов угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные, мрачные трюмы.
...Будь проклята ты, Колыма,
Что названа Чудной Планетой...
Сойдешь поневоле с ума,
Обратно дороги уж нету...
Из песни*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГАЗЕТЫ надрывались от успехов Перестройки... Год назад сын повысил меня в должности до деда, а жена, взяв клятвенное обещание дослужиться до прадеда, записала в бассейн. Теперь по субботам я проплывал свой километр. Благоверная загодя набивала холодильник малокалорийным провиантом и с утра пятницы уезжала на выходные к внуку. На ручку холодильника она вешала картонку со страшным словом «холестерин», а на кухонном столе оставляла инструкцию, в какой последовательности нужно утолять голод. Последние

пять лет моя половина была помешана на отдельном питании. Домашний рацион состоял из сплошных табу. Когда супруга уезжала к любимому внуку на «бабушкино дежурство», с чувством собственного достоинства я нарушал инструкцию. Жена служила экспертом по русской живописи девятнадцатого века при Третьяковке, и режим у нее был свободный.

В студенческую пору я играл в баскетбол за факультет. Наш капитан и комсорг Влад раньше остальных членов команды получил красный диплом и по распределению сразу оказался на номенклатурной должности во вновь созданном сверхзакрытом ведомстве.

С уходом Влада команда распалась. Но через несколько лет Влад снова всех собрал под свои знамена. Так, плотным строем, мы поднимались по карьерной лестнице за лидером, и скоро все выбились в начальники. Не было только центрального Стаса, который среди нас выделялся не только ростом. Когда в пятьдесят шестом по стране проходили митинги в поддержку ввода советских танков в братскую Венгрию, Стас открыто не поддержал линию партии. Такие студенты были не нужны стране социализма.

Вскоре Влад предложил периодически устраивать застолье всей командой. Если мы собирались дома или на даче, я брал гитару.

Задули ветры шестидесятых. Страна просыпалась от большевистских «нельзя». Слава богу, пришло другое время. И лишь особо ретивые, которым мало было большевистских послаблений, в вагонах с решетками поехали в места, не столь отдаленные. Среди них были литераторы Юлий Даниэль и Андрей Синявский.

На московских кухнях уже не шепотом рассказывали анекдот, как бы все происходило при Отце народов: «Вызывает Иосиф Виссарионович Берию¹. “Слушай,

¹ См. сноску на стр. 71.

Лаврентий, там Синявский не о футболе тоже разговаривает. Очень разговорчивый комментатор”. — “Нет, товарищ Сталин, это другой Синявский¹”. — “Лаврентий, зачем нам два Синявских?”» В Политехническом призывно звучали голоса поэтов нового времени. Но скоро большевистское начальство поняло, что голоса эти слишком звонкие. В Манеже Хрущев «учил» ремеслу и партийности художественную интеллигенцию.

Летом шестьдесят восьмого забурлила Чехословакия. Кто-то из наших на очередном выпивоне поднял рюмку за новое время. Тогда наш капитан жестко осадил ретивого: «У нас одно время — делом заниматься, а политика не наша епархия».

Все поняли и усвоили. А вчера Влад задумчиво поболтал фужер с армянским коньяком «Арарат» и, оглядев своих вассалов, сказал:

— Из-за отсутствия музыкального слуха, кроме, конечно, нашего доморощенного барда, — он кивнул в мою сторону, — филармония не ждет нас на концертах. Но классическую литературу чиновники должны знать... Советский граф, по совместительству советский писатель и сибарит, Алексей Толстой написал умную сказку «Золотой ключик». Там есть пророческие слова: «Солнце еще не взошло, а в стране дураков уже кипела работа». Выпьем за Перестройку. Дай нам бог найти золотой ключик от сейфа, где есть инструкция, как и что надо перестраивать.

Мы опять поняли: точно, другое время пришло. И до трех утра, с особым рвением, традиционным национальным способом искали этот ключик.

Наутро сильно мутило. Надо было решить, как лечить-

¹ Синявский Вадим Святославович — первый советский футбольный радиокомментатор. Его гнусавый голос знала и любила вся страна.

ся — бассейном или традиционно. Мои тяжелые раздумья прервал звонок в дверь.

На площадке, опираясь на палку, стоял худой мужчина, с серым лицом в оспинах, в выдавшем виды плаще и с потертым фибровым чемоданом с металлическими уголками.

— Хохлов Николай?

— Он самый. Чем обязан?

— Коля, брат. Я Сергей... Пустишь?

Я посторонился, гость вошел, прислонил палку к стене и вопросительно посмотрел на меня:

— На кухню?

Он деловито разместил чемодан на стуле и вынул длинный предмет в мешковине. Я напряженно смотрел на эти манипуляции. Мало ли проходимцев еще шляется по земле российской.

Последний раз я видел Сергея сорок лет назад, они с отцом поднимались по трапу на борт «Советской Колымы». В первую годовщину Победы, 9 мая 1946 года, теплоход открывал навигацию из бухты Нагаево. Хлопья мокрого снега залепляли глаза. Мы стояли с мамой Ниной на пирсе, она держала руки у меня на плечах и шептала: «Деточка, деточка». С последним гудком «Советской Колымы», донесшимся из снежной пелены, наши с Сергеем пути разошлись.

Тогда нам было по девять лет, и я еще не знал, что он мне вовсе не брат, а отец — не отец.

С мамой Ниной мы вернулись в ее маленькую комнату на втором этаже деревянного дома, больше похожего на барак. Весь вечер она перебирала вещи и вздыхала: «Деточка, деточка». Так и обращалась она ко мне, пока летом пятьдесят третьего страна не узнала, что Берия — агент империализма.

Спустя месяц мама Нина села рядом со мной на диван и сказала: «Теперь ты взрослый и должен знать

правду». Она говорила, не глядя на меня, а когда смолкла, разрыдалась. Я обнял ее: «Все понятно, мама!»

Нина Хохлова закончила филологический факультет Московского университета в 1932 году и работала преподавателем русского языка и литературы в школе рабочей молодежи в подмосковном городе Орехово-Зуево. В Москве она познакомилась с начальником смены Метростроя Александром Халиным. Его отец держал кузницу в еврейском местечке под Пинском, мальчик рано стал подручным.

Саша был на десять лет старше Ниночки и влюбился в черноокую до беспамятства. Он даже стал писать ей наивные стихи. Саша — широкоплечий огромный шатен с правильными чертами лица и мощными волосатыми руками — совсем был не похож на еврея.

Девятнадцатилетним юношей он вступил в Красную армию, прошел Гражданскую войну, закончил институт и стал инженером-тоннельщиком. Мог держать свою Ниночку на одной руке. Они собирались пожениться, когда Саша получит комнату. В 1937 году его арестовали по обвинению в подготовке взрыва в московском метро.

В пятьдесят четвертом на выпускном вечере мне вручили аттестат зрелости, вместе с мамой Ниной я прошел школьный курс за восемь лет.

Повертев аттестат в руках, она сказала, что поступать будем в Московский инженерно-физический институт, куда берут только с приличной анкетой. И потому нужно переделать документы, а в Москве фамилию, с которой я ходил по колымской земле, забыть навсегда. Целый год мы готовились к вступительным экзаменам.

Летом пятьдесят пятого в полузакрытом институте, размещавшемся на улице Кирова, в самом центре Москвы, появился студент Николай Хохлов. В институте готовили кадры для атомной промышленности.

Я жил в общежитии и аккуратно писал обстоятельные письма маме Нине. Магадан, бухта Нагаево, река Каменушка с ледяной водой, красавица Милочка Дахно, за которой мы ухаживали с моим первым школьным другом Борькой Кругловым (он подарил мне книгу «Чкалов» в красивом коленкорovém переплете), и ее длинная черная коса снились все реже и реже. Много лет спустя, в поезде, я случайно оказался в одном купе с младшим братом Милочки. Мы проговорили всю ночь, я взял ее адрес, написал... Ответа не получил. Уж больно много воды утекло... В Москве была другая жизнь.

Мама Нина лишь однажды приезжала в столицу, ко мне на свадьбу. Привезла колымские сувениры — фигурки людей и зверей, вырезанные из бивней моржа, мягкие тапочки, сшитые из шкурки нерпы — и альбом с фотографиями, а предложение стать московской бабушкой отвергла:

— Слишком много знаю, таким нельзя на материк. Долг неоплатный у меня, сынуля, перед моей Колымой... Все не расскажешь... так сразу. Внутри по ночам скребется и стонет... Молодежи этого не понять, и слава богу!

Когда мама Нина узнала, что моя жена — искусствовед и говорит по-английски и по-французски, обрадовалась: «Кольке надо культуры поднабраться. Он же технарь — Массне от Мопассана не отличит».

Накануне своего отъезда предложила мне прогуляться. Мы шли по вечерней Москве, накрапывал дождь. Мама Нина оперлась на мою руку. Когда перешли Крымский мост, она сказала:

— Много лет назад я думала, что моя жизнь будет другой. У меня жених был. А я на Колыму угодила. Мы с ним на этом мосту решили пожениться... Похоже, с женой ты не промахнулся... Маму помнишь?

— У меня их целых две.

Много чего поведала во время этой прогулки мама Нина. Уже на лестнице она сказала:

— Колыма — это особая планета. Пока хожу, помогать оставшимся в живых буду... А про Надю, подругу мою дорогую, что жизнь тебе дала, только Стендаль написать бы мог. Такое испытать не всем дано... Пусть у тебя все будет по-настоящему, только без беды... За это уже заплачено... Простите всех нас, что не выстояли, душу не спасли...

Она писала мне длинные красивые письма, иногда звонила и просила оказать услугу какому-нибудь колымчанину.

В семьдесят седьмом колымская земля приняла ее, на похоронах был весь город. На поминках ко мне подошла худющая женщина в парике, с желтовато-серым лицом и вставными металлическими зубами. Она вынула изо рта сигарету, зажав ее большим и указательным пальцами, и тихо сказала:

— Говорила Нине, хоть пару лет пожила бы в Крыму... Всем не поможешь. — Женщина долго кашляла, от чего ее лицо передергивала гримаса, сплюнула в платок и махнула рукой. Потом вытащила из сумки конверт и протянула мне:

— Прочтешь, когда один будешь. Там все правда. Не суди с листа.

Это было последнее письмо мамы Нины. Вот оно.

«Дорогой сынуля, ты читаешь эти строки, значит, приехал проводить меня.

Жизнь дает Бог и забирает Бог. Уходя, каждый нормальный человек надеется, что не принес людям беды. У каждого есть минуты, которые он унесет в вечность с собой, они неинтересны другим. Но есть минуты, когда он поступил или вынужден был в силу обстоятельств поступить

так, что потом, по прошествии времени, люди или он сам оценят это как слабость. Такая минута была и у меня! Мне стыдно за нее, и всю колымскую жизнь, как могла, я пыталась искупить свой грех.

Когда Сашу, жениха моего, взяли, у меня рухнуло все. Свет стал не мил. Мы любили друг друга. Я подала заявление, чтобы уехать по «северному контракту» в Магадан и встретить Сашу после освобождения. Это ты знаешь! А дальше...

Я уже собирала вещи, как вдруг меня вызвали. Сначала решила, что для оформления каких-то дополнительных бумажек. В кабинете меня встретил высокий приятный мужчина. Он сказал, что им известны мотивы моего отъезда и они будут мне помогать, если я соглашусь сотрудничать. В противном случае, хоть брак и не был оформлен, я могу поехать вслед за Сашей в товарном вагоне с решеткой.

Я не знала, что делать, и подписала бумагу. Содержание ее толком не понимала — слова и буквы плыли перед глазами. Вадим, так он назвался, назначил мне встречу для инструктажа в квартире на Малой Бронной. Когда я пришла туда, сразу поняла, ЧТО, кроме инструкций, будет... Я предала Сашу. Как в тумане, приходила туда несколько раз.

Перед самым отъездом Вадим дал мне письмо в управление кадров Дальстроя, в котором было предписано оказать мне содействие в скорейшем оформлении на работу. В Магадане начальник управления кадров сказал, что меня направляют в магаданский загс. Я сразу все поняла. Так началась моя вторая жизнь. Но поверь, сынок, я не принесла людям беды, ведь сообщала то, что знали и без меня.

Как иначе я могла поступить, кто бы встре-

тил моего Сашу, думала я. И скорее всего, ты бы не стал тем, кем я гордилась.

Прости и пойми. Пусть беда не придет в твой дом и не посетит твою семью злое время. Сашу я не дождалась, а Вадима однажды встретила в Магадане. Пути Господни неисповедимы.

Да не судимы будете. Ибо человек не знает своего времени. Время, быть может, простило меня. Я не простила...

Твоя мамуля».

Взбудораженный похоронами, письмом мамы Нины и нахлынувшими воспоминаниями, всю обратную дорогу в самолете я так и не заснул.

Было ясно — бассейн отменяется, и есть повод обратиться к традиционному лечению. Я достал стаканы, запотевший штоф со «Столичной», квашеную капусту и закуску, что попалась на глаза.

Гость не обращал внимания на мою суету. Он аккуратно выпростал из мешковины рулон пожелтевшей клеенки. Сдвинув все находившееся на столе уверенным жестом, он развернул рулон. Только теперь я увидел, что кисти и запястья его рук были сплошь покрыты татуировкой.

С клеенки улыбались два малыша. Двойной портрет был выполнен маслом и бесспорно профессиональной рукой: об этом можно было судить по ракурсу лиц, расположению фигур на поле картины и уравновешенной цветовой гамме. Красочный слой был покрыт мелкой сеткой трещин. В некоторых местах краска отслоилась, но глаза малышей были удивительно живыми.

Я про себя возгордился своей экспертизой: вот что значит много лет делить ложе с искусствоведом. Портрет показался знакомым, в семейном альбоме было что-то похожее.

— Это ты, а это я, — ткнул дважды в клеенку указательным пальцем с изуродованным ногтем Сергей. Среднего пальца на руке у него не было.

— А почему у меня глаза голубые?

— Расскажу, это длинная история.

Я принес альбом. Сомнений быть не могло — это Сергей!

— Ну что, за встречу! — Я поднял штоф.

— Нельзя, совсем нельзя, брат, но ради такого дела... — Сергей пил медленно, лицо его постепенно багровело. — Прости меня, Коля! — Он поставил стакан на стол, руки его дрожали.

— Это ты меня прости, я не знал... Мама Нина говорила, что ты вместе с отцом на Курилах... во время урагана...

— Нет, отец один на Курилах был...

— Ну? — Я налил снова.

— Давай! — махнул рукой Сергей. — Когда второй раз с зоны вернулся, адрес тети Нины разыскал и написал ей.

— Ты сидел? За что?

— Это долгая песня... Столько лет думал о нашей встрече, лучше — по порядку... — Сергей говорил медленно. — Как по трапу поднялись, вниз посмотрел, в толпе никого не различить — снег валил... Отец сказал, что ты позже с тетей Ниной приедешь, как устроимся. Куда, зачем плывем? Какая такая Находка?.. Пять суток смотрел на спасательные шлюпки с надписью «Советская Колыма». — Сергей взглянул на меня и улыбнулся. — Мертвая зыбь — хуже качки, кишки выворачивает. Помню, кто-то крикнул: «Косатки, косатки!» Все к борту кинулись. Мужик рядом сказал: «Гуртом идут. Животина, а знает — одному по жизни не пройти». Потом объявили, что пролив Лаперуза забит льдами и пойдем между островами Хонсю и

Хоккайдо. Когда Курилы проходили, отец положил мне руку на плечо: «Смотри, сын, в Тихий океан выходим. Тебе только девять, а ты самый большой океан, Японию увидишь». Туалеты прямо над морем были, такие деревянные будки, зайдешь, в дырку смотришь, а там серо-зеленый бурун. И запах специфический — говно с морем. Я этот запах на всю жизнь запомнил. Причалили в Находке. Тогда никакого порта не было, просто длинный настил от берега в Японское море уходил. Два дня жили в палатке. А потом на «студебеккере» через сопки во Владик, двести семьдесят километров — сутки добирались. Опасный перевал взяли. Как спустились, водитель вышел из кабины и на землю лег. Отец тогда сказал: «Страшно не страшно, мужик слюни пускать не должен...» Мы у дяди Жени, брата отца, во Владике жили. Отец сразу подался на Курилы, мы даже толком не попрощались. Через полгода его не стало. Я уже потом узнал, что никакого урагана не было. Отца поставили председателем какой-то государственной комиссии, они чего-то отнимали у местных япошек, там рыбацкие поселки ихние были. Косоглазые и кокнули его вместе с катером. Только одно письмо прислал, здесь оно, — Сергей кивнул на чемодан. — Дядька с контузией после войны вернулся, по ночам у него припадки были. А женился на молодой-официантке. Но видать, и по мужской части не все у него в ажуре было — без детей жили. В общем, припутал я ее с халем. Конечно, молчал, но она цепляться ко мне стала. Я и попросил дядьку устроить меня в мореходку, он в порту продбазой рулил. После мореходки мотористом на буксире два года ходил, прилично зарабатывал. — Сергей пьянел на глазах, речь его менялась. — Дядька посулил меня на загранку оформить, он в авторитете был. В портовом ресторане с матросней отмечали это дело. Кто-то за столом вякнул, что, мол, если так каж-

дый день, то х... с ней, с советской властью, пусть будет. Стукнул на меня один бодрячок по завидке. А дядька в Хабаровске в больнице. По малолетке я хорохориться стал, мне и впаяли красненькую¹. Когда вышел — денег нет, работы нет. Чифирь² гонял по полдня. К дядьке не пошел — стыдно было! С одной шмарой портовой в Находке жил. Где чего подкалымить — за все брался, она и предложила в дело войти. — Сергей отхлебнул из стакана. — Ладная микстура! — Он помолчал и сощурился. — Ну и спекся — уже по уголовке. Второй раз вышел, кроме наколок, ничего, ни кола ни двора. Хоть в бичи оформляйся... Почему блатные на зоне в силе — они всегда кагалом, а остальные в клоунах ходят. Я гордыню в очко — и к дядьке. Он уже лежащий был. От него все и узнал, он клеенку эту и купюр дал. Во Владике тогда бывших эзков не прописывали — закрытый город был. Грузчиком на судоремонтный в Находке взяли... Видать, беда за мной ходила, трубу уронили — инвалидом стал. А там все болячки лагерные поднялись. Сам понимаешь, зона не санаторий, от хавки ливер по ночам ворочается! В общем, адрес тети Нины смог достать и написал... Не жаловался, не просил, а так, проинформировал... — Сергей криво усмехнулся. — Письмо, как Волю, ждал... Получил, а там... ну короче, чтоб я к тебе не вязался, ты, мол, человек государственный и недоступный...

— Прости, Сергей, я не знал об этом.

— Теперь знаешь. Да мне и сейчас ничего не нужно. Сложилось как сложилось... У каждого своя дорога. Я при своих... Судьбу не попросишь, она сама догонит... — У Сергея передернулось гримасой лицо.

— Прости, Сережа.

¹ Срок в 10 лет (*жарг.*).

² Особо крепко заваренный чай из расчета одна пачка на стакан. (Используется как наркотик, в основном, в местах заключения.)

— Чего ты все «прости» да «прости». Не затем пришел! — Сергей замолк, потом закрыл глаза. — А ты при чем? Просто хотелось на тебя посмотреть... Ведь я один, совсем один... Может, на этой земле не свидимся.

Вечером в субботу Сергей попросил меня отвезти его к знаменитому большому серому дому на набережной, рядом с кинотеатром «Ударник».

— Поручение одного довоенного командира исполнить, — сказал он задумчиво.

Пока Сергея не было, я вышел из машины. На стене сплошь мемориальные доски. Сатрапы и жертвы, обличители и молчуны — теперь все рядом. Минут через двадцать Сергей вернулся.

— Всему свое время... Раньше не мог. Простите меня, Владимир Иванович. — Глаза его блестели. — Виноват, Владимир Иванович, припозднился чуток. — Сергей поклонился стене дома.

На обратном пути мы молчали. Воскресенье провели вместе. Жена задержалась у внука. Это было так кстати.

А в понедельник я отвез Сергея на Каширку, в Онкологический центр.

Через месяц его не стало. Хлопоты по похоронам взяла на себя моя жена.

Много раз я перечитывал письмо отца, которое мне дал Сергей:

«Дорогой сын, сна нет. Шумит океан. Здесь такие огромные волны. Порой кажется, что они перехлестнут остров. Думаю и думаю, почему сейчас не могу тебе все рассказать. Поверь, сынок, я честен перед тобой. Время должно пройти, ты вырастешь, узнаешь и поймешь. Сейчас я не могу тебя взять к себе, здесь нет школы. Учись, сынок, без этого нельзя. При первой возможности

приеду. Если со мной что случится, тебе все расскажет дядя Женя. Помни, сын, земля на мужиках держится. Целую, папа».

Каждую ночь теперь мне снился один и тот же сон. Мы стоим у дверей ресторана. Он открылся, когда в Магадане стали появляться офицеры-фронтовики. Сильные, красивые, они выходят из дверей, а мы глязем, у кого наград больше. Капитан, у него орденов и медалей в четыре ряда, протягивает мне оранжевый мячик и улыбается. Мы бежим по полю, где пленные японцы в желто-зеленых шинелях ходят, у каждого за поясом полотенце. Сережка бьет по мячику, а он разваливается. Японский офицер стеком поднимает остатки и улыбаясь говорит: «Это же апельсин, а не мяч».

Я просыпаюсь, иду на кухню, беру с холодильника общую тетрадь и достаю штоф.

Наскакывая друг на друга, замелькали черно-белые и цветные кадры собственных воспоминаний вперемежку с услышанным от Сергея и рассказами мамы Нины.

Перед войной мы с мамой и братом Сергеем жили в Москве, на Арбате, напротив знаменитого фотоателье Наппельбаума.

Наша мама, Надежда Мироновна Михалева, работала в наркомате металлургии. Отец, Владимир Андреевич Михалев, раз в месяц приезжал к нам, он был главным инженером «Запорожстали». Все считали, что мы с Сергеем двойняшки: брат был похож на отца, я — на мать. Мама была очень красивой и умной женщиной. У отца была на заводе подруга, которая родила ему сына Сергея. В тридцать восьмом ее арестовали, и отец привез Сережу в Москву. Даже мама Нина не знала, о чем говорили тогда супруги. Может, люди тогда добрее были. Так случилось, что мы оба родились

в феврале тридцать седьмого. Наша семья занимала отдельную двухкомнатную квартиру, при кухне была темная комната, в которой спала домработница Глаша. Такие квартиры выделялись руководящим и особо ценным работникам наркомата на время их работы в ведомстве.

До тридцать шестого года моя мама училась в консерватории. У нее было неплохое контральто. Но однажды ее преподаватель по вокалу сказал, что петь она будет, но Большой театр ее не ждет. Амбициозная студентка перестала ходить в консерваторию. Ее надежды на большую сцену рухнули, а петь в кинотеатрах перед сеансами она не хотела. Случайная встреча с Владимиром Михалевым, который вернулся из Германии, помогла ей прийти в себя. Через полгода Михалев сделал предложение, и она переехала в его квартиру. Михалев занимал в наркомате металлургии приличный пост, и, по его протекции, жену приняли на работу в архив ведомства.

Однажды отец привел домой Курта Зайфеля, с которым учился в Германии. Курт работал в наркомате по контракту и приехал в Москву по рекомендации Михалева. Зайфель был из музыкальной семьи, его отец пел в Берлинской опере. Когда отца направили в Запорожье, Зайфель стал чаще появляться у нас в доме и несколько раз приглашал маму в Большой театр.

Понятно, чем это могло грозить Михалевым. Беду от семьи отвел важный сотрудник госбезопасности Николай Берзарин, ставший после прихода Берии в центральный аппарат НКВД одним из доверенных лиц всемогущего наркома.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я изложил выше то, что слышал от мамы Нины. А теперь — все дальнейшее, как я себе представляю. К сожалению, проверить *многое* не представляется возможным по вполне понятным причинам... Время! Неумолимое Время...

Это моя реконструкция. Не обессудь, дорогой читатель. Здесь больше горькой правды, чем умысла!

...Не первый год Надежда встречалась с Берзариним, теперь уже комиссаром безопасности. По воскресеньям она спешила к утренней службе в Елоховский кафедральный собор. Выходила из дома, сворачивала в переулок, где ее ждала черная «эмка» с занавешенными стеклами. А после службы — к Никитским воротам, на оперативную квартиру.

Заждался комиссар. Он в штатском, без галстука, на столе шампанское и ее любимые белые розы — сто одна штука.

— Вот еще сто и один день, как солнце вошло в мою жизнь!

— Да уж, если бы не вошло, по другому календарю пришлось небось мне дни считать, — грустно улыбается Надя.

— А зачем духи от всяких Куртов брать? Ты не в сапожной мастерской работаешь, и Михалев твой не набойки прибывает. Любовь моя, спой что-нибудь из «Кармен».

Надя садится за пианино. Берзарин становится у нее за спиной и кладет руки ей на плечи.

— Пойми, мне очень тяжело. Кто я? Одному жена не жена, другому наложница воскресная. Сколько мне еще обманывать Михалева: то цистит, то месячные по две недели?

— Не сердись, солнце мое. — Берзарин обнимает Надю. Она приникает к нему. — Ты ведь знаешь, кто я. Время нужно. Только будь осторожна: ни с кем, нигде, даже дома не обсуждай политику партии. Ты не представляешь, сколько врагов кругом.

— А откуда эти враги взялись в таком количестве?

— Надюша, любовь моя, не занимайся этим. Верь мне. — Берзарин расстегивает ей блузку.

Потом она лежит с закрытыми глазами. «Счастье, почему же оно так запретно? Бог накажет меня, я чувствую... Боже, помоги, спаси меня... в пропасть проваливаюсь».

— Хочу тебе сказать одну вещь, но она должна умереть здесь. Михалева включают в список. — Надежда вздрогнула и открыла глаза. — Спокойно. Я помогу оформить северный контракт по линии Дальстроя. Сейчас главное — с глаз долой, а Колыма — это наша епархия. Срочно выедешь к нему. Предупредишь, чтоб молчал. Посоветовали, мол, другого пути нет. Все, иначе ни его, ни тебя... да и...

— Чушь какая! Какой Михалев враг? Что происходит?

— А кто учился в Германии, кто посоветовал пригласить Курта Зайфеля в наркомат? Лучше обними меня и не задавай вопросов.

В июле тридцать девятого в техническом отделе Главного управления «Дальстрой» Владимир Андреевич Михалев приступил к обязанностям старшего инженера-инспектора по оборудованию приисков, разбросанных вдоль всей колымской трассы.

На Колыме ее величают уважительно — «Трасса».

...Только год оставался до начала войны.

Надя больше не виделась с Берзариным. Майским утром шофер отвез ее к Елоховскому собору и сооб-

шил, что комиссара нет в Москве и ей придется самой добираться. Спасая от преследования мужа своей возлюбленной, Берзарин понимал, на какой риск он идет: «Ведь если Надежда останется с ним, то непременно найдутся желающие сообщить кому следует об его отношениях с женой врага народа. И вся история с отправкой Михалева на Колыму откроется. Есть только один путь — порвать под каким-либо предлогом отношения с Надей, не препятствовать, а способствовать ее отъезду к мужу на Колыму... Артистическая натура, она слишком наивна и эмоциональна, чтобы понять действительное положение дел. И не надо ничего ей объяснять, надо просто исчезнуть... В жизни бывают ситуации, когда необходимы жертвы...»

Прошел уже сто один день... и еще сто один день. Вестей от Берзарина не было, зато от Михалева шел поток писем и телеграмм, он ждал жену с детьми.

После многих бессонных ночей Надя посылает мужу короткую телеграмму: «*ВСТРЕЧАЙ СЕНТЯБРЕ*». Перед отъездом она отводит детей в знаменитое фотоателье Наппельбаума на Арбате. Целую неделю Надя и домработница распределяли вещи, что взять с собой, а что послать малой скоростью. Глаша должна была отправить багаж и сдать квартиру сотруднику хозяйственного управления наркомата. Надя щедро расплатилась с Глашей, оставила денег на хлопоты и пообещала дать телеграмму до востребования, когда они приедут в Магадан. Ведь они теперь как родные. На вокзале женщины прощались со слезами. У каждой отныне будет другая жизнь. Глаша расцеловала детей и перекрестила их.

Они останавливаются во Владивостоке у Евгения Михалева, младшего брата отца. Директор портового ресторана — влиятельный человек, и, хотя навигация заканчивается, он устраивает их на грузовой пароход

«Самарканд». Второй помощник капитана уступил женщине с двумя детьми свою каюту, там два места. Ребята спят вместе. Тесно, зато не так страшно, когда бочонок с медом с шумом перекачивается по каюте.

Кок приносил борщ. Он шутил: «Чем больше флотского борща съешь, тем меньше баллов морских за бортом. Охотское море любит сильных, так что есть надо хорошо!»

Бухта Нагаево встретила их мокрым снегом. Радостный отец подхватывает на руки сыновей:

— Вы, мои архаровцы!

Семья Михалевых живет в самом центре Магадана на улице Сталина, рядом с красавицей-школой. Напротив Дом культуры с фигурами рабочего, пограничника, колхозницы, охотника на крыше и особняк Коржева за высоким зеленым забором. Когда открываются ворота, выезжает черный «паккард» с никелированными клаксонами и откидывающимся бежевым верхом. Кто на Колыме не знает этот кабриолет? И не дай бог не уступить ему дорогу на Трассе и в городе.

Трасса — спиной хребет Колымы и ее главная артерия — начинается сразу за зеленой почтой, перед мостом через Магаданку. А там огромное поле, ирисы в начале июня и голавли в ледяной воде. Ребята постарше их острогами бьют.

В предвоенные годы и до конца сороковых на Колыме был только один Хозяин — начальник Дальстроя комиссар госбезопасности Коржев. На колымских приисках работали сотни тысяч репрессированных. Во время войны добываемое на Колыме золото играло важную роль в закупках вооружений. В кругу самых приближенных Коржев любил подчеркнуть, что над ним только Лаврентий Павлович и Сам.

Надя — постоянный читатель в городской библиотеке, которая размещается на первом этаже Дома

культуры. Обычно ребята ждут маму у входа. Сегодня она вышла вместе с незнакомой женщиной.

— Вот мои бандиты. — Надя положила руки ребятам на головы.

— Хорошие бандиты! Пойдемте ко мне чай пить. У меня пирог с жимолостью, — приветливо улыбнулась женщина.

Тетя Нина живет недалеко, на Портовой улице. На втором этаже деревянного дома у нее маленькая комната. Из окна видна бухта Нагаево. Как хорошо у тети Нины, всегда что-нибудь вкусенького даст.

Во дворе старшие ребята играют в футбол тряпчным мячом. Иногда Кольку и Сережку ставят на ворота для блезира — толку мало.

Эдик старше братьев на пять лет, он живет с отцом и овчаркой Дингой на третьем этаже в соседнем подъезде, а напротив квартира самого Цареградского. Все знают, что это он нашел золото на Колыме. К нему домой приезжает сам Коржев. Динга дрессированная, сколько кошек она переловила. Сережа каждый раз плачет, когда видит трепыхающуюся в пасти Динги окровавленную тушку.

Отец Эдика Петр Адамович Крайний, высокий, хмурый человек, иногда сидит на лавке у подъезда, покуривает «Беломор» и хвалит Дингу, когда та кладет к его ногам кошачье месиво. В доме знают, что Крайний-старший был начальником лагеря под Нижним Сеймчаном и не справился с волнениями зэков. Его отстранили от должности и понизили в звании. В Магадан он приехал с Трассы с сыном и Дингой. О своей матери Эдик никогда не говорил. Теперь Петр Адамович работает в погранотряде, который располагается недалеко от дома. Там за колючей проволокой стоят зеленые бараки, а у самой проволоки неболь-

шая лужайка и длинный сарай. На лужайке можно играть в лапту.

Вечером Эдик ждет отца у подъезда. В доме знают, что Эдик должен доложить в подробностях о происшествиях в доме и своих прегрешениях. Если Крайний-старший определяет вину отпрыска достойной «оценки», Крайний-младший обязан взять две специальные простыни из сурового полотна, намочить их, отжать, затем вынуть из брезентовой полевой сумки бельевую веревку и все это в тазу принести в комнату. Эдик достает вафельное полотенце, раздевается догола и становится на колени перед кроватью. Рядом сидит Динга, она знает свою службу.

Петр Адамович долго моет руки, потом бреется опасной бритвой, аккуратно освежает лицо тройным одеколоном и входит в комнату. Он не спеша привязывает вафельным полотенцем Эдика за шею к спинке кровати и обертывает сына мокрыми простынями. Количество ударов назначается по шкале от десяти до двадцати пяти. Если Крайний-младший вскрикивает слишком громко, он получает штрафные. Урок педагогики с прологом и эпилогом занимает около получаса. После ученик должен положить все на свои места до следующего урока.

У Эдика недержание мочи. Он спит в конверте из клеенок, без трусиков. Динга натренирована на запах мочи. Когда собачий нос начинает дергаться, она стаскивает с подопечного одеяло. Он должен ликвидировать последствия.

Яша Френкель из соседнего подъезда всегда гуляет с Эдиком. Однажды Яша шепотом сообщил Сереже, что они с Эдиком запираются в старом сарае у погранотряда и Яша долго целует Эдикову пипку, которая становится твердой, а если Яша не будет этого делать или расскажет родителям, то Динга задушит его любимого

кота Ваську. Сережа умел хранить тайну, даже брату не сказал.

Как-то Эдик вынес во двор настоящий отцовский браунинг, завернутый в полотенце. Крайний-старший уехал на Трассу. Ребята собрались вокруг большой бочки, которая стояла во дворе; на крышке ее лежало вороненое богатство. Эдик даже показал, что пистолет заряжен. Никто не заметил, как Сережка побежал за мамой. Она быстро подошла и взяла оружие. Вечером она зашла к Цареградскому и, передав ему браунинг, попросила предотвратить серьезную воспитательную работу с Эдиком, которая ожидала мальчика. Цареградский выполнил ее просьбу. Никаких последствий для обоих Крайних это не имело.

Иногда Эдик приходил в дом Михалевых, и Надежда Мироновна поила всех троих чаем с вареньем, намазанным на толстые хлебные ломти.

В один редкий теплый день ребята с Дингой направились в бухту, где рыбаки с полуторки разгружали рыбу. Когда они подошли ближе, оцепенели. Огромное черное тело билось в судорогах на камнях. Динга поджала хвост и терлась о ноги хозяина.

— Акула, — прошептал Эдик.

— Живучая, падла, — сказал высокий мужчина в телогрейке и ударил кувалдой по голове чудовища.

Акула еще сильнее задержалась, а спустя пару минут затихла. Всю дорогу, пока шли обратно, Сережа хныкал: «Ей же больно было. Она плакала, я сам слезы видел».

Потом оба Крайних и Динга исчезли. Вечером, когда пили чай, тетя Нина сказала, что на Трассе отец Эдика замешкался и не сразу съехал на обочину, уступая дороге черному «паккарду», который вез Хозяина.

Сообщение о начале войны семья Михалевых получила от водителя, примчавшегося на «газике». Пер-

вый и последний раз они в полном составе отдыхали на берегу спокойной бухты Гертнера. Водитель отчаянно махал руками с обрыва. Отец быстро поднялся к нему, а когда вернулся, сказал: «Все. Война!»

Теперь Михалев редко бывает дома, он на Трассе. Вечерами часто заходит тетя Нина. Сережа прислушивался к разговору женщин, почему-то тетя Нина называет отца «Владимир Андреевич», а мама — «Михалев».

В самолете Коржева знобило. Он позвал адъютанта:

— Принеси мне коньяка и одеяло.

Прошло четыре часа, как он вышел из кабинета Берии. В первый раз нарком не поздоровался и не предложил сесть. Когда нарком снял пенсне и начал протирать стекла, Коржев даже подумал, что это конец. Но нарком вышел из-за стола: «Не будет золота, нас с тобой не будет... Оборона бесплатно не бывает... Делай что хочешь: стреляй, лопату сам бери, но золото дай». Было видно, что он сильно волновался. В такие минуты пропадал акцент. По вертушке он вызвал заместителя.

— Надо готовить крупные партии заключенных на Колыму, обязательно с учетом сроков навигации, когда и сколько — решите вдвоем. Мне докладывать лично каждую неделю. — Берия повернулся к Коржеву: — Стесняться не надо, расстрел за контрреволюционный саботаж хорошо дисциплинирует. В первую очередь ликвидировать нужно тех, кто не может толком ничего делать. Сам разберешься. На Победу все должны работать. Причины и обстоятельства после Победы будем выяснять... Лишние рты кормить не надо, врагов нам кругом и так хватает. Короче, кто не работает, тот не ест!

На ночном совещании Хозяину доложили об успешном проведении трех показательных акций на приис-

ках, во время которых по обвинению в контрреволюционном саботаже было расстреляно несколько сот заключенных.

— Это хорошо. — Коржев постучал карандашом по столу. — Нам нужен опытный специалист, знакомый с организацией производства. А вам волю дай — всех перестреляете, кто золото мыть будет?

— Товарищ комиссар, есть тут один спец, бывший главный инженер металлургического завода, — встает начальник техотдела.

— А как он здесь оказался? Освобожденный? — Коржев, прищурившись, посмотрел на него.

— По контракту, товарищ комиссар, — вскакивает начальник управления кадров.

— Я пару часов вздремну на диване. После — этого инженера ко мне. Хорошо, что главный, дело организовать сумеет. А то докладывать все вы мастера, а дело делать кто будет?

В пять утра адъютант Коржева вводит Михалева в кабинет Хозяина. Через два часа отец выезжает на Трассу — у него приказ через десять дней доложить о предполагаемых мерах по увеличению добычи золота. А Трасса — это многие сотни километров и лагеря, лагеря...

Похудевший и осунувшийся от бессонных ночей и увиденного, Михалев в кабинете Хозяина.

— Ну, что придумал, главный инженер?

— Это план мероприятий. — Михалев протягивает пару листов.

— Коротко, — значит, по делу... Завтра в десять у меня. Доложишь подробно. Соберу всех.

Доклад Михалева у собравшихся — облеченных

безграничной властью над жизнью бесправных зэков¹ и привыкших другими методами решать вопросы — вызывает злостное недоверие. Но все же начальник Дальстроя, человек очень жесткий, но не лишенный здравого смысла, предоставляет инженеру чрезвычайные полномочия. По указанию Хозяина за Михалевым закрепляют персональный автотранспорт — «газик» со знакомым водителем, выдают теплую одежду, теплые бурки и три пары шерстяных носков с начесом.

На одном из приисков выходит из строя электродвигатель привода драги. Боясь последствий для себя за остановку работ, начальник прииска обвиняет группу зэков в контрреволюционном саботаже и запрашивает санкцию на их расстрел.

На место выезжает Михалев. Необходим новый двигатель, который можно доставить самолетом из Хабаровска, что займет минимум пять суток, а с учетом погодных условий и все десять. К нему, непрерывно кашляя, подходит зэк: красные пятна на лице, сиплый простуженный голос.

— Начальник, там в бараке человек есть, он может сделать.

— Приведите.

К Михалеву под руки подводят истощенного зэка, еле передвигающего ноги. Он в незашнурованных ботинках, грязные, в бурых пятнах портянки волочатся по земле.

Зэк говорит медленно, с трудом, но внятно:

— Я к утру запущу... С условием... Мне все равно амба, пугать не надо, начальник... Дубарь сегодня... или завтра... какая разница!

— Ваша фамилия и какое условие?

¹ От сокращения «з/к», которое использовалось в официальных советских документах в период с 1920-х по 1950-е годы. Восходит к сокращению «заключенный каналаармеец», которое впервые появилось во время строительства Беломорско-Балтийского канала.

— Профессор Долгин, до ареста был завкафедрой электрических машин, член-корреспондент Академии наук... Ставлю на кон жизнь: починю — Воля, не починю — Пуля. Все просто, — просипел зэк сквозь кашель. — Идет, начальник?

— Идет. — Михалев рукой останавливает дернувшегося начальника лагеря, который расстегнул кобуру.

Через три часа двигатель зашумел, отец по радио доложил дежурному в Главном управлении о ликвидации аварии.

Не заходя домой, Михалев сразу поехал в Главное управление. Коржев молча его выслушал.

— Ну, хорошо! Только как исключение, а то зэки начнут командовать.

— Товарищ комиссар, в лагерях сотни бывших врачей, инженеров — серьезных специалистов. Часть из них практически доходяги. Давайте создадим конвойную группу из полезных для города зэков-спецов.

— Этак ты мне пол-Колымы освободишь. Кто золото мыть будет?

— От них все равно проку нет, а городу польза.

— Подготовь предложение и список. Смотри, аккуратнее, у меня народ больше к маузеру приучен... Борзые, мать их!.. А то беду накликаешь на себя.

Утром колонну из отобранных зэков под конвоем приводят в город и распускают по рабочим местам. К шести вечера они должны собраться у почты. Колонну строят и после переключки уводят.

На свой страх и риск Михалев включил в список молодого художника, получившего десять лет лагерей за неправильное толкование в карикатуре политики партии в области планового хозяйства. Под карикатурой было помещено четверостишие:

*«Все по плану, все по плану —
всем нас...ть по килограмму,
а дают-то двести грамм.
Как нас...ть на килограмм?»*

«Тройка»¹ пожалела юность, а редактор газеты получил высшую².

В подвале книжного магазина, под охраной, зэк, на использованных в роддоме кусках клеенки, лежащих на столе, рисует маслом по фотографиям портреты детей начальствующего состава Дальстроя. Фотографии черно-белые, поэтому цвета глаз, волос и одежды художник выбирает по своему вкусу. Двойной фото-портрет, сделанный мастером, понравился художнику, но с цветом глаз Коли он не угадал, и вместо карих на клеенке появились голубые.

После месячного восстановления в горбольнице член-корреспондент Академии наук СССР Долгин был оформлен вольнонаемным сотрудником технического отдела без права выезда из Магадана в течение пяти лет.

Однажды Михалев на обед привел домой сморщенного худенького человека. Очки его были привязаны шпагатом к ушам.

— Это профессор медицины Скобло. Он консультирует поликлинику и роддом.

Профессор еще до революции окончил медицинский факультет в Берлине. Этот энциклопедически образованный, негибачаемый, несмотря на внешнюю немощность, человек, получивший двадцать лет, и в лагерных условиях продолжал научную работу. С горящими глазами он рассказал о потрясающем явлении, когда зэк, которого испугал медведь, потерял дар речи и принял

¹ Комиссия из трех человек, как правило, сотрудников НКВД, выносившая внесудебные, нередко расстрельные приговоры в СССР в 1930-х годах.

² Высшая мера наказания — расстрел.

облик зверя. Профессор установил причину заболевания и за несколько сеансов восстановил зэка.

Скобло передал матери толстую тетрадку, в которой были описаны наблюдения за пять лет его колымской эпопеи.

Эти записи с обилием профессиональных терминов не представляли интереса для лагерного начальства, которое не брезговало обращаться за помощью к светилу медицины. Несмотря на тяготы лагерной жизни, Скобло сохранял чувство юмора и поразительное жизненное чутье. За советами к нему ходили и блатные.

За чаем в семье Михалевых расслабившийся профессор мастерски рассказывал об абсурдных, порой смехотворных обвинениях, которые предъявляли «тройки» назначенным ими же «врагам народа». Истории, граничившие с анекдотами, Скобло хранил в памяти десятками. Если б об этих рассказах узнали кому следует, профессору медицины не помогло бы даже благоволение лагерного начальства.

— Вот дождусь звонка, а потом нового... — добавлял он тихо, с многозначительной паузой, — ...времени, займусь литературной работой и опубликую. Поплачут и посмеются всласть потомки. Как врач, я здорово отстаю за эти годы от движения медицины. А литература есть литература, здесь нужны не знания, а память, сердце, острый глаз и владение словом.

Держа обеими руками стакан с крепким горячим чаем, Скобло схлебывает ловко, по-лагерному, кипятком и начинает следующую историю: «На Чукотку прибыла “тройка” резвых следователей для разоблачения “врагов народа, обосновавшихся на северо-восточном рубеже страны”».

Старший “тройки”, Скоробогатко, знавший, что в его работе главное не обоснованность обвинений, а обеспечение сознаваемости, поставил своим подчи-

ненным задачу: в три дня раскрыть подполье, готовящее покушения на членов правительства.

Второй член “тройки”, Тосун, бывший ветеринар, проявив находчивость, сразу вышел на руководителя подполья. Им оказался семидесятитрехлетний лекарь Сретенский, который еще студентом, по наказу своих товарищей из кружка народников и по велению сердца, приехал на Чукотку спасать чукчей от цинги и бытового сифилиса.

— Ты кто? — опытный Скоробогатько леденящим взглядом смотрел в глаза “врагу народа”.

— Вы имеете в виду имя или профессию? — переспросил Сретенский, поправляя очки.

— Не придуривайся! Ты враг народа, и нам все известно, — взял быка за рога Тосун.

— Я народник и не могу, простите, быть врагом народа! — Сретенский выпрямился, поднял голову и снял очки.

— Кто тебя послал с заданием?

— Наш учитель Чернышевский Николай Гаврилович! — не без гордости произнес лекарь.

— Адрес твоего Чернышевкина?

— Он умер в 1889-м году.

— Хочешь за ним? Ты, народник сраный, ваньку не валяй, — вмешался третий член “тройки” Фунтов, отчисленный два года назад из авиационного училища по профнепригодности.

— Ты готовил покушение на членов правительства! — уверенно сказал Скоробогатько, вернув в свои руки ход допроса.

— Простите, я не понял, — искренне удивился Сретенский. — Для совершения акта они должны были приехать ко мне — или я к ним.

— Полетаешь, приземлишься и сообразишь, кто к кому должен ехать, — с ухмылкой произнес Фунтов,

который еще по дороге на Чукотку придумал, как применить свои знания авиадела.

Старику приказали раздеться, вдоль тела привязали две жерди, а поперек, на уровне груди, — доску, так что образовалась конструкция, напоминающая самолет: фюзеляж — жерди и худосочное тело старика, крылья — доска с привязанными к ней руками его. Трое сотрудников, взявшись за “крылья” и “хвост” “самолета”, стали исполнять пилотажные фигуры.

У старика судорожно дергалась голова. Как рыба, оказавшаяся на берегу, он беззвучно хватал воздух побелевшими губами. Из рта периодически выбрасывалось зловонное содержимое желудка. Молодцы вошли в раж, громко изображая шум мотора, и не сразу поняли, что топливо иссякло.

Иван Афанасьевич Сретенский, сын учителя гимназии, увидевший свет в 1864-м году, оказался неподготовленным к полету в году 1937-м».

В отсутствие Коржева в управлении кадров инженеру-инспектору Михалеву В. А. вручили приказ о новой должности и переводе на другой, пониженный, уровень продовольственного обеспечения.

Коржев открыл папку с грифом «Для служебного пользования». Там лежала справка — донесение о контактах инженера-инспектора Михалева с зэками с необходимостью привлечь его к уголовной ответственности по 58-й статье¹.

Комиссар вызвал начальника управления кадров.

— Откуда сигналы?

— Товарищ комиссар, у меня подтвержденные данные, что Михалев ведет подрывную работу и использует зэков из колонны по обслуживанию города.

¹ По ст. 58 УК РСФСР осуждали за контрреволюционную и антисоветскую деятельность. Вынесение смертного приговора было обычным делом.

— Неплохо! А ты знаешь, как драга работает и зачем она нужна?

— Мы должны по золоту план давать, товарищ комиссар!

— Это верно, что должны. Только вот от «должны» до «даем» сколько километров?.. Как Трасса! Михалев знает, как драга работает, и, если авария, починить сможет. А ты сможешь? Понизили в должности, на вторую по продуктам перевели, и ладно. Образумится. Если что, объясним. Я товарищу Сталину должен докладывать, сколько золота добыли, а про врагов народа кому надо и без меня доложат... Этих гадов искать надо с умом. А то мы с тобой с лопатами сами на Трассу за золотишком поедем... Ты давно лопату держал? То-то... А за бдительность спасибо! Продолжай в том же духе. Все для Победы! Нам враги в аппарате не нужны.

«Вот этот и на меня стучит, — подумал Коржев. — Хорошо, теперь знаю. Надо бы, чтоб и мне стучал». Он сделал пометку в календаре.

В приемной Берзарин ожидает вызова. Выходит личный адъютант наркома.

— Товарищ комиссар, нарком ждет вас.

В кабинете новый портрет вождя — в военной форме.

— Читал твою докладную. Хорошо съездил, докладывал Самому. Ну, наворотил карлик¹. Спасибо товарищу Сталину, убрал гниду. Сколько хлопот доставил, ублюдов сраный... Есть задание вождя. Надо по колымским лагерям разыскать и отобрать бывших командиров и военспецов Красной армии, готовых на фронте искупить свою вину перед партией. Особое внимание нужно обратить на имеющих боевой опыт. Прежде все-

¹ Рост Генриха Григорьевича Ягоды (в 1934-1936 годах — нарком внутренних дел СССР) составлял 146 см.

го на отличившихся на Хасане и в финскую. Я Коржева вызвал, он Колымой командует. Есть еще личное задание: разыщешь ученых и инженеров по списку, они будут в закрытых местах работать на оборону. С Коржевым договоришься — у него свой самолет. Разобраться надо — кто будет работать на Победу, а кто злобу затаил. Сам понимаешь, тут ошибки не должно быть. Потому тебе и поручаю, с тебя и спрошу, если что...

Берзарин окончил императорскую академию Генерального штаба, служил у Деникина. Во время боев под Царицыном перешел на сторону красных с документами и попал к Сталину, которому понравился немногословный и образованный полковник, свободно владеющий немецким, английским и испанским языками. Это было непростое решение для дворянина, присягнувшего государю императору. Но императора не стало, а Россия была. Берзарин понимал, что его ждет либо смерть от большевиков в России, либо унижительная эмиграция. И он принял это трудное решение.

Когда репрессировали многих руководящих сотрудников иностранного отдела советской разведки вместе с ее главой Артузовым, Сталин не разрешил тронуть Берзарина. На докладной против его фамилии вождь написал: «Грамотный работник. Давно у него в гостях не был».

Резолюция вождя обеспечила неприкосновенность бывшему царскому полковнику и дала особый статус. После неудачной поездки за кордон, где погибла коллега и жена Берзарина, он выполнял особо важные поручения наркома НКВД внутри страны.

Об этом знал Сталин, который периодически интересовался судьбой царского полковника.

Весь перелет Коржев и Берзарин молчали. Они

были плохо знакомы, да и не принято было у людей их уровня много разговаривать. Сразу после взлета выпили коньяка и закусили бутербродами с сыром, сырокопченой колбасой и осетриной. Оба в полете дремали.

Перед посадкой в Хабаровске Коржев повернулся к спутнику.

— Что-то холодно. Знобит меня. — Они выпили по полному стакану коньяка. — Заночуем здесь. Экипажу, да и нам, надо передохнуть. Нездоровится. Одного человека взять нужно. Со мной будет жить. Артистка, достойная женщина. А с женой я договорился, ателье пошивочное ей дал в Магадане, пусть заведует. На улицу не выгонишь, столько лет прожили, еще с гражданской... В двадцать втором я на Кавказе полком командовал. Там и срослось у нас. Она ничего не боялась. Когда меня после смерти Ильича в «чрезвычайную» направили, я ее с собой взял. Брак оформили. В Хабаровске, когда осели, я сына или дочку попросил. Но не получилось. Видать, гражданская свое сделала... Я узнал, что она в церковь тайком молиться ходит. Пригрозил... В ногах валялась, чтоб не тронул попа. С той поры у нас с ней наперекосяк пошло. А тут встретил...

В семь утра они снова стояли у самолета. Коржев тяжело дышал, он представил Берзарину подругу.

— Луиза. — Она улыбнулась и протянула руку в перчатке.

— Надо переодеться, не в Сочи летим, — с улыбкой, но властно сказал Коржев, окинув взглядом спутницу.

Женщина послушно поднялась в самолет. Мужчины курили у трапа.

— Давно знакомы?

— Второй год... Война, дел по горло, золото надо мыть, а тут сердце по ночам стучит и давление стало

прыгать... Тянет меня к ней. Вот и решил: легче станет, если она рядом. Может, родит. Еще пяток лет, и поздно будет в отцы напрашиваться. Вдарит по мозгам или мотору, — Коржев постучал по груди, — не до детей будет... А ты женат?

— Был... Мы не здесь работали... Я все больше на перекладных. — Берзарину понравилось, что Коржев перешел на «ты».

— Вспомнил, у меня для наших дел человек по лагерям есть... Главным инженером большого завода был... Михалев. К нам по контракту попал. Думаю, от беды смотался. Ретивый, здесь у нас, сам знаешь, какая публика... Но спецов маловато...

Берзарин промолчал. Кольнуло в сердце. «Значит, и Надя здесь. Дороги у нас разные. Чего судьбу испытывать».

По многолетнему опыту общения — с разными людьми и на разных уровнях, — Берзарину показалось, что у него с Коржевым сложатся доверительные отношения.

Берзарин занял гостевые апартаменты на первом этаже особняка Коржева. Сразу после ужина они поехали в Главное управление. В половине третьего ночи адъютант привел Михалева в кабинет Хозяина.

— Вот о ком я тебе говорил, — Коржев повернулся к Берзарину.

— Будем работать. Нужна ваша помощь. — Берзарин встал и внимательно посмотрел на вошедшего.

— Я готов, — Михалев по-военному вытянулся.

— Завтра приказ будет, сниму опалу. У тебя дружков больно много... У меня небось тоже... друганы есть борзые... — Коржев с прищуром посмотрел на Берзарина.

Утром Берзарин вызвал начальника управления кадров.

— Кто у тебя по семьям ИТР в городе работает?

— Хохлова, Цыбин.

— Кто такие?

— Хохлова в загсе, Цыбин в школе.

— Давай Хохлову ко мне, как только с Трассы вернусь.

На Трассе, в домике начлага, Берзарин и Михалев сидят за столом. Трещат дрова в печке. Входит начлаг, вытягивается в струнку, протягивает лист:

— Товарищ комиссар, одного нашли из списка. Комбриг, совсем дошел, активировать будем, если дотянет. Двух полковников, танкового и артиллерийского, и военврача второго ранга... В прошлый раз... саботаж... Сказать, чтоб чай подали или сразу пельмени?

— Не густо... Чай утром пьют, а сейчас что покрепче и пельмени. — Берзарин поворачивается к Михалеву.

— Только засыпать. В момент, товарищ комиссар! — Начлаг открыл дверь и громко скомандовал: — Траливали, засыпай!

— Кто такой? Пятьдесят восьмая? — Берзарин поднял голову.

— Никак нет, не беспокойтесь, товарищ комиссар. За двойное убийство отбывает.

Из командировки Михалев вернулся воодушевленный.

— Надюша, давай по рюмке... Первый раз встречаю такого толкового комиссара. К нам на завод в Запорожье приезжал один, ничего не хотел слушать. Я тогда думал — все, мне амба. А этот слушает и слышит. Меня в должности восстановят, и отовариваться опять в первом будем. — Они чокнулись. — Говорят, очень большая шишка, личный представитель Берии, живет у Коржева.

— Ну и хорошо. Все полегче с продуктами будет. Ребята растут, витамины нужны.

— Комиссар Берзарин, — задумчиво сказал Михалев.

Надя взглянула на мужа, вытерла тряпкой стол и молча вышла на кухню. Весь следующий день, сославшись на головную боль, она молчала.

Поздним вечером начальник управления кадров представил Берзарину Нину Хохлову.

— Товарищ комиссар, Хохлова. По рекомендации из Москвы. Работает аккуратно.

— Хорошо. Мы поговорим наедине. — Комиссар обратился к Нине. — С какими семьями работаете? В военное время надо быть особо бдительными... Семья Михалевых вам известна?

— Да, товарищ комиссар.

— Михалев бывает в лагерях, общается с зэками. Мы за ним наблюдаем! Он выполняет государственное задание. Надо, чтобы был в рабочем состоянии. Как у него дома? Что известно?

— Я в хороших отношениях с женой Михалева, бываю у них дома. Двое детей. Но жена Михалева, Надежда Мироновна, много болеет. Сам Михалев часто на Трассе.

— Ей надо помочь. Организуйте мне встречу с ней, только у себя дома, чтобы не испугалась. Ей муж, наверно, рассказывает о своих поездках. О его работе — никому.

— Я понимаю, товарищ комиссар.

Нина зашла к Михалевым. Ребята из стульев и одеял посреди комнаты строили машину. Крышка от бензинового бака — руль. Это была их любимая игра, когда мать не пускала на улицу. Сережа всегда за водителя.

На кухне Нина тихо сказала Надежде:

— Тебя хочет видеть большой начальник из Москвы. Будет вечером ждать у меня дома. О разговоре никому. Он по поводу Володи.

У Нади сжалось сердце. Она знала, кто ее хочет увидеть.

— Возьми ребят и приходи к семи часам. Я погуляю с мальчиками у дома, — добавила Нина.

Как всегда, после ужина Михалев ушел на службу. Надя причесалась и пошла с ребятами на Портовую. Возле дома стояла «эмка». Нина помахала ей рукой из окна и спустилась на улицу.

Когда Надя вошла в комнату, Берзарин сидел за столом.

— Здравствуй, Коля! — у женщины дрожали руки.

— Здравствуй... — Он опустил голову. — Прости за все... Есть обстоятельства, они сильнее нас. — Берзарин замолчал, потом взял папиросу, размял ее, закурил. — Прости, я себе не принадлежу... У нас с тобой нет будущего...

— Я все понимаю... Извини, пойду, ребята одни на улице.

Вечером Берзарин заехал к Нине.

— Вот адрес до востребования, по которому в особых случаях телеграммой можно со мной связаться. Никому его не давать. Это оперативный адрес.

На аэродроме у самолета комиссары курили.

— В добрый путь. Ни пуха и мягкой посадки. — Коржев посмотрел на небо. — Похоже, с погодой нормально.

— Ты правильно сделал, что Луизу взял сюда... Одному тяжело. А жизни второй не будет. Война войной, а жить и сегодня надо... Я не сразу понял это... Всяко было... Ну да ладно. Главное — победить гадов... Там разберемся, если живы будем.

— Зато Победа будет! — Коржев пожимает руку Берзарину. — Михалев полезный человек. Тебе тоже, видать, показался.

— Такие всегда нужны, а сейчас — особо. В Москве доложу, что работать можно. Тебе в Москву что-нибудь передать нужно?

— Спасибо. У меня все здесь.

Уже целый месяц Надю мучил кашель, утром она вставала потная, а вечером поднималась температура. Нина настояла, чтобы Надя сходила в поликлинику на консультацию к Скоблo.

В поликлинике сказали, что, по распоряжению Хозяина, профессора и двух медсестер отправили на материк. Наде становилось все хуже. У нее оказалась запущенная форма двустороннего воспаления легких. Ее положили в больницу.

Михалев сидит на табуретке у постели жены. Он целует ее ладонь.

— Я плохая мать и никудышная жена! — Надя открывает глаза и убирает руку.

— Все нормально будет. Войне скоро конец. Пациенты уже большие. Мне на несколько дней на Трассу надо. Нина за ребятами присмотрит, у нас заночует. С завтрашнего дня домработница будет ходить с восьми утра до шести вечера. В управлении кадров договорился. Интеллигентная женщина. Преподавательница английского, «член семьи»¹.

— Врача позови... Плохо мне. — Надежда отворачивается к стене.

Состояние Нади резко ухудшается. Она все время молчит. Только иногда просит, чтоб воды принесли кислород. Нина каждый день после работы забегает к ней в палату.

— Вот как меня Бог наказал. Прости меня, Ниночка. Ты сына хотела, вот пусть Коленька... с тобой живет. Запуталось все, тьма непроглядная... А Николай ушел, совсем ушел. Не нужна я ему... Это его сын, Берзарина. В тумбочке иконка Николая-угодника...

¹ Осужденный (-ая) за принадлежность к семье «врага народа» (обычно жена).

Возьми, пусть вас бережет... Берзарина, Бог даст, увидишь, отдай... — Она закрыла глаза.

На похороны Михалев детей не взял, они остались дома у Нины с домработницей. Тогда поминки не справляли. Михалев попросил Нину помочь разобрать вещи жены и уехал на Трассу. В альбоме Нина нашла две одинаковые фотографии детей, одну взяла себе.

После двух бессонных ночей Нина решилась и послала короткую телеграмму по известному адресу: *«МИХАЛЕВА СКОРОПОСТИЖНО УМЕРЛА тчк КОЛЯ ВАШ СЫН тчк ЖДУ УКАЗАНИЙ зпт РЕШЕНИЯ тчк ХОХЛОВА»*.

Через неделю приходит телеграмма-молния: *«ПРИБУДУ МЕСЯЦ зпт НИКАКИХ РЕШЕНИЙ тчк МИХАЛЕВ УЗНАЕТ ВСЕ МЕНЯ тчк»*.

Берзарин привез ящик орденов для вручения руководящему составу Дальстроя за выполнение плана по добыче золота. С аэродрома он сразу поехал в Главное управление. Коржев встретил его внизу, у самых дверей. Комиссары обнялись:

— Извини, не встретил на аэродроме. Кашляю опять, продуло на Трассе. Что-то ослаб я, чихать от любого ветерка стал... Ну, как добрались? Знаю, с чем прилетел.

— Болтанка была всю дорогу. Не волнуйся, награды не растряс. Перед отлетом был у наркома. Благодарит тебя лично. Скоро звания воинские у нас будут. Так что генералами станем, лампасы заказывай. Не перепутаешь, с какой стороны их пришивать? — Берзарин рассмеялся.

В кабинет Хозяина внесли два ящика. Коржев вызвал адъютанта:

— Вскрой, только аккуратно. Тебе бы только лопату

держат или маузер... Документы там? — Он показал на второй ящик.

— Там, — Берзарин улыбнулся. — В Москву за звездой героя сам полетишь. Верховный подписал.

Адъютант достал список награжденных и протянул Хозяину. Тот внимательно проглядел каждый листок и удивленно поднял брови:

— А почему Михалева нет? Вот засранцы, без меня готовили список. Обидели мужика... В другой раз не забуду!

— У него жена умерла.

— Война... у всех потери. Я ему премию выпишу... А ты откуда знаешь?

— А где мы работаем?!

— Небось и про меня настучали... Борзые, мать их!

— Что дозволено Юпитеру, то недозволено быку. План даешь — Юпитер, не даешь — в стадо. Все так живем! Мы с тобой особенные, что ли?

— Особенности!.. Кто золото дает, тот и музыку заказывает! — Коржев встал из-за стола, потирая руки.

Вечером Берзарин зашел к Нине. Не раздеваясь, сел за стол.

— Как это случилось? — Комиссар закрыл глаза.

— Запущенное воспаление легких. Она не лечилась и не боролась совсем... Оставила вот... — Нина протянула иконку.

— Устройте мне встречу с Михалевым. Мы должны сами разобраться. Коля — мой сын, и это главное... Помогите только на какое-то время. У меня на работе загрузка особая. За материальную сторону не надо беспокоиться. Хотя нынче деньги недорого стоят.

— Хорошо. Я Колю возьму к себе. Мальчикам как-то объяснить надо. Что сказать?

— Ничего. И Михалеву не говорите. Позовите сюда.

Сам скажу, что надо. Стол накройте, помянем Надежду Мироновну.

На следующий день, в обед, мужчины встретились у Нины. На столе была бутылка водки и закуска. Михалев, увидев Берзарина, улыбнулся:

— Здравствуйте, Николай Владимирович. Новое задание будем отмечать?

— Владимир Андреевич, выслушайте меня спокойно.

— Что-нибудь случилось?

— Я в курсе... Мы мужчины и, полагаю, отнесемся к создавшейся ситуации здраво. Для начала давайте помянем Надежду Мироновну. — Они выпили стоя и не чокаясь. — Дело в том, что Коля мой сын.

Михалев оторопело взглянул на Берзарина.

— Давайте не вдаваться в подробности. Это факт, — комиссар протянул Михалеву телеграмму.

— Ничего не понимаю. Как это?

— Факт есть факт, и точка. Мой сын будет жить со мной. Ваш сын — это ваш сын... Некоторое время Коля поживет у Хохловой. Это будет правильно... Сейчас ребята не поймут, и надо им объяснить, что после смерти Надежды Мироновны придется на время пожить в разных местах, так как домработнице с двумя не справиться. Пусть отвыкнут друг от друга. Вырастут — расскажем. Захотят — будут общаться... Надю не вернешь, в тонкости входить бесполезно. Я знаю, что Сережа не ваш общий сын... Жизнь есть жизнь! У ребят свой путь.

— Что мне сейчас надо делать? — Михалев сел и обхватил голову руками.

— Объяснить ребятам, что можно; работать — и решить самому, как жить дальше. Если что нужно от меня... Хотя понимаю нелепость своего предложения. — Берзарин встал. — Я полагаю, в ситуации, кроме нас, некому разбираться.

Михалев, не прощаясь, вышел. Он шел домой, словно в забытие. Все окружающее казалось ему серым, лишь с двумя оттенками: светлым и темным. Сердце то стучало, то останавливалось. У дома его ожидал «газик». Домработница на обеденном столе гладила постельное белье.

— Ребята где? — Михалев вздохнул глубоко и сел на кровать не раздеваясь.

— В парке, смотрят, как с парашютной вышки прыгают. Скоро придут. Пошли со старшими, вполне приличными мальчиками. Я отпустила.

Михалев тяжело встал, достал из буфета бутылку водки, отрезал толстый ломоть хлеба, завернул в газету и, сложив все в портфель, молча вышел.

— В бухту Гертнера едем, только быстро, — сказал он водителю.

Минут через тридцать «газик» остановился на обрыве. Михалев здесь не первый раз. Море спокойно.

— Часов в шесть за мной приедешь. Давай газуй. Мне побыть одному надо.

— Может, я с вами? — Водитель вышел и открыл дверцу с другой стороны.

— Спасибо, Вань, но бывает моменты, когда помощники не требуются.

Михалев сел на знакомый камень, достал бутылку, откупорил и медленно из горла выпил всю до дна. Потом понюхал хлеб и стал медленно откусывать небольшими кусками.

Чайки садились на берег. «За все платить надо. Сколько еще и кому я должен?»

Перед отлетом Берзарин заехал к Нине и положил на стол конверт.

— Вот деньги. Высылать буду ежемесячно. Вас переведут в первую. Если что — мне телеграмму... Она

будет у меня через три-четыре дня. Если очень срочно и важно — запишетесь на прием к Коржеву, он в курсе... Но это только в особом случае. Вы работаете в загсе. Сможете переделать метрику Николая на мое имя, но чтоб никто не знал? Метрику новую у себя дома держите... — Комиссар тяжело вздохнул.

— Все сделаю, товарищ комиссар. — Нина вытянулась.

— Ну и хорошо. Здесь пусть сын живет по старой метрике. Со мной в свое время уедет как Берзарин. Предварительно сообщу, когда за ним прилечу. Естественно, все держать в тайне. Спасибо и за Надежду. В жизни бывают ситуации, которые управляют нами. Это не красивые слова, за которыми я хочу спрятаться. Я ваш должник... по жизни. Спасибо, Нина.

Берзарин поцеловал руку женщины, поклонился и молча вышел.

Мальчики теперь живут порознь, но по-прежнему Колька ходит играть к себе во двор.

Раньше ребята ловили шпионов, следили за любыми незнакомыми взрослыми, которые останавливались у подъездов или по двое выходили из книжного магазина, что находился в подвале их дома. «Почувствуй подозрительное», они делились на разведчиков и оперативников. Первые следили за передвижениями «шпионов», а вторые сообщали куда следует.

После двух неудачных акций и соответствующей родительской «оценки» деятельность юных контрразведчиков была прекращена.

Город хоронил профессора Долгина. Колька и Сережка до самого кладбища провожали полуторку, на которой лежал открытый гроб. Когда оркестр стих, Сережка дернул за рукав брата:

— Пойдем к маме. Папа сказал, ей очень больно было... А вдруг я тоже умру? — Сережка захлюпал.

— Мы с тобой никогда не умрем. — Колька по-мужски обнял брата.

В Магадане появились доходяги. Эти обмороженные, жалкие подобиya людей копались в мусорных баках, молча стояли у магазинов, надеясь на человеческую жалость.

На официальном языке, зэков, не способных не только работать, но даже просто отбывать наказание, «актировали», то есть списывали из числа заключенных¹. Доходяги не представляли никакой угрозы, они просто были в самом прямом смысле отбросами общества. Их привозили в Магадан для отправки на материк.

За неделю до появления теплохода в бухте Нагаево доходяги пропадали. Как срабатывал этот телеграф и где они прятались, чтоб не попасть в трюм теплохода, куда их загоняли как баранов на бойню, знали, наверное, *кому следует*. Перенести пятидневное, а с учетом погрузки и разгрузки, семидневное путешествие без еды и свежего воздуха дано не каждому даже здоровому человеку.

Зимой не попавшие на теплоход, закрывающий навигацию, грелись в бункерах, где находились паровые вентили городского отопления. Когда случались аварии, из бункеров вынимали сваренные трупы. Их укладывали в повозки и накрывали брезентом. Сережка и Колька дважды видели эту процедуру.

От Берзарина пришла срочная телеграмма: «СИЛУ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВЫЕЗД СЫНА ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ тчк ПОДЧЕРКИВАЮ ШКОЛУ ИДЕТ МОЙ СЫН тчк СОДЕРЖАНИЕ БУДЕТ УВЕЛИЧЕНО зпт ПИТАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ УЛУЧШИТЬ тчк СВЯЗЬ ОСТРОЙ НЕОБХОДИМОСТИ тчк ОТЕЦ».

¹ См. примечание на стр. 73.

Нина встретила с Михалевым на улице. Она рассказала про телеграмму и предложила записать мальчиков в разные классы, чтоб меньше было ненужных вопросов.

Берия вызвал Берзарина.

— В Магадан прилетит заморская птица — Уоллес, личный посланник Рузвельта. Часть ленд-лиза¹ пойдет через Магадан. У нас есть сведения, что японцы собираются серьезно активизироваться в проливе Лаперуза. Уже потопили одно судно, это не случайность — агентурные сведения. Сейчас технари готовят вопрос о возможности прохода через Татарский пролив.

— Но там очень мелко. Серьезные суда не пройдут, товарищ нарком.

— В том и вопрос. Американцы предлагают в счет ленд-лиза поставить плоскодонные транспорты-сухогрузы типа «либерти». У них малая осадка, и они должны пройти.

— Но Охотское море — это не озеро Мичиган. Пять баллов — обычное дело, а семь и восемь — нередко. У плоскодонок устойчивость плохая. Во время шторма опрокинутся, товарищ нарком.

— Вот и разберись со спецами. Уоллес будет ставить вопрос об улучшении для американцев условий поставки. Здесь надо ухо держать востро. Побольше дипломатии, и конкретно ничего не обещать. Уоллес — хитрая и опытная бестия. Попросит лагерь ему показать — надо подготовиться... А то потом у себя будут вопить. Ты не показывай, что английским владеешь. Послушаешь, о чем они между собой говорят. Понаблюдай за их поведением. На переговоры с нашей стороны людей лишних не брать. Надо показать, что мы готовы по-деловому

¹ Ленд-лиз — поставки из США союзникам по антигитлеровской коалиции материально-технических ресурсов, военной техники, продовольствия.

решать. Но аккуратно, сам понимаешь. Я докладывать буду вождю.

Берзарин был рад неожиданно представившейся возможности увидеть сына. Но потом передумал. «Нечего будоражить мальчонку. Он толком не поймет, а круги могут быть. Пусть идет как идет. Всему свое время...»

Берзарин вызвал Хохлову, поинтересовался здоровьем сына, передал деньги, подарки.

— От кого, не говорите. Малец все равно толком не поймет.

На первой встрече Уоллес передал личное послание Рузвельта и попросил показать, в каких условиях содержатся осужденные.

Его отвезли в чистенький лагерь с переодетыми в новенькие робы «счастливыми зэками», вступившими на путь исправления. Они прошли соответствующую подготовку.

Берзарин оказался прав. По мнению моряков, «либерти» слишком неустойчивы на волнах неласкового Охотского моря. Проект не состоялся.

В подвале дома была прачечная. Ребята постарше придумали новую игру: назначенный по жребию должен был идти за выходящим с бельем. А потом в удобном месте, где стояла кучка «наблюдателей», якобы споткнуться и, падая, выбить куль. Все разбегались, а пострадавший, видя бегущих в разные стороны, на какое-то время терял ориентировку.

Когда из подвала вышел высокий сутулый мужчина в ватнике, с большим кулем, Колька пристроился сзади. По команде он «споткнулся» — куль оказался в грязной луже. Команда бросилась врассыпную. Мужчина поднял куль, а другой рукой ловко ухватился за ухо басурмана. Проходившая мимо Нина подошла ближе.

— В чем дело?

— У них игра такая — выбивать чистое белье, я не первый раз вижу.

— А ну, отпусти. Я тебе покажу — «игра»! Недавно освободился — опять захотел на Трассу? — У Нины кольнуло сердце, ей показалось, что это был Вадим.

Мужчина съезжился и быстро скрылся за углом. Сережа подошел к брату.

— Никогда не будем так делать!

Ночью Нине не спалось. Она лежала с открытыми глазами. Ей вспомнилась Москва. Крымский мост. Последняя встреча с Сашей... И что случилось с Вадимом?

Во всем чувствовалось приближение Победы. На сплошной стене школьного спортзала, обращенной к городской поликлинике, третий год висит огромное панно: во весь рост Александр Невский в латах, шлеме с наносником и с мечом, над головой князя-освободителя цифры: 1242—1942, а внизу, крупными буквами: «Кто на землю русскую пришел с мечом, от меча и погибнет», еще ниже — воины с копьями. Кто-то со двора принес рукоятку от подметальной щетки с заостренным концом. Через пару дней младшее дворовое воинство было вооружено «копьями». Ледовое побоище шло полным ходом, когда Кольке в рот, из которого несся звонкий боевой клич, засадили копьём.

— Это ж надо так ухитриться. Глаза целы, зубы целы, а до связок достали. — Пожилой врач вставил раненому распорку в рот и тампоном стал обрабатывать горло. — Ты, воин, в рубашке родился.

Весь вечер мама Нина охала: «Деточка, деточка!» — и вообще запретила Кольке ходить на улицу. В обед и вечером она водила его в поликлинику на ингаляции.

— Будешь всю жизнь сипеть. А я думала, ты пев-

цом станешь. И слух, и голос есть, а теперь инвалид сиплый. Год придется пропустить. Мама твоя в консерватории училась...

Каждый вечер мама Нина учила его писать и читать, а через полгода Коля начал осваивать английский, немецкий и арифметику.

Сережка был занят в школе и редко заходил к брату. У него теперь другая жизнь.

По воскресеньям в школьном спортзале за рубль показывали кинофильмы. Можно было и бесплатно, через подвал — там лаз был. Только страшно одному. Он отворачивался, когда на экране целовались. А вот Шурочка Селина ему нравилась. Она была круглая отличница и, когда за партой сидела рядом, касалась его своей коленкой. Однажды она в раздевалке обняла его и прижалась животом:

— Хочешь, я научу тебя целоваться?

Домработница теперь ходит через день. «Вот лафа! И школу можно прогулять, и лечь попозже». Михаил редко в городе — он на Трассе. Коротко лето на Колыме. За мостом через речку Магаданку — длинные штабеля дров, которые под охраной пилят и укладывают зэки. За штабелями, если подняться в горку, небольшая порожистая речка Каменушка. Только смельчаки могут окунуться в ледяную заводь. Обрато идут гурьбой. Между штабелями ходят вооруженные стрелки. В момент, когда стрелок отвернулся от ветра и стал прикуривать, двое зэков хватают Сережку и за-таскивают в теплушку. Кто-то из ребят успел позвать стрелка. Он появился, когда на мальчике остались одни трусики.

После школы — раздолье. Сегодня домработницы не будет. Сережа еще на школьной лестнице увидел, как за Дом культуры заехали сани-розвальни. Там был

продуктовый склад, ребята у дверей подбирали куски подсолнечного жмыха — его полдня сосать можно.

Кучер укладывает в сани мешки. Когда Сережа подошел, кучер подмигнул ему:

— Садись, прокачу. Не бойся, она умная, держись покрепче. — Он бросил мальчику одеяло.

Лошадь пошла рысью. Скоро они въехали во двор двухэтажного деревянного здания магаданской прокуратуры. Лошадь медленно подошла к воротам длинного сарая. От нее шел пар. Вокруг глаз и ноздрей кобылы ледяные нити. Кучер достал из-за пазухи мешковину и заботливо вытер морду лошади, снял удила.

— Опять пристыла, моя красавица... Видать, нам обоим Колыма не в радость. Пойдем скорее. — Он открывает ворота. — Корма теперь на неделю хватит. Оклемаешься, моя хорошая!

Кивнув мальчику, кучер приглашает его зайти в сарай.

— Это кто? — удивляется Сережка.

— В первый раз кроликов видишь? Мои подопечные. Походи, погляди на эту публику. А я пока мешки занесу.

В самом углу сарая крошечная каморка размером два на полтора метра. Небольшое полупрозрачное оконце пропускает слабый свет. Здесь и живет дядя Володя.

— У тебя кто родители?

— Мамы нет. Она умерла, а папа на Трассе.

— В лагере?

— Нет. Мы сами сюда приехали.

— А кто раньше твой отец был?

— Он на заводе работал, в Запорожье. Мы с мамой в Москве жили, а папа к нам приезжал.

Теперь каждый раз, когда домработницы нет, Сережа после школы заходит в гости к дяде Володе. До Колымы он был большой военный начальник — комдив.

В тридцать восьмом получил «высшую» за неосторожные высказывания, что настало время менять всех коней с гривами на стальных. Но приговор заменили на двадцать лет лагерей. Крепыша, легко играющего двухпудовыми гирями, после пяти лет «активировали» и привезли в Магадан для отправки на материк в группе доходяг.

По счастливому случаю прокурор Магадана заехал за женой, которая работала заведующей школьной столовой. В доходяге, роющемся в мусорном баке, прокурор узнал своего командира.

— Владимир Иванович, я ваш ординарец Семенов. Вы мне рекомендацию в юракадемию давали. Не признали?

— Признал...

— Не оборачивайтесь, Владимир Иванович. Завтра к десяти утра надо быть во дворе прокуратуры, копайтесь в мусорном баке. К вам подойдут, выполняйте, что скажут. Никаких вопросов. О нашем знакомстве — никому. Будет возможность, отправлю на материк, а в трюме можно не добраться до Находки. Там условия невыносимые. Надо ждать, Владимир Иванович. Большого сделать не смогу.

Так бывший комдив очутился в теплом сарае при кроликах, мясо которых было рекомендовано его ординарцу. Бывшие сослуживцы больше никогда не общались.

Сегодня Сережа принес дяде Володе из дома продукты, которые он брал по-тихому, и объявил, что скоро уедет с отцом на материк.

— Ты ведь мужчина и умеешь хранить военную тайну? Попрошу тебя об одном одолжении. Выполнишь его, когда сам поймешь... Раньше вы ведь в Москве жили, ты мне рассказывал.

— Да. Мама говорила — недалеко от Кремля. Она Сталина видела.

— Ну вот и хорошо. Запомни адрес и больше ничего... Рядом с кинотеатром «Ударник» большой серый дом, его все знают в Москве. Из него Кремль виден. — Дядя Володя усмехнулся. — Хотя вряд ли... а вдруг... Запомни номер квартиры — сто тридцать шесть. Спросишь кого-нибудь из Обуховых. Расскажешь что хочешь. Только это надо сделать тогда, когда сам решишь. Это и будет наша с тобой военная тайна... Хорошо?

— Ладно.

— По-военному надо: «так точно». Повтори.

— Так точно.

— Военная тайна — помни. Вырастешь, служить в армию пойдешь, а у тебя уже военная тайна есть.

Хозяин приехал с Трассы совсем разбитый. На двух дальних соседних приисках взбунтовались зэки. Пришлось применить меры, хотя для недовольства были причины. «Но сейчас война, всем трудно. Начальник прииска перебрал, триста человек под пулемет поставил. Решительный мужик, но перебрал! Надо его заменить, чтоб дальше не пошло. Советская власть — справедливая».

Не раздеваясь, он вошел в домашний кабинет и сел в кресло. Покалывало сердце и в висках стучало. Подошла Луиза в кимоно.

— Спой что-нибудь, а то сердце ноет!.. Скажи, чтоб коньяк и рюмки принесли.

Она появилась в цыганском и с гитарой. Присев к нему на подлокотник кресла, запела его любимые «Очи черные».

Коржев закрыл глаза. Напряжение спадало. Он попросил повторить. Луиза положила голову ему на плечо.

— Скоро войне капут. Надо к мирной жизни готовиться. Хорошо бы и нам свой театр. Сцена есть, зал

есть. А то только заседания к праздникам проводишь... Я ведь артистка — зачахну без зрителей и сцены. Мне бы только труппу и оркестр набрать. Спектакли будем ставить, концерты к праздникам. Чем плохо? У меня дело будет, а то ведь только и жду тебя... И людям хорошо!

— Я думал, мне только два человека задания могут давать... — усмехнулся Коржев. — Ну да ладно, завел молодую, красивую — терпи... Есть у меня один спец по лагерям. Он заявление написал — на материк просится... Тебе поможет — отпущу... А сейчас по рюмке и спать... Соскучился...

Утром Михалева вызвали к Хозяину.

— Заявление твое передали. Чего ты вдруг надумал сбежать от меня? Обиделся, что не наградили? Сам виноват — со всеми воюешь. Исправим. Я сам тебя в допросник включу.

— По семейным обстоятельствам.

— Знаю... Давай так. Поможешь артистов набрать, и отпущу.

— В каком смысле? Блатных, что ли?

— В самом прямом. Театр будем делать. Мнение есть. — Коржев усмехнулся и, помолчав, добавил: — У меня... Совет дельный один человек дал...

Через три месяца труппу и музыкантов разместили в новых бараках, которые специально были построены по требованию Луизы. В бараках вместо нар были кровати с матрацами. Нашлись даже режиссер и дирижер «с именами», доставили из Хабаровска спецрейсом музыкальные инструменты. В подвале старого клуба Луиза отыскала рояль. Список требований ее расширялся: портные, художники, специалисты по сцене, костюмер, настройщик. Нашли даже двух гримеров.

Богата Колыма, если по лагерным сусекам поскрести!

Решено было к октябрьским готовить праздничный концерт. Из лагеря привезли в Магадан известного певца Вадима Козина. Но выступить ему Коржев не разрешил:

— Борзые мои рады будут восточку на материк отписать. Гоголи-Фонвизины, мать их.

Хозяин теперь совсем подругу не видит. С утра до позднего вечера в Доме культуры она готовит генеральную репетицию.

Коржев у себя в домашнем кабинете — для него лично ведется прямая трансляция из зала. Он зовет адьютанта:

— Пойди скажи, чтоб «Очи черные» Луиза спела, а потом пусть репетирует сколько хочет.

В апреле сорок шестого Хозяин подписывает заявление Михалева. Девятого мая отец и сын поднимаются на борт «Советской Колымы».

Когда объявили о том, что Берия и его ближайшие сподвижники — агенты империализма, Нина вновь переделала свидетельство о рождении и аттестат зрелости. Теперь Николай Хохлов ее сын, а в графе «отец» — прочерк.

Время такое было.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Вот и все, написал честно, как знаю и как смог.

Давно, и известно чем, закончилась Перестройка. Команда наша, хоть и в редующем составе, продолжает собираться. Третий год, как проводили Влада. Он скрывал, что был смертельно болен. В фужерах теперь, в основном, «Аква Минерале». Я по-прежнему

прихожу с гитарой, но поем мы наши песни. Без Влада дисциплины никакой — ругаем правительство и Чубайса, «бигмаки» и сериалы. Со сном совсем беда, встаю по ночам и сижу на кухне, правда, курить бросил. Жена спит в другой комнате, говорит, что не переносит храп, несколько лет назад штоф на дачу увезла. Где-то прочел — после шестидесяти картины детства до тех пор снятся, пока не пройдешь наяву по местам, где на крючке обруч гонял¹. Махнуть бы на недельку-другую в Магадан. Цветы мамам положить, в бухте Гертнера изловчиться и пару камушков бросить, чтоб на морской глади попрыгали, у вышки парашютной в парке постоять, если жива еще старушка.

Колыма, Колыма... Синоним несправедливых репрессий и край, поражающий суровой северной красотой. Проклятое место, земля, хранящая в недрах и кости несчетных тысяч невинных жертв, и неисчислимы богатства...

В этой истории изменены только имена и некоторые факты. Не дай бог, чтоб внуки тех, кто стоял тогда по разные стороны колючей проволоки, подошли к барьеру. Но и не дай боже нам в беспамятстве жить...

Мужчины и женщины, которым не по своей воле не суждено было вернуться на материк, пусть спят в колымской мерзлоте. Скольких Вавиловых и Мейерхольдов, и просто детей своих после колымской людорезки недосчиталась земля расейская!

Щедрая на таланты и так часто безразличная к их судьбе!

Не случись беда колымская, может, и сериалы нынче другие были, и нарзан, а не «Аква Минерале» пили бы...

¹ Уличная игра: обруч (обод от бочки) гоняли специальными палками с крючком.

Только время никого не ждет. Нынче песни другие, а не грех и старые помнить!

Напечатанное ниже курсивом я прочел в диссертациях и открытых теперь архивных документах, сократил, перефразировал, но от себя ничего не добавил.

Использование труда заключенных было предложено как партийно-государственная мера колонизации экономически неразвитых регионов.

В июле 1929 года Совет Народных Комиссаров принял постановление, согласно которому содержание всех осужденных на срок от трех лет передавалось Главному управлению лагерей (ГУЛАГ). Освободившихся после отбытия срока заключенных предлагалось оставлять на прилегающих к лагерям территориях, что упрощало контроль за ними и сокращало расходы на охрану.

Советская тюремно-лагерная система начала формироваться в годы Гражданской войны. Параллельно существовали две ее ветви. Одна — для содержания уголовных преступников, находившаяся в ведении наркоматов юстиции и внутренних дел. Другая — для тех, кто причислялся по каким-либо

формальным или неформальным признакам к противникам большевистского режима; она находилась в ведении органов государственной безопасности ВЧК — ОГПУ.

В условиях форсированных программ индустриализации и коллективизации масштабы применения массовых репрессий — сначала как способа уничтожения инакомыслия, а затем как средства получения практически дармовой рабочей силы стали — возрастать с огромной скоростью.

Заключенные направлялись во вновь создаваемые крупные исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), на которые возлагалась задача «комплексной эксплуатации природных богатств путем применения труда лишенных свободы».

Карта страны покрывалась сетью ИТЛ, которые в циркулярах именовались «управлениями по месту дислокации». Так были созданы управления: Северное особого назначения (с центром в г. Котласе), Дальневосточное (Хабаровск), Сибирское (Новосибирск), Казахское (Алма-Ата), Среднеазиатское (Ташкент), Беломоро-Балтийское, Дмитровское, Байкало-Амурское, Саровское, Ахунское и другие.

Общее количество заключенных, несмотря на увеличение среди

них смертности и на массовые расстрелы, к началу 1938 года приближалось к трем миллионам. Чтобы организационно справиться с таким их количеством, обеспечить всех работой и как-то обустроить содержание, были созданы новые управления: Норильское, Каргопольское, Тайшетское, Вятское, Северо-Уральское, Унженское, Усольское и др.

Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы («Дальстрой») был создан на основании решения ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 года постановлением Совета Труда и Оборона СССР № 516 от 13 ноября 1931 года, в целях освоения необжитых территорий Крайнего Севера, разведки и добычи полезных ископаемых Колымского региона.

Первым директором треста закрытым постановлением Совета Труда и Оборона СССР № 518 от 14 ноября 1931 года был назначен Э. П. Берзин. В начале февраля 1932 года группа специалистов и первый отряд заключенных прибыли в Магадан, где расположилась администрация треста.

В этом же году трест был наделен правами самостоятельно-го административно-террито-

риального образования, входящего в Дальневосточный край (позднее — Хабаровский). В своей хозяйственной деятельности трест подчинялся только ОГПУ. В момент образования Дальстроя территория, подведомственная тресту, составляла 450 тыс. квадратных километров. К началу войны она была расширена до 2,2 млн. квадратных километров, а к 1950 году достигла 3 млн. квадратных километров.

В структуру Дальстроя вместе с лагерями Колымского бассейна, Чукотки, побережья Охотского моря, бассейна реки Яны в Якутии входили строительные, геолого-разведочные, медицинские, метеорологические управления, транспортные и горнопромышленные объединения, речное и морское пароходства, авиаотряд, научно-исследовательские и проектные институты, издательства, учебные заведения, учреждения культуры.

Производственная база Дальстроя, даже по масштабам всей страны, была колоссальной: сотни приисков, рудников и обогатительных фабрик, десятки электростанций, девять аэродромов, шесть морских порт-пунктов, железные дороги, более тридцати

радиостанций и узлов связи, сотни километров линий электропередач. Это индустриальное могущество создавалось ценой жизни сотен тысяч заключенных.

Для обеспечения текущей деятельности и развития Дальстроя на территориях, где практически не было населения, в 1932 году приказом ОГПУ № 287/с был создан гигантский Северо-Восточный исправительный лагерь (СВИТЛ), фактически подчинявшийся начальнику Дальстроя.

Впоследствии Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы был переименован в Главное управление строительства Дальнего Севера (сокращенное название «Дальстрой» было сохранено).

В 1953 году, после образования Магаданской области, Дальстрой передал свои административные и партийные функции соответствующим органам и оставался хозяйственной единицей в системе Министерства металлургической промышленности СССР.

Начальнику Дальстроя до 1953 года подчинялись все партийные, административные, хозяйственные и инфраструктурные субъекты. При этом Дальстрой был

освобожден от уплаты налогов и сборов, ему было предоставлено право распоряжаться средствами гострудсберкасс, доходами от реализации облигаций госзаймов, лесными угодьями.

Многотысячные партии заключенных прибывали в порт Ванино со всей территории страны, оттуда в трюмах морских судов доставлялись в бухту Нагаево и далее по колымской трассе в лагеря.

В 1937 году на Колыму прибыла с особыми полномочиями «московская бригада», которая сфабриковала так называемое «колымское дело». По обвинению в антисоветской деятельности был расстрелян комиссар госбезопасности Берзин. Московская бригада от вышестоящей инстанции получила «лимит» по расстрелу за контрреволюционный саботаж. По этому делу было расстреляно десять тысяч человек; получили разные сроки несколько тысяч.

Практика чрезвычайных репрессий, носившая специфическую форму обвинения в «контрреволюционном саботаже» с последующим массовым расстрелом, применялась как устрашающая мера для интенсификации труда заключенных вплоть до смерти Сталина.

Приказом по Дальстрою от 11 июня 1938 года рабочая смена была продлена до 14-16 часов в сутки, а 14 сентября 1938 года был сокращен до 20 минут обеденный перерыв, с правом переноса его на вечернее время. Эти меры резко повысили смертность. Также был издан ряд циркуляров, позволявших бывших заключенных, находящихся после освобождения на поселении, вновь отправлять без объявления причин за колючую проволоку.

Конвейер обеспечивал бесперебойное поступление все новых партий заключенных.

Кровавый произвол, длившийся на Колыме в течение 1937-1938 годов, связывают с именем полковника Гаранина. Позже его арестовали, подвергли пыткам и осудили. Впоследствии Гаранин был реабилитирован и умер своей смертью.

В период войны условия содержания были особо жестокими. Так, было установлено, что работа заключенных в зимнее время могла быть прекращена только при температуре ниже 55 градусов мороза. Массовые обморожения приводили к гангренам. Неспособных продолжать работу «активировали» или расстреливали по статье «контрреволюционный саботаж».

Смертность документировалась различными диагнозами, в том числе нелепыми и нередко смехотворными...

Колыма — это не столько географическое, сколько социально-историческое понятие, боль и позор страны. Но, как сказал великий русский поэт Александр Твардовский, «нам никуда с тобой не деться от зрелой памяти своей». И хотя к Колыме в разные годы относились различные территории страны, находящиеся на северо-востоке Азиатского материка, когда ее покидают, говорят: «уехать на материк».

К моменту образования Магаданской области и других административных единиц территория, подведомственная Дальстрою, могла вместить две Франции, две Испании, две Италии и еще десяток небольших европейских стран.

Даже приговор может быть отменен. Лишь время неуумолимо.

Внук уже студент, по субботам он приезжает к любимой бабуле, они закрываются на кухне и гуляют по Интернету.

По земле российской ходят нынче красивые молодые люди, для которых «Колыма» и «Перестройка» такие же малозначимые понятия, как для меня «гламурный» и «тусовка».

Покинул мир патриарх романа и Колымы, замеча-

тельный Вадим Козин, не пожелавший вернуться на материк. Патриарха успел обласкать широкодушный и вездесущий Иосиф Кобзон.

Страна по-прежнему ищет «золотой ключик от двери в счастье».

После расформирования нашего ведомства на пенсию я не вышел, а освоил новую специальность — нефтепереработка. Сейчас работаю в крупной нефтяной компании.

Время так безжалостно к прошлому! Уходят из жизни последние живые свидетели, видевшие, как люди — без лиц, но в шляпах и длинных кожаных пальто — сажали в черные «эмки» мужчин и женщин, для которых время остановилось. А нынче на московских проспектах уже не редкость красные «хэтчбеки» с гибридными электробензиновыми приводами. В них сидят ловкие юноши в джинсах и длинноногие красавицы в таких коротких юбках, что видны трусики. Вот-вот на автозаправках вместо «пистолетов» со шлангами появятся электророзетки, а по хайвеям помчатся, обгоняя время, разноцветные «купе» и «седаны» без выхлопных труб. Очень хочется поставить на свою «BMW» пятой серии водородный двигатель. Успеть бы только... С времем шуточки плохи...

Уже в наши дни у меня сложились теплые и доверительные отношения с губернатором И. П. Фархутдиновым — одним из самых ярких региональных лидеров новой России. Игорь Павлович был фанатично предан делу и, если бы не трагедия¹, многое сделал бы для сахалинцев.

В 2002 году в Южно-Сахалинске готовились отмечать 55-летний юбилей образования области, в которую после поражения Японии в 1945 году были вклю-

¹ И. П. Фархутдинов (1950—2003) — бывший губернатор Сахалинской области. Погиб в авиакатастрофе на Камчатке.

чены вся Курильская гряда и Южный Сахалин. У меня были моральные основания считать себя причастным к этой дате. Ведь мой неродной отец отдал жизнь за установление советского порядка на одном из южных островов гряды.

На юбилей направлялась большая делегация. Моя поездка на Сахалин — пятая по счету. У нашей компании был успешный проект по нефтеперерабатывающему заводу «Петросах». В одну из таких поездок, пролистывая книгу по истории острова, я наткнулся на знакомое название судна. Речь шла о факте потопления японцами грузового парохода «Самарканд» в проливе Лаперуза до объявления Советским Союзом в 1945 году войны Японии.

Юбилейные торжества прошли пышно. На следующий день мы сидели с Игорем Павловичем в уютном кафе супернового отеля и говорили сразу обо всем. Я рассказал ему о своих «изысканиях и исторической находке» — о бочонке, том самом, с медом, который шестьдесят два года назад мама забыла в каюте «Самарканда».

Губернатор посмотрел на меня, улыбнулся великодушно и сказал:

— Зачем тебе Москва? В мегаполисе на себя, на свой карман пыжатыся. А у нас за край свой радеют. Помочь только народу надо, направить... Посмотрел бы, как у нас детские соревнования проходят. Приедешь — всю жизнь меня благодарить будешь. Время другое нынче. Россия здесь! Страна еще спит, а тебе уже солнце улыбается... Приезжай на Сахалин — это клондайк, только не временщики нам нужны. Обещаю: первый проект — подъем «Самарканда». Представляешь, как мед настоялся в бочонке? Чай с ним будешь пить, и с лимонником, женьшенем... У нас такие красивые женщины, столько кровей намешано...

— А они храпа не боятся?

— Да ты что! Они у нас работающие, небалованные... мужика чтут. — Губернатор улыбнулся. — А кулинарки какие! Европа с Азией на наших кухнях толкаются, кто кого... Голодным не будешь, ответственно, как губернатор, обещаю! Морепродукты прямо из океана, свежак! Гарантирую — диабета и инфаркта еще минимум двадцать лет не будет, а там посмотрим, может, и старости не будет...

Я по-прежнему собираюсь на Дальний Восток, хотя благоверная отказывается ехать — она хочет в Москве правнуков нянчить. Говорят, новую жизнь никогда не поздно начать... А я все жду, жду компаньона. А может, последовать совету Игоря Павловича... Коли жив был бы губернатор, поехал бы я по его призыву ничтоже сумняшесь!.. А может, и впрямь махнуть — на Дальнем Востоке один не останешься, если человеком будешь, и России послужить напоследок — дело достойное!

Мама Нина в последнем письме написала: «Человек не знает своего времени». А я должен знать! Ведь это МОЕ время, сколько ни осталось, а МОЕ.

ПРОСТИ, МОЕ КРАСНО СОЛНЫШКО

*А между мною и тобой – века,
мгновенья и года,
сны и облака...
Пусть с тобой все время будет свет моей любви,
зов моей любви,
боль моей любви!
Что бы ни случилось, ты, пожалуйста, живи.
Счастливо живи всегда.*

Р. Рождественский

1

НИКОЛАЙ вырулил на привокзальную площадь, аккуратно объехав не засыхающую с апреля по ноябрь лужу — местную достопримечательность. Метрах в пятидесяти от гипсового изваяния адвоката из Симбирска «Ниву» тряхнуло. От неприятного металлического скрежета Николая передернуло. Он инстинктивно тормознул и открыл дверцу. Помня про вчерашний спазм в пояснице, который в самый ответственный момент чуть не оконфузил его как

мужчину, он мягко, по-кошачьи спрыгнул в черноту. Ноги увязли в теплой жиже.

— Эх, непобедимая ты, наша Киевская Русь! — Николай потер кулаками поясницу.

Полусонные фонари выхватывали из темноты фрагменты одноэтажного здания вокзала, построенного небось еще при государе императоре. Армейский прожектор довоенного образца безучастно смотрел с одинокого столба на остатки гипсовых фаланг адвоката.

Николай взглянул на разметавшиеся фалды адвокатского пальто.

«Что осталось от шквала социалистического переустройства?! Кепка на ржавых прутьях, миллионы жертв и искалеченных судеб, попранное во имя мировой революции человеческое достоинство. Хотя ведь была же индустриализация, но и сколько крови было пролито, чтобы начисто уничтожить крестьянский дух. Войну выиграла, но какой ценой! Четырех своих положили за одного ганса. Вернувшихся из плена на Колыму послали, нарушив вековые общечеловеческие традиции. Атомную бомбу сделали и на своих же испытали... Что же столько лет и с такой бессмысленно кровавой беспощадностью строили большевистские начальники, если сами-то, без колебаний освободив после беловежской вечера нагрудные карманы от книжечек с профилем адвоката, а совесть — от заповедей строителя коммунизма, легко присвоили себе заводы и целые республики? А может, не думать об этом? Жить, сколь бог даст, с Наталией? А как подохну, ей-то, молодой, красивой, ни разу на комсомольское собрание не сходимшей, дальше что делать? Может, отпустить ее?! Пусть лучше ко мне на могилку придет со здоровым мужиком да выводком детей. Пару гвоздик положит, свечку зажжет. Все не так одиноко мне будет».

Николай ухватился за ручку изнутри дверцы, подтя-

нулся и уселся за руль. Опять дернуло в пояснице. «Эх, спорт дорогой, не забывает бывших мастеров». Бормоча с изыском на втором расейском языке и не зажигая фар, он подъехал к бетонной оградке, отделявшей адвоката от пьяных выходов простонародья. Понемногу глаза привыкли к темноте. Он вышел из машины. Здесь было посуше. Можно было различить трос, тянувшийся спутанными кольцами из-под днища к оградке.

«Неужто местные новодемократы взялись за передел мира, начав, как всегда, со сноса идолов, а он, зацепив трос, мог стать соучастником этих событий?» — Николай цокнул языком. Дурацкая привычка, которую так не терпела мама, осталась от спорта, хоть и тридцать лет во рту не было капы¹. Но какое отношение к очередному переделу в этом заштатном городе химиков, где листья желтеют до первой майской грозы, имеет он, бывший спортсмен, бывший завлаб, несостоявшийся муж, ныне выдающий себя за бизнесмена?

— Ну, вот и приехали, — донеслось из машины.

— Еще как приехали! В ремонт потребно барышню.

Николай, кряхтя, присел на корточки, опираясь обеими руками на колени. Тянущая боль отдавала в самый копчик. Глушитель касался земли.

Из «Нивы» ловко выпрыгнула очень ладная молодая женщина в модных кожаных бриджах и кожаной курточке.

— Опять до вторника... Хочешь, в субботу я поцелую тебя в семь утра... всего, всего. — Она подошла к Николаю сзади, оперлась щекой о его макушку и безвольно опустила руки.

— Мать, давай по делу, а потом по слюням. Телку надо на ямку, и полный огляд, включая интимные подробности. Похоже, ты ейную девичьсть не уберег-ла-а. — Ни-

¹ Эластичная назубная прокладка, которую боксеры во время боя вставляют в рот для предотвращения травм.

колай покачал глушитель. — За пару месяцев такую недотрогу-вишенку в экспортном исполнении опустить до вокзальной шалашовки. Ну ладно бы, хоть до валютной путаны. — Николай держался обеими руками за поясницу. — Под сиденьем моток проволоки. Принеси, будь ласка, глушитель подвязать. Не то такой трах-тередох случится, стар и млад с перепугу обмочатся.

— Не могу я, когда ты уезжаешь, — она поцеловала его в затылок. — У меня ноги сводит по ночам, так я хочу тебя. Мне все мерещится, что в Москве ты еще не одной «мать» говоришь.

— Хорошо, отныне твой отзыв «кума Наталия». С кумой хорониться не надо от глаз людских. А если конфуз случится, всегда на толпу сослаться можно: мол, советами отвлекают.

— Дома что творится?! Он на сына руку стал поднимать. Его тоже можно понять. Жена есть, а она совсем... и не жена... И мне-то что делать? Ну хочешь, я уйду, купи мне хоть палатку, — Наталия отошла на несколько шагов в сторону. — Он тоже мужчина, — слышалось из темноты.

— Что ты хочешь услышать? Мне тоже жаль его, такую кралю не приручил. Ну давай возьмем его третьим... Я ведь ничего не требую от тебя. Есть твоя жизнь, есть моя жизнь, а есть наша с тобой жизнь. Так мир устроен.

— Злюка старая, ну давай в субботу залезу к тебе под одеяло, — Наталия протянула Николаю моток и ткнула лбом ему в грудь.

— Мы взрослые люди, ты хотела «Ниву», — он взял ее за плечи. — Вот она, «спелая вишня». Ты хотела независимой быть и сама дать сыну шанс. Ну так чешись, кума, чешись!

Проволока пружинила и плохо гнулась.

— А против койки, особенно с кумой моей дорогой, кто возражает.

— Вот и я думаю, у тебя есть варианты.

— Если все дело в хате, в чем проблема? — Николай усмехнулся. — Особнячок не потяну, а квартиру, не сильно многокомнатную, справим.

— Почему ты не хочешь быть со мной насовсем? Зачем тебе эта свобода, сам говоришь, устал от одиночества. Представляешь, просыпаешься каждое утро, а я рядом... Целую тебя, как ты любишь. А в субботу и воскресенье даже и больше.

— Эх, кума-кумушка моя дорогая! Взвесь реально, небось на три красненькие я ране вылупился, и ведь в школу ходил, когда порознь учились, и первый день войны до сих пор в глазах. Через десять лет ты мне утром клизму будешь ставить, а днем рога. И это не только неизбежно, но и справедливо!

— Я тебя люблю, и никогда...

— И я тебя люблю, — Николай закрыл ладонью ей рот. — Разница есть, солнце мое... Настоящая любовь приходит только в зрелом или даже послезрелом возрасте. Моя любовь бескорыстна и должна тебя уберечь от всех напастей и паскуды разной. Ведь тобой гормоны движут, а мной — вся прошлая жизнь. И Америки своей мы не откроем. Не ровен час, семафор покажет путь твоему куму в дорогу дальнюю. — Николай вздохнул и провел кончиком языка за ее ухом. — Тебе еще сколько станций проехать, не пересчитать, а мне-то до ближайшего полустанка... и сходи, Коля...

— Не смей так говорить! А я?! — Женщина встрепенулась и приникла к нему.

— Потом ты достойного настоящим мужиком сделаешь, а он кого-то — классной любовницей. Это и есть преемственность поколений. Ведь я «оттуда», а ты «отсюда». Так судьба распорядилась. У Чарли Ча-

плина есть великий фильм «Огни рампы»... Там все сказано.

— При чем тут Чарли Чаплин? Пусть десять лет, но моих. Я тебе еще сына и дочь рожу.

— Не сердись, любовь моя, но есть простое понятие биологической справедливости: до тридцати — отец, до шестидесяти — дед, до девяноста, если в жмуры не поступишь, — прадед. Когда отец ходит с сыном в баню, от стакана не хватается за сердце, а за мать может дать в челюсть на улице, сын вырастает нормальным мужиком. А если отрок видит, как мать вместо рюмки отцу плечо подставляет, чтоб с лестницы не свалился и шейку бедра не сломал, — ребенку гарантированы комплексы.

— Ты еще молодым фору дашь, — Наталия, закрыв глаза, подставила губы.

— Как знать? Поясничка уже весточки шлет. Мне не нужны понты. Когда ты увидишь меня немощным, с привязанным к агрегату целлофановым пакетом, я буду проклинать себя, а ты забудешь между клизмами наше счастье. И все равно уйдешь... Или страдать будешь...

— Не уйду, куда мне идти... Мое сёрденько с тобой, — Наталия отвернулась, глаза ее заблестели.

Николай обхватил голову женщины обеими руками и прижался губами к ее волосам. Ставший таким родным запах ее тела будоражил.

Послышалось лошадиное отфыркивание. Под фонарем немолодая семейная пара с шумом сгружала с подводы плетеные корзины, затянутые марлей.

— Смотри, кметы ягодицу приготовили дорогим москалям.

— Почему ты так нехорошо о трудягах говоришь?! — Она привстала на цыпочки и положила голову ему на плечо.

— Наоборот: кмет, то бишь крестьянин по-

словенски, — это самая надежная часть населения. Куды он от земли денется? А мы кредиты под сумасшедшие проценты вместо дотации даем. В страду на солярку цена растет. Это же бред! Как коммуняки уничтожали крестьянство под видом раскулачивания, так и нынешние демократы-управители последних трудяг добивают.

— Поцелуй меня. Я так скучаю без тебя.

Николай улыбнулся и притянул Наталию к себе:

— Эх ты, женщина моя дорогая, солнышко мое, думаешь я не скучаю? Ты хоть изредка в окно своей тачки смотришь? Амбары без крыш стоят! Фермеры на брошенной и загаженной земле-матушке из сорняков вдруг сами появятся? Три, а то и четыре поколения нужно, чтоб крестьянин вновь народился, не по названию, а по образу жизни, по самой философии ее. Чтоб в четыре утра вставать, щи серые хлебать, а не родимую! Солнцу и дождю радоваться, землю на зуб пробовать, прежде чем посевную начинать. Ведь десятки лет семена в холодную землю бросали по команде секретаря райкома, который порой овес от проса отличить не мог.

— Ты мне зубы не заговаривай. Ну, поцелуй меня, каменюка противная. Ты скоро бросишь меня... Мое сердце чует...

— Держи ключи от тачки и не гони, — Николай поцеловал ее в волосы.

Со столба, из динамика, хриплый прерывающийся голос объявил, что через десять минут прибывает пассажирский поезд номер пятьдесят восемь, следующий из Чернигова до Москвы. Стоянка две минуты. Обвешанная корзинами пожилая пара засеменила к перрону.

Николай знал эти новые немецкие спальные вагоны с тремя узкими полками на одной стороне и креслом на другой. Немолодая проводница, в истертом кителе и

несвежих тренировочных штанах с пузырями на коленках, взяла билет, покрутила, видимо, проверяя таким способом, не фальшивый ли он, и, сняв очки, изрекла:

— Чаю нема. Ступай до крайней. Палыть неможно.

— Я не курю.

— И то дило. — Она вещала на суржике, уродливой смеси русского и украинского языков, напоминая известного в пятидесятых годах артиста разговорного жанра Тарапуньку¹.

В купе двое сумерничали. Яркая брюнетка, поджав ногу, сидела на нижней полке у окна. Напротив, через столик, в кресле — худосочный, начавший лысеть усатый мужичок лет тридцати пяти, в очках. На столике — бутылка водки, шмат сала, огурцы, большие ломти паляницы и две вскрытые банки пепси.

«Вот она, родина гетмана Хмельницкого и Тараса Бульбы, нынешняя. Водка с пепси — бредятина какая-то. Куда идут славяне? Недаром говорят, появилось новое блюдо на Украине — сало в шоколаде», — подумал Николай. Надо было хоть пару часов поспать. Он буркнул: «Я за бельем», — и вышел в коридор. Завтра куча дел. И эта встреча с Серегой, и его туманное предложение...

Когда Николай вернулся в купе, женщина уже спустила ногу. Над верхней губой ее блестели капельки пота.

— Сидайте к нам, — она приветливо улыбалась.

— Спасибо. У вас, наверное, деловой разговор, не буду мешать. Я могу постоять в коридоре, пока не соберетесь отдыхать, — вежливо намекнул Николай.

Он прикрыл за собой дверь. Свежий воздух холодил. Сквозь отражение закрытой двери купе мелькали в окне огни.

¹ Комический дуэт народных артистов Украинской ССР актеров Ефима Березина (Штепсель) и Юрия Тимошенко (Тарапунька) знала вся страна.

«За каждым огнем — жизнь, отношения, будущее, надежды... Любовь земная, а может, и неземная... А ведь где-то женятся... А где-то тройняшка родилась... А где-то курица яйцо снесла, золотое... Жизнь... Вот и Серега опять появился на горизонте. Зачем это? У каждого свой путь».

Отчетливо всплыло смеющееся лицо Инны и платье в синий горошек. Идет дождь. Они стоят, мокрые до нитки. Ее дыхание рядом... Он чувствует, как вздрагивают ее грудь и бедра. Они поехали домой к Инне. Родители ее были на даче. Под утро она прижалась к нему бархатным телом и прошептала в ухо: «А ведь у тебя никого не было. А теперь есть я... Обними меня, чтоб косточки затрещали. Ты такой сильный! Нам всегда будет хорошо».

Подошла проводница и сунула ему влажный серый конверт с бельем.

— Уважаемая, может, есть свободное местечко в другом купе? А то тут молодежь спать не собирается. Я заплачú... Они небось и поехали, чтоб вдвоем побыть, а тут некстати третий, всю малину портит.

— Спы, где ложат. Пустых мисц нема!

Он посмотрел на часы. Прошло всего двадцать минут.

«Судя по всему, в купе лирикой не пахнет. Хотя кто знает, говорят, что импотентов среди лысых в процентном соотношении меньше, а сексуально активных больше».

В коридоре никого не было. Он приложил ухо к двери. Слышны были спокойные голоса. «Эти будут всю ночь разговаривать. А мне на работу. Надо бы их уложить спать, а самому лечь на среднюю полку». Николай решительно, но плавно отодвинул дверь.

— Вы из Москвы? — встретила его вопросом брюнетка.

— Точно, чистый москаль!

— Мы тут за профессии балакаем. А вы кто будете? Вот я — замдиректора областной филармонии, а Петро — журналист.

— Я бы не хотел обсуждать свою профессию, — Николай достал сумку.

— Это что, тайна? — Она с улыбкой протянула ему руку. — Ирина.

— Николай. Просто профессия несколько специфичная и дюже, я бы сказал, нерадостная. Давайте о чем-нибудь более интересном.

Он любил такие ситуации. План созрел сразу.

Из сумки Николай вынул пакет с домашними пирожками, которыми его снабдила в дорогу Наталия, баночку с хреном и несколько помидоров. «Что делать, всякая постанровка требует затрат».

— Давайте по пять капель за знакомство, — вальяжно предложил журналист.

— Я тружусь, если так можно сказать, в социальной сфере. — Николай с придыханием открыл под столом баночку с хреном... — Я директор... кооперативного кладбища.

— Как это?! — у женщины вытянулось лицо.

— Полагаю, мои милые сокупейники осведомлены, что в отечестве Александра Сергеевича и на родине Тараса Григорьевича православных принято хоронить на кладбищах. — Николай медленно выбрал самый толстый ломоть сала, положил его на хлеб, выдавил червячок хрена и протянул со значением журналисту. — У нас не принято распространяться о тонкостях профессии. Но мы вряд ли когда-либо свидимся, и, надеюсь, у вас не будет повода искать со мной встреч, и потому сделаю исключение. — Николай улыбнулся и картинно вздохнул. — По православным канонам, а хороним мы исключительно православных, покойника увозить с кладбища нельзя.

— Естественно! — уверенно восклицает журналист.

— А почему? В ворота кладбищенские покойника вносят вперед ногами, а как выносить: головой или ногами? Вопрос!.. Привезли клиента, а на него нет документов, то есть официального свидетельства, извините, не ко сну будет сказано, с указанием причины... Куда, позвольте, девать православного?.. Опять вопрос! — Николай подмигнул журналисту. — Но надо все по-людски. Все-таки последний путь... Вот мы и хороним так рано ушедших без ксивы¹.

— И это ваш бизнес? — Журналист делает попытку достойно выглядеть в разговоре.

— Еще по пять капель, не чокаясь. Вы меня разве-ли, как лоха-первогодка... Нет, уважаемые, это только прикрытие, так сказать, посильная помощь остающимся и уважение ушедшим. — Николай опять подмигнул журналисту. — Бизнес, когда клиента привезли, а он еще не в курсе, будут его хоронить или только попросят о каком-нибудь одолжении.

— В каком смысле? — Ирина смотрела на нового пассажира с нескрываемым удивлением.

— Давайте погитарим теперь за украинского композитора Лысенко и его незабвенную «Наталку-Полтавку». — Николай деликатно взял самый маленький ломтик сала и отломил маленький кусочек хлеба.

Все разом замолчали. Через четверть часа в купе было тихо.

2

Николай лежал на средней полке с открытыми глазами. Сон не шел.

¹ См. примечание на стр. 70.

Вот он, последний сбор на динамовской базе в Батуми. Сборы подходили к концу. Тренер грузил по полной. Босиком они ускорялись по горячему песку с пудовыми мешками в руках и стерли ступни в кровь. Вечером его и стукнуло в пояснично-крестцовое.

С Сергеем они жили в одном номере. Серега пощупал со знанием дела спину товарища и весомо изрек:

— А ведь это звонок прощальный нам. Хватит мясо трепать.

К утру боль поутихла, они отпросились с тренировки и уплыли за бакены.

— А чего, пусть молодняк за пьедестал колотится. Вперед пора смотреть! Не всю же жизнь бинты мотать. — Сергей цыкнул сквозь зубы струйку морской воды и ушел на глубину.

Николай лег на спину и раскинул руки. Море держало его. Облака были так высоко. «Сейчас хорошо, а что он умеет? Диплом инженерный в августе получит, а по-настоящему он разве что в морду дать кому-нибудь грамотно может».

Выпустив струю воды изо рта, с шумом вынырнул Серега:

— Братан, смотри, какие ляли на шлюпке мимо хотят пройти, и, главное, без последствий для них и, простите, выводов для нас. Это несправедливо! Тебе хорошо, у тебя Инна... Не сегодня-завтра будете выбирать, то ли она будет Лаптева, то ли ты — Кацман... Нынче, братуха, времена другие. Есть смысл подумать... Авдуг надумаете отвалить... А у меня фамилия генеральская, выбора нет. Если что, батя пристрелит из наградного ТТ... Добавим узлов и на абордаж возьмем.

Они быстро догнали лодку.

— Бабоньки, далеко ли до Кронштадта? — Сергей уцепился за борт. — Может, покажете курс, а то компас и боцманскую дудку враги утопили вместе

с морской формой, кокардой и кортиками. Еле выплыли.

— А вы в каком звании? — бойко спросила сидящая на корме блондинка.

— Он мичман дальнего плавания, а я боцман среднего каботажа, — Серега качнул лодку.

— Не пойдет... Нам бы лучше штурман или, на худой конец, лоцман, — засмеялась сидящая на веслах.

— У нас не сегодня завтра свой Кацман будет. Пойдет? — Серега поднырнул под лодку и схватился за борт с другой стороны.

— Это другое дело. Кацман лучше лоцмана, — засмеялась блондинка.

— Товарищ мичман, как тяжело с умным контингентом, — не унимался Серега.

В номер он вернулся только под утро, с темными кругами под глазами.

Потом они поехали в Киев. На полученную в конце сборов спортивную стипендию решили шикануть и сняли номер в лучшей по тем временам гостинице «Украина», на бульваре Тараса Шевченко.

На следующее утро во время завтрака Сергей заказал черный кофе. Красивая, пышногрудая, с соболиными бровями хохлушка принесла кофе с молоком. Сергей не сводил глаз с влажной ложбинки между налитыми шарами официантки и картинно возмущался. Она с вызовом посмотрела на требовательного клиента и, упершись кулаками в роскошные бока, прошипела:

— Пый, шо дають, понаихалы тут... Напоилы, накормилы, да вын ще недоволен.

Вечером Сергей попросил Николая раньше одиннадцати вечера не приходиться в номер.

— Надо этой, с молочным генератором и широкоформатным крупом, объяснить кое-чего из правил обслуживания клиентов, — витиевато изложил он.

К вечным победам Сереги добавилась еще одна.

Скоро пенензы¹, как любила говорить мама, стали петь романсы. Серега потащил Николая на Бессарабку², предложив дурацкую затею, как прокормиться на халяву. Они ходили по рядам, не скупясь пробовали выставленную снедь. Серега, выбирая румяных, уговаривал их выйти замуж за стоявшего рядом «трехкратного чемпиона мира по рыбной ловле с места на мормышку и большого педагога по женской части».

Особого успеха эта затея не принесла, но на третью ночь Николай спал один в номере.

3

Только под самое утро Николай отключился. Когда открыл глаза, спутники одетыми стояли в коридоре. Николай задвинул дверь и быстро оделся.

В купе постучали. Вошла Ирина.

— Моя сестра преподает вокал в Гнесинском училище. Я всегда приезжаю на выпускной концерт. Хотите пойти? Не пожалеете. — Она улыбалась. — Будут романсы, русские народные песни из репертуара Лемешева. Помните такого замечательного оперного тенора? Он еще в кинофильме «Музыкальная история» снимался, вместе с Эрастом Гариным и Зоей Федоровой.

— Помню, — Николай улыбнулся. В попутчице было что-то призывное. — В мое время было несколько певцов на эстраде. Их знала вся страна. И каждый был настоящий вокалист: Виноградов, Абрамов, Бунчиков, Нечаев... Их нельзя было спутать: свой тембр, своя манера. Каждый пел свое. На радио выступал изу-

¹ Деньги (*блатн.*).

² Рынок в самом центре Киева, на Крещатике.

мительный мягкий тенор Хромченко, а неаполитанские канцоны¹ исполнял Михаил Александрович. Он долгое время пел а капелла² в московской синагоге. Видимо, это определило его ровную манеру пения. Александрович имел большой успех, но мне казалось, что репертуар был не для него. Для неаполитанской песни нужна экзальтация, краски, специфический надрыв... А когда концерт давал Лемешев, это событие было. Его искренность так была нужна загнанному народу!

Николай изучающе посмотрел на Ирину. Она улыбнулась. Предчувствие подсказывало, что, как сказала Наталия, «есть варианты».

— Если приглашение остается в силе, согласен. Тем более что современная попса — это не мое. Хотите, я вас доведу, у меня машина на стоянке.

— Спасибо, здесь идти пешком полчаса. Люблю ранним утром пройти через Бородинский мост, Смоленку, Арбат... Сумка у меня не тяжелая... — Ирина улыбнулась, слегка прищурился глаза. — История с кладбищем — это розыгрыш? Вы просто хотели нас уложить спать... Угадала?

— ...Ну а царицей песни-спектакля всегда была и будет Клавдия Ивановна, — помолчал, продолжил Николай, не ответив Ирине. — Рядом можно, пожалуй, только Пугачеву поставить, и то, когда она достойный материал поет. А у Шульженко никогда проходного материала не было. По уровню вокального таланта, художественному вкусу и культуре пения бесспорный король советской эстрады — Муслим Магомаев. — Николай входил в раж. — Я бы даже так сказал: Муслим принес на эстраду классика вокала. Мне кажется, что при всей его невероятной популярности он по-настоящему в нашей культуре недооце-

¹ Песни (*итал.* «canzone»).

² Пение без музыкального сопровождения (*итал.* «a cappella»).

нен. А ведь Муслим не меньшее явление, чем Марио Ланца. Просто из-за большевистских барьеров он не стал мировой звездой... Магомаев поет нашу оперу и фольклор, как русский, неаполитанские песни, как итальянец, немецкую классику, как певец, окончивший Венскую консерваторию, а английские песни, как выросший на берегу Темзы. Это уникам, музыкальный лингвист с потрясающей красоты баритоном! Мегазвезда!

— Вы просто эксперт по современной мировой эстраде. — Ирина покачала головой.

Поезд медленно двигался вдоль платформы.

— Я даже уверен, что он на голову выше Хампердинка... Были и есть прекрасные исполнители среди драматических актеров, но они на эстраде не толкаются. Может, только Марк Бернес, но ему жить власть не давала. А некоторые сами не захотели. Ну, скажем, Олег Анофриев — и вокалист, и мастер декламации, а на эстраду не пошел.

— Какой вы, однако! Анофриев не пошел на эстраду по творческим соображениям. И вообще, так нельзя говорить. Меняется время, эстетика, но в целом, конечно, все идет по пути вытеснения мелодии ритмом... И сильного, в основной массе, упрощения текста. — Женщина серьезно посмотрела на Николая. — Похоже, вы совсем недавно сменили профессию.

— Время всегда другое! Звезда должна быть одна, ну, максимум, три. А их пекут как блины. Это бред! Ширпотреба слишком много. Сейчас можно не учиться в консерватории, а проямлить что-нибудь сексуальным полусшепотом или бедро выше допустимого показать — и звезда.

— Какой нетерпимый! Народу всегда хотелось зрелищ и хлеба...

Поезд остановился. Николай подхватил чемодан

Ирины, а когда вышли из здания вокзала, осторожно поставил на землю:

— Ну, до встречи. Почитаю про Гнесинское училище, чтобы выглядеть на концерте прилично. Основатели вашей альма-матер — Елена и Михаил, законно-рожденные дети Фабиана Гнесина. Не ошибся?

— Верно-верно! Я обязательно остальное проверю, — ответила Ирина и игриво помахала рукой.

4

Концерт был чудесный. В антракте они вышли на улицу. Николай взял Ирину под руку.

— Ребята знают, о чем поют, и школа чувствуется. А полная блондинка — супер! В трех регистрах как дома, такое крещендо¹ ныне в диковину... А квартет ребят с лемешевской «У ворот-ворот» — просто нет слов. Голосоведение² безупречное. Извините, не мне вам, профессионалу, говорить, но по количеству спетых русских народных песен Лемешев чемпион. Вокалом нельзя заниматься непрофессионально.

— Бывают же самородки, — Ирина, высвободившись было, уже сама взяла его под руку. — Возьмите хотя бы Козина.

— Все равно им потом специальными упражнениями голос ставят... Вы думаете, я так о вокале говорю, чтобы произвести впечатление? У меня пять тысяч дисков, можно сказать, антология мирового вокала. Хотя есть много симфонической и инструментальной музыки.

— Сначала бы не поверила... после «кладбища», — Ирина улыбнулась.

¹ Постепенное, плавное усиление звука при пении (*итал.* «crescendo»).

² Движение голосов певцов в многоголосном музыкальном произведении (*муз. термин*).

— Смешно сказать, много лет назад со своей почти невестой поругался из-за Лемешева, — сказал Николай задумчиво. — Надо же!.. Вы меня в далекую юность возвращаете...

— Это как?

— Мы поспорили, кто лучше фольклор поет, Лемешев или Козловский. Я уверен, лучше Сергея Яковлевича никто не исполнял, да и сейчас не исполняет русские народные песни. Козловский пел украинские песни, но он всегда «себя» пел.

— А Обухова, Шаляпин, Русланова?

— Я про теноров говорю!

— Ну, тогда ваш тезка Гедда? — Ирина сощурилась и покачала головой.

— У него русские корни, и вокалист он безупречный, особенно в камерном репертуаре. Но наши песни он пел по нотам, а Лемешев все проживал. Атлантов, безусловно, по тембру, чистоте и силе голоса превосходит Лемешев, но личную драму Ленского так искренне голосом мог передать только Сергей Яковлевич.

— Соглашусь. А вообще, кто ваши любимые оперные певцы?

— Из басов — Христов, из теноров — Франко Корелли. Трудно сказать однозначно. Сейчас уже нет тех, кто слышал вживую Карузо. А ведь когда пел Карузо, говорят, женщины с кресел падали в обморок. В целом это зависит от репертуара. Никто никогда не спел юродивого, как Козловский. Вообще, русская опера — это особое явление.

— Вас прямо на телеэкран, — Ирина усмехнулась. — Тогда женщины очень нервические были...

— Напрасно вы так! Я не квасной патриот! Но считаю, что по самобытности русская опера не имеет равных. Возьмите «Князя Игоря» или хотя бы «Китеж», — Николай стал говорить спокойнее.

— Ну почему, а «Кармен»? — Ирина смотрела на собеседника с удивлением.

— Это единичное явление... Когда мне плохо, я ставлю четвертый акт «Бориса Годунова» с Христовым. Это вершина оперы не только русской, а вообще оперы как вида искусства. В сцене смерти Годунова, если говорить пафосно, три гения сошлись. Разве в западной опере есть аналоги «Садко» или «Русалке»? А такая глыбища, как «Хованщина»...

— Это уж точно. У них, в Европе, даже буквы «ща» нет, — пошутила женщина. — Вы, я вижу, серьезный слушатель, нетрадиционный.

— Если имеете в виду сексуальную ориентацию, здесь у меня все нормально.

— Не надо ерничать! Употребила этот термин только по отношению к слову «слушатель».

— Почему в маленькой Словении по вечерам на эстраде исполняют народные песни в современной обработке, и все поют? А у нас, где есть такие титаны, как Мусоргский, Чайковский, Рахманинов и еще десятка два гениев с мировыми именами, слушают англоязычную попсу. В какой стране была «Могучая кучка», такой титан, как Стасов¹?

— В рок- и поп-музыке, бесспорно, больше простоты и искренности. Что бы там ни говорили, классика по самой природе и истокам элитарна. А людям нужна повседневная музыка, чтобы чувствовать себя в ней свободно, как дома... Вы, наверное, были бы достойным директором в институте благородных девиц, — Ирина громко засмеялась. — А я живая, современная, хоть и не очень юная.

¹ В. В. Стасов (1824-1906) — крупнейший художественный и музыкальный критик конца XIX — начала XX вв. Идеолог и руководитель Товарищества художников-передвижников и творческой группы «Могучая кучка», объединившей композиторов и художников. Выступал за реализм, национальный характер искусства.

— Напрасно вы так. Я нормальный мужик!

— Ну и слава богу, а то я испугалась, что меня начнут десяти заповедям обучать, а не тащить в постель... Прощу только не рассматривать эти слова как призыв к действию. Просто ненавижу мужиков-моралистов.

В облегающем черном костюме Ирина была обольстительна. После концерта она подвела Николая к своей сестре. Он галантно поклонился и произнес необходимые слова. Ирина что-то шепнула сестре на ухо.

Москва устала за день. Асфальт был теплый и мягкий.

— Позвольте в благодарность за прекрасный концерт пригласить вас на десерт, здесь неподалеку есть кафе, оно допоздна работает, — сказал Николай.

— Пойдемте к моей сестре на чай. Она живет рядом, в Староконюшенном переулке.

— Неудобно, уже поздно.

— У артистов все удобно, это обычное дело. — Ирина оперлась на его руку. — Люблю крепких мужчин... Сестра пригласила нас.

— Хотя вы пытались «балакать», выговор-то у вас москальский, — Николай цокнул языком.

— Какой наблюдательный! Что значит, слух музыкальный. Я не делаю мужчинам комплименты, но здесь вынуждена нарушить принцип. — Ирина засмеялась. — Да, я родилась в Москве, в квартире, куда мы идем. Окончила Гнесинку, прошла по конкурсу в Московский театр оперетты. Два сезона проработала. Но на гастролях простудилась и потеряла голос. Год восстанавливалась, но... — Ирина цокнула языком, — была в полной прострации... Чему вы улыбаетесь? — Она недоуменно посмотрела на Николая.

— Языком цокаете, мама меня всегда ругала за эту привычку.

— А меня сестра донимала... Так вот, познакоми-

лась я с одним офицером и уехала с ним в Чернигов. Стал понемногу восстанавливаться голос, взяли в областную филармонию. А тут муж получил назначение на Дальний Восток. Я подумала, что между сопок будет конец всему. Мы разбежались. В Чернигове и осталась... У нас вся семья музыкальная. Было стыдно к своим возвращаться. Тогда родители еще живы были. Сестра нашла в Киеве специалиста, но увы. Его диагноз был окончательный. Не хочу вспоминать. Пережила все одна. — Она посмотрела на Николая. — Вы ведь тоже не женаты?

— Почему вы так решили?

— Разве я ошиблась? Я могу многое по картам рассказать... Когда стало ясно, что со сценой покончено, мысли всякие были, — могу признаться, даже и небогоугодные... К гадалке ходила... Научилась и сама гадать. Второй и последний раз приглашаю на чай.

— Ну кто может отказать такой красивой женщине?!

— Не надо уличных комплиментов! Просто увидела, что вы такой же неустроенный и одинокий человек... А журналист, что с нами в купе ехал, у меня год назад интервью брал. Скажу по секрету: мне не нравятся журналисты, да и вообще молодые мужчины.

— Значит, еще не все потеряно для меня. А почему красивой женщине нельзя сказать, что она хороша?

— Когда люди только пытаются познакомиться, комплименты звучат нарочито.

— Согласен. Я даже разовью эту мысль.

— Ну что ж, готова послушать.

— Если поэт в стихах объясняется в любви всем женщинам, значит, он уже импотент. Проверить ведь нельзя.

— Не поняла.

— Во-первых, любить можно только конкретно.

Пушкин или Есенин всегда обращались со словами любви к определенной даме. А во-вторых, почему мужчины со снисхождением относятся к прекрасной половине человечества? Принесут по обязательке к Восьмому марта букетик мимозы... А разве нельзя дарить цветы первого апреля или двадцать девятого февраля? Когда душа захочет.

— Ну, философ-холостяк, идем чай пить?

На лестнице пахло кошками. Лифт не работал. Поднялись на четвертый этаж. Ирина достала ключи. На обшарпанной двери потускневшая медная табличка «Проф. А. Н. Богородский». Это была старая московская квартира, в которой жили люди искусства. На стенах сплошь фотографии.

— Вы, наверное, в отместку за мое «кладбище» гадалкой представились? — Николай нагнулся, чтобы снять обувь.

— Не нужно. Этот дом демократический... А я не имею обыкновения «пудрить мозги». Доказать?

— Только сначала, для убедительности, о нынешнем, а потом прогноз на ближайшие годы!

Николай прошел в гостиную. Провел нежно рукой по крышке рояля.

— «Bechstein»... Инструмент!

Ирина глазами показала на стул, достала из комода карты, села напротив и внимательно посмотрела на Николая.

— Ну что ж... Ставим на пикового короля. Уверенный, скрытный, взрослый... Так! — Она разложила карты. — Восьмерка червей. Вы вложили во взаимоотношения с дамой червей, очень нежной и чувствительной, много сил. Но сожалеете, что отношения зашли так далеко, — Ирина постучала ногтем по карте.

— Ну хорошо, а что впереди? — Николай, не мигая, смотрел на карты.

Ирина перетасовала колоду.

— Оставляем пикового короля. — Она искоса посмотрела на Николая. — Вас ожидает сложный период раздумий, и придет беда, с которой справиться будет нелегко, но вы найдете необычное решение, чем успокоите душу и сердце... Страдать долго придется...

— Это для любого и в любой ситуации подходит. Всегда есть проблемы и их решение. Иначе бы жизни не было, — Николай цокнул языком, покачал головой.

— Ну, тогда давайте чай пить! — Ирина встала и убрала карты.

— Простите за назидательный тон, но есть такое понятие — «вероятность». В обиходе этим пудрят мозги простому люду. Ну, скажем, выступает профессор-синоптик и вещает, что с вероятностью восемьдесят процентов дождя не будет. Бабуся не взяла зонтик — и промокла. И какое дело восьмидесятилетней бабусе до вероятности в восемьдесят процентов?! Штука в том, что по отношению к единичному, неповторяющемуся событию вероятностная оценка — это чушь собачья. Всегда можно сказать, что «попал» в двадцать процентов.

— Это очень напряженно для моих гуманитарных мозгов. Не надо пугать простую женщину.

— Простите. Объясню на примере. У меня в юности был приятель, большой педагог по женской части. Его отец-генерал не поощрял педагогические опыты сына. А мать считала, что сыну надо перебеситься, и дала ему ключ, который оставила ей подруга, чтобы в квартире поливать цветы. Приятель решил подготовиться к встрече своей пассии заранее, но ключ не подошел. Мать позвонила подруге и узнала, что та дала копию, которую заказала в мастерской рядом с домом. Друг только сдал экзамен по теории вероятности и, облеченный знанием, подошел к делу так: если при изго-

товлении копии с оригинала была допущена ошибка, то существует вероятность, что при изготовлении нескольких копий с «плохой» копии может быть сделана ошибка в другую сторону. Пятая копия подошла. Вот это и есть «вероятность» в действии.

— Все равно не поняла... Жизнь покажет, врут карты или нет. Только не забудьте про мое гадание...

— Не забуду. А мне как до вас правду донести?

— Захочется — сможется, люди говорят. — Ирина рассмеялась.

Про себя Николай подумал, что Ирина — тонкий психолог и с ней надо быть поосторожнее.

Она по-хозяйски накрывала на стол.

— Расскажите о себе. — Ирина положила ему в розетку варенье. — Вы как к сладкому относитесь? Я ужасная сластена.

— Я обычный человек, полуинтеллигент с выраженными нахальными наклонностями... Люблю варенье в чай класть. Мама говорила, что это «компот».

— Удивительно, я тоже люблю такой «компот». — Ирина кокетливо покачала головой.

Николаю вдруг так захотелось рассказать ей все. Он посмотрел на часы.

— Оставайтесь. — Ирина перехватила его взгляд. — Я не буду претендовать на вашу неюную мужскую честь... Хотите, на настоящем граммофоне поставлю Карузо?

— С удовольствием... Время ушло, техника вокала и воспроизведения другая. Карузо — гений бельканто, но он пел *как*, а сейчас надо и *что*, и *как*. В те годы первым *что* был Шаляпин. С Карузо закончилась, по сути, эра чистого бельканто. Ведь настоящее бельканто могло быть только у кастратов.

— Пожалуй, это и я знаю. — Ирина громко засмеялась.

— Неужто и с такими приходилось встречаться?

— А это уже бестактность, даже для полуинтеллекта.

— Извините, я в словесной перепалке иногда не соблюдаю меру. Больше не повторится... — Николай покраснел. — А Энрике Карузо был полноценный мужчина — именно как мужчина, имевший успех у женщин. Судя по воспоминаниям современников и соперников, тому есть подтверждения. Не мне говорить профессионалу, что бельканто, прежде всего, — чистое воспроизведение каждой ноты: подражание инструменту, а не, как пишут в современных энциклопедиях, «красивое, легкое пение». Это следствие, а не определение. По этому венско-немецкая школа ближе к бельканто, чем итальянская с ее красотою. Достаточно назвать такого вокалиста, как Фишер-Дискау.

— Соглашусь. Дитрих Фишер-Дискау — мастер камерного пения, в опере был менее успешен. Ну, а среди оперных сопрано кто соответствует вашему критерию *что и как?*

— Среди драматических сопрано — Мария Каллас, среди колоратурных — Джоан Сазерленд, — Николай ответил не задумываясь... — Хотя, конечно, первое сопрано в XX веке — Рената Тебальди, во всяком случае, так считал великий Караян. Я где-то читал, что, поскольку Каллас и Тебальди пели в одно время, Италия делилась на «каллаистов» и «тебальдистов».

— Кабы не собственные уши, никогда бы не поверила, что директора кладбищ такие знатоки вокала. Ну а насчет мнения, хоть и великого дирижера Герберта фон Караяна, то сколько специалистов, столько и мнений.

— И вообще, приходит время синтетических вокалистов.

— Что за новость? Я начинаю бояться вас.

— Почему Марио Ланца и Муслим Магомаев не отдали себя опере, хотя могли блистать на лучших оперных сценах?.. Им нужен был простор, десятки тысяч открытых сердец. Вот они и пели *все*, от оперных арий до песен и романсов. Они гениальные исполнители, которые абсолютно соответствовали критерию *что* и *как* в любом репертуаре. Кстати, и не пели все подряд. Муслим отказался от предложения Лиозновой за кадром петь в «Семнадцати мгновениях».

— Нестандартное объяснение! Прямо музыковед... «Синтетический»... Был бы жив мой отец, заставил бы вас жениться на мне. Он считал, что в музыкальной семье один должен быть исполнителем, а другой теоретиком.

— Неплохая мысль. Вот я с этим прицелом и хочу произвести впечатление.

— Куда уж больше... Мне жутко одной остаться на ночь в доме. Вдруг придут два искусствоведа в штатском и попросят назвать синтетических певцов... А я «в негляже». Стыд и позор! Закончила Гнесинку, а современных тенденций в вокале не знает. Придется как-то отрабатывать свою некомпетентность.

— Согласен. Надо оставаться. Нельзя же бросать ближнего в беде.

— Точнее, ближнюю. Принесу полотенце и зубную щетку. Мы, артисты, сумасшедшие, но в жизни чаще искренние... Я очень волнуюсь: а вдруг вы ночью будете проверять мою компетентность...

— Не буду, обещаю. — Николай усмехнулся.

— А вдруг я не буду возражать?!

— Проявлю свои нахальные наклонности.

Они засмеялись.

5

Наутро они были на «ты».

— Сколько дней пробудешь в Москве? — спросил Николай, когда она появилась в ярком кимоно.

— Я в отпуске, пару недель. Давно не была в Третьяковке, Пушкинском. Надо подкупить кое-чего из шмоток. Хочется выглядеть. Вон какие мужики еще обращают внимание, — она громко, по-театральному, засмеялась.

— Можем вместе в Пушкинский сходить. Я когда-то был знаком с одним искусствоведом или, точнее, искусствоведшей и даже готовился к встречам, почитывал книжки по живописи, — усмехнулся Николай. — Наверное, и сейчас кое-что вспомню.

Они встречались через день, чередуя ночевки у него и у нее. Как-то утром, наливая ему чай, Ирина сказала:

— Я за партнерские отношения. А то и в самом деле, позовешь меня замуж, а я не хочу лишаться свободы.

— Если честно, не знаю, за какие я отношения. Точно знаю, что не за современные.

Больше всего его поражало, что она часто говорила о том, о чем он думал. А в постели предчувствовала его поползновения на нестандартность. «Что это? Проявление творческой личности, технологическая оснащенность опытного партнера или гармония двух одиноких людей, обретших друг друга?»

В пятницу Николай повез Ирину к себе домой.

— Давай куда-нибудь махнем на субботу-воскресенье, — сказал он, когда садились в машину.

— Не хочу. Находилась, аж ноги гудят.

Всю субботу Николай демонстрировал свои кухонные таланты. Он приготовил трехслойный омлет по собственному рецепту, с обжаренным луком, помидорами, сельдереем и сыром.

— Ты настоящий холостяк, — Ирина ела шумно и с удовольствием, запивая белым вином. — Так готовят только принципиальные холостяки.

— А какие макароны по-флотски я могу! Попробуешь и останешься навек.

— На это не рассчитывай. Лучше с голоду умру, чем свободу потеряю. Из тебя путного мужа все равно не получится. Больно велик холостяцкий стаж. Это уже диагноз. Ты так заученно все рассказываешь — и про макароны, и про вокал, будто это не премьера, а спектакль, который уже давно на сцене идет, и зрителей все меньше остается. Не обижайся, но я много чего видела и пережила. Не надо гнать велосипед.

— А я никуда не гоню... А про макароны тебе первой рассказываю... Мне тоже не семнадцать и даже не срок пять.

— Не обижайся... Мы, артисты, народ чуткий и ранимый, но игру от жизни отличаем.

Воскресенье было дождливое. Обоим не хотелось вылезать из постели.

Николаю думалось: а может, это и есть та пристань, от которой не надо отчаливать? Не было ни одного аргумента против того, чтобы здесь бросить якорь... Да и с Наталией все решится само по себе. Она молодая, погорюет и найдет молодого.

Он подsunул руку под затылок Ирине и властно положил ее голову себе на грудь. Николай всегда так делал, когда утром рядом была Наталия. Он закрыл глаза. Ему вдруг почудилось, что Наталия целует его в шею.

— У тебя сердце стучит, как молот по наковальне, — сказала Ирина. — О чем ты думаешь?

— Сразу обо всем... А если честно, о будущем... Я давно об этом так серьезно не думал.

От нее пахло уютom и спокойствием. Только к обеду, уставшие и проголодавшиеся, они выбрались из постели.

— Не скажешь, что давно не юноша. Этаким бойкий петушок, — Ирина надела кимоно, которое возила всегда с собой.

— Хочешь совет? Никогда про петушка не говори. По-блатному «на петушка» — это значит насильственно сделать пассивным педерастом.

— Откуда у тебя, бывшего ученого и инженера, такие познания? Или ты свою биографию для меня придумал?

— Давно живу, моя дорогая. Отроком я в кармане «перышко» щупал... Тогда половина мальчишек в приблатненных ходила. А если убрать эту фразеологию, расскажу анекдот на «куриную» тему. Знаешь, что такое «перо»?

— Знаю, это финка.

— Вишь, какая обученная. Феню вместе с нотной грамотой в Гнесинке преподают?

— Я еще не то знаю.

— Не будем ссориться. Слушай анекдот.

— Надеюсь, приличный?

— Вполне. О чем думает петух, когда гонится за несушкой? «Не догоню — так согреюсь!» А о чем сообщает курица? «Не слишком ли быстро я бегу?» — Николай поцеловал Ирину в волосы.

— Пошлый анекдот... Я никогда не встречалась с мужчинами по физиологической потребности.

— Хорошо, если эта привычка сохранилась до наших дней! Мне тоже всегда нужны были отношения... Хотя потом неизбежны проблемы...

— Надо знать, с кем встречаться, — Ирина постучала ногтем по столу.

— Вот мы и встречаемся!.. Одеваемся по-быстрому и бегом на рюмку с отбивной в приличное заведение. А потом в Пушкинский. Как говорила моя матушка,

«в Музей изящных искусств на Волхонке». Я буду демонстрировать свою несокрушимую художественную эрудицию. Это посильнее моей холостяцкой стряпни будет. Может, расслабишься и посмотришь на евнуха другими глазами...

— Не надо так прямолинейно кокетничать! Что не евнух, пожалуй, соглашусь, но замуж за такого... профессионального холостяка все равно не пойду.

В зале барбизонцев Николай взял Ирину за локоть и подвел к стене, на которой висели картины Коро.

— Я и без рукоприкладства сообразила, что барбизонцы — это твое.

— Да. А почему, сам не пойму. А вдруг сбегнешь, а я только привыкать стал, про макароны песни пою.

— Не бойся, я предупрежу, когда лыжи навострю. Здесь персонажи — состояние природы. А ты одиночество свое лелеешь и сентиментальность скрываешь.

— Женщина — социальный философ, это опасно! — Николай ухватил пальцами Ирину за шею и с силой притянул к себе.

— Ничего не опасно. А сломать шею можешь. Просто жизнь коротка. Понимаешь это, когда с достойным встречаешься.

— Это я-то достойный?

— Не бойся, я не претендую на тебя.

— Все равно спасибо! Мне никто так не говорил. В чувствах признавались. А вот в достойных не числился... Но я и не кот помоечный!

— А ты самоуверенный! Я пошутила... Мужиков достойных днем с огнем нынче не сыщешь. Они хотят такими казаться, пока в койку не заташат. Ты тоже аналитиком-прагматиком представляешься, а когда о музыке говоришь, посмотрел бы на себя... Не будем ссориться — еще рановато. Я еще не привыкла к

тебе... — Ирина помолчала и продолжила. — Меня оторопь берет. Мне с тобой хорошо во всех отношениях... А кто ты: актер по жизни или всамделишный? Не хочу ошибиться... Лучше так — поматросили, поблагодарили друг друга, извинились за беспокойство, если что... Пусть лучше воспоминания хорошие, чем мордой об асфальт.

— Я и сам понять не могу...

— Ну, вот и договорились. Пока крутим-крутим, а жизнь вырулит. Я не хочу строить планы. И тем более, участвовать в конкурсе... — Ирина исподлобья посмотрела на Николая.

В воскресенье они ночевали на Староконюшенном.

6

В понедельник до работы Николай заехал домой, чтобы взять бумаги и переодеться. У подъезда на лавочке сидела Наталия. На счастье, у него с собой была дорожная сумка.

— Я с шести утра здесь. Терпела, ждала, ты даже ни разу не позвонил.

— Пойдем навстречу. Ты пока отдохнешь с дороги, а я сгоняю на работу. Был в командировке, дела накопились... Вернусь, сходим куда-нибудь, поужинаем.

Пока она принимала душ, Николай быстро осмотрел квартиру, не осталось ли следов его неверности. С работы он позвонил Ирине и сказал, что по делам отъедет на пару дней. Ему вдруг страшно стало от вранья.

Вечером он пришел домой с букетом белых роз и коробкой конфет. Стол был накрыт скатертью, стояли свечи, его любимый форшмак, посыпанный сверху корицей, как делала мама. Наталия никогда не забывала то, что Николай рассказывал о маме. Водка в запотев-

шем графине, бутылка белого вина и фрукты стояли на сервировочном столике, который ему подарила Наталия на Новый год.

В открытом черном платье, которое они купили вместе на день рождения Наталии в ГУМе, она подошла к нему и прижалась всем телом. Николай любил, когда Наталия надевала этот прикид, — как он называл, «срам слегка прикрыть».

— Давай никуда не пойдем, посидим вместе, ты ведь сам говоришь, что никогда не променяешь пустую гречневую кашу дома на котлету по-киевски в лучшем ресторане.

— Ну, мать, хороша! Могу замазать, тебе можно вручать сертификат гейши и диплом мастера секс-спорта. Сейчас на всех серьезных спортсменов — рынок. Это в наше время за спортивный костюм и талоны на питание до крови колотились. А сейчас время другое. Пора тебя на торги выставлять. Представляешь, какая у тебя будет формула цены: бизнес — можешь, фигура и фейс — вне обсуждения, прикид справили, в койке не сегодня-завтра мастер спорта международного класса. А хозяйка — тут вообще вопросов нет!

— Как птичка запела! Скажи прямо, избавиться хочешь. Небось, еще одну дурочку присмотрел для обучения!.. Или уже профессионалку? Думаешь, я побегу за тобой, как псина верная? — Наталия отвернулась.

— Почему так примитивно! Ты в бизнес стремишься, там каждый за себя. И хорошо, что не побежишь, за тобой побегут, и еще сколько! Грех за таким богатством не бежать. — Николай налил Наталии вина, а себе — водки.

— А ведь я бы за тобой побежала, — сказала она тихо. Глаза ее блестели.

— Ну, давай трезво... — Николай обошел стол и поцеловал ее в шею. — Еще десяток лет — и разбухшая

уретра пережмет мои семенные канатики. Не помогут никакие китайские премудрости. Ты же не захочешь давать мне отпускные, чтобы восстанавливать либидо. Так что, дорогая, пора тебе подыскивать «сладкого» из Канады.

— Не нужно мне ни сладкого, ни соленого, — Наталия резко повернулась и обхватила его за талию обеими руками. — Мой, мой, никому не отдам!

— А напра-асно! Там, в Канаде, на сумских хохлушек ба-альшой спрос. А как ты ему варэники з вишнею на парú да секс-ликбез на подушке с оторочкой и хохляцким орнаментом...

— Это ты на словах такой демократ! Вы все, мужики, собственники. Ты так легко отдашь меня другому? Ты ведь разорвешь его, если он ко мне притронется.

— Конечно. А если не убью, то уж точно буду под окном измены волком выть. Хотя куды деваться?.. Коли еще чуток буду опасен, к тебе на уик-энд... не каждый, конечно, а так, по либидным и материальным возможностям. Не дай бог, он будет хоккеист.

— Почему? Они настоящие мужики.

— Хоккеисты в Канаде — профессиональные драчуны. Тогда мне крышка!

— Ты тоже боксом занимался. Даже хвалился, что был чемпионом.

— Ну, во-первых, бокс не драка, а искусство, во-вторых, мне уже куча лет и чтобы быть в рабочем состоянии, тренироваться надо, а в-третьих, не портить же тебе жизнь.

— Скажи честно, у тебя много было женщин?

— Нет. Я не Ференц Лист... Если по правде, по настоящему у меня только с тобой...

— Знаю, что врешь, а все равно приятно... А почему Лист, он же композитор?

— Он был гений в трех ипостасях: композитор,

пианист-импровизатор и покоритель женских сердец. В каждом городе, где концерты давал, сбегал от очередной страдающей пассии.

— Ты тоже сбежишь, и я страдать буду.

— Нет, любовь моя, страдать буду я, а ты должна жизнь без розовых очков видеть... Один мудрый человек, когда я дураком юным был, сказал, что мужиком может стать только тот, кто потерпит пару поражений кряду. Тогда он и поймет, как относиться к любимой надо.

— Точно, тебе пора курсы для молодых кобелей открывать!

— Этому не научишь. Каждый либо поймет, либо сдохнет нарциссом... Знаешь, к какой я мысли пришел? Женщина всегда такая, какой ее видит любимый мужчина. Только вот поздновато понял... Уже пора на похоронный марш Шопена заявку подавать...

— Опять за свое. Я хочу на жизнь с тобой вместе смотреть, и долго. Раньше ты меня целовал в глаза, я потом открыть их боялась: вдруг открою, а тебя нет... Что ты наделал! Муж столько лет твердил, что спит с ледышкой. А теперь я сознание теряю, когда с тобой.

— А ты думаешь, я всегда был боец? Один старец сказал: «Юношей движут гормоны, мужчиной он становится, когда постигает мастерство и гормоны еще не кончились, ну а потом лишь делится воспоминаниями, как правило, сильно преувеличенными». Может, пора и мне кое-что записывать, чтобы потом не преувеличивать? — Николай поцеловал Наталию в оба глаза.

— Не подлизывайся!

— Все хотел тебя спросить, почему в твоём городе девять памятников Володе Симбирскому и ни одного-двум его революционным подругам¹? Они ведь тоже помогали мир переиначивать. Миллионы людей поло-

¹ Надежде Крупской и Инессе Арманд.

жили, чтобы философию людскую переделать... — Николай посадил Наталию себе на колени. — Элиту расейскую: офицерство — честь нации, интеллигенцию, духовенство извели. За одного Вавилова, величайшего генетика двадцатого века, коммунякам каяться и каяться. Бриллианты расейские — Ландау, Туполева, Королева, Стечкина, Тарле — зачем надо было в остроге держать? Королев на Колыме санки возил и чуть не замерз, а фон Брауна с почестями в Штаты привезли и институт дали. Мы своих гениев гноили, а американцы их поштучно собирали. Сикорский и Леонтьев — чьи парубки? А Мандельштам и Бабель куды подевались? В мое студенчество за одно упоминание о Винере из комсомола можно было вылететь.

— Раньше ты со мной о музыке, книгах говорил, а теперь политинформацию читаешь... И молчишь больше.

— Мы просто теперь близкие люди. Понимаем друг друга без слов. Какая, к черту, политинформация? Это боль моя, — Николай закрыл глаза. — Сколько с ней по ночам еще ворочаться? А тебе она к чему? Это для тех, кто «оттуда»...

— Кичишься, а я, между прочим, «Все люди враги» твоего любимого Олдингтона еще до тебя читала. Думаешь, на Хемингуэя и Фицджеральда ты мне глаза открыл? Я их в десятом классе еще прочла. Мне просто нравилось, как ты серьезно со мной разговаривал, а твой любимый Второй концерт Рахманинова по памяти напеть могу.

— А чего тут особенного?! Когда флирт переходит в серьезные отношения, эта ширма не нужна.

— Значит, ты просто мне лапшу на уши вешал? И зачем я только как коза за тобой пошла... — Наталия освободилась от рук Николая и стала собирать со стола.

— А что я тебе особенного говорил? — Николай искренне удивился.

— Ну как же! Что готов встретиться со мной в любой точке, какую я укажу на глобусе. Потом предупредил, что тебя интересуют только платонические отношения, а сам глазами раздевал меня. У меня по спине мурашки бегали от твоих глазюк бесстыжих, и соски набухали.

— А как же можно было пройти мимо такого совершенства? От тебя на десять верст гормоны кругами расходились... Я давно хотел тебя спросить, какие у тебя глаза — зеленые или синие? Знаешь, есть такое заболевание — дальтонизм, чаще у мужчин, когда они путают цвета. Может, я дальтоник?

— Ничего не путаешь. Просто, когда я злюсь, у меня глаза зеленеют, а когда у меня хорошее настроение — синие... Возьми меня в Москву. Мне не нужна печатка в паспорте. Ведь я знаю, когда ты не спишь, когда у тебя спина болит и даже когда лапшу на уши мне вешаешь. А как у меня сердце стынет, когда чую, что ты мне изменяешь...

— Не изменяю я тебе. Нужны доказательства?

— Врешь ты все, я вижу, как ты смотришь на женщин.

— Ну и что? Любой нормальный мужик так смотрит... Ну, давай реально — у сына все налажено: тренировки в танцклассе, школа, английский. Как бы там ни было, но у него близкие отношения с отцом... — Николай приподнял ее за локти и языком провел по ключице. Дрожь от ее тела передалась ему, вызвав желание. — Для Кардена ты просто мешок денег. В духи достаточно добавить пару твоих гормончиков-феромончиков, и ни один Аллен Делон не устоит.

— Поклянись, что у тебя никого, кроме меня, нет, изменщик несчастный.

— Ты же знаешь мое отношение к гигиене. И кто верит в наше время клятвам?!

— Я поверю. Куда мне без тебя? — Наталия обняла его за шею и чмокнула в нос.

— И представь, как гнусавый через десять лет храпеть будет рядом и воздух портить, вместо того чтобы утром и вечером доказывать свою кобелиную сущность.

— Не нужна мне кобелиная сущность! У меня кровь в жилах стынет, когда тебя нет рядом. Я хочу каждое утро просыпаться у тебя на руке... Ты просто козел непонятливый!

— Не скажи, кума, а как по ночам Коломбина, то бишь Наталия, ворочаться будет...

— Мне глаза мгла черная застилает, когда представляю, что ты говоришь «о другой гигиене»... Зачем ты мне все сломал? Жила как все... Беда ты моя, бедушка!

— Жизнь и у тебя одна. Только я «уже», а ты «еще». У счастья срок есть, но разный он у нас.

— Не смей так говорить. Я хочу с тобой умереть вместе...

Такой ночи у них не было никогда. Наталия была безудержна. «Неужели она просекла его измену и хотела доказать, что он теряет воспитанницу, которая все его уроки усвоила на “отлично”?..»

Первая мысль, которая пришла Николаю, когда он проснулся: «А может, двоеженство не так уж и плохо? Мусульмане не дураки».

Он не пошел на работу. Телефон звонил непрерывно. Наконец Николай не выдержал и взял трубку.

— Ну ты чего? Мы же договорились. — Это был Сергей.

— Я не один. Сегодня не могу.

Наталия нагишом суетилась на кухне. Николай подошел сзади, повернул ее к себе, протяжно поцеловал в оба глаза. Они были мокрые.

— Что случилось?

— У тебя кто-то есть... — Она зарыдала. Потом жестко и отрешенно сказала: — Дурак ты, хоть и старый... Ванную убирать после посещений надо!

Завтракали в тишине. Оба молчали. Неожиданно Наталия резко поднялась:

— Проводи меня. Посуду сам помоешь? Или тебе уже моют? Дура я... Дура!

Это был конец. Ожидаемый и такой грустный. Николай вернулся, сел на диван и закрыл глаза.

Сердце щемило. «Финита ля комедия. Чего просили, то и получили».

7

Словения...

Какая это была чудесная поездка! Быть может, лучшая в его жизни. Сказочно красивая, ухоженная страна, обретшая независимость после распада Югославии. В один день можно побывать на альпийском лугу, адриатическом побережье и в горах. Когда подлетали к аэропорту Брник, почти задевая крыльями за склоны Альп, Николай повернул голову Наталии к иллюминатору.

— Смотри, как ухожена земля. В словенской школе, если у ученика дедушка или бабушка кметы, то есть, по-нашему, крестьяне, к нему и преподаватель, и все дети относятся с уважением.

Они сняли номер в пятизвездочном отеле «Grand Toplice» на озере Блед, жемчужине Балкан. Здесь сохранилась вилла Иосипа Броз Тито — бога Югославии на все времена. В расщелину между гор тысячи лет изливается чистейшая снежная вода. В озере плавают несметные косяки откормленных рыб, на берегу избалованные туристами белые и черные лебеди выпраши-

вают корм. Озеро можно обойти спокойным шагом за два часа.

Каждое утро два служителя на плоту собирают ветки и листья, которые на голубую гладь занес ветер. Огромные фильтры круглосуточно очищают воду, ее можно пить без опаски. На противоположном берегу — монастырь, построенный в XI веке, частично вырубленный в скале. Колокольный звон, перемешиваясь с криком чаек, несется над озером. Посреди него небольшой остров, куда можно доплыть на гондоле, на острове ресторанчик и костел. Словения — католическая страна. И чистота кругом — словенцы трудяги. И честные.

— Ты обратила внимание, что у гондол русские имена: «Нина», «Тамара», «Надежда»? А гондольеры понимают по-русски. Хочешь, я договорюсь, чтоб на самой красивой гондоле было написано крупно «Наталия»? — Николай положил руку на плечо любимой.

— Хочу, — с вызовом ответила Наталия. — Завтра на ней поплывем на остров.

Балкон их номера выходил на озеро. За три дня они посидели во всех ресторанчиках и кафе в округе. Перед сном Николай опускал деревянные жалюзи, чтобы в поисках еды в номер не залетели непуганые голуби. Так и не отвыкший за годы после спорта вставать очень рано, он первым появлялся на пляже. В хорошем темпе доплывал кролем до середины озера. С криками носились недовольные чайки, которым он мешал выскивать добычу.

На третье утро, раскинув руки, Николай долго лежал на воде и смотрел в небо. Плыли облака. Так уже было в Батуми, когда он прощался со спортом. Он всегда прощался с чем-нибудь или с кем-нибудь, что составляло важную часть его жизни... И самое страшное ожидало его — прощание с Наталией.

Николай набрал полную грудь воздуха и ушел на

глубину. Коснувшись холодного слоя, он сильно оттолкнулся ногами и «столбиком» пошел кверху. По-прежнему кружились чайки. Мощным брассом рассекая гладь озера, он поплыл к берегу. За мускулистой спиной, показывавшейся из брызг, клином расходились две волны. Несколько утиных семеек безмятежно покачивались на них.

Николай вышел из воды, вытерся мохнатым полотенцем с надписью «Grand Toplice» и, зажмурившись, подставил лицо солнцу. «Наталья в постели смешно делает губы трубочкой, как рыбки в аквариуме, когда им не хватает кислорода. Девочка моя, солнышко мое красное... Впереди у тебя года и облака, счастливо живи всегда. А я, сколько смогу, буду беречь тебя. Только бы небо над тобой не хмурилось, да грозы не спешили смыть твою улыбку ясную...»

Каждый раз, когда он думал о своем и Натальином будущем, от ревности, в которой он не хотел себе признаваться, у него ныло сердце. Но сегодня Николай улыбался утру и самому себе: «Стихами заговорил».

— Вот так однажды ты уплывешь на другой берег и не вернешься, — сказала Наталья, когда он открыл дверь в номер. — Поцелуй меня, пока очи мои еще спят. Ты такой холодный! Я люблю тебя — мокрого и пьяного, больного и неверного...

— Я не смотрю на других женщин. Ты мне кислород перекрыла. — Николай присел на край кровати и положил голову на грудь Наталии. — Одеваемся... Пора на утренний променад вокруг озера, а потом завтрак на веранде с самой красивой... И, несмотря на молодость, такой умной...

— Обычная... Это ты меня такой сделал. А я всего лишь химико-технологический техникум закончила, оператором на заводе работала, потом замуж вышла. Обычная я... Ты меня поднял. Как теперь па-

дать буду? — Разобьюсь вдребезги, когда ты бросишь меня.

— Это ты меня бросишь, когда молодого встретишь.

На берегу у самой воды пара черных лебедей что-то выясняла.

— Ты собираешься здесь жить, когда выйдешь на пенсию? — спросила Наталия, когда они завершали очередной круг вокруг озера.

— Нет, буду умирать в России, просто хотел тебе показать, как и мы, в России, должны жить и работать. Словенский крестьянин в четыре утра встает. Ты видела их плодовые угодья вдоль автострады? Каждое дерево ухожено, и никто не сорвет абрикос. А плантации хмеля на километры тянутся, и каждая лоза подвязана.

Николай взял напрокат «Опель-Вектор» красного цвета.

— Знаешь, почему я выбрал красный цвет? — спросил Николай.

— Знаю. Красный и красивый от одного корня. Мужики увидят красный цвет, притормозят. Что же это за кобелино старый и седой, если с ним такая красotka едет?

— Ну, мать, комиссар Мегрэ супротив тебя — лох!

Они остановились у знаменитой на весь мир пещеры с понятным любому русскому названием «Постояна Яма». Им выдали суконные накидки, и на небольших открытых платформах электровоз повез их в тысячелетнюю глубь. Свешивались, в виде огромных сосулек, подсвеченные сталактиты и срастались с такими же разноцветными сталагмитами, поднимавшимися в виде столбов и тоже освещаемыми скрытыми светильниками.

— Им десятки тысяч лет, — сказал Николай, обняв за плечи Наталию, — представляешь, даже стар-

ше меня. В год лишь на маленькую долю миллиметра растут.

Они стояли в огромном купольном зале.

— А при чем тут Бетховен? — дернув за рукав Николая, спросила Наталия, прислушиваясь к немецкой речи, звучащей из динамика.

— В этом зале устраиваются концерты симфонической музыки. Играют Бетховена, Гайдна, Рахманинова, Шумана.

— Рахманинова не было, это ты сам придумал, — поежилась от холода Наталия.

— В таком величественном зале без нашего великого Сергея Васильевича, сотворившего «Всенощное бдение» — нонсенс!

— Ты мне про это не говорил... Я продрогла малость. — Она протянула руки. — Смотри, вся в мурашках. Согрей, а потом обучай... Отпусти меня или убей! Я не могу без тебя. Ты гад, зачем мучаешь меня?! Вот изменю тебе... — Наталия закрыла лицо руками.

Николай оторвал с силой ее ладошки, поцеловал каждый пальчик, подышал на них и стал растирать.

Когда вышли из пещеры, Николай заказал в кафе по «дублю» — двойной порции словенской водки «Вильямовки».

— Очень полезный напиток. Почти как наша «Польская», только с грушевым привкусом. А водка, милая моя, должна иметь не привкус, а вкус. Это разные вещи! — Николай глазами показал Наталии на стакан.

— Давай поженимся. Ты никогда не пожалеешь. Все равно тебя никто так любить не будет... Если ты меня бросишь, я сопьюсь. Сам виноват, что научил меня пить водку. Женщин ведь не лечат от алкоголизма.

— Не брошу. Такое богатство беречь надо.

— И зачем я тебя встретила?! Ну что мне делать?.. Как жить?.. Ты врун, у тебя есть женщины.

По шоссе-серпантину ехали молча и неспешно.

— Полицай здесь не наши, — сказал Николай. — Хоть словенский «дубль», что наш «полтинник», не дай бог, тормознут, ведь не откупишься.

Они припарковались у небольшого прозрачного озерца, от него навверх уходило ущелье — след сошедшего тысячи лет назад ледника.

— Пойдем вверх по ущелью сколько сможем, заодно и согреемся, — предложила Наталия.

— А не смогу, мне ведь не тридцать пять и даже не сорок пять?

— За меня держись, и не только в ущелье... Я сильная и выносливая. Ты еще удивишься, что я могу, если не брошишь меня.

Наталия сняла платье и осталась в ярком, в огромных маках, купальнике.

— Смотри, там человек. — Она показала рукой.

На огромном камне, высотой не менее пяти метров, расположился обнаженный, даже не загорелый, а закопченный мужчина.

— Давай замажем, это наш, — негромко сказал Николай.

— Не ошиблись. — Мужчина снял очки. — Прошу ко мне, в опочивальню отшельника.

— Что мы, ящерицы? — Наталия тоже сняла темные очки.

— У меня складная лестница собственной конструкции, из титана. Отвернитесь, пожалуйста, я приведу себя в подобающий вид. Вообще-то я не люблю случайных знакомств, — сказал он, когда спустился, — и покидаю Престольную, чтобы никого не видеть. Но перед дамой такого экстерьера...

— Может, мне тоже одеться? Между прочим, я не Каштанка, — Наталия сурово посмотрела на «отшельника».

— Простите покорнейше за бестактность. Одичал... На камнях правила общения быстро забываются. В России сейчас люди моего уровня подготовки не нужны. Я астрофизик. Но когда нам перестали платить за поиск черных дыр, а жизнь моя стала сплошной черной дырой, бросил это черное дело. Пару-тройку подготовлю богатеньких отпрысков в вуз, получу ренту за использование докторских мозгов, семьдесят процентов семье, остальное мне. Уезжаю в недорогую страну с небольшой плотностью населения и в природных условиях улучшаю свою чакру... — Астрофизик посмотрел на небо. — Похоже, польет скоро. Советую вернуться. С удовольствием пригласил бы. У меня непромокаемая палатка собственной конструкции, но, увы, только на одну особь малой продольной и поперечной протяженности.

— Вот, видишь, люди улучшают чакру, а ты мою ухудшаешь. — Наталия прижалась бедром к Николаю. — Вот останусь и изменю тебе с ним.

— Я думаю, у него с психикой не все в порядке, — сказал Николай, когда они сели в свою машину. — Надо делом заниматься, а не обижаться на весь мир... — Он обнял за плечи Наталию. — Мы пойдем другим путем, как заметил малоизвестный адвокат, но крупный политический деятель первой четверти двадцатого века. И обещаю улучшить твою и мою чакры.

Они гуляли по Порторожу, похожему на все европейские приморские курорты, — с главной улицей вдоль побережья, с отелями, казино и бесчисленными кафе и магазинами... Прошли мимо вписанного в склон отеля «Етопа», стоящего в тридцати метрах от моря, и, обогнув стоянку лодок и яхт стоимостью от тысячи до десятка миллионов долларов, вышли на центральную площадь Пирана, игрушечного, старинного, вполне итальянского городка с улицами шириной три метра. В

них можно спрятаться от палящего солнца. В центре площади памятник композитору и скрипачу Джузеппе Тартини.

— У нас не знают об этом выдающемся музыканте восемнадцатого века. С него началась теория музыки.

— Ну, сел на своего конька! Я пить хочу, а не теорию музыки слушать. Представляешь, как на тебя все будут смотреть, когда ты с такой женой будешь везде появляться!

«А ведь она права. Зачем ей восемнадцатый век? Ей-то жить в двадцать первом. Кто тогда вспомнит о Тартини? И играть наверняка будут на электрических скрипках... Интересно, сколько школьников из тысячи знают, кто такой Амати? И кто из великой троицы “Амати — Страдивари — Гварнери” учитель, а кто ученик?»

Они выпили в кафе прямо на площади холодного белого вина, разбавленного водой, поднялись по мощеной улочке в старинный замок. С крепостной стены, возвышающейся метров на семьдесят над морем, были видны снующие по заливу яхты. На рейде стоял белоснежный лайнер. «И зачем Колумб открыл, что Земля — шар? Вот она, гладь морская, ровная, как вода в блюде. Смотришь на плоское зеркало, и все ясно. Никаких проблем!»

— Отсюда неверных жен бросали, — сказал Николай, поцеловав в затылок Наталию.

— Меня бы не бросили.

— Это почему тебе такая привилегия?

— Я здесь бы с тобой жила.

— А околел бы по старости твой друг? Или перестал выполнять обязанности?..

— И я тоже, — Наталия лизнула друга в нос. — Хочешь, чтобы я к астрофизику на камень залезла?!

— Я хочу, чтобы ты была счастлива — и сегодня, и

завтра, и послезавтра, и даже когда меня не будет... А вообще, я люблю тебя больше, чем себя.

— Ну и женись на мне. Знаешь, какие хохлушки жены! Лучше не бывает!

8

Понемногу Николай стал приходить в себя.

«А может, не надо было с Наталией рвать? В конце концов все само бы решилось... Какое право у него ломать ей жизнь? Как быстро все пронеслось... С Наталией поздно, с Инной было рано, с Ириной незачем. А все посередине — так, случайности».

Николай встал, открыл холодильник и достал бутылку «Посольской». Он выпил полный стакан. Через пару минут сердце стало отпускать. «Не слишком ли часто таким образом стал лечиться», — подумал Николай, взглянув на пустой стакан.

С Инной они познакомились перед самым отъездом на международные соревнования студенческих сборных трех столиц: Берлина, Праги и Москвы. Всех спортсменов собрали в горкоме комсомола, представили руководителя команды и сопровождающего из известного ведомства. Секретарь горкома сказал, что перед отъездом сборная в полном составе должна пойти в Третьяковскую галерею.

Гид — хрупкая девушка в очках и с пышной пепельной косой — представилась и сразу повела их к картине «Явление Христа народу». Девушка была в розовой нейлоновой кофточке с кружевами и в длинной черной юбке, из-под которой виднелись тонкие лодыжки. Ему показалось, что бедра были широковаты для ее конституции. Николай, нахмутив брови, всячески демонстрировал предельное внимание. В следующем зале он спросил:

— Скажите, а правда, что великий Ив́анов писал эту картину всю жизнь и сделал сотни эскизов?

— Я потрясена эрудицией спортсмена. Вы даже ударение в фамилии художника сделали правильно.

— Можно ли получить консультацию по иконописи второй половины семнадцатого века в индивидуальном порядке?

— Можно, но только поверхностно, моя специальность — художники-передвижники.

Николай дождался ее у служебного входа.

Они шли по набережной. Смеркалось. Когда остановились, разглядывая афишу у кинотеатра «Ударник», Николай притянул ее к себе.

На следующий день Николай с букетом опять встретил Инну и сказал, что уезжает в Берлин на соревнования. Она пожелала победы без травм и, привстав на цыпочки, поцеловала его в щеку.

— Я всех уложу! — вырвалось у него.

В Берлине их разместили в студенческом общежитии. В каждом номере на двоих был душ, туалет, небольшая кухонька с холодильником и плитой. Его соседом оказался Сергей, с которым они учились на одном курсе и вместе тренировались. Тот выступал во «втором среднем»¹, а Николай — в «полутяже»².

— Чех вполне приличный. Я его на тренировке видел. Колотушка у него длинная и неслабая, но любит «вторым»³. Молоти сразу, — сказал Сергей утром перед боем.

Первый бой Николай выиграл по очкам с двумя нокаутами.

В Москву Сергей и Николай приехали с большими вазами из богемского стекла. В воскресенье Нико-

¹ Весовая категория до 75 кг.

² Весовая категория до 81 кг.

³ Манера ведения боя в боксе, основанная на контратаках.

лай вручил Инне приз. Если позволяла работа и соревнования проходили в Москве, Инна ходила болеть за Николая. Она стала разбираться в терминологии и громко кричала с трибуны: «Коля, я здесь, “первым-первым!”»¹.

В сентябре на первенстве Москвы в полуфинале Николай выиграл нокаутом в третьем раунде. Когда он вышел из раздевалки, левая бровь его была заклеена пластырем, из носа сочилась кровь, правый глаз заплыл. Инна вынула платок и приложила к глазу Николая. Подошел Сергей с барышней. От Сергея сильно пахло спиртным. Он проиграл в четвертьфинале и пришел поболеть за друга.

— Народ в ужасе, всех кладешь, как кегли, — Сергей повернулся к Инне. — С таким талисманом и я бы мог. — Он обхватил блондинку за шею. — Валим отсюда, здесь чемпионов лечат, а мы с тобой, подруга, зрители...

Инна, опустив платок, молча смотрела на Сергея.

...Родители уже спали. Инна уложила Николая в своей комнате, сделала компресс и, не раздеваясь, легла рядом. Николай провалился в сон.

Когда открыл глаза, голова гудела, правый локоть горел. В самом конце второго раунда он поймал два тяжелых прямых и «поплыл». Если бы не гонг, неизвестно, чью бы перчатку подняли. «В зале была Инна. Может, и впрямь прав Сергей: она его талисман?»

На подушке лежала записка: «Лежи тихо, пошла в аптеку». За дверью родители Инны говорили о нем. Отец Инны, известный в Москве профессор-уролог Кацман, благоволил к Николаю. Он был далек от спорта, и высокий, хорошо сложенный атлет с «приличными мозгами» вызывал в нем добрые чувства.

— Очень достойный русский парень, заканчивает

¹ Атакующая манера ведения боя в боксе.

приличный институт, мужик настоящий. Любит Инночку, и она влюблена. Что еще нужно! Сколько я знаю весьма влиятельных людей, у которых еврейские жены. Дети красивые рождаются, а разрешат отъезжать, по матери они евреи, — говорил профессор.

— У тебя все просто и главное — «отъезжать». Его мать делопроизводитель в домоуправлении с зарплатой, на которую тебе не купить носки и галстук. Инна говорит, она разбирается в живописи, музыке и литературе, как специалист. Не странно? Живут втроем на одиннадцати метрах в полуподвале, а Коля знает, кто такой Доницетти и кто написал «Сагу о Форсайтах».

— На что ты намекаешь? Ну мало ли обстоятельств... Сейчас другие времена!

— Инна бывает у них дома. Его мать очень красивая и умная женщина — и... домоуправление. Что-то здесь не так! Зачем Инну ввергать в пучину проблем? Пока он начнет деньги приносить в дом, ты их будешь всех содержать? А Инна утром икру паюсную на французскую булочку с маслом вологодским намазывает.

— Ну, как знаешь. Икра вредна для еврейских женщин, склонных к полноте и диабету. Это чистый холестерин. Родит, ляжки с кровати будут свешиваться... Смотри, поломаешь жизнь дочери! Она тебе, да и мне не простит. В конце концов, она дочь наша!

Николай лежал молча. Родители ушли. Инна вернулась. Она не пошла на работу и до вечера не позволяла ему вставать, кормила геркулесовой кашей с изюмом и периодически ложилась рядом, не позволяя никаких активных действий.

9

Вспомнилось, как он в спорт попал. Николай налил еще полстакана и выпил разом.

...С Юркой с соседнего двора они на пару с «писками» ходили. Это толстые американские бритвы в обоймах, к которым припаивались два кольца. «Писки» надевались на указательный и средний пальцы. Один из участников операции подходил к женщине с сумкой, спрашивал, как пройти куда-нибудь. Пока женщина объясняла, второй резким движением перерезал ручки. Сумка падала, стоящий сзади ее подхватывал, а задающий вопросы с криками «ой-ой!» убегал в противоположную сторону.

После второго привода в восьмое отделение милиции участковый посоветовал матери отвести двенадцатилетнего оторванца в клуб «Каучук» на Плющихе. Там его записали в кружок авиамоделирования.

Преподавателю понравился немногословный мальчишка, который круглый год ходил в одной курточке, перешитой из гимнастерки, и ботинках на босу ногу. По его настоянию Колька получил бесплатную путевку в заводской пионерлагерь на три смены.

Физкультурник Лев Сергеевич Сергеев, довоенный чемпион Вооруженных сил по боксу в тяжелом весе, собрал желающих заниматься с ним. Записалось человек пятьдесят. Каждый день он поднимал их в шесть утра. В любую погоду — кросс три километра, купание в реке, полчаса бой с тенью между деревьев, скакалка и отжимания. Днем спарринги — в настоящих перчатках, между деревьями. Через неделю осталось шестеро упорных.

Перед отъездом Лев Сергеевич дал Кольке рекомендательную записку к известному тренеру общества «Динамо».

10

...В голове была сумятица. Мелькали даты, лица, вокзалы.

Когда у мамы обнаружили холецистит и диабет и понадобилось специальное питание, Николай устроился на овощную базу. Три раза в неделю он ходил разгружать вагоны по десять рублей за выход. Пришлось пропускать тренировки. С Инной они встречались все реже и реже. Однажды она пригласила его на концерт Лемешева. Инна была возбуждена и грубила. После концерта и произошел этот дурацкий спор, они потом не виделись больше месяца. Сергей тоже исчез. Как-то он позвонил:

— Старик, извини, я тут с батей повздорил. Он достал для твоей матушки какой-то заграничный препарат, просил передать.

Отец Сергея, генерал-лейтенант, служил в Генштабе на какой-то очень важной должности в Московском Военном округе. У него был глубокий шрам на правой стороне лица. Когда он говорил, сильно дергалась изуродованная щека и искажались некоторые слова.

Генерал любил Николая и всячески приветствовал его дружбу с сыном.

— Олуха моего из института давно бы отчислили, кабы ректор не воевал на одном фронте со мной. Женить балбеса — так какая приличная за него пойдет?.. В армию?.. Чтоб до лампасов дослужиться, надо комарье и мошкару в тундре пяток лет покормить. — Генерал встал и достал сигареты. — А ему мать на день рождения перстень дарит. Наденет, паршивец, — из дома выгоню. В спорте у него не получается, а ему девицы уже с утра звонят.

Генерал давно замечал, что его младшая дочь Людмила краснела, когда появлялся Николай. Она за-

канчивала десятый класс и собиралась поступать в институт иностранных языков. Людмила играла на аккордеоне, отец ей подарил трофейный «Weltmaster», тогда большая ценность.

В субботу Николай зашел к Сереге взять новую спортивную амуницию, которую тот получил на двоих, пока Николай таскал мешки на базе. Сереги дома не было. Генерал пригласил гостя за стол, что, как всегда, было далеко не лишним.

— Ты, я слышал, на Целине четыре месяца отпахал?

— Сначала на сене, потом пшеницу грузили. А до октября просо на самоходке убирал, до самых заморозков.

— Я ведь, Колян, сын крестьянский. Знаешь, как в армию попал? В империалистическую отец в «брусиловской мясорубке» пропал. С ночного вернулся — я подпаском был — дом с мамкой и живностью сгорел; у тетки жил. Когда восьмой год стукнул, гражданская шла полным ходом... Меня красные и подобрали. Так что, Колян, я натуральный крестьянин, хоть все академии и фронты прошел. — Генерал помолчал. — До сих пор ничего лучше запаха ночного сена не знаю. В войну мне по ночам стог или скирда снились... Ты разницу знаешь?

— Знаю. У меня прадед тоже крестьянин.

— Уважаю! Может, во мне председатель передового колхоза погиб. А Сергун, внук крестьянина и крестьянки, на курорте с подругой на батькину зарплату мошонку опорожняет. Могу поспорить, он не знает, что пшено из проса получается.

— Я тоже не знал, пока за руль самоходки не сел.

— Вот... Народ опомнится и перестанет поганить землю-кормилицу. В отставку выйду, у земли родимой за всех прощения просить буду... Ты, Колян, жену выбирай из крестьянского рода, — генерал хитро улыбнулся и положил руку на плечо Николая. — Еще не

присмотрел? А то в сваты попрошусь. Знаю, на тебя кое-кто поглядывает. Глядишь — породнимся. У тебя будет тещь-генерал, а у меня еще один... — генерал вздохнул, — *нормальный* сын. Может, рядом с тобой и мой фармазон образумится.

11

Николай встал, прошелся по комнате. Слегка покачивало. Он посмотрел в окно. Вспомнился институт.

Спортсменов опекал проректор по учебной работе. На распределении он тихо и властно сказал Николаю:

— Иди, куда говорят умные люди.

Николай получил распределение в суперсекретный почтовый ящик в подмосковном Калининграде. Серегу оставили в аспирантуре, его мать дважды навещала ректора. Генерал в длительной командировке был.

Со спортом было покончено. На работу Николай теперь ездил на электричке с Ярославского вокзала. Как-то мать сказала:

— Таня уже взрослая девушка. Она стесняется при тебе раздеваться. Хватит на сон грядущий кресло раздвигать... Ты взрослый мужчина...

Николай снял комнату в дачном поселке «Строитель», рядом с предприятием, и на работу ходил пешком. Преподавал теоретическую механику в вечернем машиностроительном техникуме, где учились сотрудники предприятия. Они все были взрослыми людьми, и их называли не «учащимися», а «студентами».

Когда привозил матери деньги, спрашивал, не звонил ли кто.

— А ты сам бы позвонил.

— Да нет, я так, вообще, — делал безразличный вид сын.

После работы, когда не было занятий в техникуме,

он бегал кроссы по проваливавшемуся снегу, таскал по участку тяжести. Комната его почти не отапливалась, и в морозные зимние дни на подоконнике замерзала вода. Николай спал на кровати без матраца.

Хозяйка Мария Семеновна была удивительной старушенцией. Круглый год она ходила в теплом нижнем офицерском белье и изъяснялась на языке Молдаванки, о которой Николай узнал из поразивших его одесских рассказов Исаака Бабеля о Бене Крике.

Спустя неделю после того, как завез Николай свой скудный скарб, уместившийся в спортивной сумке и старом фибровом чемоданчике, он услышал со двора:

— Бандитская морда, кобель бесстыжий, чтоб еще ноги твои топтали мою грудь уставшую! Иди к своим потаскухам, пусть они тебя харчуют и яйца облизывают. Ты заразу принести хочешь? Ко мне интеллигентные люди заходят посоветоваться.

Николай отодвинул занавеску. У калитки, облизываясь, сидел совершенно черный кот со сломанным хвостом. Мария Семеновна подметала крыльцо и громко выговаривала блудливому.

Теперь, когда Николай появлялся на Арбате, мама давала ему журналы и книги. Сидя на кровати, он допоздна читал Ремарка и Хемингуэя, Горького и Мопассана. «Дело Артамоновых» на всю жизнь осталось его любимой книгой. Его поразили эпопеи Шишкова, Шолохова, дю Гара. Ему снились дурацкие сны, как Гришка Мелехов спасал Ибрагима, а Прохор выкрал Аксинью. «Сколько же он упустил!» — часто думалось ему на холостяцком ложе.

Как-то вечером хозяйка постучала в комнату Николая и протянула полную розетку с черничным вареньем:

— Коля, вы часто уезжаете в свои командировки. Я тихо догадываюсь, где вы работаете. Как посмотрите, если пустить еще одного постояльца? Мне хоть ночью

крикнуть будет кому, пока начнут насиловать. А если их будет несколько, я могу не справиться. И здоровья уже нет, и, простите за откровенность, квалификация уже не та... Зачем этот позор на старости лет — пойдет слух по поселку, мне это надо?! Вдруг найдется ухажер с серьезные намерениями, а у меня реноме подгажено.

— Мария Семеновна, а при чем тут я? Вы хозяйка.

Ровно в восемь старуха встретила Николая у калитки.

— Уже сидит. Это не то! Гляньте сами на это мужское недоразумение. Лучше уж кот-блядун, он хоть ноги греет.

На стуле расположился мужчина в сером ратиновом пальто, на коленях он держал пыжиковую шапку-ушанку. Николай поздоровался и стал в дверном проеме.

— Ну так, значит. — Мария Семеновна села на табурет. — По оплате договорились. Мы бы с Колей хотели знать про ваши интересы, образование и связи.

— Я доцент, преподаю высшую математику и начертательную геометрию. Холост. Платить буду аккуратно. Что еще нужно сообщить? — Мужчина недоуменно смотрел на хозяйку.

— Видите ли, молодой человек, у нас приличный, в некотором роде, я бы сказала, благопристойный дом. Гигиену чтим и случайных гостей не принимаем. Конечно, хорошо, что вы скрытный человек, — значит, из приличной семьи. Я сама не люблю на всех перекрестках делиться своей родословной. Теперь по дислокации. Вы будете занимать комнату при кухне, а Коля перейдет сюда.

— Позвольте, я старше и плохо переношу холод.

— Видите ли, уважаемый товарищ доцент, мы с Колей уже давно договорились, и у нас такой возраст, что ни он мне, ни я ему — не угроза. Человек он проверенный, и, я даже бы сказала, чересчур скромный.

Но это между нами!.. Поверьте, я знаю жизнь! А если вы займете эту комнату, которая не запирается от моих апартаментов, то кто знает, как посмотрит ваша семья, если дело дойдет до алиментов?

Марии Семеновне, земля ей пухом, тогда было шестьдесят четыре. Когда доцент ушел, она принесла настойку «крапива на спирту», которую сама делала.

— Если бы я была еще в силе, — и поверьте, Коля, в молодости, да и в зрелости я не отличалась разборчивостью, — и десять лет находилась бы одна на необитаемом острове, все равно б в его сторону не взглянула.

Доцент больше не приходил, а Николай остался в своей каморке при кухне. Вечерами хозяйка приходила с черничным или клубничным вареньем, поговорить. Они толковали о жизни, о книгах, попивая чаек. Мария Семеновна уже не первый раз интересовалась, почему не видит его гостей, желательно противоположного пола. Как-то она заговорщически сказала:

— Напротив живет особа, недурна собой и может составить интерес. Она при хорошем материальном благополучии и спрашивает: зачем вы так нещадно умеряете плоть? Познакомьтесь, а вдруг искра проскочит. Или хотя бы для обоюдного здоровья. Поверьте, в ней есть азарт. Она очень образованная и чистоплотная женщина.

— Я думал, все хозяйки против гостей, — отшутился Николай.

Но все же морозным зимним вечером он пришел из техникума не один. Студентка третьего курса с победным именем Виктория и бюстом, который вызывающе опережал при ходьбе свою владелицу, напросилась на индивидуальную консультацию. Ей так хотелось поглубже вникнуть в законы механики Ньютона!

На занятиях, к которым Николай основательно готовился, Виктория садилась в первом ряду иставляла

из-под стола стройные ноги. Демонстрируя предельное внимание и поймав взгляд преподавателя, она артикулировала сочными некрашеными губами: «Надо же... вот никогда бы не подумала...» Могущество шестого размера, с трудом удерживаемое бюстгальтером, через глубокий вырез полупрозрачной кофточки просилось на волю. А когда она наклонялась к тетради, богатство это колыхалось и мешало ее руке увековечить на бумаге очередную формулу.

Николай открыл калитку и пропустил даму вперед. Мария Семеновна отбивала скребком заледеневшее крыльцо. Хозяйка бросила из-под платка косой взгляд, еще сильнее застучала скребком и громко сказала:

— Кого ты привел, потаскун неугомонный?

Виктория остановилась и с негодованием посмотрела на Николая.

— Это не нам! — Он крепко держал барышню за рукав. — Туда смотри.

Девушка повернулась к террасе. Хозяйский кот, подняв сломанный хвост, озирался. Рядом сидела художочная кошечка, явно не голубых кровей.

— Ничего приличнее не нашлось? Мог в санатории поискать... Там все-таки кормят. Что ты с ней будешь делать? Это же скелет и хвост. Куда потом твоих рахитов я пристрою? В грех меня перед отъездом на кладбище вогнать хочешь? — Мария Семеновна продолжала выговаривать, постукивая скребком.

— Хозяйка моя больно шутить любит! А так она очень добрая и, подчеркну, остроумная женщина. Только привыкнуть надо.

Николай угощал гостью болгарскими голубцами, подогретыми на керосинке, и красным болгарским вином «Гамза» — все это он закупал на неделю в ларьке у железнодорожной платформы.

В неотапливаемых хоромах при кухне, в которых так и остался Николай, очень было прохладно. И так неудобно на узкой кровати без матраца... Но неистребима тяга к знаниям — дважды в неделю после занятий в техникуме Виктория оставалась до утра. Когда в зачетной книжке против слова «теормех» появилось слово «хор», Николаю показалось, что интерес Виктории к продуктам из солнечной Болгарии поубавился. Возможно, владелица премьерного экстерьера стала присматриваться к преподавателю еще более сложного для женского понимания предмета — сопромата.

Слава богу, инженерные дисциплины в техникуме вели недавние выпускники московских вузов и, стало быть, путь к диплому радивой студентке был открыт.

Опытная Мария Семеновна сразу невзлюбила Викторию, но деликатно молчала.

В субботу Николай не поехал в Москву. Маму и сестру пригласила на день рождения с ночевкой родственница. Он, как всегда, встал рано, хорошо размялся, пробежал по лесу свою «десяточку» и на мангале за сараем грел воду в казане, чтоб обмыться.

Мария Семеновна громко разговаривала с котом:

— Ну что, опять намылился? Ты посмотри на себя, — в моей комнате большое зеркало! — шерсть клоками выдрана, последние полхвоста, того и гляди, отвалятся, как у сифилитика. Пора уже угомониться. Зайди в дом напротив. Там приличная девица, ангорских кровей. Ну, иностранка, из Европы. Тоже мне национал-патриот! Не в твоём вкусе, видите ли. Хватит уже борьбы с космополитизмом. Отвоевались... Сколько приличных загубили... А она ухоженная... не то что твои лахудры драные, помоечные. От них такое амбрэ, что у меня уши заворачиваются. Неужели для тебя гигиена вообще ничего не значит? Ты ведь живешь в приличной семье... К тому же у меня аллергия на запахи.

Николай понимал, что эта тирада была не только для кота.

12

Весна была ранняя и теплая. Занятий у Николая побавилось, и он внял просьбе своей хозяйки оказать услугу соседке напротив — надо было закрепить электропроводку на террасе ее большого дома. Она была старше постояльца Марии Семеновны на семнадцать лет. После гибели в автокатастрофе мужа, известного журналиста-международника, жила одна — у них не было детей. Не стесненная в средствах, оставшихся от мужа, Ольга могла не работать. Свежий воздух Подмосковья, ежедневный массаж, велосипед и всякие премудрости, которым она обучилась за границей, вместе с природными данными, делали ее весьма привлекательной.

Вдова демонстрировала юному другу нестандартные познания и умения в различных сферах. Ну а наваристый борщ с чесночком, фаршированный перец или свиная отбивная на косточке, рюмка «Столичной» из хрустального графинчика и квашеная капуста с брусникой — до продовольственного ли тут ширпотреба из Болгарии?

Ольга играла на белом пианино и задушевно пела старинные романсы.

Под руководством столь содержательной и состоятельной женщины Николай осваивал особенности мужского поведения не только за столом. Но остаться, по совету Марии Семеновны, в двухэтажном доме с камином и с серьезным расширением прав и обязанностей, хотя бы на пять-десять лет, он не захотел. И причиной тому, помимо периодически возникающей тревоги за судьбу Инны, была одна ночная беседа. Де-

ликатная Ольга однажды за ужином намекнула юному соседу, что мужчина — это не только мощный торс, аппетит и несокрушимое либидо, но и отношение к женщине, в том числе и в постели.

Этот удар ниже пояса Николай расценил как второе поражение подряд. Вспомнив слова своего тренера, что мужчина не тот, кто никогда не проигрывает, а тот, кто держит удар и извлекает уроки из поражений, он опять стал постоянным клиентом в станционном ларьке.

Теперь вечерами за чаем он вновь слушал байки Марии Семеновны и представлял, что когда-нибудь и ему придется своим внукам поведать то, чему не внемлет молодость, — а зря. Мария Семеновна, видимо, знала, что произошло между соседкой и ее протеже, но виду не показывала.

Ни Инна, ни Сергей не подавали признаков жизни. Время, занятость и необычность обстановки, в которой жил Николай, делали свое дело.

Как спортсмену высокой квалификации, поддерживающему престиж института, Николаю ставили хорошие оценки, иногда даже заочно. Но он понимал истинную цену своему диплому. Привыкший за годы тренировок к труду и самодисциплине, он аккуратно восполнял пробелы в своей инженерной эрудиции.

Когда мать опять положили в больницу и лечащий врач сказал, что, помимо курса лечения и питания, еще нужен уход близких, Николай перевелся на работу в Москву, ближе к дому.

Всю жизнь вспоминал он два чудесных года в доме Марии Семеновны и особенно одну встречу. Однажды зимним вечером, когда редкие фонари еле-еле освещали самую длинную в поселке улицу Некрасова, по которой Николай наматывал свои километры, он увидел странную процессию. Впереди, с поднятым воротником, как-то боком, неуверенно, шел мужчина. Сзади

семеняли две женщины, обмотанные большими пуховыми платками. Пробегая мимо, Николай узнал в мужчине великого пианиста Рихтера.

— Святослав Теофилович, не беспокойтесь. Разрешите вас проводить. Вы, наверное, к Власенко?

Рихтер настороженно посмотрел на Николая, оглянулся на остановившихся женщин и кивнул. В конце улицы находилась дача Льва Власенко, лауреата Первого конкурса имени Чайковского. Всю жизнь Николай гордился, что судьба подарила ему право оказать маленькую услугу гению. В самые тяжелые и в самые светлые часы Николай ставил диск с записью Второго концерта Рахманинова в исполнении Рихтера с оркестром великого Евгения Мравинского.

У него был еще один кумир — Герберт фон Караян, которого, среди исполнителей Бетховена и Гайдна, как дирижера Николай считал первым.

...Мамины воскресные музыкальные вечера!

Мама убирала отслужившую свой век клеенку со стола — это был сигнал к празднику. А он снимал с этажерки синий старенький патефон довоенного производства и доставал с верхней полки шифоньера тяжелые грампластинки, которыми, после детей, мама, наверное, дорожила больше всего на свете. Пока Николай менял иголку в головке звукоснимателя и крутил ручку пружинного завода, мама выбирала из стопки пластинок очередную любимицу, протирала ее фланелькой и неприступным дикторским голосом объявляла: «Феликс Мендельсон-Бартольди. Концерт для скрипки с оркестром в трех частях. Сочинение шестьдесят четыре. Часть первая — аллегро мольто аппассионато, часть вторая — анданте, часть третья — аллегро мольто виваче. Дирижер Вильгельм Фуртвенглер. Сольист...» Конечно, всех этих данных не было на этикетке в центре пластинки, и тем торжественнее звучал мамин

голос. Зажав пластинку по краю между ладоней, Николай укреплял ее на диске и медленно поворачивал рычажок... И вот уже нет шифоньера, исчез абажур, исчезли стены нашего убогого жилища. А скрипка рыдает и зовет туда, где нет бесчестья и не стыдятся слез.

Ко дню рождения в домоуправлении матери подарили радиолу. А посетители, приходившие посоветоваться и просто поговорить, приносили необычному делопроизводителю номера дефицитных журналов «Новый мир» и «Иностранная литература», пластинки с записями Рихтера, Ойстраха, Гилельса.

Маму уважали все. Даже блатные обращались к ней за советом и не единожды предлагали свою опеку. К ней заходил знаменитый артист Ростислав Плятт. Говорили, что сам начальник восьмого отделения милиции, гроза арбатского криминала, питал нежные чувства к этой женщине. Много лет спустя сестра рассказала Николаю, что однажды жена директора магазина «Консервы», который находился на углу Арбата и Спасо-Сковского переулкa, передала с дворничихой сверток с женским бельем, ношенным, но в приличном состоянии. Мать не взяла подарок, сделанный от чистого сердца.

В день рождения мамы Николай приносил ее любимые белые розы. Цветы долго стояли в трехлитровой банке на подоконнике. Мама бросала в воду таблетку аспирина, чтобы продлить им жизнь, и говорила: «Красные розы восхищаются собой, а с белыми можно общаться. Они слышат меня».

Пили чай с маковыми плюшками. И всегда ставили пластинку со знаменитой «Голубкой» в исполнении Шульженко. Вечно темный полуподвал освещался солнцем, комната наполнялась морскими брызгами, и по вздыбленной волне неслись рыбацкие шаланды.

Однажды, после нескольких рюмок водки, мама упомянула, что знала одного приличного мужчину, ко-

торый говорил по-испански. У ее детей были черные волнистые волосы.

Теперь по средам Николай встречал на перроне и провожал до калитки дачи Власенко самого Рихтера, который приезжал чаще один и только иногда с женой, известной камерной певицей Ниной Дорлиак. Спустя четверть часа после того, как за великим маэстро закрывалась калитка, со второго этажа раздавались первые аккорды. И вот уже исчезала темная улица, и Николай погружался в другой, каждый раз новый, неведомый ему мир, где нет правых и злодеев, счастливых и изгоев. Долго у забора стоял и слушал Николай. Сверху бледнолицая луна подмигивала: «Не забудь внуку рассказать, что тебе играл сам Рихтер». А когда в супружеском исполнении звучала песня Сольвейг, из-под калитки, казалось, выглядывал гном в полосатом колпаке.

13

Скоро Николай защитил кандидатскую и уверенно стал делать карьеру. Периодически возникающие романы, скорее похожие на длительные флирты, приучили его к мысли, что одиночество — это его диагноз. Экспериментальным путем Николай давно освоил культуру интимных отношений и был уверен в себе в любых ситуациях. Но о своих «поражениях» помнил.

Защита докторской прошла незаметно. Он стал профессором. Появились аспиранты и аспирантки. С одной из них, очень желавшей любой ценой защититься, Николай собирался встретить новый, одна тысяча девятьсот семьдесят девятый год в Терсколе. Аспирантка каталась на горных лыжах, и у него появился шанс «с пользой для здоровья», как говорила незабвенная Мария Семеновна, освоить новый вид спорта.

За день до отъезда маму забрала «скорая». С сестрой они дежурили у ее постели посменно. Около десяти вечера мама захрипела и, открыв глаза, тихо и спокойно сказала:

— За мной пришли.

Николай вызвал дежурного врача и сестру. Он смог раздеть маму. У нее было совсем молодое тело. Впервые в сознательном возрасте Николай увидел грудь, вскормившую его, и чресла, открывшие ему свет в этот несправедливый мир. «Где тот несчастный счастливец, который целовал эту грудь? Как распорядилась судьба мужчиной, которому хранило верность это тело?»

— Бери за края простыни с головы, а я — с ног, и вместе переложим на каталку, — сказала сестра.

— Я сам.

Николай легко поднял маму на руки, она была совсем нетяжелая. «Конечно, столько лет кефир да хлеб, откуда мог набраться вес?»

У лифта Николай приподнял простыню, поцеловал маму в лоб:

— Прости меня, мамуля. Я засранец!

Он вышел на улицу. На душе было пусто. «Вот и все. Как все просто. Только что была здесь, и уже нет. Мамуля моя дорогая, почему жизнь так неласкова была с тобой?»

Вспомнилось, как вечерами появлялся Леонид Семенович Фрумкин. Роскошный мужчина, директор обувной фабрики, захаживал к ним в полуподвал. От него пахло дорогим одеколоном, он снимал очки в золотой оправе, клал их на стол и рассказывал о новых фильмах и спектаклях. Потом просил Кольку сбегать в знаменитую арбатскую «Диету», что на углу Плотникова переулка, купить двести грамм «любительской». Он давал непомерно большую сумму, на которую можно было

купить все триста грамм пахнувшей на весь переулок колбасы. Сдача была Колькиным бонусом.

Однажды он послал Кольку в гастроном, знакомый каждому москвичу, на углу Арбата и Смоленки. Когда Колька вернулся, Леонида Семеновича не было. Рядом с кроватью стоял чемодан. В нем было десять пар модельных женских туфель, пошитых на заказ. Спустя много лет сестра сказала, что Леонид Семенович приходил свататься. Мама так ни разу и не надела подаренные туфли. Однажды на каком-то очередном семейном торжестве, которые любила устраивать сестра, Николаю показалось, что на Татьяне были туфли из того чемодана.

Леонид Семенович приехал на похороны с огромным букетом белых роз. Он протянул сестре увесистый конверт.

Целый год Николай ловил себя на мысли, что хочет набрать мамин номер телефона. С ее уходом он все чаще обращался мыслями к загадкам человеческой судьбы. Почему и как привела она яркую и талантливую женщину в домоуправление? Кто был их с Таней отцом? В семье это никогда не обсуждалось.

Все ушло в небытие вместе с ней, считавшей своей любимой книгой «Сагу о Форсайтах» и обладавшей абсолютным музыкальным слухом, не ответившей на внимание нескольких достойных мужчин. Больше всего Николай жалел, что мама не дожидала до времени, когда он мог бы купить ей маленький домик на берегу Оки, привезти туда ее любимые книги и пластинки. Часто ему думалось, что его нескладывающаяся личная жизнь — отзвук каких-то неведомых ему событий.

Он вспомнил, как однажды мама сказала: «Все в жизни будет: и ноги длиннее, и сутки без ночи, и дождь, когда солнце светит. Но если встретишь ту, которой поверишь до конца, и она тебе поверит, — не упусти... Никого не

слушай, только знака с неба дождись, чтоб не ошибиться!.. Такое только раз, и то не у всех, бывает».

14

В антракте на концерте Гарри Гродберга, всемирно известного органиста, одного из лучших интерпретаторов Баха, Николай увидел Инну. Она изрядно пополнила. Широту бедер не скрывала даже черная юбка с редкими продольными серебристыми полосками.

— Это мой муж...

Мужчины молча раскланялись.

— ...Моих уже нет. Зайдем после концерта к нам, — предложила Инна. — Если помнишь, тут рядом.

У Николая после концерта было приподнятое настроение. В подъезде ничего не изменилось.

— За знакомство, — муж Инны налил в большие бокалы вина.

— Спасибо, мне что-нибудь покрепче.

— Без проблем, — муж достал коньяк.

Разговор не клеился. Инна суетилась за столом, открывая разные банки с вареньем, доставала конфеты, печенье. Бегала на кухню и появлялась то в переднике, то без него.

— Инна говорила о вас. Вы тоже физкультурник.

— Главным образом, в прошлом, — Николай усмехнулся.

— Коля был чемпионом студенческих игр в Берлине, — вмешалась Инна.

— Ну не игр, а всего лишь матчевой встречи студенческих команд трех стран, — поправил Николай. — Пожалуй, поздновато. Рад был познакомиться.

— Я провожу тебя... Уберу, когда приду! — Инна повернулась к супругу.

— Почему ты тогда отступился? — спросила она

на лестнице, резко повернувшись и встав вплотную к нему так, что касалась бюстом.

— А что я тебе мог предложить? Талоны на спорт-питание? У меня даже кровати своей не было. А у твоего отца запонки дороже всей нашей мебели, одежды и моей спортивной амуниции с амбицией в придачу.

— Папа очень хотел, чтобы мы поженились... Я так любила у вас бывать. Мы с Сергеем и года не прожили. Оба «шуровали», он по привычке, я в отместку ему и тебе... А сейчас все спокойно, муж — завкафедрой в МИФИ. Преподает физику элементарных частиц; протоны и нейтроны — все, что его интересует. Иногда только на концерты ходим... Я практически свободный человек. — Она взяла Николая за руку.

— А я нет!

— У тебя кто-то есть?

— Просто не нужно начинать! — Николай убрал свою руку.

— Какой ты стал! Зря... Мы ведь не чужие были! Просто так жизнь распорядилась.

— Ну и правильно, зачем перечить судьбе.

— Ты стал фаталистом? — Инна грудью коснулась Николая.

— Думал, что стал лучше понимать жизнь, а сейчас чаще сомневаюсь.

— Поцелуй меня.

Он взял руку Инны, наклонился и коснулся запястья губами. Духи были незнакомые.

На следующий день Николай позвонил аспирантке-горнолыжнице и, объяснив причину своего молчания, твердо пообещал, что готов пройти под ее руководством десятидневный ускоренный курс начинающего горнолыжника.

Поначалу они разместились в разных номерах. Через день Элеонора Потемкина засиделась у него

в номере и, без промежуточных условностей, осталась.

Наутро Николай после душа вышел в одних трусах:

— Первое занятие, надеюсь, прошло успешно, товарищ тренер. Можно, я буду обращаться к наставнику по имени — Лоренция...

— Очень поэтично, ко многому меня обязывает. Видимо, придется мастерство доказывать не только на спуске с горы... Тем более, такому многостороннему мужчине!

Лоренция была из состоятельной и интеллигентной семьи. В детстве она занималась в музыкальной школе и фигурным катанием. Но прагматичный подход к жизни привел ее в Московский авиационный институт.

Она перебралась окончательно к нему в номер и навела там образцовый порядок, это понравилось Николаю. А перед сном не забывала ставить на окно два стакана кефира.

Весь второй и третий этажи известной всему горнолыжному люду гостиницы «Иткол» занимала женская сборная страны. Мастера спорта вторую неделю «топтали гору». Это трудоемкая и малоприятная процедура, во время которой все «сборницы», невзирая на титулы, методично трамбовали снег на трассе, укрепляя снежный пласт и мышцы ног.

Горнолыжницы — народ добросердечный и открытый. В горах худшие качества человеческие не выставляются напоказ. Горы не любят суеты и неискренности. Девочки, привыкшие к постоянным и долгим сборам в далеко не всегда комфортабельной обстановке, искренне радовались появлению новых лиц.

На четвертом, «неспортивном», этаже жил балагур и кладезь неприличных анекдотов Саша Ильин. Профессиональный музыкант и даже лауреат международного конкурса флейтистов, Саша был другом старшего

тренера сборной Талия Монастырева, заботливого и строгого отца команды. Талий был известный авторитет в горнолыжном мире, за строгость и принципиальность его величали «Монастырь».

Талий ревностно следил за нравственностью своих подопечных, которых он называл «курицами».

Саша приехал лишь на пару дней раньше Николая с Лоренцией, но уже успел большинству девочек предложить любовь и ласку. Он не обижался на свою невостребованность и горным воздухом восстанавливал здоровье, подорванное во время гастролей. Целый год Ильин входил в оркестровую команду примы советской эстрады Людмилы Зыкиной. Ее гонорары по тем временам были бешеные, поговаривали, что к ней питал нежные чувства сам премьер Косыгин. Чтобы попасть в ее команду, надо было не только прилично играть, но и отстоять не менее двух лет в длинной очереди претендентов. После гастрольного сезона Саша купил кооперативную квартиру и, по настоянию Монастыря, поехал в горы дать отдых перетрудившейся печенке.

Музыкант и Николай сразу подружились. Каждое утро Ильин выходил на балкон с инструментом. Известные эстрадные и оперные мелодии, джазовые композиции в исполнении настоящего мастера радовали обитателей гостиницы и молчаливые горы. А после ужина, когда вся сборная, задрав ноги, одеревеневшие от молочной кислоты, дремала в холле, Лоренция садилась за расстроенное пианино; рядом становился Ильин.

Иногда Лоренция брала гитару, у нее было неплохое меццо-сопрано. Привыкшие к коллективной дисциплине и саморазвлечением, «курицы» дружно и с удовольствием пели.

«Что может быть лучше для музыкантов, чем играть для благодарной, уважающей чужой труд публики».

Видя, как самозабвенно девочки слушают, Николай подумал, что, пожалуй, музыка и спорт — это две из немногих сфер человеческой деятельности, где талант может проявиться только через ежедневную многочасовую пахоту.

Учеба на трассе спуска у Николая не шла. Дважды он съехал с горы на пятой точке и оставил затею обучаться. Это был не его вид спорта. Лоренция на самой нижней и пологой горе учила Сашу, но тоже без видимых успехов. Музыканта тяготило, что даже в шутку он не мог намекать инструктору на постель.

Николай один гулял вдоль рыжих нарзановых протоков, думал о своем одиночестве, вспоминал маму, ринг и — все реже — Инну.

Саша упросил Монастыря отпустить с ним на полдня чемпионку страны по скоростному спуску Алю Иванову, красавицу не только на трассе. Чемпионке-горнолыжнице, похоже, тоже приглянулся чемпион флейты.

Втроем, на рейсовом автобусе, они поехали в шашлычную, которую порекомендовал Монастырь. Всю дорогу Саша рассказывал неприличные анекдоты из жизни лабухов. Поездка оказалась неудачной — шашлычная не работала уже полгода. Мечтающие хотя бы о макаронах с бараньими котлетами, от которых постоянно болели животы, они вышли из автобуса. В фойе гостиницы Саша как-то незаинтересованно простился со спутницей. На ее лице было гордое непонимание.

Вечером Монастырь перед традиционным спектаклем объявил, что весь «курятник» — а если гости желают, то и они — следующие двое суток проведут на высоте 2500 метров. Там в кафе «Ай» есть спальные нары. Девочки будут заниматься общефизической подготовкой в условиях разряженного воздуха. Это по-

высит гемоглобин «куриц», а гости могут любоваться Эльбрусом — самой высокой вершиной Европы».

Саша и Николай стояли на балюстраде около кафе и смотрели, как солнечные лучи ласкали двугорбие Эльбруса.

— Знаешь, почему я люблю горы и безразличен к морю? — спросил Саша и, помолчав, глубоко вздохнул.

— Ну и почему? — Николай цокнул языком.

— Море — для всех и ни для кого конкретно, а горы для каждого в отдельности. Ты хоть и пылинка в горах, а чувствуешь себя личностью, да и суеты нет.

— Глубокая мысль. Ты прямо Спиноза.

— Нет, я без шуток. На море — флирты, а в горах — любовь.

— Согласен. А ты знаешь, как с балкарского переводится «Эльбрус»? — спросил Николай.

— Как? — Саша посмотрел на гору.

— «Девичья грудь», — Николай положил руку на плечо музыканта. — Когда-нибудь я расскажу тебе, как судьба меня свела с великим Рихтером, причем лично!

— Такие рождаются раз в сто лет. Может быть, в двадцатом веке только Владимир Горовиц еще. И, пожалуй, Рахманинов, как пианист, тоже рядом. Но техника записи и воспроизведения была другая, а живых свидетелей не осталось, — задумчиво сказал Саша. — И все трое родом из России... Представляешь, Рихтера не хотели принимать в консерваторию. Великий педагог Нейгауз разглядел гения. А потом, когда Рихтер стал Рихтером, он пришел в Моссовет и сказал: у Нейгауза не будет квартиры — у вас не будет валюты, которую я привожу. И как миленькие — дали, засранцы.

— Счастье, что два великих встретились... Рахманинов — дважды гений. Его Второй концерт — вершина, Эверест. По крайней мере, для меня первые три места, если в спортивной терминологии: золото — рахмани-

новский Второй концерт, серебро — Первый концерт Чайковского, бронза — концерт Грига, кажется, единственный у него. Я понимаю, гениев нельзя по ранжиру выстраивать... Я где-то прочитал, что исполнение Горовицем рахманинского Второго концерта считается эталоном, — сказал задумчиво Николай. — ...А ты чего сбег от чемпионки? Аля, по моему представлению и накопленным наблюдениям, хороша не только на спуске с горы.

— Испугался... Когда ехали обратно, я ей на бедро руку положил. А там — рельса. Она меня в койке одной ногой, как удав, задушит. Невосполнимая потеря для советской, да и... не будем скромничать, мировой музыкальной культуры. А руки у нее из шпалы сделаны. Понял я, что спорт и музыка в одной кровати — это нонсенс... Я второй раз в горах. Мне эти лыжи на дух не нужны. Во-первых, за пальцы, губы и легкие боюсь — без этого я никто, а во-вторых, скорость — это не мое. Я подумать люблю... Пошутить на скабресную тему... А тут вмажешься — думалка одна с горы скатится вместе с шуткой.

— Ты женат? — неожиданно спросил Николай.

— Со мной ни одна приличная жить не будет. Блядун я по жизни и музыкант по призванию. В семье только обедать могу, и то, когда денег нет... А ты?

— Не получается.

— А Лоренция?.. По-моему, она надеется.

— С ней все слишком по-домашнему.

— Мудило-мученик! Жениться надо по расчету, и только на таких «домашних». Насмотрелся я этих страстей.

— Прийти должно...

— Ну гляди, философ херов. Жди, пока ежик твой не только на голове стоять не будет... Не обижайся, Николя, я сука еще хуже... Есть у меня человек, пре-

дана как собака, а я менжуюсь. В Москве познакомлю. Придешь на мой концерт сольный?

Подошла Лоренция. Солнце пряталось.

— Вы чего уединились?.. Народ хочет песен.

— Так инструмент не взял, — обрадованно выпалил Ильин.

— Монастырь пошлет дежурного вниз.

— Ну что ж, — вздохнул Ильин. — Вы хотите песен, их есть у меня.

Пели до десяти вечера, пока Монастырь не приказал разойтись:

— «Курицы», по шестам! Я, что ли, топтать за вас буду?

...Пора было собираться в обратную дорогу. Их провожала вся сборная. Аля подошла к Саше и молча чмокнула его в щеку.

В аэропорту их встретила худенькая молодая женщина в больших очках.

— Ангел-хранитель мой, Елена Прекрасная — подруга моей бестолковой и беспутной жизни, — представил ее Саша.

— Да уж, точно. Экспедитор-перевозчик, повар-посудомойка с редкими интимными обязанностями, — Елена поправила очки. — Куда едем?

— Очки — это очень сексуально, за это и держусь. — Ильин посмотрел в ее сторону. — Давай подбросим эту спортивно-музыкально-научную пару. — Он аккуратно положил футляр с флейтой на переднее сиденье и бойко стал запихивать вещи в багажник.

Поднялись в квартиру Николая, Лоренция посмотрела на него с прищуром:

— Когда защищусь, давай поженимся. Мне кажется, у нас правильный союз намечается.

— Предложение интересное. Надо только брачный

контракт составить, чтобы лично-собственнические и духовные интересы обеих сторон не пострадали.

После возвращения с Чегета они встречались по графику — дважды в неделю. Лоренция наводила порядок в доме, готовила вкусную еду и следила, чтобы у него были чистые рубашки и красивые галстуки.

Однажды в субботнее утро Николай сказал:

— Поедем тут в одно важное место. Здесь недалеко. Хочу навестить одну неуюную подругу дней моих суровых. Дай бог, еще жива. Удивительное создание. Личность с потрясающим вокабуляром.

Они съехали с Ярославского шоссе. Все было знакомо. Повернули на улицу Некрасова. Дорога была перерыта. Вышли из машины.

— Здесь когда-то я слушал великого Рихтера.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Он приезжал к известному пианисту Власенко. Я провожал маэстро до калитки, стоял под луной в ожидании ночного концерта. А потом, сохраняя в голове и сердце услышанное, по пластинкам определял, *что* играл Рихтер.

— Вот откуда у тебя тяга к классике.

— Может быть... Пойдем к моей незабвенной хозяйке, великой Марии Семеновне, подруге дней моих суровых, я рассказывал тебе о ней.

На месте, где когда-то он пил чай с черничным вареньем, стоял двухэтажный новый дом, забор тоже был другой.

— Все надо делать вовремя, — задумчиво сказал Николай.

— Глубокая мысль... Гончаров это в «Обломове» исследовал. Только от желания до результата — дистанция. Ее не все проходят. У некоторых кишка тонка, хотелось бы заметить, — с явным подтекстом произнесла Лоренция.

— В доме напротив жила когда-то учительница... одна, — Николай обнял Лоренцию за шею.

Женщина прильнула к нему и, закрыв глаза, подставила губы:

— Ты мой мужчина, а я твоя женщина. А ты этого не замечаешь или не хочешь замечать?..

— На все нужно время, дорогая. — Николай поцеловал подругу в волосы.

— А сколько его у меня?

В воскресный вечер Николай на кухне пил чай с молоком и смотрел передачу о великих боксерах прошлого. Зазвонил колокольчик. Входную дверь открыла своим ключом Лоренция. Она вернулась из спортзала.

— Маслины твои любимые греческие купила. Буду салат греческий делать, — донеслось из прихожей.

— Я — за. Может, по маленькой за здоровье греков под салат примем? У меня сегодня удачный день.

— Согласились все с профессором. Ты видел, я тебе выписала на неделю спортивные передачи по всем каналам.

— Спасибо, дорогая. Век не забуду твою заботу неустанную. В кои веки нашелся человек, который жертвует своим временем ради утехи ближнего. В наше время перманентного перехода от социализма к коммунизму это дорогого стоит.

— На тумбочке папка с докторской диссертацией. Я смотрела, основательная работа. Не отказывайся, прошу тебя. Развеемся. Мои друзья нас встретят, все как надо организуют. Для рижан важно будет, что оппонентом выступит профессор из столицы. Я им сказала, что ты — фанат бани. Ригу посмотрим, это почти Европа. В Домском соборе как раз концерт знаменитого органиста Сиполниекса, под орган будет петь Леонарда Дайне — роскошное меццо-сопрано. Программа как будто для тебя составлена.

— Кажется, у меня есть долгоиграющая пластинка с этим дуэтом... А что, хорошая мысль! Домский собор третий в Европе, у него, говорят понимающие люди, «вселенский» звук.

— Заодно обсудим в спокойной обстановке условия нашего брачного контракта. Надеюсь, ты не забыл, о чем мы договаривались, когда вернулись с гор?

— Память у тебя, как у Иосифа Виссарионовича. Он в Кремле начальником долгое время работал. Ни-кому ничего не забывал. Театр теней любил...

С погодой им повезло. Защита прошла достойно. Диссертант был немолодой и основательный человек. Хорошо выступил директор химкомбината, который узнал Николая и пригласил поохотиться на Алтай.

— Спасибо, я зверей убивать не могу, вот разрешили бы негодных людишек отстреливать — быстрее коммунизм построили бы. — Николай зацокал языком.

— Зачем ты лезешь на рожон? Так резко ему ответил... — сказала Лоренция, когда они отошли от директора завода. — Ты отменно смотрелся. По-моему, одна дама на тебя глаз положила. Я видела, как она тебя оценивала. Вот так, поехал бы без меня, и уложили бы моего суженого... Она со вкусом была одета. Наверное, из рижского Дома моды. Пришла судьбу себе устраивать за мой счет, — сказала Лоренция в коридоре, демонстративно поправляя Николаю галстук. — Когда ты рядом, я чувствую себя уверенной и защищенной.

— В каком смысле?

— Во всех. Некоторые даже говорят, я похорошела.

— Не преувеличивай мои возможности. Завтра в Домский собор, хотелось бы на свежую голову. Давай не пойдем на банкет. Перед Бахом и Гайдном стыдно травить организм алкоголем и глупыми застольными речами.

Ночью Николай несколько раз вставал, выходил на балкон. Ему казалось, что-то важное должно было произойти.

Весь концерт он просидел с закрытыми глазами. Когда слушатели успокоились, встал и, не проронив ни слова, пошел к выходу.

— Вы случайно про спутницу не забыли, или у меня уже меццо-конкурентка появилась? — Лоренция повисла у него на руке.

— Это немислимое... потустороннее! Я словно в Галактике побывал. Какой праздник ты мне устроила, дорогая.

— Придется ночью аккуратно и со вкусом возвращать профессора на грешную землю...

Николай отказался от ужина. В номере, не раздеваясь, лег на кровать и закрыл глаза. На него неслась комета. Внезапно она превратилась в женщину с зелено-синими глазами. Она протягивала к нему руки: «Летим со мной... Я твоя судьба... У нас с тобой вечность». Женщина исчезла, и из бездны донеслось: «Жди меня, что бы ни случилось, жди...»

Утром во время завтрака Лоренция сказала, покачивая головой:

— Сложный ты экземпляр.

— А ты взвесь, кто тебе нужен, — отрешенно ответил Николай. — Мы люди взрослые.

На Ученом совете, где Лоренция, в закрытом черном платье, подчеркивавшем ее очевидные прелести, вдохновенно докладывала о новом полимере повышенной механической стойкости, Николай говорил о трудолюбии соискательницы и ее искреннем желании послужить науке.

Прошло полгода. Новоиспеченный кандидат химических наук уехала с дипломатом-горнолыжником в Вену. Теперь в буфете советского торгпредства можно

было не только выпить чашечку ароматного эспрессо, но и узнать химический состав кофейной пенки.

15

Жизнь Николая текла по заведенному сценарию. Работа, командировки, лекции. Он купил абонемент и регулярно один ходил на концерты в зал Чайковского и Большой зал консерватории. Некоторые из завсегда-таев уже узнавали его и кланялись.

После смерти матери отношения с сестрой окончательно разладились. Она периодически пыталась познакомиться с кем-то из своих неустроенных подруг. В конце концов, отношения свелись к исполнению ее бытовых или материальных просьб. Муж сестры был рядовым художником, перебивавшимся случайными заказами.

В половине третьего ночи раздался телефонный звонок. Голос директора НИИ Бориса Андреевича Соловьева трудно было не узнать: у него фальцет, совершенно не соответствующий росту, весу и служебному положению. В коллективе за глаза его называли «БАС». Хотя эта кликуха соответствовала инициалам и первой букве фамилии, в ней была добрая ирония. В коллективе БАСа любили и уважали.

Николай заведовал закрытой лабораторией и пользовался дружеским расположением директора.

— Высылаю машину, — БАС был сильно взволнован.

В кабинете накурено, шторы задернуты. БАС сидел без пиджака и галстука за большим овальным столом, за которым проходили субботние оперативки.

Перед ним початая бутылка его любимой «Посольской».

— Садись, Коля. Дело серьезное. Как это не вовремя! Перед самыми испытаниями «пятого». На

«четвертом» утечка. Три трупа и семь в реанимации. Оборона на нас валит. Сам понимаешь, какие будут последствия, если военные докажут, что промышленность виновата. Короче, твоя задача получить заключение от академика Новожилова. Он тебя знает и примет. Академик после инфаркта, в основном, на даче. Это даже нам на руку. Увидев его личное заключение, военные заткнутся. Поручено прокуратуре ракетных войск, они уже нужные команды получили. Только Новожилов не побоится, остальные в штаны напустят... Сам понимаешь, проиграем, — «пятому» писец. Сам академику не звони. Его телефон наверняка на прослушке. Встретиться надо с его дочкой, она тебя помнит. Вот ее рабочий телефон, и договорись, чтоб академик тебя принял наедине. Материал мы ему доставим. Главное, убедить старика дать личное заключение, и быстро, пока наверху не дали отмашку.

Прошло два месяца. Николая дважды вызывали в прокуратуру, угрожали и предлагали сделку. Когда возле дома Николая появилась черная «волга» с военными номерами, БАС сказал:

— Теперь один никуда. Поживешь у меня.

Пять лет назад БАС похоронил жену Лизвету и жил теперь один в огромной четырехкомнатной квартире на Комсомольском проспекте. Хозяйственные заботы взяла на себя его сестра, у которой была куча внуков. Ей БАС отдал дачу в Кратове.

В кабинете на его рабочем столе стояла небольшая фотография улыбающейся молодой Лизы, а дома в столовой висел огромный ее портрет в золоченой раме. Жена прошла с ним путь от студенческой скамьи. Собственных детей у них не было. БАС не искал встреч с другими женщинами и по вечерам доставал из холодильника графин с «Посольской». Он ставил две

рюмки, аккуратно наливал до золотого ободка и, глядя на портрет Лизы, выпивал, не чокаясь и не закусывая. Николай поражался радушию и заботливости немногословного шефа. После «Новостей» БАС доставал гитару, долго настраивал ее с закрытыми глазами, прикладывая ухо к деке. Потом поднимал руку, показывая, что будет петь один. Звучала знаменитая «Ты ждешь, Лизавета, от друга привета...» из кинофильма «Александр Пархоменко».

«Неужели шеф так хочет встречи со своей Лизаветой? — думал Николай, молча приветствуя БАСа рюмкой. — И почему его судьба не свела с такой Лизаветой? А может, все дело в нем самом? Чтобы столько лет быть рядом — надо самому, батенька!..»

А потом они вместе напевали на два голоса. У них так схожи музыкальные вкусы и поразительно одинаков репертуар!

В день, когда Новожилов подписал заключение на своем академическом бланке, Николай приехал к нему на дачу. Академик стоя, с чувством, прочитал вслух текст, виртуозно запечатал конверт сургучной печатью.

Это была настоящая и только *его*, Николая Лаптева, победа!

Дочь академика от соседей напротив позвонила начальнику первого отдела института и произнесла два слова: «Телеграмма пришла». Это был сигнал, по которому к дому Новожилова подъехал инкассаторский пикап.

Николай закрыл за собой калитку. Дорогу ему преградили офицер и солдат с автоматом. Николай резко сделал два уклона в разные стороны, от чего стоявшие перед ним опешили, и с обеих рук аккуратно уложил преграду. Пока вояки ворочались на земле, пытаясь подняться, он вскочил в открытую дверцу пикапа.

Через двадцать минут Николай вошел в кабинет БАСа, победно достал из-за пазухи сложенный вдвое конверт.

— Отдышись. Доложу министру. В холодильнике водка... Что дозволено Юпитеру... Прямо как в кино... — БАС, потирая руки, ходил по кабинету. — Хочешь выпить?

— Не откажусь.

— Прими, пока один. Приеду, вместе отметим. Ты мужик!

У Николая дрожали руки. Он достал из холодильника фирменную «Посольскую» и налил полный стакан. Засвистел телефон внутренней спецсвязи. БАС поднял трубку и вышел. Через десять минут он вернулся.

— Погоны подъехали, стоят у проходной. Сиди здесь, пока не вернусь.

Через час БАС появился довольный.

— Ну, ты шухеру навел! Договорились... Министр сказал, что ему такие бойцы для больших дел нужны. На недельку сгоняй куда-нибудь, остынь, только недалеко, в пределах трехчасовой досягаемости.

Дома Николай открыл початую бутылку «Посольской», которую ему всучил БАС, и поставил Второй концерт Рахманинова. «Что в мозгу и сердце должно быть, чтобы родить такое! Как ничтожно перед этим светлым гением все мирское». С началом главной темы концерта Николай вдруг наяву опять увидел молодую женщину божественной красоты. Она звала его, протягивая светящуюся ладонь, и исчезала в черноту... До него лишь донеслось: «Жди меня... жди меня».

Через день на электричке он уехал под Дмитров, где когда-то Лев Сергеевич обливал его ледяной водой из колодца и учил мотать бинты под перчатки. Николай шел по центральной улице, пытаясь отыскать что-нибудь знакомое. Только у леса увидел знакомую хи-

бару, она была пуста. Вспомнилась знаменитая песня Блантера о солдате, который не был четыре года дома и пришел к хате, к своей Прасковье, а ее уж нет. Рядом был стог сена, он закрыл глаза и вдохнул полной грудью. Вот об этом когда-то говорил генерал. На месте, где они купались в Волге, стоял дебаркадер. Ребята удили рыбу.

— У кого здесь можно остановиться на недельку?

— Баба Марья всегда пускает. Вон, второй дом, — показал рукой босой мальчишка с рыжими вихрами.

Николай постучал в калитку.

— Уважаемая, не пустите пожить на недельку?

— Отчего не пустить. Документ какой есть, не беглый? — Пожилая женщина смотрела на пришельца с прищуром.

— Вот паспорт, я в Москве прописан.

— А к нам чего?

— Я в детстве здесь в пионерлагере был.

— Нет теперича лагеря. Нынче коровники там. Ну, заходи. Молочка козьего продам, творожок, сметанку.

— А у вас амбар с сеном есть? Там хочу спать. А умываться из колодца буду, — Николай поставил сумку на землю.

— Это зачем мучения такие? У нас водопровод... Ну иди в сарай, коли надумал... Платить все одно будешь.

Двое суток Николай спал на сене. Ночью шуршали мыши. В нос лезла сенная пыль. На третьи сутки он попросился в дом.

— А я тебе чего говорила!

— Скажите, вы давно здесь живете?

— Как родилась. Замуж никто не взял, вот в девках и живу. А я-то собой ничего была. Ты-то бобыль али венчаный?

— Может, помните, сюда в сорок восьмом приез-

жал высокий мужчина, физкультурником в пионерлагере работал?

— Лева, что ль? Да он мне свояк. Он за моей сестрой старшей потом и приехал. В Костроме они жили. Померла она год назад. А он уж десять лет как. У него болячка какая-то с войны была. Непьющий был. Только вот деток не народили.

— А хозяйство-то здесь как, хорошее?

— Совхоз, что ли? Да ничего, только хозяина нет, все залетные. Посидят годок-другой, наворуют — и тикать, пока не посадили. И земля есть, и скот, и рыбу можно разводить, а им водку только жрать! Нынче где хозяина сыскать? Хошь, становись, я слово замолвлю. Ты, видать, мужик справный.

— А почему у вас сено в открытую хранят — что в стогах, что в скирде? Мне один боевой генерал рассказывал: он во время войны видел, что в Европе сено хранят под навесами, на жердях — и ветром продувает, и от дождя защита.

— Да уж так повелось, из рода в род. Работать не хочет никто — жить хорошо хотят... Все друг у друга своруют, а потом что?..

16

На субботнем оперативном совещании, которое было введено БАСом на сороковой день, как он простился со своей Лизаветой, шеф выглядел уставшим. Под воспаленными, в красных прожилках, глазами его набухли сизые водянистые мешки. Николай, проживший два месяца с БАСом, догадывался, что прошедшей ночью шеф дружил с «Посольской».

После возвращения из деревни Николай еще не окончательно отошел от воспоминаний. Казалось, еще вчера он покрывался гусиной кожей от холода и страха

у колодца, где первый тренер Лев Сергеевич оказывал его ведром ледяной воды. И вот уже нет на свете первого тренера, нет мамы, нет Марии Семеновны. Как сложилась судьба остальных упрямцев, ждавших на трясущихся ногах-палочках своей очереди у колодца?

БАС сразу предложил величать совещание «вече», а постоянных участников его — «вечниками». Удостоиться звания вечника можно было по решению уважаемого собрания, на котором кандидата представляли трое вечников, состоящих в этой ипостаси не менее трех лет. Новоиспеченному вечнику выдавалось грамота, а имя его заносилось в «Указный реестр». Процедура приема заканчивалась клятвенным обещанием вновь принятого строго соблюдать требования Устава веча. Члены его обращались друг к другу на «ты», а любые взаимные просьбы должны были выполнять в первую очередь. Такого демократического стиля общения строго придерживался и БАС, носивший звание Старшины веча.

Собираясь еженедельно ровно в полдень субботы, вечники без утайки докладывали о результатах работы своих подразделений за прошедшую неделю, сообщали о возникших проблемах. По регламенту на это отводилось ровно девяносто минут.

Когда очередь дошла до Николая, он встал и, насупив брови, тихо оповестил уважаемое собрание, что после возвращения из отпуска не успел ознакомиться с состоянием дел в лаборатории. Старшина недовольно посмотрел на Николая, но промолчал.

Истекли девяносто минут. БАС поднял руку, приглашая приступить к традиционному чаепитию с баранками, пряниками и медом. Во время чаепития на служебные темы накладывалось строгое табу.

Согласно Уставу, пока БАС заваривал чай в огромном узбекском чайнике, один из вечников по графику

должен был рассказать анекдот. Не возбранялось и проявлять инициативу.

Постоянное жюри из трех человек, возглавляемое доктором наук, незамужней и острой на язык единственной вечницей, оценивало анекдот: не допускались нецензурица и пошлость, рассказчику отводилось полторы минуты. Если оценка была «любо», соискателю полагалась рюмка коньяка с ломтиком лимона. Победитель медленно, под аплодисменты, опорожнял призовую рюмку. При оценке «худо» неудачник лишался права участия в застольной дискуссии, а к следующему заседанию должен был принести бутылку приличного коньяка. Поставку меда БАС не доверял никому.

Николай попросил слова. БАС поднял руку в согласии.

— Перед войной, — начал вечник Николай, — группу арестованных привезли в управление НКВД Одессы. Пожилой одессит, спускаясь с подножки «воронка», замешкался. Охранник, молодой лейтенант, грубо толкает старика. Тот, еле удержавшись на ногах, с чувством собственного достоинства поворачивается к охраннику: «Молодой человек, если здесь будут так толкаться, сюда никто ходить не захочет».

Жюри единогласно поставило анекдоту оценку «любо». БАС постучал пальцем по блюду:

— Учитывая неуважение, проявленное вечником Лаптевым к своим собратям, выразившееся в неподготовленности к собранию, будем считать, что фифти-фифти и рюмка ему не полагается.

Все засмеялись: кто из вечников не знал, что детство Старшины прошло в Одессе.

За чаем зашел разговор о закончившемся первенстве страны по боксу. Вечница предложила выслушать мнение эксперта. Все посмотрели на Николая, но БАС поднял руку:

— Квалификация в неслужебной сфере не дает преференций и не снимает ответственности за деяния или их отсутствие. Виновные понесут по всей честной строгости.

Последняя традиционная фраза означала, что заседание окончено и все свободны.

В приемной секретарша протянула Николаю записку: «*Б. А. просит зайти к нему через час*».

В ожидании «промывания», которое БАС обычно проделывал в весьма нелицеприятной форме, Николай спустился к себе в лабораторию. Надо было посмотреть последние экспресс-отчеты об испытаниях «пятого», чтобы не выглядеть перед шефом несерьезно.

Ровно через час Николай поднялся в приемную и столкнулся с бывшим руководителем сектора информатики в институте, ставшим по протекции БАСа референтом министра. Чиновник пожал руку Николаю и загадочно сказал:

— Большому кораблю — большое плавание.

Шеф стоял у отодвинутой шторы и курил, глядя в окно. Через открытую фрамугу доносился городской шум. Не оборачиваясь БАС стал говорить, растягивая слова:

— Давай по рюмке... а потом заедем к Лизавете на кладбище... День ангела нынче ее... Что-то больно давит. — Он глубоко вздохнул, загасил сигарету на спичечном коробке и потер ладонью в области сердца. — Вот так, нарушать стал... А ведь я Лизавете обещал...

На лестнице БАС дважды останавливался и опирался на перила. Когда вышли из подъезда, он обратился к водителю, державшему дверцу черного директорского «ЗИС-110» открытой:

— Приготовил?

— Как в аптеке. Одна к одной гвоздики, все белые. Сегодня срезаны, я по запаху чую.

— Этому коню еще служить и служить... — БАС часто задышал и оперся руками на капот. — Ублажать вороного будешь еще лет пять, Вань?

— Не сомневайтесь, Борис Андреевич! Этот проскачет и все десять. Я ему не только в зубы, в нутро каждое утро заглядываю. Старый конь борозды не портит.

— Это по другому поводу, знаток ты наш народной мудрости. Ты, по случаю, не потомок Владимира Ивановича Даля?

— А это кто?

— Да был такой великий наш соотечественник, собиратель русской словесности... Времена! Знаменитый Далев «Словарь» был известен в России любому гимназисту, а ныне из ста прохожих, дай бог, один знает, кто такой Даль, о котором Гоголь сказал, что «каждая его строчка учит»... А насчет десяти лет перехватил ты, Ваня. Конь проскачет, а вот пассажиры вряд ли в седле удержатся. Это я про себя, Коля.

БАС повернул голову в сторону Николая и медленно выпрямился.

— Конь этот моего друга Васю Грабина возил, семьдесят процентов пушек на войне — его «дети»... Гений ствольной артиллерии! Ходила байка, что агенты Канариса хотели его выкрасть. Будто сам Крупп обещал огромную премию, если Васю в целости и сохранности к нему доставят.

БАС помолчал, посмотрел на небо.

— Ни перед кем не склонялся, с Верховным спорил. У Васьки на столе стоял красный телефонный аппарат. По нему напрямую Сталину можно было позвонить. Скольким завистникам этот телефон по ночам спать не давал. А как с культом личности стали разбираться, про красный телефон «друзья» Васе и припомнили. Он тогда атомную пушку задумал, пытался доказать, что ракеты ракетами, а без ствола не обойдешься... Съели

великого конструктора, а ведь, когда встал вопрос о проектировании первого нашего реактора на быстрых нейтронах, Курчатов и Александров к Грабину сами приехали. Просили его взяться за это дело. Грабин таланты по всей стране собирал поштучно, у него каждый конструктор художником был. И первый летный реактор для космоса проектировали грабинские умельцы, их Королев всех до единого забрал, когда Булганина сняли и грабинскую фирму Королеву отдали. Вася не обиделся и студентам пошел лекции читать. Мужик был настоящий. Для него страна и люди не разные понятия были. Есть, Коля, бриллианты именные, они внесены в международный реестр. Так Василий Гаврилович Грабин в первом ряду именных бриллиантов человечества на все времена! Может, только один раз со временем не посоветовался... Ты, Коля, со временем не спорь!

— А я и не спорю.

— Надо спорить, Коля. Только правоту делами доказывают. И надо быть готовым к поражению. А это очень больно. Держать удар не всем дано. И я, Коля, проигрывал и даже падал! Главное, потом провести объективный анализ, посмотреть на ситуацию с точки зрения собственных ошибок, даже если тебя просто обманули. Ведь позволил же, не предусмотрел. Девяносто пять процентов — анализ и только пять процентов — месть, и то после анализа... И еще, Коля, повторю слова моей Лизаветы: жалость дается бесплатно, а зависть заслужить надо... Помогает в трудную минуту!

— Умные слова.

БАС отвернулся и закашлялся.

— Что-то меня на философию потянуло... Воспоминания, Коля, плохое дело, работать мешают. Поехали к Лизавете... Веришь, у них с Васей от меня секреты были. Васька ей доверял, как попу на исповеди. Они

друзья настоящие были. На кухне сядут — и по рюмке, меня не приглашали.

Перед входом на Ваганьковское кладбище БАС поднятой рукой остановил Николая, потом снял шляпу и поклонился:

— Запоминай дорогу. Пригодится... Не заплутаешь, когда старика повезешь. Или мне еще с кем договариваться?.. Не сердись, это я по-стариковски брюзжать стал.

У могилы жены БАС деловито заменил в кувшине поникшие гвоздики на свежие.

— Она гвоздики белые да ромашки полевые только за цветы и признавала... Поторопилась... Мы с ней по-другому договаривались: первый я... или вместе...

На обратном пути, отодвинув шелковую занавеску, БАС смотрел в боковое окно:

— Вань, ты когда занавески стирал? Лизавета нам с тобой по первое число вмазала бы... Жизнь, Коля, все одно — что с нами, что без нас — своим чередом идет... Ты чего бобылем слоняешься? Нормальную женщину не можешь найти? Вон их сколько, безмужних. Ты мужик вроде не из последних. Выбирай!

— Не встретил своей Лизаветы!

— Куда хватил! Такую не найдешь. Васька насчет женского пола ухарь тот еще был, а, как выпьем, все шутил: «Ты, Лиза, когда этого проходимца-химика выгонишь, мне первому позвони. Хучь ночью, хучь спозаранку. Я не опоздаю, а кто вперед меня забежит, ноги переломая». Чтобы такую Лизавету встретить да удержать, надо самому высоко стоять, а высоты не замечать. Она вглубь и вширь сразу смотрела. Это не каждому дано...

БАС прикрыл ладонью глаза, откинулся на сиденье, запрокинув голову и продолжил:

— В десять утра в понедельник тебя министр ждет.

Предложение серьезное, сразу соглашайся, знаю чего говорю... Не всем войной заниматься, надо и о простом народе подумать. Ты на жизнь обычных людей не только сверху смотри. «Многое с горы мелким глянется, а человеку простому и камушек на дороге порой беда неподъемная», — так Лизавета моя говорила. Она словоблудов и нерешительных не терпела, а тебя бы, наверное, полюбила... Молчать умеешь... Мужик, не способный принять решение, — кисель... Отсутствие решения порой хуже ошибочного. Что по жизни, что по службе. Ну да ладно учить! Ты думаешь, я мало наворотил, а главное — Лизавету отпустил... Без нее худо мне... Спать не могу... Кровать нашу выбросил. На диване сплю... Женись, Коля, детей заводи. Нельзя одному...

17

В кабинете министра были еще двое. Он представил вошедшего Николая:

— Лаптев Николай Григорьевич... Человек серьезный, но, как мне докладывали, небезопасный, — министр улыбнулся. — Прошу садиться... В правительстве готовится закрытое постановление по конверсии. Будет образовано по нашему профилю, в частности, Всесоюзное объединение бытовой химии с правами экспортных поставок. Надо валюту зарабатывать... По этому списку, — министр поднял папку, — надо поехать и оценить, какие предприятия или цеха имеет смысл переподчинить этому объединению, не нарушая, естественно, оборонных заказов. Даю два месяца на все. Оргвопросы, — он кивнул в сторону сидящих, — решать будете вместе. Результаты доложить мне лично. Все! В добрый путь. В общении с директорами заводов, — он посмотрел в сторону Николая и улыбнулся, — поуважительнее! Публика заслуженная

и с характером. Каждый орденоседец, и даже звездоносец, а не «орденопросец», как говорил Леонид Утецов. — У министра было крепкое рукопожатие.

Дела шли на лад. Такой целеустремленности и наполненности в жизни Николая еще не было. Специальным распоряжением сняли запрет на выезд за рубеж и выдали зеленый дипломатический паспорт.

Утром назойливо звал телефон. Николай вышел из ванной, не смыв пену с лица. В трубке голос Ильина, который нельзя было спутать ни с каким другим:

— Всю неделю звонил, где ты ошиваешься, подонки? В стране и в искусстве такие перемены!.. Не узнал?

— Привет. Как выдающегося исполнителя можно не узнать?

— Я поженился на Елене Прекрасной. Это во-первых, а во-вторых, получил заслуженного. А ты, мудило-мученик, еще сам пельмени варишь?

— Варю... У меня же нет Елены Прекрасной! Поздравляю. Чего на свадьбу не позвал? Может, и я, по примеру «золотой флейты», решился бы, чтобы в гастронорме за пельменями очередь не занимать.

— Ты скорее импотентом станешь, чем к алтарю пойдешь... Чего деньги на идиотов тратить. Придут, нажрут, дурацких обещаний нададут, а потом, дай бог, на похороны, кто живей, припрутся. Мы Елене, — ее колымаге, — такой шмон устроили! Как новенькая теперь... В ЗАГС забежали, печать поставили. Законная теперь мой импресарио, это чтоб я чужой подол пореже задираю... Приглашаю на мой сольный концерт, в ранге заслуженного, почти народного. Программа для твоих рафинированных ушей... В Малом зале консерватории, на Герцена. Ты еще не оглох от случайных половых контактов?.. Тебя у входа Елена встретит. Сколько билетов надо?

— Я один буду.

— Как один был ты, мудило-мученик, так и по-мрешь... Программа уникальная, только для эстетов. Елена составляла под моим руководством и получила добро у моего педагога.

Рядом с Николаем сидела пара: генерал-полковник и очень интересная, с дорогими серьгами и кулоном, ухоженная шатенка. На нее Николай сразу обратил внимание, еще в фойе: она курила за колонной.

Перед антрактом к генералу подошла служительница и протянула сложенный листик. Он развернул его, в полутьме прочитал и недовольно что-то сказал женщине. Та кивнула. Генерал быстро вышел. Зажегся свет.

— Вас оставили опрометчиво, а я вообще никому не нужен. Может, по рюмке? — повернулся Николай к соседке.

— Неплохая, хоть и заезженная мысль. — Она внимательно, не мигая посмотрела на Николая. — Это мой муж. Редко удается досидеть вместе до конца... Не надо так разглядывать меня, я не картина.

— Боюсь случайных знакомств.

— Я тоже. — Женщина улыбнулась. — Ну что, идем «по рюмке» или уже раздумали?

Второе отделение шло под аплодисменты. Публика просила еще и еще. Александр Ильин был во фраке. Публика просила на бис. Он увидел Николая и что-то крикнул, обращаясь к нему и потрясая букетом.

— Вы знаете его? — спросила шатенка.

— Да, это мой товарищ. Вместе с гор спускались.

— Мы тоже знакомы. Вы альпинист?

— Нет, несостоявшийся горнолыжник.

Вместе вышли на улицу. Женщину ждала черная «Волга» с военными номерами.

— Хотите увидеться? — деловито поинтересовалась незнакомка.

— Очень.

— А как же случайное знакомство? Запоминайте телефон. Меня зовут Надежда Васильевна, можно Надя.

— Николай Григорьевич, можно Коля, — он рассмеялся. — На память не жалуюсь.

Через день они встретились в кафе. Говорили обо всем. Он почувствовал, что между ними возникла симпатия. Неожиданно она сказала:

— Приходите ко мне в гости. Буду ждать.

Николай смотрел на нее с нескрываемым удивлением.

— Я знаю, что говорю. Провожать меня не надо, тут рядом.

Когда она ушла, Николай заказал еще сто грамм. «Что-то здесь не так. Может, провокация... Он ведь не на мебельной фабрике работает. Но откуда и кто мог знать, что он придет на концерт? Билет дал Ильин. Надежда с ним знакома... Генерал, бесспорно, лет на двадцать старше. А может, «спектакль» — с мундиром, с военной машиной? И сразу сама предложила встретиться... Задача! Но хороша, стерва!»

Николай шел по улице и напряженно думал: «Не хватает на такой мякине попасться. И сломать себе жизнь. Нешуточное дело!»

На следующий день он позвонил в обед Ильину.

— Сань, ну ты и вправду не заслуженный, а народный, исполнение и программа выше всяческих похвал. Слушай, а если я еще захочу пойти в Малый зал, я там афишу видел, — как билеты распространяются?

— Не знаю. Мне как солисту дали пятнадцать приглашений.

Николай повесил трубку. «Выстроить такую схему, пожалуй, несложно. Надо быть начеку: неужели Ильин лопухнулся? Или он — как Мата Хари? Все-таки хо-

рошо, что он Надежде представился преподавателем механики в вузе. Если что, она все знает и просекла его настороженность. Ну хороша, мадама».

Вечером он договорился о встрече с Надеждой, она продиктовала адрес. Потом позвонил приятелю:

— Знаешь, я, кажется, втюрился по самые уши. Такая женщина! Правда, замужня. Отобьем... у Красной армии. — Николай покашлял в трубку. — Если завтра не позвоню, значит, умер от любовной страсти. Поедешь за телом, предварительно позвони. Запомни номер телефона. Это в районе Кропоткинской. — Николай рассмеялся. — Добегался я, видать. Телефон лучше запиши, на всякий случай. Приглашаю заранее на свадебный ужин. Обязательно сначала мне позвони, а то приедешь с катафалком, а клиент уже дома или без тебя в крематорий свезли.

Дверь открыла Надя. Она сдержанно улыбнулась и пропустила гостя. Он огляделся: огромный коридор вел в гостиную.

— Проходите, прошу вас, — хозяйка посторонилась, рукой приглашая Николая войти.

На ней было длинное закрытое темно-зеленое платье со строгим воротником. На шее — камеш в золотой старинной оправе, на золотой цепочке.

— Хотите кофе или что-нибудь покрепче?

— Лучше второе.

Она принесла коньяк «Ереван», шоколад, фрукты и рюмки.

— Давайте сразу к делу, — сказала хозяйка, кивком предложив налить в рюмки.

— Деловой разговор — это интересно. — Николай напрягся. — Интригует. Поэтому сразу в бой. Вы мне очень понравились. Почти влюбился.

— Прекрасно, от любви дети хорошие рождаются.

Николай выпил и поставил рюмку.

— Я вполне серьезно, — продолжила хозяйка и взяла конфету.

— Какой-то странный у нас разговор, — Николай внимательно посмотрел на Надежду и взял абрикос.

— Согласна. Поэтому внесу ясность... — Она сделала небольшой глоток и, держа рюмку в руках, сказала: — Я врач. В силу ряда причин у нас, точнее, у моего мужа, не может быть детей. По моему предварительному наблюдению, у вас хорошая наследственность. Более того, как мужчина вы мне нравитесь. И я готова встречаться с вами.

Николай застыл с рюмкой в руках.

— Стало быть, мне уже не нужно ухаживать?

— Не пугайтесь. Все будет честно. Как партнерша постараюсь вам понравиться... Но сначала надо пройти обследование в нашей клинике. По понятным соображениям, я не хочу вступать во взаимоотношения со знакомыми и молодыми. Мы заключим соглашение с учетом, если хотите, денежной компенсации. Ребенок к вам не будет иметь никакого отношения.

Николай встал, молча оделся и вышел на улицу. «Тоже мне, контрразведчик хренов! Так осрамиться. Ему, доктору наук, заведующему закрытой лабораторией, профессору, предлагают стать спермодонором... На кой черт диссертации, аспиранты. Удовольствие, да еще деньги. Даже во сне ему бы такое не приснилось... Торговаться надо было! Женщина интересная, видите ли! Это не ваш размер, товарищ профессор. Перья распустил!»

Целую неделю Николай приходил в себя. Он никому не рассказал о «выгодном» предложении, которым не воспользовался.

18

Экспортные контракты готовились в Женеве, там размещалась фирма «Зарубежбытхим», куда теперь частенько наведывался Николай.

Возглавлял «Зарубежбытхим» Хлопынин. По манерам было видно, что он командирован из известного ведомства. Хлопынин любил жизнь и хорошо ориентировался в Женеве. Он познакомил Николая с администратором небольшого уютного отеля «Century», который находился недалеко от знаменитого озера. Здесь любили останавливаться знаменитости. Администратор говорил на четырех языках, и Николаю, помнившему со школьной скамьи кое-что по-немецки, это многое упрощало.

Хлопынин демонстрировал эрудицию в области русской и славянской истории. Однажды он отвез Николая к перевалу Сен-Готард.

— Здесь в сентябре 1799 года Суворов перешел Альпы и разбил французов.

— Я был на Эльбрусе, там повыше будет. — Николай улыбнулся и покачал головой.

— Слава богу, что пониже здесь. Солдаты на пятой точке съезжали. Помнишь картину Сурикова... Ты что, горными лыжами увлекаешься? Я фанат этого дела.

— Нет, это не мой спорт... — задумчиво сказал Николай. — Пару раз на заднице соскользнул с Чегета, и хватит. Там чуть не женился на аспирантке своей, Лоренция ее звали...

— Нерусская, что ли? У всех были свои Лоренции. Жениться надо только на своей или хотя бы на славянке... У меня филиал на севере Балкан. Это Словения — земля, где живут потомки славянских племен, пришедших в шестом веке. Здесь промышленная часть нынешней югославской федерации. Словенки симпа-

тичные, хозяйки классные и в койке не ленивые, но за семейным бюджетом следят. Если что не так по финансовой части, словенка мужу постелит отдельно. — Хлопынин покачал головой. — Найдем тебе Лоренцию. А я на лыжах покатаюсь. Не захочешь горного солнца с ветерком, просто прокачу по земле славянской на Балканах. Когда еще возможность представится?!

— Меня этим не испугаешь. Я вообще люблю спать отдельно. Иногда ночью встаю подумать.

Хлопынин поморщился:

— Я вполне серьезно!

Как-то они пришли в кафе, где за стеклом плавали настоящие, пятнистые, размером в метр, акулы. Больно было смотреть на эту тюрьму-карцер для серебристых красавиц, которые без усталости, как маятники, двигались внутри узких прозрачных аквариумов.

— Знаешь, как по-словенски акула? — спросил Хлопынин и задумчиво сам себе ответил:

— «Морски пес». Правда, красиво?

— Слушай, чуть не забыл. Меня попросили отнести в фирменный магазин «Патек Филипп» часы какой-то особой серии. В Москве в ремонт не взяли. — Николай вынул часы из кармана. — А футляр и все документы у меня в чемодане.

— Я знаю место, — сказал Хлопынин.

На следующий день он привел Николая в красивое сверкающее помещение. За стойкой сидел пожилой сгорбленный мужчина с редким седым ежиком. Увидев Хлопынина, он поздоровался по-русски:

— Ну что, Москва, еще не сделали ремонт у кремлевской стены, чтоб закрыть этот пантеон для одного бандита? Второго, слава богу, вынесли. — Он надел окуляр. — Что я вам пропишу, молодые люди: такая модель не должна ремонтироваться. Это вечность... Оставьте. Я знаю, кому показать. А вообще, чтоб вы

рассказали московской публике, «Патек Филипп» носят, чтоб не время смотреть, а чтоб булб.

— Забавный старик, еврей из Одессы, — сказал Хлопынин, когда они вышли на улицу. — Приехал год назад, по-французски и немецки говорит. У него родственник здесь бизнес часовой имеет. Я его как-то спросил, зачем такой специалист, уважаемый и молодой человек, снялся с родных мест, ведь наступили другие времена? А он мне анекдот рассказал: «Во времена Брежнева одного еврея, который всю жизнь работал по снабжению и много ездил по стране, вызвали куда следует: “Соломон Абрамович, вы в Новосибирске в одном доме сказали, что в Туле кончилась колбаса, а в Тамбове пожаловались, что в Одессе уже плохо с рыбой. В прежние времена за такие слова могли и к стенке поставить, идите домой и хорошо подумайте”. Он приходит домой. Родня в сборе: “Ну что, Соломон?” — “Совсем плохо, у них уже и патронов нет”».

Старик мне сказал тогда: «Так я думаю, теперь, когда недобитые бандеровцы зашевелились, может, у них патроны есть? И мне лучше здесь побыть».

— Грустный анекдот. — Николай цокнул языком.

Хлопынин и Николай пришли в ночной клуб на окраине Женева. На круглом подиуме танцевала группа высоких стройных девушек.

— Какие девчонки, прямо как наши, — почмокав губами, покачал головой Николай.

— Да какие это девчонки? — Хлопынин усмехнулся. — Трансвеститы.

— Не понял?!

— Парни, которым хирургически сделали женские половые органы.

— Пойдем отсюда, — Николай встал, — у меня все тело зачесалось.

Они вышли на свежий воздух. Мимо неслась колонна мотоциклистов в ярких комбинезонах и шлемах.

— Скоро и у нас так будет, — Хлопынин проводил грустным взглядом колонну.

— Только бы песни наши, русские, не разучились петь, — вздохнул Николай.

— Это неизбежный процесс, если не вмешаться, — тихо сказал Хлопынин. — Двадцать лет... и наши внуки не будут знать, кто «Руслана и Людмилу» написал.

— И сейчас не все знают. Слава богу, «Рябину» еще поют или «Шумел камыш». Только бы наших мужиков в баб не переделали. И так детворы не хватает...

Николай сидел в самолете и думал о Хлопынине, этом умном и, как казалось, искреннем, несмотря на профессию, человеке.

Через неделю Хлопынин прилетел в Москву. С аэродрома он позвонил Николаю:

— Привет! Привез пару очень приличных контрактов.

— Давай сразу ко мне. Вечером покормлю тебя по-московски, — обрадовался Николай.

Секретарь принесла чай и печенье. Они вспомнили свой разговор в Женеве.

— Слушай, Николай, раз мы оба в Москве, давай в Центральные бани сходим в субботу. А то все сауна, сауна! Хочется нашего русского парка, да с кваском холодненьким. Ты, как бывший спортсмен, наверняка толк знаешь в бане.

— Хорошая мысль, только надо в номера, а не в общий зал идти.

На первый пар в баню ходит народ понимающий.

Какой-то банный спец в шерстяной шапочке и брезентовых рукавицах деловито выгнал всех из парилки, долго там колдовал, открывал-закрывал дверь. Красный и мокрый, он вышел с большим дубовым веником,

понюхал его, взял тазик с горячей водой, покапал туда что-то из пузырька и позвал страждущих. Когда все чинно уселись на полках, спец подбросил несколько раз из медного черпака и приказал петь «Вы слышали, как поют дрозды...»

Все радостно, но в разных тональностях запели.

Только один худосочный и, судя по всему, тоже банный завсегдатай громко сказал, что он свободный человек и ему надоело большевистское «все вместе, хором». Но после первого куплета поднялся и стал дирижировать. У него были голос и слух.

Народ еще долго потешался над баннным свободолюбцем, и кто-то предложил дирижеру организовать «парохор».

Они сидели вдвоем в кабинке, красные и довольные, потягивали квасок с хреном, который с собой в термосе принес Хлопынин. Неожиданно занавеска приподнялась, вошел в мятом белом халате банщик. Это был Сергей.

— Услышал знакомый голос. Не поверил, — растопыренными пальцами он шерстил на голове поредевший ежик. — Вот так встреча! Ну как ты?

— Нормально. Присядешь? — Николай глазами показал на диван.

— В газете портрет твой увидел. Я на работе, — Сергей поднял руку, показывая, что садиться не будет. — Может, повидаемся... У нас с Инной не получилось.

— Я в курсе. — Николай достал визитку. — Звонить будешь, скажи, что встреча согласована.

— Даже так! К тебе не каждому вход!

Они встретились через неделю в кафе. Сергей был в свитере и джинсах.

— Ты понимаешь, я тогда сам не понял, как это получилось! — Он сильно волновался.

— Не надо об этом... Закажем? — Николай поднял глаза.

— Мне нельзя. Я зашился. Пока держусь.

— Как твои?

— Отца похоронили пять лет назад. У него два инфаркта и инсульт был. С палкой по Кутузовскому ходил, совсем седой. Взносы партийные до последнего дня отсылал. Сеструха замуж вышла за богатенького французика. После смерти отца мать к ней уехала.

— А сам как? — Николай улыбнулся.

— Вот в бане работаю, грехи отмываю, — Сергей усмехнулся. — Из аспирантуры выперли. Инна припутала с одной подругой и сразу ушла. Отец устроил в НИИ какой-то. Там смех что платили, больше на овощную базу гоняли. Я по фарце¹ ударил. Бабки, мамуни, «Березка»²... Мной «коллеги» загородились, бабки пообещали и кинули, под статью попал. Батя сначала вытащил, а потом из дома выгнал. Матушка со слезами тайком помогала. Потом с кладбищенскими познакомился. Тренировал их три раза в неделю, удар за «воздух»³ ставил. Принимать с ними каждый день стал, по ночам ко мне стали «синенькие» приходиться... Кладбищенские меня сюда и устроили. — Сергей замолчал, потом поднял голову и спросил: — Женился?

— Да нет... Холостякую. — Николай ухмыльнулся.

— А помнишь Киев, рынок на Бессарабке, я тебя все женил?

— Давно это было... Может, чего надо?

— Ничего не надо. Это я тебе могу спинку потереть... — Сергей встал. — Ну, давай, держись. А я как-нибудь бочком проскользну, не поцарапаюсь и под колеса не попаду. Ученый!.. Удар не пропущу..

¹ Фарцой заниматься, фарцевать — спекулировать (*блатн.*).

² Сеть валютных магазинов в Советском Союзе.

³ Деньги (*блатн.*).

19

Скоропостижно, у себя в кабинете, от обширного инфаркта умер БАС. Его хоронили на Ваганьковском со всеми почестями. На подушечках несли ордена, лауреатские значки, впереди — Звезду Героя соцтруда.

На поминках Николай подошел к министру. Тот держал рюмку с «Посольской»:

— Помянем старика. Его любимый напиток.

— Я знаю.

— Предлагал ему после второго инфаркта за кордоном отдышаться. — Министр положил руку Николаю на плечо. — Тебя ведь БАС мне рекомендовал. Сколько людей вперед себя вытолкнул. Дважды его в замы звал... Ты на острие. Пока я в кресле, не тронут. Экспортные дела держи под личным контролем. На тебя многие со злобой смотрят. Место сладкое, сам понимаешь.

Страна «перестраивалась». Николай по-прежнему летал в Женеву.

На ресепшн отеля «Century», где он всегда останавливался, протянул администратору обещанный французско-русский разговорник и отдал паспорт. Администратор искренне и шумно обрадовался знакомому гостю и сказал с сильным акцентом:

— Неп'озванный гьест хужо тата'ин.

— Правильно говорить «лучше»! — Усмехнулся Николай. — Пойду на мою пасту с виски, безо льда.

— П'авильно. Маладес. Очен ха'ашо.

В быстро номере Николай переоделся в джинсовый костюм, майку и пошел завтракать в кафе напротив.

Знакомого официанта не было. Подошла темнокожая девушка. Николай стал объяснять ей на своем полунемецком, что хочет *«айн воль глассер виски оне вассер, оне айс унд цвай маль паста оне*

томатен»¹. Девушка кивнула и через десять минут принесла все наоборот. Николай попытался спокойно ей еще раз объяснить, что хочет, но официантка лишь разводила руками.

Неожиданно рядом раздалась русская речь:

— Я помогу вам.

Через столик от него сидела красивая девушка в модной кожаной курточке. У нее было усталое лицо с остатками макияжа.

— Вы русская? — Николай радостно улыбнулся.

— Из Харькова. — Девушка подозвала официантку и что-то сказала ей по-французски. — Я объяснила, чтобы она не волновалась: вы оплатите оба заказа.

— *Оне проблем!* — облегченно вздохнул Николай.

Рядом с кафе был ночной клуб, и скорее всего, его спасительница зашла сюда после работы. Подошла официантка с полным стаканом виски. Николай поприветствовал девушку стаканом и разом осушил его.

Резко толкнув дверь, в кафе вошли два парня с косичками. Похоже, это были представители Латинской Америки; на обоих кожаные куртки с многочисленными лейблами, заклепками и карманами, штаны с бахромой и высокие сапоги. Парни остановились у столика харьковчанки. Один из них, пониже ростом, громко стал что-то требовать, постоянно дергая ее за плечо. Девушка положила руки на стол и опустила на них голову.

Посетители кафе повернулись в сторону возмутителей тишины.

— Чего они хотят? — сурово и громко спросил Николай у девушки.

— Денег, — ответила та, не поднимая головы.

— А ключи от моей московской квартиры их не устроят? — Николай встал. — А ну, чмури, валите отсюда! — сказал он властно и жестко.

¹ Один полный стакан виски без воды и льда и двойную порцию пасты без помидоров (*искаж. нем.*).

Тот, который держал девушку за плечо, подошел к Николаю и взял его за воротник джинсовой куртки. Николай лбом резко ударил ему в переносицу, парень согнулся и закрыл лицо руками. Николай машинально долбанул его по затылку. Парень рухнул. На полу растеклось пятно крови.

Все посетители вскочили. Николай вплотную подошел ко второму — тот застыл, широко открыв глаза — и апперкотом¹ деловито уложил и его. Парень упал на спину и задрыгал ногами.

Николай вынул купюру в сто франков и, показав залу, демонстративно положил ее на стол.

Он быстро шагал к набережной. «Что на него нашло? Ведь это Швейцария, а он руководитель огромного объединения. Из-за проститутки, задолжавшей своим сутенерам, попасть в такую передрыгу!» Походив полчаса, он взял себя в руки. «Будь что будет! Надо идти в отель, там паспорт, документы».

Около отеля стояла полицейская машина, рядом харьковчанка, двое полицейских и администратор, который, увидев Николая, развел руками и вытаращил глаза. Девушка показала рукой на подходившего Николая. В руках высокого полицейского был его паспорт.

Николая привезли в полицейский участок. Еще по дороге он попросил девушку: «Скажи им, что без переводчика и представителя советской миссии я говорить не буду». Его посадили в «обезьянник». Через полчаса появился переводчик. Он вполне прилично говорил по-русски:

— Представителя миссии не будет, сегодня суббота, но они сообщат куда следует, — перевел он слова высокого полицейского.

Скоро появился человек в штатском. Видимо, он был старший. Николая вывели из «обезьянника».

¹ Резкий удар снизу согнутой в локте рукой.

— Сейчас будет допрос, — сказал переводчик. — Вы должны отвечать на вопросы точно и правдиво.

— Понятно.

— Назовите ваше полное имя.

— Лаптев Николай.

— Сколько вам лет?

— Пятьдесят два.

— Что произошло? Они напали на вас?

— Да, я оборонялся. — Николай пытался сообразить, как ему себя вести.

— Вы имеете специальную подготовку?

— Я инженер.

— Цель вашего приезда? — Переводчик продолжил, не дожидаясь ответа: — Вы первый раз в Женеве?

— У меня заболевания суставов, искривление позвоночника, хронический холецистит и синдром потери памяти. — Это все, что из медицины вспомнил Николай. — Я регулярно прохожу комплексное лечение в клиниках Женевы... Меня туда отвозят.

— Кто? Назовите имя и адрес.

Николай только сейчас сообразил, что нужно прежде всего сообщить о случившемся Хлопынину и попросил набрать его номер.

Скоро спаситель появился и быстро уладил ситуацию. Когда они вышли из участка, Хлопынин сказал:

— Ты что, головка бо-бо? Совсем ох...л! Это не Россия! Обоим повязки наложили. Еще не оклемались. Твое счастье, что нет серьезных повреждений и у этих ребят какие-то проблемы с полицией. Но они все равно сообщат в миссию. На какой хрен ты вступился за проститутку?

— Она русская, я русский. Почему нужно терпеть, когда двое засранцев обижают мою соотечественницу? Поэтому у нас детские дома переполнены, а в Армении

их вообще нет. Тронь армянина — сбежится вся армянская рать.

— Слушай, чего ты распалился? Изувечил двух иностранцев и державные речи несешь.

— Как ты высокопарно! Так разговаривать чекистам даже с друзьями положено? — Николай вспыхнул.

— Да ладно, дал в харчо и будет. Надо вопрос снять, — Хлопынин положил руку ему на плечо.

Через день Николай улетел, сославшись на занятость.

20

Через месяц в Москве неожиданно появился Хлопынин. Без звонка он заехал к Николаю на работу.

— Старик, меня отозвали. Контракт не продлили. Я тут разговаривал, есть вакансия на должность замдиректора по хозяйственной части в Институте химической физики Академии наук. Но секретарь парткома уперся. Может, ты знаешь кого из этих академиков?

— Узнай, кто секретарь парткома?

— Аленин Эдуард Михайлович. — Хлопынин вынул бумажку.

— Это Эдик! Точно, он сразу туда распределился... Трудяга, всегда гранит науки грыз и, смотри, догрызся. Этот крупнейший институт Академии наук создавал великий Николай Николаевич Семенов, один из отцов нашей атомной бомбы. Нобелевский лауреат... Мы с Эдиком на Целине вместе в студенческом отряде были. А после окончания института пару раз виделись. По Целине помню, Эдик все о бане мечтал...

В Сандунах Аленин и Николай лишь один раз зашли в парилку.

— Ведь только мы с тобой просо убирали. В сентябре по утрам иней на траве, и сто четырнадцать точек

шприцем, а солидол ледяной, не давится... — Эдик закрыл глаза.

— А мы тебе завидовали, когда ты о книге Эйнштейна и Инфельда «Эволюция физики» рассказывал. Ирочка Семягина тебе в рот смотрела. А потом вы с ней на кошары ночевать ходили, — Николай улыбнулся.

— Да ничего не было. Она просто замуж хотела. А как ты «механическую фанеру» придумал, когда зерно с токов возили, — Аленин поднял кулак.

— Тебе медаль за освоение Целины дали, а мне грамоту. За тобой всегда успех ходил. Ирка просекла сразу, за кого держаться надо, теперь ты уже членкор.

— У нас говорят: «поц-шрайбер»¹, это точнее, — усмехнулся Эдик. — Не получилось с ней. Ей родители в койку разрешали только через ЗАГС.

— Я почему-то вспоминаю, как наши девчата не хотели через вошебойку проходить, когда уезжали, — Николай налил в стаканы пиво.

— Там же раздеваться догола надо было, а вагончик один на всех.

— А знаешь, почему ты с нами очутился на сборке комбайна?

— Почему?

— Ирка сказала: «А кто тяжести будет таскать?»

— А помнишь бригадира-немца, Вальтера Зеэмана? Мы с тобой один раз ночевали у него. На стене полотенце висело с вышитой надписью «*Die Heimat ist mit uns*»². Наверное, уехал в Германию, — Николай цокнул языком.

В «Арагви» до позднего вечера Эдик и Николай под рюмку и хорошую закуску вспоминали, как ехали в теплушке в Орск, а оттуда в открытых кузовах полудо-

¹ Поц — мужской половой член; шрайбер — писака (*идиш*).

² Родина с нами (*нем.*).

рок в совхоз «Красный Чабан». Их группу разместили на конюшне, из которой вывели лошадей. На свежее сено положили солдатские простыни. В конюшне пахло навозом. Наутро разобрали по бригадам. Эдик с Ирккой предложили Николаю отправиться с ними на сборку комбайна.

В поле лежала куча деталей. Коренастый мужчина с висячими усами, в телогрейке, представился комбайнером с Украины и сказал, что за три дня они должны укомплектовать комбайн недостающим оборудованием. С шутками Эдик с Ирккой таскали детали, а Николай, по указанию комбайнера, орудовал кувалдой. На обед комбайнер уехал на мотоцикле.

Ирка достала из рюкзака буханку серого хлеба с не пропеченной сердцевиной и твердый кирпич перловой каши. Вода была рядом. В небольшом озерце плавали дикие утки. Ирка сразу же разделась, демонстрируя фигуру. Они искупались. Вода была чистая и прохладная. А утки, посматривая на резвившихся, плавали у противоположного берега.

Вскоре вернулся комбайнер с худеньким мальчонкой лет десяти, который смотрел на живых студентов из Москвы, разинув рот. Мальчик повел Эдика с Ирккой в кузню за пальцами для прицепа-копнителя. Когда стемнело, комбайнер завел мотоцикл, взял мальчонку и пообещал, что за студентами пришлет машину.

Становилось все холоднее. Такой яркий Млечный Путь они видели впервые. До утра, прижимаясь друг к другу спинами, они пытались согреться. Когда рассвело, на земле был иней, а в кузне никого не было.

К обеду они добрались до хижины, сложенной из самана. У входа тлело несколько кусков кизяка, с подвешенной стороны очаг был защищен прогоревшим железным листом. На табурете сидела пожилая казашка в цветастом халате, а молодая, в косынке, засаленных

шароварах и стеганой шелковой безрукавке, перебирала ей волосы, отыскивая живность. Обнаруженные жертвы она деловито бросала в огонь.

Сообразительный Эдик подтолкнул Ирку. Та подошла к женщинам и спросила, можно ли купить еду. Из хижины вышел немолодой казах в стеганом халате и с ружьем.

Молодая скрылась в хижине и скоро вынесла что-то в мокрой тряпке. Она задрала штанину и, вынув из тряпки комок сырого теста, стала энергично отбивать его на коленке, пока не получился блин. Потом поплевала на одну сторону блина, оплеванной стороной поднесла блин к железному листу и ладонью пару раз ударила по нему. Блин прилип к листу. Через несколько минут он подрумянился и отвалился. Девушка подняла его, сдула золу и протянула страждущим. Пожилая сказала, что это стоит рубль, а за мясо брать деньги не будут.

Молодая опять убежала и привела упирающегося барана. Женщины повалили его на землю, пожилая кинжалом перерезала животному горло. Ирку стало рвать, а Эдик побледнел. Молодая принесла закопченный чан, ловко установила его меж кирпичей, подбросила кизяка и раздула огонь, так что огонь стал облизывать закопченные бока чана. Когда вода вскипела, пожилая бросила туда разрезанный на части ливер.

Ирка и Эдик отказались есть, а Николай отрезал кусочек от бараньего сердца.

Только к вечеру они дошли до небольшого чистенького поселка. В стандартных домах на окнах были цветы, около каждого дома клумбы. Здесь жили поволжские немцы-переселенцы. Путешественников накормили, уложили в чистые постели.

Ирка объявила, что спать в одной комнате с мужчинами не будет.

Утром Вальтер Зеeman отвез на мотоцикле с коляской тройку путешественников в дирекцию совхоза. Началась сенная эпопея.

— Помнишь, ты сказал, что через тридцать лет мы будем вспоминать это счастливое время? — Николай поднял рюмку.

— Хорошо, если бы еще через тридцать мы смогли бы рюмки держать, — Эдик залпом выпил. — А ты знаешь, я одно время с Вальтером переписывался. Лекарства посылал его дочке, у нее проблемы с глазами были. Ее Анной звали, вылитая Марика Рокк¹. Ирка приревновала и отказалась садиться ко мне на колени в мотоциклетной коляске. Анна тогда сказала Ирке: «С одного раза не родишь», — и принесла подушку. Мы в той коляске так и тряслись — сверху Ирка на подушке, снизу я.

— Сейчас, небось, не одна мадама хотела бы потрястись на коленях у поц-шрайбера, и безо всякого мотоцикла. На тебя всегда прекрасный пол реагировал позитивно. Видать, дамы перспективу чуяли. Как сложилась жизнь Ирки?

— Не в курсе. После института, — Эдик налил по новой, — разбежались. Смеяться будешь, мы с ней ни разу в койку не попали.

— Все мы бежим, бежим вперед, не оглядываясь. Иногда неплохо оглянуться, — Николай поднял рюмку.

— Ты философом стал.

— Нет, просто часто думаю, кем не стал, а мог бы.

— Пустое это! Главное, кем стал и что смог. Важны не затраты и пройденный путь, а только результат. А Ирка или Анка — не имеет значения.

¹ Марика Рокк (Рёкк) — популярная киноактриса, «немецкий вариант Любви Орловой». Вершиной ее успеха стала цветная музыкальная комедия «Женщина моих грез», снятая в Германии в 1944 г. После войны этот трофейный фильм под названием «Девушка моей мечты» с огромным успехом шел в советском прокате.

— Я знал большого человека, у него была Лизавета, и он считал по-другому.

— И где они сейчас?

— Их нет уже.

— Жаль, я бы поспорил с ним.

— Не поспорил бы, если б их вдвоем увидел... Скорее позавидовал... — добавил тихо Николай.

— Романтиком ты был, романтиком и остался. — Эдик покачал головой.

21

Через месяц Хлопынина утвердили в новой должности, и он занял большой кабинет в административном корпусе на улице Косыгина.

Николай взял отпуск и вторую неделю проводил в Москве, днем заезжал в министерство, вечерами гулял по городу, ходил на концерты.

В газете появилось сообщение, что назначен новый министр. Николаю позвонили из управления кадров министерства и попросили сдать дипломатический паспорт. Когда он пришел в министерство, ему объявили, что коммуниста Лаптева вызывают на бюро райкома.

Второй секретарь райкома стоя зачитал справку и обратился к провинившемуся:

— Николай Григорьевич, вы руководите советскими людьми. И ваша задача, как коммуниста, воспитывать в них чувство гордости за наши идеалы. А ваш поступок — это проявление буржуазного лжепатриотизма.

— Я понимаю. Не сдержался. — Николай встал.

Ему объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Николай молча направился к выходу. Ему так захотелось вернуться и сказать: «Пока мы отказываемся

от своих офицеров, попавших в плен в Анголе, а американцы высылают авианосец за провинившимся дипломатом, о каком патриотизме можно говорить?» Но было уже поздно. Он спускался по мраморной лестнице с чугунными перилами, по которой в начале века, звеня шпорами, поднимались настоящие патриоты — многие из них сложили головы за Россию.

Из здания Киевского райкома партии, который размещался в особняке рядом с Министерством иностранных дел, он вышел на Смоленскую площадь и повернул направо, к Арбату. Теперь это разрисованная вольными живописцами пешеходная зона без тротуаров, ярмарка ширпотреба и место молодежной тусовки.

А когда-то... Какому жителю Арбата и прилегающих переулков неведомо, что старшина московских улиц — правительственная трасса? И если в одночасье на тротуарах, как из-под земли, вырастают шеренги серых плащей, значит, скоро поедет Он. И стало быть, пешеходам надо держаться подальше от проезжей части и речами не волновать людей в плащах. Не то арбатскую прописку враз можно сменить на ватник с номером в окрестностях колымской трассы или в забое под Воркутой.

Трасса трассой, а солнце и тогда светило — кому послабее, кому пореже. И юность не больно-то дорожила арбатской пропиской, потому как о другой не ведала. А если какой сметливый юный строитель коммунизма по недомолвкам интеллигентных родителей и догадывался про возможность перемены места обитания, то уж точно ватник с номером на себя мысленно не примерял.

Два десятиклассника, высокий Коля и тщедушный очкарик Яша, штатный суфлер и победитель всех олимпиад, шли по тротуару. Они не замечали пронзающую Арбат стрелу черных лимузинов с занавешенными окнами.

— Да, этому Сталину хорошо, — сказал Коля, — его к доске никогда не вызывают и пары не ставят.

Сразу четыре плаща обернулись. Яша, поняв оплошность и моментально оценив обстановку, громко пояснил:

— Вчера Женька Сталин в школе не был, у него мать увезли на «скорой».

Это лишило ребят «счастливой» возможности поменять прописку.

В классе действительно учился однофамилец Великого Кормчего. Когда новый преподаватель, делая переключку, доходил до буквы «С», он вздрагивал и поднимал выпученные глаза на Яшку Фельдмана, сидевшего на первой парте. Тот кивал... Переключка продолжалась с буквы «Т».

Женька Сталин придумал безотказный способ срывать контрольные. Он вставал и громко начинал петь: «Москва — Пекин, Москва — Пекин, идут, идут вперед народы!.. Сталин и Мао слушают нас!» Весь класс знал слова и стоя допевал песню до конца. Какая уж тут контрольная?!

Классная руководительница, математичка Эсфирь Ефимовна вела кружок «Любителей нестандартных решений» и пророчила Яшке большое будущее. Ее боялись и уважали. И при ней никогда хоровых выступлений не было... Зато были фантастические вечера, к которым готовили специальную программу. Приходили десятиклассницы из соседней женской школы. Каждой дарили гвоздичку.

Великая Эсфирь! Она учила математике и жизни. Когда она входила в актовый зал, все старшеклассники вставали.

Как сложилась судьба однофамильца?..

А Яшка закончил школу с золотой медалью, но ни в МГУ, ни в Физтех, ни в МИФИ его не взяли.

Около входа в кулинарию ресторана «Прага» плотным кольцом стояли зеваки. В центре под электрогитару вполне профессионально пел неаполитанские шлягеры волосатик. Николай опустил в картонную коробку десятку. Артист поблагодарил взглядом.

А раньше здесь был кинотеатр «Наука и знание». Показывали знаменитый фильм о путешественнике Миклухо-Маклае, который отдал по наивности друзей-аборигенов в «звериные лапы капитала»... Сейчас на Арбате бурлила неведомая Николаю жизнь.

Он еще не остыл от заседания бюро райкома. Почему он, русский человек, не может встать на защиту русской девочки?! Ему хотелось вернуться и сказать этим правоверным коммунистам, что патриотизм — это когда Яшка Фельдман, который диктант по-русски напишет лучше любого второго секретаря райкома или даже первого, не уезжает в Израиль учиться писать диктанты на иврите. И как ни хорошо Яшке будет на земле обетованной, все равно Шолом-Алейхем не заменит ему Шишкова и Куприна. И пусть знают все обкомы и райкомы, что, если еще где-нибудь кто-нибудь обидит его соотечественницу, по паспорту татарку или хохлушку, еврейку или русскую, якутку или немку, он лично за свои деньги приедет, прилетит, приплывет и с удовольствием «объяснит» обидчику, невзирая на любые последствия. А чем занимались жены и дочери некоторых русских эмигрантов, покинувших не по своей воле отчизну и не имевших средств к существованию? Кто знает, что привело эту милостивую хохлушку к небогоугодному ремеслу... Прав был генерал — жить крестьянскому потомку в ладах с самим собой, если он не погань, только на земле можно... А что? Жениться на немолодой доярке, дом-пятистенки поднять.

Николай долго не мог уснуть, ворочался, встал, глотнул коньяку из бутылки и твердо решил на сле-

дующий день положить заявление на стол начальнику управления кадров министерства. На его «сладкое» место найти желающих недолго, а министр — новый, подпишет не глядя.

В семь утра позвонил Хлопынин.

— Слушай, тут такое дело... Есть решение президиума Академии ввести в академических институтах должность замдиректора по внедрению научных разработок в промышленность. Я говорил с Эдуардом — ты самая подходящая кандидатура.

Через месяц Хлопынин опять позвонил и сообщил, что его кандидатура единогласно прошла. Это был август восемьдесят восьмого. Корчившийся в конвульсиях социализм теснили кооперативы.

Они сидели в ресторане «Метрополь». Выпили по паре рюмок «Столичной», закусили балычком. Потом заказали осетрину по-бойарски и еще водки.

— Коля, послушай сюда, как говорят в Одессе. Есть на Украине город Шостка в Сумской области. Там несколько химических предприятий, они на оборонку работали. — Хлопынин поднял рюмку.

— Пленку комбинат «Свема» выпускает. Патронный завод знаю. Там еще завод «Химреактив» есть.

— В самую точку. Короче, «Свема» обратилась с предложением разработать технологию регенерации серебра из отходов пленки.

— Генерального директора «Свемы» хорошо знаю. Когда по стране ездил, с ним общались. Толковый и очень приличный мужик. На Западе был бы выдающийся менеджер. При всех недостатках советской власти, после войны директорами комбинатов случайных персонажей и дураков не назначали.

— В институте предлагают создать научно-производственный кооператив. «Свема» согласна, чтобы цех построил кооператив. Деньги вперед дают.

Проблема есть одна: надо получить разрешение Гохрана на оборот серебра. Эдуард говорит, это решаемо... Коль, а может, ну его, хоть место, хоть кресло замдиректора? Делаем кооператив — и вперед. С твоим-то опытом и связями цех такой построить — что два пальца... прости, господи. А в институте, что нужно, я подмогну.

22

В ноябре восемьдесят восьмого Николай, в новом для себя амплу председателя кооператива, впервые приехал в Шостку. Дела пошли.

В один из приездов он дожидался в приемной генерального. Вошла с какой-то бумажкой красивая, очень стройная, с большими зелено-синими глазами, молодая женщина. Только больной или слепой мог не обратить внимания на это совершенство.

Это была Наталия...

Теперь Николай бывал в Шостке не только по делам. Наталия приезжала и к нему в Москву. Ей очень нравилось появляться с ним в московских ресторанах, которые множились, как кролики в Австралии.

Роман с невероятной быстротой набирал обороты. Такого еще в жизни Николая не было.

Как угорелый, он носился по стране, добывая оборудование и размещая заказы для нового цеха. Слава богу, деньги на счету кооператива были, и это решало многое. Вот уж когда в действительности оказался востребованным его опыт.

Ему, отдавшему полжизни работе на оборону, больно было со стороны наблюдать за творящимся в стране бессмыслием. Кто формировал новому политическому руководству страны взгляд на конверсию, столь далекий от глубинного понимания значения и места это-

го уникального и загадочного явления, именуемого оборонно-промышленным комплексом?

Не мог он без гнева смотреть, как спецы-оборонщики, облеченные интеллектом, знанием и умением, приспособивались к новым реалиям. Снобы с лауреатскими значками на потертых лацканах окучивали грядки на подаренных властью шести сотках. Духом послабее — с пренебрежением к происходящему взяли за стакан с дешевой родимой. Кто побойчее, спрятал в картонную коробочку удостоверение о наградах, продал нажитое и поехал за турецким ширпотребом.

«Какой безрассудной недальновидностью нужно обладать, чтобы спокойно смотреть, как еще вчера *закрытые* таланты повезли за кордон синтезированный интеллект и технологии будущего».

Месяцы летели. Цех рос на глазах. Приближалось заветное — пуск!

Николай практически переехал в Шостку. Он снял маленькую квартиру рядом с городским универмагом. Почти каждый вечер прибегала Наталия.

Толкнув пяткой дверь, висла у него на шее и прыгала в постель. Через десять секунд вся одежда ее уже валялась на полу.

Страна бурлила. На заседаниях Верховного Совета нынешние мараты и робеспьеры сталкивали друг друга с трибуны. Николай слушал и спрашивал себя: «А кто будет оснащать армию и флот? Разве эти болтуны знают, как получается сталь для тракторов и танков, чем заправляются самолеты, какую скорость развивают подводные атомоходы? К власти должны прийти не интеллигенты-болтуны, а молчаливые технологи, способные организовать взаимодействие отраслей. Только они способны принимать взвешенные решения, которые через месяц не надо отменять.

Революционная говорильня всегда заканчивается па-

дением производства, появлением разных оккультных вещателей. СССР — это прежде всего индустриальная мощь, а это заводы, оборудование, сырье, кадры, транспорт... Армия, наконец, без которой ничего не будет».

Заслоняли эти тяжелые мысли лишь знакомая предпусковая суета и объятия Наталии.

Третью неделю московская бригада из института химфизики не выходила с комбината. Николай похудел и осунулся. Содержать бригаду было уже не на что, а просить аванс за сдачу цеха в эксплуатацию без гарантии его работоспособности он не мог.

Вечером к нему подошел старший московской бригады и сказал, что они исчерпали все варианты, а отрицательный результат — это тоже результат в научном эксперименте.

Николай молча выслушал и предложил членам бригады вернуться в Москву — за их собственный счет. Это был крах! Значительная часть заказов выполнялась под его честное слово, с оплатой потом, когда запустят цех.

Николай все чаще прикладывался к рюмке.

Шли пятые сутки, как Николай узнал о случившемся. Ранним утром прибежала запыхавшаяся Наталия. Николай сидел на кухне и молча смотрел на пустую бутылку.

— У тебя есть я — значит, есть все. Я тебе сколько раз говорила, что ты меня недооцениваешь. — Он кисло улыбнулся. — На комбинате есть технологи, они согласны запустить. Вечером придут.

Выбора не было, хотя условия, которые выставили заводские, оказались запредельные. Николай пригнал в залог свою новую красную «девятку».

Еще через два дня Наталия опять примчалась в семь утра, вынула бутерброды и, победно встав в кухонном проеме, выпалила:

— Тебя директор «Химреактива» помнит. Он хочет с тобой встретиться. У него есть конкретное предложение — поставить через кооператив оборудование для линии по производству универсального чистящего препарата. По немецкой технологии.

С директором Николай встретился в кафе. Они прилично взяли на грудь и ударили по рукам. Самое главное, что требовалась только поставка оборудования, а монтаж завод брал на себя.

Николай опять заколесил по стране.

Счастье, как и беда, не ходит в одиночку. Заработал «серебряный» цех. Николай расплатился с заводскими. Наталия ходила гордая. Она уехала в Киев, как сказала, по делам, а когда вернулась, вечером пришла с пакетом, там был красный свитер крупной ручной вязки. Спереди надпись большими буквами: «*I am only yours — You are only mine*»¹.

— Я тоже могу подарки делать. — Она посмотрела на Николая. — Можем денежку заработать... Под Киевом предлагают мои друзья приобрести целый подъезд в новом доме, на паях, и покупатели уже на квартиры есть. У них просто денег не хватает.

— Ты моя спасительница, умница, голубушка! А пролетим?.. Только я, вроде, выбрался...

— Не пролетим. Это мои друзья.

— Без тебя — хоть на кладбище! — Николай обнял Наталию.

— Не задави свою голубушку вместе с умницей... А на кладбище вместе поедем, на белом «мерседесе» с белыми розами. Я буду в белом подвенечном платье, а ты в белом смокинге. Хоть по дороге этой буду твоей невестой, а когда закопают — твоей единственной женой... Или опять найдешь причину?

¹ Я — только твоя, ты — только мой (англ.).

Операция прошла удивительно быстро. Деньги были на счету.

Зная, что днем мужа не бывает, Николай, как всегда, в обеденный перерыв позвонил Наталии домой. Она прибежала покормить сына.

— Мы хорошо поработали, стали состоятельные... малость. Давай махнем куда-нибудь, ну, скажем, в круиз по Средиземному морю на неделю. Сможешь дома объяснить? Представляешь, две недели только вдвоем, в одной каюте... Ты никуда не бежишь!

— Попробую, — Наталия положила трубку. — А потом мы поженемся.

Николай купил две путевки и, радуясь предстоящему путешествию, позвонил любимой. По голосу ее он понял: что-то случилось.

— У сына кашель не проходит. А вчера кровь на подушке была. Надо везти его в Киев, — Наталия захлопала.

— Давай круиз отменим. У меня друг в Морозовской детской больнице. В Москве положим. Там очень серьезные специалисты.

— Нет. Муж уже договорился в Киеве. А тебе отдохнуть надо. Поезжай один... Если звонить будешь, звони сестре. Я там буду. — Она продиктовала номер телефона.

— Я без тебя не поплыву. Хочешь, в Киев приеду?

— Зачем, я у сестры мужа жить буду. Видеться все равно не сможем... Сама справлюсь. Это ведь мой сын.

— А я думал, что рядом с тобой... Пока живой. — Николай повесил трубку.

«Слава богу, в прошлый раз он промолчал, когда Наталия опять предложила пожениться. А он ведь уже не исключал такого развития событий... А теперь все встало на свои места. Не сложатся у него отношения с сыном, и вся конструкция их семейного счастья рух-

нет... Что делать тогда? Наталия уйдет, и он останется никому не нужным стариком... Лучше так! Надо подумать... А чего думать? Разве не ясно...»

23

Он стоял на корме теплохода «Леонид Собинов», который отчаливал от пирса одесского порта. Великий город музыкантов, артистов, писателей и авантюристов.

«Да, у Наталии своя жизнь. Нет у них будущего... Раньше за спекуляцию можно было партбилет потерять, а теперь арбитражная сделка... Ведь она так молода, а он старый пень, ну какое у них будущее? Как времена меняются. Еще недавно таким, как он, нельзя было и подумать, чтобы пройтись даже по золотому песку «шестнадцатой республики», Болгарии, а теперь — Кипр, Египет, Турция... Вот если бы вместе с Наталией — это был бы настоящий праздник... Что происходит со страной? Почему Кремлю не ясно, что именно сейчас, когда не объявлена военно-стратегическая доктрина, нужно максимально расширять свое присутствие на мировом рынке вооружений, а не переводить технологическую и интеллектуальную мощь оборонного комплекса на изготовление сковородок... Неужели с Наталией конец? Она ведь неспроста сказала: “Это *мой* сын”».

Неожиданно кто-то сзади его хлопнул по плечу. Николай обернулся. Коренастый мужчина с волнистыми, красиво посеребренными волосами, в круглых очках, улыбался:

— Полутяж¹ Николай Лаптев, «Динамо-Москва», — или уже супертяж²? Не узнаешь поверженного? А как в челюсть правым боковым чемпиону Азербайджана, да

¹ Весовая категория до 81 кг.

² Весовая категория от 91 кг.

у него на родине, в присутствии друзей и девушек! Привет, дорогой... Вот так встреча! Ты кто, где?

— Так, гужуюсь помаленьку... и неспешно.

— А я в нефтяном, завкафедрой. Как ты меня тогда угомонил! Знаешь, я после этого бросил бокс, и спасибо тебе. Защитился. Чем раньше уйдешь, тем больше успеешь.

— Ты тоже не очень интеллигентно по моему фейсу прошелся, обе брови мне снес. У меня веки, как гроздь, висели. — Николай окончательно вспомнил Рустама.

Это были Всесоюзные соревнования на первенство Центрального совета «Динамо». Николай приехал в Баку в отличной форме, в ранге кандидата в сборную страны.

— Пойдем отметим, — сказал Рустам.

Перед самой посадкой на теплоход им выдали талоны с печатью — картонные внутренние деньги, которыми можно было расплачиваться в буфете.

К обеду они еле стояли на ногах, но по-прежнему методично подходили к буфетной стойке.

Всех туристов пригласили в главный зал, чтобы представить команду теплохода и сопровождающих круиз артистов. Бывшие соперники по рингу сидели у самой сцены и громко разговаривали; с лексикой у них было все в порядке.

За соседним столом разместился известный певец Александр Барыкин. С ним были крепкие парни, которых представили как группу поддержания общественного порядка. Барыкин подошел к Рустаму и вежливо попросил говорить не столь образно.

— Отдыхай, певун, — грубо ответил Рустам, поправляя очки.

Из-за соседнего столика молча поднялись шестеро амбалов. Николай поднял руки:

— Мужики, порядок... Нет вопросов, все под контролем... Отдыхаем. — Он обнял Рустама и силой усадил его.

Упали очки, Рустам и Николай безуспешно пытались их поднять, мешая друг другу. Зал начал смеяться. Наконец очки были водружены на штатное место, снова упали, но Рустам успел их поймать рукой.

Ведущий обратился к залу:

— Дорогие друзья, если среди вас есть желающие продемонстрировать свое мастерство или необычное умение — ждем!

Рустам, покачиваясь, пошел к сцене — с поднятой рукой, в которой держал очки.

— Здесь сидят два чемпиона в полутяжелом весе, правда, бывшие. Мой друг, чемпион Москвы, мастер спорта СССР Николай Лаптев, и я, чемпион Азербайджана, мастер спорта СССР. Ничего, что бывшие. Мастерство пропить нельзя. Если найдутся перчатки, бинты и приличное что-нибудь на ноги, мы устроим двухраундовый мастер-класс. — Все зашумели. — Благодарим за поддержку. Сегодня мы проводим тренировочный сбор, а завтра с утра на верхней палубе натягиваем канаты... Гонорар в пользу детей Сенегала.

Буфет работал до пяти утра. Наутро двух прилично одетых немолодых туристов в галстуках нашли на носу теплохода. К почти бездыханным телам обратился моряк в форме:

— Где ринг будем устанавливать?

— Спектакль отменяется ввиду погодных условий и слабо подготовленной тренировочной базы, — с трудом выговорил Николай.

Рустам не шевелился.

Но все же через два дня бой состоялся. Это было убогое зрелище. И хотя публика аплодировала, обоим было стыдно. Два несвежих мужика с неподвижными

ногами, упиравшимися в палубу, как циркули, изображали скорее пародию на бокс, чем бой чемпионов, хоть и бывших.

На следующий день Рустам подошел с худенькой, миловидной, совершенно седой женщиной армянской наружности. Она была вся в черном.

— Моя жена Гоар, — сказал Рустам, ласково посмотрев на супругу..

— Николай. Мы с Рустамом знакомы с далеких спортивных лет. Рустам покорила не только бакинских, но и московских девушек.

— Я знаю. — Женщина протянула руку, застенчиво улыбнулась.

Рустам тихо спросил:

— А ты почему один?

— Холостякую пока. — Николай ухмыльнулся. — Жену ищу. Сразу не получилось, а теперь, сам понимаешь, непростое это дело: возраст, опыт... Требования...

Гоар поклонилась и ушла.

— У нее в Карабахе всю семью... Безумие. В Баку столько семей смешанных... Как это могло случиться? Такая страна. Дружба народов.

— Еще не то будет. В Таджикистане вооруженные националистские формирования уже собираются.

— Бред. Русские научились бастурму готовить, армяне — борщ украинский, в Баку можно было клецки белорусские заказать. Неужели это все ненужным оказалось? Или рецепты спутали? — Рустам говорил негромко.

— Наверное, не только рецепты еды. Может, не тем путем шли, или, еще страшнее, не туда. — Николай ухмыльнулся.

— А может, неправильные ориентиры были? — Рустам удивленно поднял свои густые с проседью брови.

— Какие могут быть ориентиры в обществе, где павлики морозовы — герои, а изверги-исполнители —

элита. Где большинство говорит одно, делает другое, а думает третье. — Николай положил руку на плечо Рустама.

— Но так мы жили семьдесят лет, строили Магнитку и Днепрогэс, выпускали лучшие танки и первыми поднялись в космос. Разве этого не было?

— В том-то и парадокс... Гитлер — чудовищное зло, но он объявил своих врагов, искал их и методично уничтожал индустриальным способом. А что делал Владимир Ульянов? Истреблял российские мозги, элиту нации, ее культуру, экономику. Иосиф Джугашвили просто расстреливал и гноил миллионы, дабы остальные тряслись от страха, ходили с плакатами и благодарили Ирода, что сегодня их не зачислили во «врагов народа». Разве это секрет, что на следующее утро составители списков врагов сами становились ими? Разве надолго и серьезно можно что-то строить в этих условиях? Чуток громыхнуло, и рассыпалось все в одночасье, а на развалинах — беда, мой дорогой Рустамчик, чемпион Азербайджана в полутяжелом.

— Ты опасный человек, — Рустам беспокойно огляделся и покачал головой.

— Теперь уже не опасный. И ты, друг, ничего не бойся, не до нас нынче. Скоро все прозреют. Только *кто* и *как* исправлять будет? Не дай бог, из-за рубежа придут советники... Ты знаешь, сколько ночей я не спал, чтоб такое сказать!

— Как же ты с этим живешь, дорогой?

— Плохо живу, Рустамчик. А если честно, совсем не живу... Жду...

— Чего ждешь?

— Манны небесной, а может, часа последнего. — Николай отвернулся.

После позорного «боя чемпионов» путешествие окончательно перестало интересовать Николая. Он

дважды заходил в рубку и просил разрешения позвонить в Киев. Но связь не работала. Он часами стоял у борта, глядя на воду и чаек. Шум, выпивка, девочки из группы поддержки раздражали его. Он вспоминал постоянно слова лермонтовского Печорина: «излишняя веселость в обществе неприлична, а грусть — смешна». Но ничего не мог с собой поделать. По пляжу Ларнаки он ходил одетый, отбивая ногой пластмассовые бутылки. Море ему казалось грязным, и лезть в воду не хотелось. Рустам появлялся на палубе с детьми и несколько раз приглашал Николая на семейное чаепитие, но после трех вежливых отказов просто здоровался.

Египетские пирамиды в натуральную величину казались Николаю грудой каменных блоков, а знаменитый александрийский базар с его запахами и шумом он покинул через полчаса. «Какое варварство! На сетках сидели курицы с отрубленными ногами... Азия». Если бы можно было вернуться, не дожидаясь окончания круиза, он непременно это сделал бы. В Константинополе он истратил всю валюту на золотые украшения для Наталии.

Мысль, что с Наталией все кончено, сверлила мозг. С этой мыслью он тяжело засыпал и с трудом вставал, пропуская завтрак. В буфет он заходил после обеда, после ужина и еще перед сном — уже в усиленном варианте. Он ненавидел себя за то, что не отказался от круиза.

24

Из Одессы он сразу поехал в Шостку. Вечером Наталия впорхнула к нему в квартиру.

— Ну слава богу, с сыном оказалась ложная тревога. Просто затяжная простуда. Парень растет. Иммуни-тет ослаблен. Ты почему не звонил?

— Я пытался. Не удалось, связь плохая. — Николай не мог сдержать эмоций. — Соскучился. Больше без тебя — никуда.

— Изменял мне?

— Только сумасшедший может смотреть на других женщин после тебя... Весь круиз я одну мысль думал.

Наталья надела привезенные Николаем серьги в виде больших колец и крутилась перед зеркалом.

— Давай твой день рождения отметим вдвоем в «Национале». Я номер сниму, а вечером — в ресторане. Ты бабам нервы будешь трепать, а я какому-нибудь ретивому в хавальник вмажу... если пригласит тебя танцевать или позволит какую-нибудь бестактность.

— А что мне надеть?

— Купим все новое. Я места знаю, где красавиц одевают, а потом... раздевают.

— Нахал. У тебя одно на уме.

— Неправда — два.

Они решили вместе ехать в Москву. Наталья светилась.

...Проводница показала на третье купе. Николай дернул за ручку. На нижней полке сидел небритый мужчина, с красным лицом, в тельняшке без рукавов, грудь и руки сплошь покрыты татуировкой. На столике — грязная газета, на ней откусанные головы кильки, хлеб и бутылка водки. Содержимого в ней было на самом доньшке.

Мужчина, не поднимая глаз, спокойно изрек, ковыряя алюминиевой вилкой в зубах.

— Валите отсюда. Праздник у меня.

— Это кто там возникает на моем пути? — Николай повернулся к проводнице.

— Больше местов вдвоем нет, — ответила та испуганно.

— Лады. Барышни, вы там в коридорчике пошепчи-

тешь. Надо с уважением. Корефана встретил. — Николай резко задвинул за собой дверь.

Сидевший молча взял бутылку, поболтал, запрокинул голову, вылил в горло остатки и неожиданно резким движением сделал «розочку» о край стола. Также молча Николай правым прямым всадил попутчику в лоб. Тот ткнулся затылком в стенку и выронил «розочку». Николай двумя руками обхватил несчастного за голову и шмякнул лицом о металлический кант столика. Что-то хряснуло. Мужчина закрыл ладонями лицо и промямлил:

— Приходи, живи всей семьей.

— Слушай внимательно, корефан мутный. Шевельнешься до утра, бейцы¹ на колеса намотаю.

«Корефан» удивленно посмотрел на ладони, они были в крови. Лицо его превращалось в сплошную гематому.

Николай выглянул в коридор и протянул Наталии полотенце:

— Быстро в туалет. Намочи холодной водой.

Спустя пару минут в купе вместе с Наталией вошла проводница.

— За что его так, родимого?!

— Да у него флюс, зубы болят, — Николай положил на лицо раненому мокрое полотенце. — Слухай сюда, чудо вагонное. Я тебя ласково. А могу еще теплее.

— Ты кто? — донеслось из-под полотенца.

— Дед Пихто, х... с горы, мохнатый. Вафельку возмешь за щечку?² Отдыхай. Утром ливер твой смотреть будем, лепило³ свой, в соседнем вагоне едет.

— Все понял, хозяин.

— Ну и лады.

Наталия, прижав руки к груди, дрожала.

¹ Мужские яички (*блатн.*).

² Грязное, унижающее собеседника предложение (*блатн.*).

³ Врач (*блатн.*).

— Я боюсь, Коля...

— А нынче кто не боится? Вон сосед наш гостеприимный тоже труханул малость, а сейчас успокоился... — Николай закинул сумку наверх. — Мать, залезай на верхнюю и отдыхай. У нас дел-то поутру навалом. — Он повернулся к Наталии. — Алика мыть¹ будем.

Николай лежал на средней полке. Он еще не успокоился. «Какие времена! Без райкома вопросы можно решать. Демократия».

Ночью никто не спал. Нижний кряхтел и негромко стонал. Когда поезд стал замедлять скорость перед Москвой, Николай спрыгнул с полки и зажег свет. Несчастный лежал на спине. Смятое полотенце, все в бурых пятнах, валялось на полу. Вместо лица у «тельняшки» была сплошная багрово-фиолетовая маска.

— Хозяин, мне встать можно? На парашу хочу.

— Не суетись. Вот выйдем, и ты потянешься, а ополся в вокзале ослобонишься.

Маска затихла. Николай смахнул полотенцем стеклянные осколки под стол и помог спуститься Наталии.

Когда они вышли на перрон, он посмотрел по сторонам и тихо сказал:

— Пойдем по платформе в другую сторону. Бережного бог бережет!

— Что ты говорил, я ничего не поняла. Какого Алика мыть?

— Я сказал по-родному, что у тебя детки малые, гостинец возем, а нашему соседу по купе посоветовал за гигиеной следить.

— Неправда. Ты ему что-то нехорошее сказал.

— Но ведь понял и успокоился. Точный перевод трудно сделать, но приблизительно я тебе правильно объяснил.

— Откуда ты это все знаешь?

¹ Обокрасть пьяного (*блатн.*).

— Детство легкомысленное и шустрое было.

Дома Наталия молчала. Они поужинали. Когда дело подошло ко сну, Николай обнял подругу, явно демонстрируя свои намерения. Она не ответила на его призыв.

— Ну, что случилось, солнце мое?

— Ты его так жестоко... Почему люди так ненавидят друг друга?

— Жизнь такая, какая есть. Будешь слюни пускать, не только в купе, в дом родной не попадешь.

Всю ночь она прижималась к нему, уткнувшись в его плечо, и вздрагивала. Николай спал беспокойно, периодически всхрапывал, просыпался и целовал Наталию в мокрые глаза. Утром он положил ее голову к себе на грудь.

— Ну, успокойся. Все позади.

— Прости, я такая холодная была. Теперь мне уже не страшно. Обними меня.

— Ну что ты, любовь моя. Я же не мальчик. На вечер сил больше останется. У нас сегодня важное дело — новогоднюю обновку пойдем покупать самой красивой женщине двух братских славянских народов.

Николай повел Наталию в ГУМ.

— За «стендалем» на второй этаж поднимемся.

— В каком смысле? — Наталия взяла его под руку.

— Купим тебе платья, красное и черное.

Наталия долго мерила и выбрала длинное закрытое бордовое платье с разрезом почти до талии и короткое черное, до самого «выше нельзя».

— Как насчет того, что «под»? — улыбнувшись, спросил Николай.

— А «под» мне ничего не надо, — с вызовом сказала Наталия. — Ты же сам говорил, что мне только пара лоскутков нужна. И то только из эколого-гигиенических соображений.

Когда Наталия, с высоко поднятой головой и прямой спиной, проходила мимо столиков в «Национале» и ее талия, бедра, грудь двигались одновременно и независимо друг от друга, представители обоих полов сопровождали широкий шаг красавицы восхищенными взглядами.

Они сидели у самого окна. Виден был Кремль. Николай положил на стол красную бархатную коробочку, в которой были кольцо, кулон и серьги с приличными «брюликами». Заиграла музыка. От углового стола, за которым расположилась серьезная компания плотных молодых людей с короткой стрижкой, отделился мужчина в темных очках и в светлом костюме. Он подошел к их столику и снял очки. Николай узнал Сергея.

— Привет, Колян! Видишь, времена поменялись, мне не стыдно твою подругу пригласить. Можно?

— Ее спроси.

— Она согласна, я кадыком чую.

— Ну тогда пляшите.

Все смотрели только на Наталию, она выдавала такой рок... Когда музыка стихла, Сергей галантно подвел даму, пододвинул ей стул, поклонился. Потом сел рядом с Николаем.

— На ловца и зверь бежит. Ты ведь с химическими заводами дело имел, начальство знаешь. Нам лабораторию одну надо по-тихому сварганить на каком-нибудь «ящике», чтоб кое-кому дотянуться трудно было. Никто в обиде не будет. В долю войдешь. Пошукай. Я через месячишко проявлюсь, обмозгуем. Там крупняк, совсем крупняк. Я отвечаю!

Сергей картинно поцеловал руку Наталии и вальяжно зашагал к браткам.

25

Николай уже давно решил для себя, что надо просто жить, точнее доживать, сколь бог даст. Радоваться природе, музыке, простым человеческим событиям. Его время — политическое, научное — ушло навсегда. Как когда-то — спорт! Газеты и журналы он читал только по бизнесу, телевизор включал, когда шли спортивные репортажи или передавали музыкальную классику.

Наталия третий день гостила в Москве. В доме порядок, в холодильнике украинский борщ, его любимое трехслойное сало.

В ночь на 19 августа 1991 года Николаю не спалось. Встал — еще темень была. Принял душ, побрился, потом вернулся в спальню, укрыл Наталию одеялом с головой, как она любила. На кухне долго читал любимый «Гранатовый браслет» Куприна. Когда стало совсем светло, включил телевизор. Страна узнала, что первое лицо государства по состоянию здоровья не может осуществлять президентские обязанности. За длинным столом сидели шесть человек. В центре вице-президент Янаев, с трясущимися руками, зачитывал обращение к нации. Бронетехника Таманской, Кантемировской и Тульской дивизий скребла московский асфальт.

Протирая заспанные глаза, в столовую вошла обнаженная Наталия.

— Что там случилось?

— Серьезные мужи в коммунистическое недалече опять взад зовут.

— С тобой — куда скажешь, дорогой: назад, вбок, вниз... — Наталия чмокнула его в нос и пошла в ванную. — Меня только не забудь взять, с сыном.

Три дня они не выходили из дома, пока в холодильнике не пришла пора казнить мышь.

После форосского спектакля привезли Горбачева, и страна стала готовиться к Беловежской вечере.

Великая империя, просуществовав от 25 октября 1917 года по старому стилю по 8 декабря 1991 года по новому стилю, порушив храмы, человеческое достоинство и веру в справедливость, приказала долго жить. На территории «дружбы народов», где, казалось, вечно будет править ЦК КПСС, появилась дюжина президентов и будущих эмиров.

— Ну вот, теперь ты — Мата Хари: в постели, от профессора, с которого никто не снимал форму секретности, выведываешь государственные тайны.

— А кто такая Мата Хари?

— Великая шпионка Первой мировой войны. Красавица, умница, танцовщица, наконец! Работала на несколько стран. Когда ее разоблачили и приговорили к расстрелу, солдаты, потрясенные красотой и мужеством разведчицы, целились мимо... Ведь мы с тобой нынче иностранцы, вступившие в нелегальные, в том числе, сексуальные отношения...

— Все поняла, под этим соусом ты, как всегда, решил смотаться. Наконец нашел повод. Так и скажи.

— Да нет, я серьезно!.. Вот это поворот... Что дальше-то будет?!

— А дальше ты женишься на мне, и мы заживем счастливо. Я буду тебе украинский борщ варить, с чесночком. И рожать, рожать... Красавиц и красавцев!

26

...Две недели пролетели. Ирина уехала домой. Прощаясь, они делали вид, что все нормально. Флирт окончен, можно поблагодарить друг друга за маленький спектакль, который они отменно сыграли. Вот только на сердце было неспокойно.

Жизнь входила в обычную колею. Несколько раз Николай порывался связаться с Ириной, но сам себя останавливал: «Зачем, пустое это...»

Время шло. Дела в кооперативе, который давно стал Обществом с ограниченной ответственностью, сокращенно — ООО, шли полным ходом. Мир с ужасом ждал сбоя компьютерных сетей, которые, по заявлениям некоторых малосведущих, но ретивых спецов, могли не перенести переход через «нули». Но, слава богу, все обошлось, и первый день третьего тысячелетия ничем не отличался от последнего дня второго тысячелетия.

Николай обзавелся охраной и серебристым «ягуаром». Фирма выполняла миллионные заказы. Его включали в разные рейтинги наиболее влиятельных бизнесменов. Однажды секретарша принесла сборник «Кто правит Россией», там был указан и Лаптев Николай Григорьевич.

Теперь он жил за городом. На втором этаже трехэтажного дома, обнесенного высоченным кирпичным забором, — огромный музыкальный зал. По вечерам звучали его любимые оперные арии и русские народные песни.

На очередную годовщину фирмы Николай пригласил на обед к себе домой руководство. Пришли одиннадцать пар. Он заказал еду во вновь открывшемся ресторане русской кухни.

— Родимую нужно закусывать, а не запивать, тогда послевкусие достойное, — хозяин аккуратно налил из запотевшего штофа в рюмку сидящей рядом Лидии Моисеевне, финансовому директору. — Когда я из спорта ушел, один заслуженный генерал учил меня, как правильно русскую трапезу начинать. Сначала надо щепотку квашеной капусты с клюквой или брусникой пожевать. Потом медленно, с удовольствием выпить

рюмку холодненькой, закусить селедочкой с кружком репчатого лука без хлеба. Сразу настроение и обстановка будут благожелательные. Проверено опытом.

После монолога хозяина все выпили, и сразу застолье заладилась. Раскрасневшихся гостей хозяин пригласил в музыкальный зал. Он заранее отобрал свои любимые оперные арии. Целый час звучали голоса знаменитых вокалистов. Каждую арию Николай сопровождал небольшим комментарием. Увидев на лице главбуха вежливое утомление, Николай поднял руку:

— Друзья, сами будем петь. Я, на правах хозяина, начну:

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда идти теперь солдату,
Кому нести печаль свою...*

Кто знал слова, подпевали.

Разъехались далеко за полночь. Николай «добавил» и заснул не раздеваясь на диване в музыкальном зале, свернувшись калачом. Ему вновь приснилась женщина-комета с зелено-синими глазами. Она протягивала к нему руки, словно прося о помощи. В шесть утра он позвонил дежурному и сказал, чтобы пару дней его не беспокоили и что машина ему будет не нужна. Вызвал такси, оделся по-походному и поехал на Киевский вокзал. Он купил оба места в купе спального вагона. До отхода скорого поезда на Чернигов оставалось два часа. Николай прогуливался вдоль набережной.

Голова была тяжелая. Он облокотился на парапет и закрыл глаза. Внезапно появилось заплаканное лицо Наталии, она что-то говорила, размахивая руками. Николай открыл глаза. «Стоп. Это мы проехали».

На прогулку по Москве-реке стояла вдоль парапета длинная очередь парочек разных возрастов и мест обитания. У одного мужчины на плечах сидела малышка с

белокурыми кудряшками. Она уцепилась за уши отца и с любопытством вертела мордашкой. Рядом стоял мальчик лет восьми, он степенно держал маму за руку. Николаю так захотелось подержать на руках эту кудрявую куклу. Мучала жажда.

Всю дорогу под стук колес он дремал.

Сидевшая на входе в филармонию бабуля, в телогрейке, в высоких шерстяных носках и галошах, с прищуром посмотрела на незнакомца:

— Ирина Анатольевна Богородская не работает уже год как. В Москву уехала. У нее сестра вроде хворает.

Николай вернулся на вокзал, взял билет на знакомый поезд номер пятьдесят восемь, который прибывает на станцию Воронежская в половине двенадцатого ночи. «А оттуда до Шостки шестнадцать верст — рукой подать».

На привокзальной площади его встретил знакомый адвокат с отбитыми фалангами, только теперь оградки не было. И стало быть, простой люд теперь мог поставить бутылку на постамент. Лужа, слава богу, не высохла. Кольнуло в сердце. «Может, не надо? Дай бог, у Наталии с мужем восстановилось. Или за достойного вышла, парня с девкой родила, как обещала. Зачем ей алкаш старый нужен?!» Под ключицей заныло. «Ну вот, приехали. Жаба грудная на постой запросилась».

Ноги шли по знакомой площади сами.

— Слушай, отец, здесь недалеко такой город, Новгород-Северский. Знаешь, как ехать? — Николай заглянул в кабину старенького «Москвича».

— Ну, знаю.

— Там перед городом холм большой есть. Ярославна по князю Игорю на нем плакала. Слышал про это предание?

— Так давно это было, я еще в ясли ходил. Ярославна, чай, тебе не теща?

— Двоюродная по соседу. — Николай сурово посмотрел на водителя.

— А сколько денег дашь? Дорога совсем разбита. А оттуда куда?

— Никуда... Там и заночуем. Сколько хочешь?

— Дядя, ты не больной? У меня двое малых.

— Не дергайся, вперед заплачу. В обиде не будешь.

Ехали медленно. Когда показался знакомый переезд со шлагбаумом, Николай спросил:

— Слушай, братан, а сейчас нельзя водки или горилки достать?

— У меня всегда припас для солидного клиента.

Проехали мимо дома Наталии. Одно окно светилось.

— Притормози и давай свое лекарство. — Николай отхлебнул из бутылки и понюхал рукав. — Под мануфактурку, что ли? Знаешь такую закусь?

— А то! Хошь хлеба с салом?

— Можно, сейчас самое оно.

Когда они добрались до места, уже светало.

Николай забрался на холм высотой метров пятнадцать. «Неужели здесь тысячу лет назад Ярославна плакала по своему любимому?! А кто будет плакать по нему?» В ботинках хлюпало, мокрые штанины прилипали к ногам. Он снял куртку и положил ее на траву, сел. «У всех дети; кому повезло — Лизавета. А кому — родимая!»

В бутылке еще оставалось. Низкие тяжелые тучи закрывали рассветное небо. Он допил остатки водки и бросил пустую бутылку с холма.

27

По обыкновению, в субботу Николай просматривал накопившиеся за неделю несрочные бумаги и засиделся на работе. Вошла секретарша и спросила разрешения уйти:

— Приглашение от детского дома. На праздник зовут «папу Колю». Целый альбом рисунков прислали... Ваше интервью в «Коммерсанте» будет, на целую полосу. В пятницу опубликуют... Только что звонила врач из Онкоцентра на Каширке и просила срочно связаться. Вот телефон. — Она протянула листок. — Ее зовут Ираида Федоровна.

— Опять в меценатство зовут. Срочно не срочно, а помогать надо. Это святое.

Николай набрал номер. Ответил мягкий женский голос:

— Я звонила вам по поручению Наталии Жильцовой.

— Что случилось?

— Приезжайте, дело дней.

— Сейчас можно? — у Николая заколотилось сердце.

— На вас круглосуточный пропуск.

Николай вошел в палату. Одна койка была пуста, на второй лежало *что-то*, похожее на Наталию.

Он подошел ближе и сел на стоящий рядом стул. Наталия открыла глаза.

— Не хотел ты меня брать в Москву. Сама приехала и все сделала, как ты учил. Хотела тебе доказать. Ты все боялся, что молода я для тебя... — Из глаз ее показались слезы. — Прости меня, продала я твой подарок, — она часто задышала. — Когда в Москву приехала с сыном, поначалу тяжело было... — Наталия протянула руку, ладонь была влажная.

Николай вспомнил, как однажды она сказала, что линия жизни у нее коротковата.

— ...Мое сердце не хотел брать, свое мне отдай, с собой возьму. А тело кому хочешь... не могу больше говорить... завтра приди... сына... — Наталия закрыла глаза.

Николай поцеловал дорогую ладошку, уложил неве-

сомую руку поверх одеяла и встал. Его трясло, холодный пот прошиб все тело.

На улице он подошел к дереву и, ткнувшись в него лбом, зарыдал. Нечем было дышать. В горле стоял комок. «Гаденыш я, паскуда последняя!»

Всю ночь Николай ходил по дому. Который раз он доставал бутылку водки и снова ставил в холодильник. Во рту было противно. Тошнило. Не хотелось ничего. Ему никогда в жизни не было так плохо. «Наверное, так расстается душа с телом».

К утру тошнота прошла. Николай налил полный фужер водки. Потом поставил четвертый акт «Бориса Годунова» и включил музыкальную систему на полную мощность. От погребального колокольного звона, который заполнил весь дом, содрогались окна. Николай выпил подряд два полных фужера. Сознание затуманилось: «Прости меня, солнышко мое, счастье мое потерянное... Я во всем виноват... Жди меня... »

Только когда вспомнился обрыв под крепостной стеной в Пиране, он задремал в кресле у камина. Вдруг он увидел, что солнце резко ушло за горизонт, разверзлась морская гладь и за окном появилась огромная черная птица с вращающимися, как у осьминога, зелено-синими глазами-окулярами. Птица разбила окно и, хлопая крыльями, подлетела к Николаю. Она обхватила его мохнатыми лапами с мощными когтями, которые стали сдирать кожу на спине. Потом чудище с криком вонзило клюв ему в грудь и стало высасывать кровь. Николай чувствовал, что жизнь покидает его, он держал птицу за лапы, пытаясь оторвать их от себя, но силы были на исходе. Птица отпрянула, выдернув из его груди окровавленный клюв, и, превратившись в старуху в чепце, из «Пиковой дамы», хриплым меццо-сопрано пропела: «Я твоя судьба, ты трус... Трус!» Николай, пытаясь понять, наяву ли это, провел рукой по

лбу и шее. Он ощутил липкий пот. Дурнота распространилась по телу. Неожиданно показалось зеленое лицо Наталии, она шептала: «Родной, не бросай меня, спаси от этой старухи». Николай чувствовал, что сердце его останавливается. «Неужели это конец?» Он открыл глаза и потянулся к бутылке; она была пуста. Николаю показалось, что Сергей грозит ему пальцем.

В девять утра, с огромным букетом белых роз и с пакетами свежих фруктов, которые он купил на рынке, Николай шел по длинному больничному коридору. Дверь в палату была приоткрыта. Нянечка убирала белье с кровати Наталии.

— Когда это случилось? Она что-нибудь сказала?

— «Скажи...» — боле не поняла. Только увезли. Ты кто ей будешь?

— Дядя! — Николая начало трясти.

— Родной, что ли? — Нянечка внимательно вгляделась в него.

— Совсем родной. Только приехал...

Николай положил цветы и пакеты на кровать, вынул крупную купюру и протянул нянечке:

— Возьми себе все и помолись за упокой Наталии... Не дождалась, моя хорошая.

Он отвернулся. Озноб прошел по всему телу. Опять стало подташнивать и загорелось под левой ключицей. Николай сел на край кровати и обхватил голову руками.

— Воды принеси... Плохо мне... Зачем ушла без меня, где ты теперь, мое солнышко... Холодно ей, и меня знобит... — Не стесняясь, он зарыдал.

На похоронах Николай впервые увидел ее мужа и сына. Подошел к худенькому пареньку, очень похожему на мать, и молча протянул пакет. Там было пятьдесят тысяч долларов.

До конца недели Николай не ходил на работу и крепко прикладывался. Утром в субботу он встал рано, побрился. «Хватит слюни пускать. Решать надо».

Позвонил Хлопынину:

— Есть разговор.

Николай привел его на фирму в понедельник к девяти утра и представил коллективу как владельца и гендиректора. Весь день они сидели в директорском кабинете, даже не пошли на обед. Вечером Николай обнял Хлопынина:

— Теперь вперед, друже.

Николай вышел на улицу. Накрапывал дождь. «Это к счастью». Он отпустил водителя, сам сел в «Ягуар» и поехал в Староконюшенный.

Дверь открыла Ирина. Она была в знакомом кимоно.

— Щи крестьянские серые в печке сварить сумеешь? — Николай обеими ладонями обхватил ее голову.

— Мама моя рассказывала, как...

— Ладно, потом расскажешь... Выходи за меня!

— Прямо сейчас, здесь, на лестнице? Может, войдешь, на колени встанешь, попросишь руки и сердца, а я откажу!

— Попробуй отказать!

— А отношения будут демократические, партнерские?

— Никакой демократии! Спать только со мной. Полный домострой! Жить будем в деревне. Меня ублажать будешь без отлынивания, а в перерывах петь романсы и песни из репертуара Сергея Яковлевича и Клавдии Ивановны!

— А подумать можно?

— Думать буду я. У тебя никаких прав, одни обязанности. Разрешаю обсудить один пункт брачно-

го контракта: «Ночевка на сеновале с обязательной музыкально-сексуальной программой еженедельно или раз в две недели». Остальное все согласовано со стариком!

— Какой еще старик?

— Ох, как трудно с вами, артистами. Старик подрабатывает в ЗАГСе Гименеем. Консультирует особо уважаемых персон. Вопросы потом. Теперь по делу. — Николай встал. — Сестра дома?

— Экзамены принимает.

— Ну, мне экзамен уже принимать не надо. Я лучше анекдот расскажу: «Встречаются два холостяка — Веселый и Хмурый. Веселый спрашивает у Хмурого: “Ты чего такой невеселый?” Тот потупился: “Да, понимаешь, приведу барышню домой, говорю, давай, мол. А она ни в какую”. Веселый говорит: “Ну кто ж так сразу?! Надо по-культурному. Про книгу или писателя спросить”. На следующий день Хмурый приводит барышню: “Пушкина читала?” Та отвечает: “Нет”. — “Ну ложись, потом прочтешь!”»

— Так я еще контракт не видела!

— Потом посмотришь! А сейчас сообщаю — свадебное путешествие в Словению. С утра семейное чтение Вильяма нашего Шекспира.

— Если «Ромео и Джульетта», то не подходит, обоим поздновато.

— Нет! «Укрощение строптивой», в жестком варианте.

29

В Словении они повторили точь-в-точь маршрут, который Николай проделал уже с Наталией. Поднимаясь по трапу, Николай посмотрел на горы, покрытые снегом.

Как была счастлива Наталия, когда они перед отле-

том сидели в открытом кафе аэропорта «Брник». Она улыбалась солнцу, горам, взлетающим и садившимся самолетам, шутила, ласково называла его «глупым папулей, который фору даст пятерым молодым донжуанам». «До чего ж ты хороша, — сказал тогда Николай, восхищаясь этим совершенством. — Ты мое солнышко». Наталия вдруг стала серьезной: «А ты еще раз привезешь меня сюда, пока мы вместе?.. Дурачина ты, почему не берешь меня в жены? Ведь не найдешь лучше, и любить тебя никто так не будет!..» — «Конечно, привезу, родная», — ответил тогда Николай и поднял стакан с тройной дозой «Вильямовки».

Опять загорелось под левой ключицей, и стала немать левая рука. Нагнувшись у проема, Николай загадочно улыбнулся стюардессе:

— *Добр дан.*

С Ириной они уселись в третьем ряду бизнес-класса. Когда Николай стал укладывать сумку в багажник над головой, сидевший впереди седой мужчина обернулся. Это был экс-министр. Они улыбнулись друг другу. Николай нагнулся к Ирине:

— Извини, я встретил человека, который повернул мою судьбу. Без него и наша с тобой встреча не состоялась бы. Я подойду? — Николай прошел по проходу. — Андрей Федорович, узнали своего подопечного?

— Узнал, конечно, Лаптев Николай Григорьевич. Не вооружен, но очень опасен. — Экс-министр встал, у него по-прежнему было крепкое рукопожатие. — Я эту историю с нокаутом военнослужащих при исполнении на Президиуме Совмина рассказал. Не поверили. Просили живьем такого ухаря показать... Один министр серьезно сказал, что такой полезный опыт надо распространять для преодоления бюрократических препон и ввести при министрах, даже официально, соответствующую должность, с особыми правами для ре-

шения нерешаемых нормальным путем вопросов. Почти у всех были даже кандидаты!.. Какими судьбами?

— С супругой погостили в Словении. — Николай кивнул в сторону Ирины.

— Я раньше тоже сюда с женой ездил. Она «Рогашку Слатину» и открыла. Здесь лучшая магниевая вода, чистит весь организм. Очень удобно, врачи по-русски говорят... А сейчас — по привычке: поздно что-либо менять. Хошь не хошь — четырежды дед. Если успею, прадедом стану... Где сейчас обитаете?

— Бизнес. Сколько вас с благодарностью вспоминаю! Как страну по вашему заданию проехал. Без этого моего дела не было бы... Здесь свободно?

— Садись, потрепемся. Есть чего вспомнить! У меня «Вильямовка» — лучше любого коньяка. Давай за встречу... БАСа помянем... Это он тебя подтолкнул. Великий человек, государственный с большой буквы, сейчас таких уж нет.

Всю дорогу они проговорили. Когда подлетали к Москве, экс-министр посмотрел в иллюминатор и тихо сказал:

— Просрали Союз. А ведь был референдум, и Горбачев мог применить силу. Так-то, бизнесмен Лаптев Николай Григорьевич... А жить надо все равно, хотя... Разве это жизнь? Мальчишки-лаборанты командуют... Нынче, как памперсы снял, так сразу и в министры. Я три года у ректификационной колонны аппаратчиком стоял, потом мастером-технологом был, цехом командовал. Главным инженером комбината в тридцать девять лет поставили, самым молодым в отрасли был. А из директоров меня сам Косыгин позвал, мне уж тогда пятьдесят два стукнуло. Одиннадцать лет министром не за деньги служил... Ты не поверишь, а у меня ведь и дачи нет... Рад был встрече. Будет совсем невмоготу, в сторожа к тебе попрошусь. Возьмешь?

30

Двадцать восьмого августа 2002 года к воротам Хованского кладбища подъехал серебристый джип «ниссан-патрол». Шел дождь.

В машине сидели двое — высокий немолодой мужчина спортивного телосложения и красивая загорелая женщина с тугим пучком черных волос.

Мужчина вышел из автомобиля:

— С главным агрономом вчера поговорили на высоких. Малость я переборщил. Он мужик приличный, дело знает, но с характером. Не прав я! Прошу тебя, позвони его жене, пригласи по-доброму на обед, — сказал мужчина, захлопнув дверцу.

Он прошел по аллее между могил и остановился у потерявшего форму, заросшего сорной травой холмика, на котором лежала железная табличка с размытой надписью:

<p>Н. М. Жильцова 1971/23.05 — 2001/28.08</p>

Мужчина поправил табличку, постоял молча, глаза его заблестели. Окликнул проезжающего мимо на грузовом мотороллере рабочего.

— Служивый, можешь прямо сейчас холм привести в порядок и табличку новую справить?

— Не вопрос! — Рабочий выключил мотор.

— Где памятники заказывают? — Мужчина протянул ему две купюры по тысяче рублей.

— На входе указатель «Гранитные работы». Через час все в ажуре будет, хозяин.

Мужчина вышел из кладбищенских ворот и рукой показал женщине, сидевшей в джипе, на вывеску «Гра-

нитные и мраморные работы». Она понимающе кивнула и, запрокинув голову, зажмурила глаза.

Он открыл тяжелую, обитую железом дверь в одноэтажное кирпичное здание с решетками на окнах. За конторкой, в круглых старомодных очках, к дужкам которых была привязана резинка, сидел старик с обветренным, в склеротических жилках, лицом и редким пушком, обрамлявшим лысину.

— Такую дверь открыть — не один год тренироваться надо. — Мужчина осмотрел помещение.

— А вы хотите, чтоб на тот свет без труда пропуск выписывали? *Туда* уходить и *сюда* появляться в страданиях и трудах заказано. Иначе связь времен порвется... Кажется, так классик напутствовал... Чем могу порадовать или просто поговорить за философию жизни? — Старик поднял очки на лоб, привстал согнувшись и показал вошедшему на стул.

— Я хочу заказать достойный памятник.

— И во что оценивается с легкой руки это достоинство?

— Ну, скажем, тысяч сто американских рублей, наличными.

— Это уже разговор по нужному адресу. И позволю себе напомнить, что вы пришли вовремя, ведь я еще хожу своими ногами. Здесь есть настоящие мастера своего... простите, нашего дела. Сейчас позову, как говорили в добрые времена у нас в Одессе, специалиста по первому разряду.

Старик скрылся за боковой дверью. Мужчина стал рассматривать висевшие на стене фотографии памятников и надгробий.

Скоро старик вернулся с худощавым, средних лет, мастером. Тот был в пыльном комбинезоне, вокруг его шеи был повязан большой цветастый платок.

— Вот вам сразу и художник, и скульптор, и про-

сто приличный человек, а это сейчас... антиквариат, как ваза из пирамиды Хеопса. Прошу сделать ударение — в одном хрупком теле столько талантов.

— Я бы хотел предложить идею памятника, — Мужчина пожал руку мастеру.

— Это многое упрощает, конечно. Но сначала надо отобрать камень под идею. — Мастер внимательно посмотрел на солидного заказчика.

— Идемте, уважаемый, — сказал старик.

Через боковую дверь втроем они вышли на задний двор, в несколько рядов заставленный каменными плитами и готовыми памятниками. Мужчина сразу подошел к трехметровой плите из розового мрамора, которая опиралась на кирпичный забор.

— ...Из Италии, будет подороже. — Старик встал с тыльной стороны плиты и кончиками пальцев почесал в затылке. — Деньги и художественный вкус теперь не ходят вместе. Вы, похоже, исключение.

— Значит, поторгуемся, — мужчина улыбнулся, — оформляйте заказ. Готов внести задаток.

— Приятно иметь дело с серьезным клиентом. — Старик засеменял кдвери, раскачиваясь, и по-клоунски расставляя носки.

— Сколько времени займет изготовление с установкой? — спросил мужчина, когда они вернулись в помещение.

— Около полугода, — ответил мастер.

— Нужно за три месяца, — твердо сказал мужчина.

— Договоримся, для солидных клиентов всегда есть варианты, — вмешался старик. — Если человек платит, мы работаем.

Николай достал фотографию смеющейся Наталии.

— Это не дочь и не жена. Я прав? — Мастер, прищурившись, изучал фото.

— Самый дорогой в моей жизни человек... Белый барельеф в овальном углублении на розовом фоне. Очень строго, как на камее. Надпись — только одно слово: «ЖДИ».

Старик попросил фотографию и, придерживая очки рукой, сказал задумчиво:

— Я уже давно на этой земле, но отдам всю прошлую жизнь за тот день, когда увижу, как вы положите розы этой красавице... Зачем спешить, туда еще никто не опоздал... Кто знает, удастся ли там встретиться? Там тоже свои порядки. Могут попросить на воротах свидетельство о браке.

— Она не жена мне. — Николай криво усмехнулся и внимательно посмотрел на старика. — Еще в советское время в Женеве я встретил одного немолодого одессита, часовых дел мастера. Не ваш брат? Вы очень похожи...

— Все евреи, кого этот импотент с черными усиками не погубил, теперь братья. А евреи с Одессы — так родные братья... Был такой писатель Исаак Бабель. Его сгубил Иосиф Джугашвили. Так этот инженер человеческих душ интересовался: «Почему Бог не поселил евреев в Швейцарии, где все говорят по-французки и чистый воздух?»

Старик достал платок, вытер лысину и продолжил:

— В Одессе меня мама Роза Исааковна родила, я ходил по Дерибасовской, как по своей квартире, семьдесят лет. Это был не просто город с памятником Ришелье и набережной, где круглый год можно познакомиться с красивыми женщинами и вообще с достойными людьми. Там договаривались настоящие мужчины, не только, заметьте, евреи. С ними не нужно было делать расписку, они давали слово и никогда не брали его обратно: ударили по рукам — и как в аптеке у Розенбау-

ма. А сейчас кому руку подать?.. Мы сделаем вам заказ по первому разряду... Простите за пикантный вопрос, можете не отвечать! Эта красавица не еврейка?

— Насколько я знаю, у нее смешанная кровь. Прадед из-под Мариуполя, думаю, был еврей, жена его — из сибирских казаков, успела уйти с детьми, когда немцы пришли. Его расстреляли. Дед по другой линии — из-под Харькова, военный был, погиб под Сталинградом, а женат был на польке...

— Вы думаете, я о евреях пекусь. Я против, чтоб евреи вместе собирались в Израиле. Не послушались умнейшего Эйнштейна, а он знал, что говорил. Тогда Сталин настоял, ему так хотелось семнадцатую республику из советских евреев сделать... Два года назад солидный человек, славянин, своей жене Доре Лазаревне памятник за почтенные деньги заказал. Пятьдесят четыре года прожили. У них пятеро детей — все людьми стали. Если Президент найдет время со мной встретиться, я помогу национальный вопрос решить с экономией для бюджета. При смешанных браках, как только первый ребенок родится, субсидию в миллион рублей выдавать. Через двадцать лет национальный вопрос похоронят на этом кладбище. Я, наверное, не доживу, а самое лучшее место у входа оставляю, его никто не займет! — Старик поднял указательный палец, огляделся и погрозил округе. — Это я обещаю!.. Скажу по совести, моя первая подружка была гречанка. Она меня ввела в курс дела. Нет ее уже на земле, а я помню ее голос и глаза. Мы любили море, а море любило нас. Ночью мы уплывали с ней далеко и ничего не боялись, потому что были вместе. А потом возвращались, выходили на берег и прятались от людских глаз. Она расплетала косы, и я спал на ее длинных черных волосах. Нам не нужны были одеколоны, потому что мы оба пахли жизнью и морем. А какие слова мы друг другу

говорили... Сейчас разве такие слова знают? Нынче по телевизору инструкции, как любить, дают. А мы смотрели на звезды и любили так, что Луна отворачивалась... Ее выдали за богатого, а у меня в кармане была фига... Мне за людей обидно. Без денег жить скучно, это арифметика, но нельзя, чтобы сначала деньги, а потом человек. Наоборот нужно, иначе связь времен порвется... Простите за назойливость, милейший, хочу спросить... — Старик смотрел на Николая поблекшими, слезящимися глазами. — Почему такой солидный мужчина в расцвете лет не оформил брачный союз с этой красавицей?

— Наверное, струсил, — Николай отвернулся и закрыл лицо ладонями. У него тряслись плечи. *Один* я здесь, понимаешь, старик, а она там *одна*. Предал я солнышко мое... И себя предал... Связь времен нарушил!

Старик пожал плечами.

31

Утром Ирина встала, причесалась, надела кимоно и вошла в кабинет. Муж спал одетым на диване, рядом на полу валялись пустая бутылка «Посольской» и фужер с отбитой ножкой.

Горел свет. На письменном столе лежали поэтические сборники и листок бумаги. Она прочитала строчки, написанные от руки:

*За счастье отчитаться, за грехи,
За правду повиниться и за ложь,
За чистый воздух и за ядовитый дождь.
За все, к чему касательство имел,
Причиной был и поводом к чему,
За все, чему учился, что сумел, —*

*Ответ держать мне одному...
Прости меня, прости...
Один остался я, совсем один,
А думал, что вдвоем.*

Ирина постояла у стола, без интереса полистала сборники, аккуратно сложила их в стопку, потом вышла из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

Когда час спустя она, с большим чемоданом, садилась в такси, в окне кабинета все еще горел почти невидимый на ярком солнце, бесполезный электрический свет. Она посмотрела на облака, улыбнулась и, закрыв глаза, захлопнула дверцу.

— Поехали вперед, — сказала уверенно Ирина водителю.

ДРАМАТУРГИЯ

КОЛЫМСКИЙ МЕРИДИАН

(СЦЕНАРНАЯ РАЗРАБОТКА)

Жанр — семейно-историческая мелодрама.

Формат — 12 серий.

Время действия — 30-50-е годы XX века;
на рубеже XX—XXI веков.

Место действия — Москва, Магадан, Колыма.

В *ОСНОВЕ* сюжета — драматическое переплетение судеб двух братьев по матери — Сергея Михалева и Николая Михайлова (в детстве Михалева). Это рассказ о времени, которое развело их, казалось бы, навсегда, а затем, спустя многие годы, соединило. И встретились они, уже состоявшимися и успешными взрослыми людьми, там же, где и расстались детьми.

Колыма — синоним неправедных репрессий и край, поражающий суровой северной красотой. Проклятое место, земля, хранящая в недрах и костях сотен тысяч невинных жертв, и неисчислимые богатства...

Повествование разбито на два пласта. В каждой из двенадцати серий действие переносится из

30-40-х годов XX века в более близкие нам девяностые. Подобное композиционное построение позволяет оттенить трагические судьбы главных героев на фоне сложного и переломного времени в жизни великой страны. Частная семейная история должна плавно вписываться в историю всего Колымского края, а история Колымы — в историю России наших дней.

В истории, относящейся к прошлому, мы пытались отказаться от использования черно-белого набора красок, разделения героев исключительно по принципу: палач — жертва. Подобная оценка людей, живших в столь трагический исторический период, выглядела бы излишне прямолинейной. Палачи становились в одночасье жертвами — и наоборот... Время такое было...

Каждой из двух параллельно разворачивающихся историй, связанных между собой по принципу «отцы — дети» непростыми судьбами героев, соответствует свой жанр, который, на наш взгляд, более ей подходит. Если ретро-часть решена в жанре семейно-исторической саги, в которой сюжетообразующим звеном является любовный треугольник (первое поколение), то в современной части включен приключенческо-детективный элемент, связанный с поисками самородной платины и столкновением героев (второе поколение) с местными старателями, занимающимися незаконными разработками россыпей драгоценного металла. Эти разработки ведутся «под крышей» местного криминального авторитета — вора в законе Кашалота, претендующего на роль нынешнего «Хозяина Колымы».

Немалое место в этой истории занимает разработка психологического облика героев, а также

соответствие их характеров и поступков своему времени и социальному статусу.

Надя, верующая женщина и неудавшаяся певица, тяжело переживает свою измену мужу и обусловленное временем вынужденное (во имя спасения) «предательство», совершенное по отношению к ней любимым и любящим мужчиной (комиссар Берзарин); об истинных мотивах этого «предательства» Надя не догадывается. В данном контексте ее смерть в финале не выглядит драматургической натяжкой, как, впрочем, и решение Берзарина принести в жертву свою любовь.

Внутренняя личная психологическая трагедия Нины Хохловой, ставшей под угрозой ареста и гибели жениха агентом НКВД, и ее уход в монастырь — драматургически вполне оправданный шаг. Мы хотели показать, что время сталинских репрессий было страшным не только для тех, кто физически страдал за колючей проволокой и погибал, становясь бессмысленной жертвой колымской людорезки. Но и тот, кто был по другую сторону «колючки», в любой момент мог надеть лагерную робу или получить пулю в затылок. Работала система, и законы человечности теряли смысл!

Нынешнее молодое поколение россиян (по сюжету — третье поколение), ставшее взрослым в наши дни, к счастью, живет по другим законам. И потому в описании портретов Андрея и Наташи подобный трагизм неуместен, а их отношения — просто флирт современных молодых людей, который, впрочем, может перерасти в нечто большее.

Открытый финал и забавные встречи главного героя (в начале и финале) с эстрадной звездой — дань дням нынешним — должны подчеркнуть кольцевую композицию нашей истории. Детями по-

кинув Колымский край, пройдя непростую жизнь, братья Сергей и Николай вновь туда возвращаются, чтобы что-то изменить, чтобы продолжить борьбу за справедливость и по мере сил улучшить жизнь колымчан. Финал должен оставить у зрителя веру в будущее и сюжетно оправданную надежду, что борьба с криминалом, начатая теперь уже взрослыми и влиятельными людьми, болеющими за судьбу России, приведет их к неминуемой победе, которая так нужна сегодня россиянам. Что все жертвы, которые понесла страна в угоду сталинской репрессивной мясорубке, — кровавый урок в назидание потомкам, и такое больше не повторится. Ведь «Колыма» — это не столько географическое, сколько социально-историческое понятие, боль и позор страны. Но, как сказал великий русский поэт Александр Твардовский, «нам никуда с тобой не деться от зрелой памяти своей». И хотя к Колыме в разные годы относились различные территории страны, находящиеся на Северо-Востоке азиатского материка, когда ее покидают, говорят «уехать на материк».

События в те страшные годы происходят в Магадане и на Колымской Трассе, вдоль которой располагались исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ). Колымская Трасса — позвоночник и главная артерия Планеты по имени Колыма.

Эта история призывает по-хозяйски взглянуть на удивительный регион России, зовет молодых и сильных не уезжать на «материк», а наоборот, осваивать несметные природные богатства Колымского края во имя будущего нашей Родины и жить полной и достойной жизнью.

Первая серия

Москва, современность.

Заместитель Министра северных территорий Сергей Владимирович Михалев возвращается из Торонто, где он возглавлял российскую правительственную делегацию на Международном форуме по комплексному освоению Севера.

Михалев — высокий, спортивного телосложения мужчина с седым ежиком и бугристыми надбровьями. Деформированный нос, мощная шея со складкой ниже затылка выдает в нем бывшего боксера. Он входит в салон первого класса, садится у окна иллюминатора и закрывает глаза. И в советское, и постсоветское время Михалев занимался северными территориями. Он хорошо знает проблему, которая в наши дни, в связи с оттоком населения с Дальнего Востока и интересом к спрятанным природой кладовым Севера, приобрела еще большее значение.

Голос Михалева за кадром.

...Дорога дальняя. Самое время подумать о личном будущем. Не первый раз Михалев возвращается к этой теме. Дача запущена, в квартире двадцать лет не было ремонта, жена давно перестала его «пилить». Это плохой признак! Внук — балбес, вечно встречается в какие-то истории. Родители сыном не занимаются. Странная у них семья, вечером вместе чай не пьют. Ну что ж, пришло другое время... Пора решать!.. Годики-ходики стучат...

В салон шумной группой входят артисты. Михалев узнал известную эстрадную певицу Надежду Минину. Красивая, стройная, холеная, в полупрозрачном платье. Она смотрит в упор на него. В ее взгляде: «Вы

что, не узнаете меня?» Михалев делает вид, что не узнал. Встретившись взглядом с красивой, ухоженной, привыкшей к всеобщему вниманию женщиной, он предлагает ей сесть рядом и демонстративно отворачивается к иллюминатору. Артистка садится в соседнее кресло. Остальные проходят в следующий салон. Один, с заросшим модной щетиной лицом и косичкой, остается в салоне, он садится сзади во второй ряд. «Я хочу к окну» — с вызовом и кокетливо говорит Минина. «К окну нельзя». — «Почему?» — «Сейчас объясню. Вы кто по профессии?» — спрашивает Михалев. Минина с негодованием выпаливает: «Певица». Михалев спокойно продолжает: «В опере поете?» — «Нет», — злобно отвечает Минина. «В оперетте, что ль?» — «Нет». — «Ну, стало быть, в церкви», — картинно вздыхает Михалев. «Я на эстраде выступаю», — артистка злится. «Это тоже можно. А что петь-то, нынче все шипят, и слов-то нормальных, кроме “ниже пояса”, нет». — «Я окончила Гнесинку». — «Поздравляю. Хоть один человек на эстраде с музыкальным образованием, а не только с красивым бедром будет». Михалев по-мужски оглядывает роскошную женщину и добавляет двусмысленно: «...И тональность соблюдать сможет, и “каши” во рту не будет... Крещендо от кантилены отличит... Ну, раз такое дело, я объясню, почему не могу пустить Вас к окну». — «Ну и почему же?» — Минина застегивает ремень, поворачивает голову и удивленно смотрит на соседа. «Вот, уважаемая, какое дело. Я профессор географии МГУ, ответственный за Северное полушарие. В Москве меня ждет коллега — ответственный за Южное. Мы с ним дважды в год согласовываем наши действия». — «В каком смысле?» — недоумевает артистка. «Вы в школе географию проходили, конечно?» — «Естественно», — глаза Мининой становятся кру-

глыми. «Значит, помните, что в сутках 24 часа, потому что двадцать четыре меридиана. Каждый меридиан — один час. Если через Гринвич проходит нулевой меридиан, а через Москву третий, значит, когда в Лондоне полночь, в Москве три часа ночи. Это знают все. Но, в силу тектонических сдвигов, меридианы смещаются и могут вообще перепутаться. Особенно из-за таяния ледников и отклонения магнитных полюсов. Поэтому раз в полгода я облетаю Северное полушарие и через тарированное оптико-волоконное устройство, которое приставляю к иллюминатору, смотрю на номера меридианов. Не сбились ли? Если сбились, специальная засекреченная международная команда ЮНЕСКО по точным координатам вылетает и закрепляет меридиан на старом месте или лазером ставит новое клеймо по географической координате, когда меридиан нельзя вернуть на свое место. После этого оповещаются все мировые службы времени по закрытому коду, чтобы злоумышленники не могли воспользоваться. А то нарушится расписание самолетов, работа заводов, фондовых бирж и черт знает что! Поэтому я не могу пустить вас к окну. Огромная ответственность. Таких людей на земле всего четыре — основной и дублирующий, по каждому полушарию». Артистка сидит, слушает эту галиматью, не шелохнувшись и непрерывно моргая. Неожиданно поднимается мужчина с косичкой. Он кладет руку на плечо Мининой и громко говорит, глядя на профессора географии: «Идем отсюда, я куплю тебе глобус с не дергающимися меридианами». Заметив женское внимание Мининой к немолодому, но интересному и, видимо, статусному мужчине, ее спутник явно недоволен.

Раннее утро в Нескучном саду. Михалев в спортивном костюме легко бежит по дорожке. Он здоровается

с соседом — профессором географии МГУ. Давнишние приятели по утрам обмениваются новостями. «Ну, как там недружественная нам Канада? Не будут менять направление Гольфстрима? Что говорят наши западные умники?» — «Пока нет, но скоро за Арктику, боюсь, не “холодная”, а настоящая война начнется», — смеется Михалев. «Кто опоздал, тот не сумел — закон джунглей! Я кучу статей написал. Арктика — это углеводородное спасение планеты, пока Луну или Марс не освоим. Подо льдами Ледовитого океана огромные запасы нефти, газа, редкоземельных металлов, вполне достаточные, чтобы ради них начинать военные действия. Правда, нужны новые подледные технологии, но это дело времени. Кто первый захватит Северные территории и разработает их — тот в “больших деньгах”, как говорят финансисты, будет. Третья мировая если начнется, так только из-за энергетического дефицита». — «Кто знает, как мир пойдет? В любом случае — это без меня». — Михалев машет рукой. «Я так понимаю, товарищ замминистра, решил на покой?» — «Уж заявление написал, перед Канадой». — «Смотри, от дел отойдешь — пробежки не помогут — научный факт! Таких, как ты, никакие клумбы, шпинат и морковь на огороде от инсульта не уберегут. Наоборот, все болячки проснутся». — «Я на латифундии годок понагибаюсь за петрушкой, а там к какому-нибудь делу пристроюсь, может, в бизнес пойду». — «Это не твое. Ты государственный, строитель. А там воровать надо — не сможешь! Один мой однокашник тоже решил. Так извини, — быстро свернулся», — профессор усмехается. «Я тут в самолете с одной эстрадной звездой летел: хороша. Так она на меня не клюнула. Видать, отошло мое времечко», — Михалев смеется. «Дело не в тебе. Во-первых, чем старше мужчина, а ты уж извини, совсем... не мальчик, так количество красивых женщин растет

в его глазах в геометрической прогрессии от прожитых лет. К тому же научный факт: количество красивых женщин на планете увеличивается — реакция на разрастание однополой любви. А вдруг она мужчинами не интересуется? В шоу-бизнесе это модно!» — «Я об этом не подумал. А объективно, очень эффектная и такая ухоженная!» Они прощаются и разбегаются.

Приемная министра северных территорий. Табличка «Министр». За боковым столом сидят в неформальной обстановке министр и Михалев. Министр, держа в руках заявление Михалева об уходе на пенсию, обращается к нему: «Вы специалист с таким опытом. Чего спешить, Сергей Владимирович? В аппарате правительства тоже не заинтересованы в вашем уходе. Да и такой форме еще многие молодые позавидуют». Михалев с небольшой паузой тихо произносит: «Я всю жизнь строил. Если, как во время войны, на карте красные флажки ставить, где я объекты пускал, первомайская демонстрация получится. Нынче специалисты другого профиля нужны. Саперы-подрывники, банкиры, юристы по банкротству и вся эта публика, как сейчас говорят, “без комплексов”, с современными представлениями о приличиях и, к сожалению, низкой профессиональной подготовкой. Нас по-другому воспитывали. А я строитель и, к тому же, “с комплексами”. Мне уже, видать, по возрасту не понять, зачем к демократии опять через пустыню идти. С “Интернационалом” уже ходили, когда... до основания. Много не так было, согласен. Но такие правила игры были, а главное, строили и сколько! Да и воровали не все и аккуратнее», — он смеется.

Министр кладет заявление на стол: «Зачем так мрачно?! Жизнь такая, какая есть. Либо в ней, либо... Нам дело делать надо, а философия — это потом, ког-

да “либо”. Я знаю, Сергей Владимирович, что детские годы вы провели в Магадане... Сейчас готовится большое Решение правительства по “Северам”. Необходимо изучить целесообразность восстановления золотодобывающих приисков на Колыме. Как вы смотрите, чтобы посетить альма-матер? Не скрою, у меня есть тайная надежда, что после этой поездки мысли более конструктивные нас с вами посетят, — он возвращает заявление Михалеву. — К тому же я уже второе письмо от Михайлова из Магадана получил, он сейчас исполняет обязанности губернатора. После того убийства Москва не будет больше варягов посылать. Я прежнего губернатора хорошо знал, сам рекомендовал, нормальный мужик, но специфику местную плохо понимал. Я генеральному прокурору звонил, он считает, что убийство либо с рыбой, либо с золотом связано. Видимо, сильно наступил кому-то на хвост. На Колыме, конечно, полезнее “свой”, но “не повязанный” и готовый по-серьезному дело поставить. Хочу на Старой площади ходатайствовать об утверждении Михайлова. Мужик он конфликтный, но, судя по всему, толковый и главное — местный. Начальник областного ФСБ говорит: “не повязан”, по-настоящему за край болеет. Надо к нему присмотреться, и повод хороший — Постановление по Северам. Ни у кого не вызовет подозрения ваш визит. А люди, как увидят, что приехал бывший колымчанин, немолодой, с полномочиями, сразу с проблемами полезут — “свой” приехал. Будет информация из прямых источников. Надо почувствовать местные условия — второго покушения нельзя допустить. Нужно дело так поставить, чтобы максимально исключить саму опасность нападения на власть. В МВД и ФСБ о вашем приезде будут предупреждены. Так что, в добрый путь, а потом и поговорим о будущем. Сейчас как раз “время строить” пришло. А как говорят умные люди, на переправе коней не меняют».

Министр провожает Михалева до двери и жмет ему руку. «Силища-то какая. Мужик по рукопожатию распознается. А то надумал — на покой», — министр переходит на «ты». Он кладет руку на плечо Михалева: «Надо все тебе посмотреть: и рыбку, и людей, и золотишко, и, может, еще чего ценное есть. Хозяйский глаз опытного человека нужен. Строителя! Такое имя — Цареградский, что-нибудь говорит?» — «Говорит. Он в нашем доме, на Сталина, шесть, в Магадане жил. Великий на Колыме человек. Он был единственный, к кому сам Коржев — «император Колымы» — приезжал. Я мальчишкой сам видел: Цареградский в форме геологического генерала выходил к ЗИСу. Высокий, красивый. Полвека прошло, а все в глазах как сейчас стоит». — «Ну вот и ладошки. Привези мне какой-нибудь колымский сувенир». Они прощаются.

Вечером, выйдя из здания министерства, располагающегося на Новом Арбате, Михалев поворачивает в сторону Старого Арбата. Он неспешно идет, пока не оказывается в знакомом переулке, возле старинного четырехэтажного дома, окруженного забором. Щиты на заборе извещают: идет реставрация. Михалев, не замечая морозящего дождя, разглядывает пустые темные глазницы окон второго этажа...

Москва. 30-е годы.

Они встретились случайно — это произошло поздним вечером, накануне нового, 1937 года, в Елисейском гастрономе. Надя задумчиво стояла перед прилавком и долго выбирала вино к новогоднему столу. Подвыпивший покупатель хамски обращается к женщине: «Давай, Матрена, веселей». За нее вступился мужчина, стоявший рядом. Всего несколько резких

фраз, стальной прищур глаз — и хам быстро ретировался. Неожиданный защитник помог Наде выбрать нужную марку вина, купил бутылку дорогого армянского коньяка. Они вдвоем вышли из магазина на улицу Горького. Мужчина (Берзарин) взялся проводить Надю. Он не спешил, был предупредителен, шутил, стараясь сгладить неприятный инцидент. Они шли по бульвару по направлению к Арбату, горели фонари, прохожие спешили к семейным новогодним столам.

Новый знакомый затеял игру в дедукцию — небольшие покупки Нади навели его на мысль, что Новый год она собирается встречать в одиночестве. Действительно, муж Нади, инженер Михалев, должен был приехать из Запорожья, но не смог, задержали срочные дела. В Запорожье он находится в командировке почти постоянно, а Надя живет здесь, в Москве, у них небольшая, но отдельная квартира в старом четырехэтажном доме на Арбате, рядом с почтой, в переулке. «Я знаю этот дом. Один из первых дорогих доходных домов. Здесь еще в старые времена был газ», — говорит со знанием дела Берзарин. Почему она не едет к мужу? Специалисты на стройке в Запорожье живут почти на казарменном положении. Они монтируют очень сложное энергетическое оборудование. Она же, здесь в Москве, заканчивает учебу в консерватории. Занимается вокалом... Да нет, не очень получается... Голос подводит... Полтора года назад, сразу после замужества, сильно простудилась. Голос сел. Она уже не очень верит, что связки окрепнут. Откровенно говоря, ее сомнения мучают, преподаватель по вокалу не обещает сцену Большого театра, даже если восстановится ее контральто. А петь в кинотеатре перед сеансом она не хочет. Есть еще маленький сынок, Сережка. У них домработница.

Сыпался пушистый редкий снежок... Они все шли по бульвару в сторону Арбата. Потом сидели на скамейке.

Съели печенье, которое Надя купила в гастрономе. В районе Никитских ворот Берзарин вдруг предложил зайти на квартиру: «Не будем же мы Новый год встречать здесь, на скамейке... Посидим, чаю попьем». — «Это ваша квартира?» — «Нет, не моя. Я живу на Плющихе. Это моего знакомого квартира...» Поднялись на третий этаж в старом, но хорошо сохранившемся доме. Внизу в подъезде сидела пожилая женщина, рядом на столике телефонный аппарат. «Странно». Берзарин поприветствовал женщину рукой. Она встала. Берзарин открыл дверь своим ключом... «А где же ваш знакомый?» — «Уехал. Он в длительной командировке. Корреспондент...» — «Я, пожалуй, пойду...» — «Да вы что, меня боитесь? Не бойтесь! Садитесь, я чай поставлю...»

Он хлопотал, собирая на стол, рассказывал что-то, открыто смеялся... Они подняли бокалы, поздравили друг друга с наступающим Новым годом. Берзарин понравился Наде — высокий, сильный, уверенный в себе.

Истосковавшаяся по мужской ласке, она доверчиво прильнула к нему после первой же попытки поцеловать ее... Эта новогодняя ночь навсегда запомнилась Наде. Уснули они уже под утро. Берзарин проснулся и, увидев, что Надя крепко спит, тихо встал и, взяв ее сумку, пошел в ванную. Он вынул ее паспорт. Вернувшись, он положил сумку на место и поцеловал Надю, потом приготовил завтрак.

Расстались, но оба понимали, что эта встреча не последняя. Он спросил номер ее телефона и, глядя ей в глаза, с улыбкой сказал: «Я позвоню?» Она опустила голову.

Как всегда, в воскресенье Надя направилась в Елоховский собор. Глядя на икону Божьей матери, долго молилась.

Берзарин в большом кабинете на Лубянке вызвал помощника, на листке бумаги написал фамилию, имя, отчество, номер телефона. Передавая листок помощнику, приказал: «Мне справку по этой гражданке». Он помолчал и добавил: «...И по ее мужу. Он работает в Запорожье, выезжает туда по командировке. Основное время проводит там. Как часто приезжает, сколько времени проводит с семьей?.. Есть ли у него “кто” там, с кем встречается? Что почувствуем — копнем. Может, зацепим чего? Там иностранцы работают по контракту. Сам понимаешь».

Вторая серия

Москва, современность.

В этой серии мы знакомимся с семейством Михалевых. С дочерью — Светланой Сергеевной, сорокалетней, решительной и успешной (она владелица нескольких кафе) бизнесвумен; с зятем — вяловатым, разочаровавшимся в жизни научным работником, который не хочет осознавать, что пришло новое время, и его надо принять как данность; с внуком Андреем, типичным московским тусовщиком. Мать ему купила квартиру, куда он водит девчонок. Андрей — студент, но учится спустя рукава, в последние два года доставляет своим близким одни проблемы.

Вечером Михалев ужинает с женой на кухне. Жена опять говорит ему о вечных проблемах с внуком и просит принять более деятельное участие в судьбе Андрея. Видя отрешенное лицо супруга, спрашивает: «Что-нибудь случилось?» Михалев помешивает ложкой в чашке: «Сегодня министр предложил слетать на пару недель в Магадан, оценить состояние приисков, где раньше золото добывали и вообще посмотреть на

нынешнюю Колыму. Там до середины пятидесятых заключенные работали в адских условиях, люди сотнями тысяч гибли. Колымские лагеря, когда массовая реабилитация началась, стали закрываться, а с ними и прииски... Ты знаешь, мне сегодня так стыдно стало, за столько лет не слетал в Магадан. Когда мамы не стало, мне восемь лет было, но как сейчас все перед глазами стоит, а сколько событий и людей прошло, пролетело... Могилы отца ведь нет, я тебе рассказывал, он во время урагана на Курилах, в сорок седьмом, вместе с судном утонул... У нас старый альбом с фотографиями, в красном переплете, в шкафу. Принеси, будь добра». Жена приносит альбом и становится за спиной мужа. Он выключает телевизор. Она кладет ему руки на плечи. Михалев медленно переворачивает желтовато-серые картонные листы: «Это дед Тихон, по материнской линии. Мама рассказывала, он в гренадерах служил. Фантастически сильный мужик был. Лошадь на плечах поднимал», — Михалев долго смотрит на фотографию молодой красивой женщины с короткой стрижкой: «У меня от отца этот альбом, удостоверение и шинель морская остались. Я в ней до конца института ходил. А от мамы — это фото и пепельница из какой-то особой стали, ей на заводе отца подарили. Она папиросы “Беломор” курила... По нынешним временам нищие были. Все социализм строили, о книгах спорили. Это фото делал знаменитый московский фотограф Наппельбаум. Гаденыш я, не удосужился за столько лет на могилу матушки слетать, — Михалев вынимает фотокарточку из альбома и кладет в паспорт. — Пусть со мной полетит. Душе легче будет... А то тяжесть на сердце. Может, по пять капель давай... Матушку мою помянем». Жена ставит на стол графин, достает сыр. Они выпивают не чокаясь. — «А ты знаешь, я тебе не говорил, у меня младший брат был... Коля... Война, война...

Сколько семей сломала, сколько детишек сиротами стали... Это сейчас сироты — изгой общества. А у нас семья другая, детдомовская была. И, веришь, мы гордились — детдомовские, мол, мы. Друг за друга по жизни стояли, попробуй тронь кого... Как жизнь брата сложилась?.. Когда постарше стал — кому, куда писать?.. Время такое было... Хотя плохое оправдание... Столько по Союзу мотался, а когда в начальники выбился — что, командировку не мог придумать?! На худой конец, просто в отпуск... Знаешь, мне ведь до сих пор бухта Нагаево снится, наш дом на Сталина, шесть, школа... Между прочим, классная была. По воскресеньям кино за рубль в спортзале показывали. Военные киносборники. Мы на полу сидели. Я почему-то не мог смотреть, когда целовались на экране... А вот Шурочка Селина мне нравилась... Даже акулу черную на берегу помню, она на камнях еще живая дергалась...» Жена оперлась подбородком о макушку мужа: «Не кори себя. За тебя судьба решила. Слетаешь — успокоишься. Ведь кто-нибудь же остался... Теперь сам дед. Не забыл, ты мне ведь обещал прадедом стать... Возьми Андрея с собой — сейчас каникулы. С тобой побудет, может образумится».

Раздается телефонный звонок. Жена берет трубку. Выясняется, что после драки в клубе внук в очередной раз оказался в милиции. Ему грозит не простая «хулиганка», а сопротивление власти. Мать с отцом, приехавшие в отделение, ничего не могут сделать. Отец, бледный и растерянный, молчит. Светлана Сергеевна, не сдержавшись, наругала дежурному капитану, чем только усугубила ситуацию. Подъехавший Михалев предъявляет удостоверение, звонит приятелю — генералу ФСБ. Понимая, с кем имеет дело, начальник отделения за закрытой дверью своего кабинета предупреждает Михалева: парень зарвался. В другой раз

попадет в такой переплет, — его уже никто не сможет вытащить. На улице Михалев отшивает девицу, дождавшуюся на «Ямахе» своего «бойфренда», и, вспоминая совет жены — бабушки Андрея, отнимает ключи от его квартиры. Внук пробует сопротивляться, но дед, чуть ли не применяя физическую силу, заставляет Андрея подчиниться.

Они в самолете, ведут разговор о жизни. Подлетают к Колыме. Андрей смотрит в иллюминатор, но ничего, кроме облаков, внизу не видно. Спрашивает с едва проглядывающим интересом: «Дед, ну и где твоя Колыма?» — «Колыму, дружище, сверху не увидеть. Ее только изнутри видно», — говорит Михалев. «Ну, ты даешь, дед! Колыма изнутри — это же тюряга! Я в Интернете прочел! Бабуля рассказала, что ты в детстве на Колыме жил с родителями. Ты мне никогда про своих отца и мать не рассказывал». — «Сначала увидишь, какая она вблизи, правда полвека минуло... А потом расскажу. Иначе не поймешь! Это все мы пройти должны были, чтоб ты сегодня в самолете летел и на “Ямахе” девиц возил! — задумчиво говорит Михалев. — Колыма, брат, это чүдная Планета: двенадцать месяцев зима, остальное лето. Так-то, дружище...»

Москва. 30-е годы.

Михалевы живут, по меркам тридцатых годов, вполне достойно. На Арбате у них хоть и небольшая, но отдельная квартирка на втором этаже дома дореволюционной постройки (он знаком нам по первой серии). Раз в месяц Надя получает в спецраспределителе пакет с продуктами (ее муж — ответственный сотрудник наркомата). За полуторогодовалым малышом приглядывает нянька Глаша — молчаливая женщина, переехавшая из вятской деревеньки в Москву.

Вот и в этот вечер, оставив с нянькой заснувшего сына, Надя выходит из дома, открывает зонт, идет в конец переулка. За углом стоит черная «эмка» с занавешенными окнами. Женщина складывает зонт, торопливо оглянувшись, открывает дверцу и ныряет в салон. Машина включает фары и медленно трогается... Уже больше года, после памятной новогодней ночи, Надежда Михайловна тайно встречается с комиссаром госбезопасности Берзариным. Их встречи происходят на конспиративной квартире НКВД, в доме у Никитских ворот. Эта квартира находится в ведении Берзарина.

Он ждет Надю и с удовольствием накрывает стол, во льду остывает бутылка шипучего «Абрау». Немолодой седоватый чекист серьезно влюблен. Их разговор неслышен, постепенно он переходит в любовную сцену.

Голос за кадром (во время любовной сцены).

Берзарин окончил Императорскую академию генерального штаба. Участвовал в белом движении. Во время боев под Царицыном перешел на сторону красных со штабными документами. Это было трудное решение для полковника, присягнувшего государю императору. Но императора не стало, а Россия была. Он понимал, что ждет либо смерть от большевиков здесь, в России — либо эмиграция. И он принял трудное решение. Попал к Сталину, который расположился к немногословному и образованному полковнику, владевшему немецким, английским и испанским языками, сыну священника. Когда были репрессированы многие руководящие сотрудники советской разведки вместе с ее шефом Артузовым, Сталин не разрешил тронуть Берзарина, против его фамилии на докладной написал: «Грамотный работник. Давно у него в гостях не был». Это обеспечивало

Берзарину неприкосновенность. После неудачной поездки за кордон, где погибла коллега и жена Берзарина, он выполнял особо важные поручения наркома НКВД внутри страны. О результатах их справлялся Сталин. Берзарин дома «в подушку» убеждает себя, что служит Отечеству, которое «пока болеет», но должно выздороветь...

Надя и Берзарин за столом. Он наливает Наде вина и сообщает, что ему известно о готовящейся особой комиссии в Запорожье, где сорваны сроки запуска второго энергетического блока. В Москве считают, что это диверсия — саботаж специалистов, среди которых есть те, которые обучались за рубежом. Как ему известно, Михалев проходил стажировку в Германии, и вероятность, что его включают в список, велика. «Что ему грозит?» — «В этих условиях, до высшей». Надя в отчаянии. Она просит Берзарина отвести нависшую беду от мужа, отца Сережи. — «Дело под личным контролем наркома. Любое вмешательство привлечет внимание и может ухудшить ситуацию. Кроме того, просто небезопасно». Надя умоляет Берзарина спасти Михалева. Комиссар понимает, что удар по Михалеву — это удар и по Наде, а стало быть, и по нему: «Наверняка водитель уже доложил о его встречах с Надей. Положение не просто щекотливое...»

Берзарин разыгрывает сцену ревности: «Так кого ты любишь?» — спрашивает он. «Тебя, только тебя», — дрожащая Надя падает в его объятия. Комиссар провожает женщину до выхода из подъезда. Она выходит на улицу, испуганно озираясь по сторонам, садится в машину, которая отвозит ее на знакомый угол, опустошенная, идет домой. Не снимая пальто, Надя подходит к кровати, где спит Сережа, садится рядом, съезживается и закрывает рукой глаза.

Голос за кадром.

Использование труда заключенных было предложено как партийно-государственная мера колонизации экономически неразвитых регионов. В июле 1929 года Совнарком принял постановление о передаче всех, осужденных на срок более трех лет, в ведение ГУЛАГа. Освободившихся после отбытия наказания инструкция предписывала оставлять на прилегающих к лагерям территориях, с целью сокращения расходов на охрану бывших заключенных и обеспечения постоянного контроля за ними.

Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Колымы, получивший название «Дальстрой», был создан Решением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 года в целях освоения необжитых территорий Крайнего Севера, разведки и добычи полезных ископаемых Колымского региона.

Трест был наделен правами полностью независимого административно-территориального образования, подчиненного ОГПУ. В момент образования треста подведомственная ему территория составляла около полумиллиона квадратных километров, а к 1950 году достигла трех миллионов. На этой территории могли уместиться две Франции, две Испании, две Италии и десяток небольших стран Европы.

Производственная база Дальстроя была колоссальной: сотни рудников, приисков, обогатительных фабрик, десятки электростанций, девять аэродромов, шесть морских порт-пунктов, железные дороги, тридцать радиостанций и узлов связи, сотни километров линий электропередач. Это индустриальное могущество создавалось це-

ной жизнью сотен тысяч заключенных — «зэков». Слово «зэк» вся страна узнала после войны.

В предвоенные годы и до конца сороковых на Колыме был только один Хозяин — начальник Дальстроя комиссар госбезопасности Коржев. На колымских приисках работали сотни тысяч репрессированных. Во время войны «колымское» золото играло важную роль в закупках вооружений.

Третья серия

Москва. 30-е годы.

По Садовому кольцу поздним вечером идут двое. Крепкий, широкоскулый, с открытой улыбкой мужчина и хрупкая, миловидная, невысокая девушка. Он — начальник смены «Метростроя» Александр Халин. Она — преподаватель русского языка и литературы в школе, Нина Хохлова. У нее короткая, модная в те годы прическа, в волосах яркая заколка. Халин старше подруги на десять лет, он до беспамятства влюблен в черноокую Ниночку. Саша с чувством декламирует ей свои наивные стихи. Она дослушала его и, улыбаясь, начинает напевно читать ему Бальмонта. Он рассказывает любимой, как подростком работал подручным у отца-кузнеца, как девятнадцатилетним юношей вступил в Красную Армию, прошел гражданскую войну. После окончания института стал мастером-тоннельщиком. Они собираются пожениться, как только Саше дадут комнату, ведь он ударник труда. Они проходят мимо недавно открывшейся станции метро «Парк Культуры». Саша поднимает на руки Нину. «Мы идем по земле, а под ней я трудился. Как только ко мне переедешь, свадьбу сыграем. Отец с матерью приедут. Ты им по-

нравишься». Он прижимает к себе свое счастье. «Ты сломаешь мне косточки. Ой, у меня заколка упала». Вместе ищут заколку. Саша находит ее. Нина доверчиво приникла к жениху, с ним так спокойно, он такой большой и сильный. Влюбленные прощаются у подъезда дома, где живет Нина. Счастливый, Саша подходит к общежитию Метростроя. У входа его останавливают два сотрудника НКВД в форме, они сажают его в черную «эмку», машина скрывается в темноте.

Через своего сокурсника Петю, с которым Ниночка дружила во время учебы в Московском университете и который после получения диплома стал работать в органах, Хохлова узнает об аресте Саши. Она в отчаянии. Спустя месяц Петя устраивает Нине встречу со своим начальником Павлом Загубиным, старшим лейтенантом госбезопасности. В своем кабинете Загубин объявляет Нине, что Халин арестован по обвинению в подготовке взрыва в строящемся тоннеле метро. Поскольку она встречалась с Сашей, то ее тоже арестуют. От этих слов Нина теряет дар речи. Нина явно приглянулась Павлу. Он говорит, что сможет ей помочь, если Хохлова согласится подписать обязательство о сотрудничестве. Ее направят в Магадан, там она и дождетя своего возлюбленного. Ведь Загубин в случае ее согласия сможет повлиять на новый Сашин приговор — наказание могут пересмотреть из-за открывшихся обстоятельств и назначить «высшую». В случае Нинино отказа Павел не будет иметь оснований помочь ей, и она сама может поехать на север в вагоне с решеткой. Нина Хохлова подписывает обязательство.

На следующей встрече Загубин сообщает Нине, что вопрос о смягчении меры Саше находится в стадии согласования, и она должна получить инструкции по сво-

ей поездке и пребыванию в Магадане. Ее определяют на достойную работу, в приличные бытовые условия, позволяющие спокойно выполнять свои «прямые» и «дополнительные» обязанности, и, конечно, дожидаться освобождения Саши.

Нина приходит в назначенное время на конспиративную квартиру, где Берзарин встречается с Надей. Разговор происходит в столовой. Теперь они коллеги, и она может к нему обращаться на «ты». Павел говорит ей, что необходимо соблюдать строжайшую тайну относительно ее «дополнительных» обязанностей, и у него должна быть гарантия полной ее лояльности и серьезности намерений помогать органам. В качестве гарантий он предлагает ей вступить с ним в близкие отношения, о которых никто, никогда, в том числе и Саша, не узнает, если она будет соблюдать необходимые требования. В противном случае... Нина в полулюб-морочном состоянии соглашается.

Она несколько раз приходит на конспиративную квартиру. Во время одной из встреч заколка падает за тумбочку. Павел обращается с Ниной по-мужски и по-доброму. Она даже привыкает к ситуации, у них устанавливаются нормальные взаимоотношения. Оставшись одна со своей бедой и не имея возможности ни с кем поделиться, она в Павле видит своего защитника.

Загубин провожает Нину на Ярославском вокзале, передает ей проездные документы и запечатанный конверт, который она должна передать только в руки начальнику Управления кадров «Дальстроя», в негласное подчинение которого она поступает по приезду в Магадан.

На перроне Павел говорит Нине: «Твоя главная задача: побольше друзей, знакомых — и слушать, слушать! И никому, ни при каких обстоятельствах даже намеком не показывать о своей второй работе, иначе

не только сама окажешься в лагере, но и ухудшишь положение Саши и не увидишь его никогда». Они прощаются как хорошие знакомые. Павел Загубин обещает навсегда забыть, что между ними было. Он — мужчина и умеет хранить тайну!

Нина Хохлова едет через всю страну, ее мучает приобретенное новое «качество» и нравственные угрызения от предательства по отношению к Саше.

В кабинете начальника Управления кадров она вручает свою «верительную грамоту». Новый начальник открывает конверт и что-то говорит Нине. Его слова заглушает песня эзков:

*Будь проклята ты, Колыма,
Что названа Чудной Планетой.
Сойдешь поневоле с ума,
Обратно дороги уж нету...*

Магадан, современность.

В аэропорту у трапа самолета Михалева и Андрея встречает исполняющий обязанности губернатора Николай Николаевич Михайлов. Здесь же, на летном поле, московских гостей ждет новенький джип. Михайлов предлагает отвезти гостей в гостевую резиденцию, а перед этим посетить ресторан, в котором уже заказан столик... Обычное северное гостеприимство московский чиновник воспринимает как попытку подкупа. Поэтому в резкой форме отказывается от всех предложений Михайлова. Они садятся в разные машины. На праворульной «тойоте» деда и внука везут до гостиницы, где им заказан люкс из трех комнат. Андрей, сославшись на голод, сразу же спускается в ресторан.

Михалев, устроившись в номере, отправляется на прогулку по городу своего детства. Он идет по центральной улице, бывшей Сталина. Теперь это улица Карла Маркса. Проходит мимо Дома культуры, теперь

это театр имени Горького. На крыше по-прежнему стоят четыре скульптуры: охотника, рабочего, пограничника, колхозницы... «Сколько лет, а стоят... Умели строить!» Заходит во двор своего дома, «еще живого», трехэтажного. Садится на скамейку.

По двору носятся мальчишки. Михалев у одного из них интересуется — кто живет в четвертой квартире на втором этаже... «Мы живем!» — шмыгнув носом, отвечает пацан. «И давно живете?» — «Три года уже ждем!..» — «Чего ждете?» — «Как чего?! Родители денег наберут, и на материк уедем!» Михалев обращается к пацану: «Как тебя величать?» Тот отвечает: «Сережа». — «Тезка, значит. Ну скажи, тезка: здесь, где забор, раньше школа была. Когда сломали?» — «В прошлом году, теперь здесь рынок. Она совсем сыпаться стала». — «Ну что ж, сыпаться — так сыпаться».

Михалев заходит на рынок, обычный базар конца девяностых, характерный для всех провинциальных городов России. Потом поднимается вверх к Парку культуры, подходит к парашютной вышке. Вход на нее заколочен. Он трогает доску, пытается оторвать, наконец, доска падает. Попадает внутрь — лестница сгнила. Закрыв глаза, он мечтательно улыбается. Дальше идет к городской больнице. Смотрит на окно второго этажа. Его молчаливое движение сопровождает...

Голос за кадром (кадры кинохроники сопровождают текст).

Многотысячные партии заключенных прибывали в порт Ванино со всей территории страны, оттуда в трюмах морских судов доставлялись в бухту Нагаево и далее по Колымской Трассе в лагерь. Не все выдерживали это страшное путешествие.

В структуру Дальстроя вместе с лагерями Ко-

лымского бассейна, Чукотки, побережья Охотского моря, бассейна реки Яны в Якутии входили строительные, геологоразведочные, медицинские, метеорологические управления, транспортные и горнопромышленные объединения, речное и морское пароходства, авиаотряд, научно-исследовательские и проектные институты, издательства, учебные заведения, учреждения культуры.

Практика чрезвычайных репрессий, носившая специфическую форму обвинения в «контрреволюционном саботаже» с последующим массовым расстрелом, применялась как устрашающая мера для интенсификации труда заключенных вплоть до марта пятьдесят третьего, когда плачущая страна проводила своего Вождя. Летом 1938 года ежедневная рабочая смена была продлена до 14-16 часов, а обеденный перерыв, сокращенный до 20 минут, как правило, переносился на вечернее время. Из Москвы поступил циркуляр, позволявший бывших заключенных, находящихся на поселении после отбытия срока, вновь помещать за колючую проволоку. Работа в зимнее время приостанавливалась лишь при температуре ниже 55 градусов. Массовые обморожения приводили к гангрене конечностей. Неспособных продолжать работу в этих условиях «активировали»¹ или расстреливали по обвинению в контрреволюционном саботаже. Смертность документировалась различными диагнозами, нередко нелепыми. Конвейер обеспечивал бесперебойное поступление все новых партий зэков...

Андрей в ресторане гостиницы знакомится с мо-

¹ См. примечание на стр. 73.

сквичкой Наташей, фотокорреспонденткой, прилетевшей на Колыму по заданию одного из глянцевого московских журналов. Молодые люди быстро находят общий язык. Наташа производит впечатление современной «отвязной» девушки без комплексов. У них даже обнаруживаются какие-то общие знакомые по московским тусовкам. Андрей напрашивается в номер к Наташе и, пользуясь моментом, пытается овладеть ею, но неожиданно для себя получает довольно жесткий, силовой отпор. Наташа выталкивает незадачливого соблазнителя из своего номера... оставляя на его щеке царапину. Она физически хорошо подготовлена, занимается каратэ, без чего, как она говорит, на прощание — и с улыбкой — своему новому знакомому, в ее профессии нельзя.

Четвертая серия

Москва. Конец 30-х годов.

В Москве, в их квартире, Михалев, муж Нади, срочно вызванный из Запорожья, готовится к отъезду на Колыму. Он удивлен столь неожиданным переводом. Строит различные догадки. Как специалист он, конечно же, нужнее на Днепрогэсе. Чем он будет заниматься в Магадане — даже не может предположить. Надя, знающая истинную причину его перевода, молчит и даже успокаивает мужа в его сетованиях на то, что этот внезапный перевод нарушил все его планы, всю успешно развивавшуюся карьеру...

После отъезда мужа Надя, как всегда, на оперативной квартире, встречается с Берзариным. Сообщив, что муж уехал, она ждет от него подсказки — как ей жить дальше. Поехать вслед за мужем, или, разорвав

с ним окончательно отношения, остаться здесь. Она успела привязаться к этому сильному человеку и готова связать свою судьбу с ним. Но Берзарин, уже принявший решение, тяжелое, но единственно возможное в сложившейся ситуации, вначале делает вид, что не понимает ее. Когда же она спрашивает напрямую, коротко отвечает: «Мне кажется, ты уже сделала свой выбор». — «Но я не могла поступить иначе... не из-за любви к нему, — спасала как близкого человека, отца моего ребенка, в конце концов». Берзарин только пожимает плечами... Надя растеряна: «Что делать?..»

В очередное воскресенье, как всегда утром, она подходит к «эмке», ожидающей ее. Водитель говорит, что сегодня он последний раз ее отвозит к Елоховскому и сообщает, что комиссар отбыл в длительную командировку и теперь ей самой придется добираться на воскресную церковную службу. Надя понимает, что это разрыв. Она усердно молится и выходит на улицу. Теперь «эмка» уже не ждет ее. Дома очередная телеграмма от мужа с требованием ускорить выезд.

От комиссара нет вестей. Понимая, что разрыв с Берзариным окончательный, Надя решает и вместе с маленьким сынишкой отправляется в далекий Колымский край к супругу. Поезд, бухта, пароход... «Что ждет ее? Придется жить ради сына».

Голос за кадром. (Звучат слова песни зэков):

«Как шли мы по трапу на борт, в холодные мрачные трюмы...»

Полтора месяца спустя, стоя на палубе парохода «Самарканд» с закутанным в одеяло сынишкой, Надя всматривается в приближающийся берег.

На берегу бухты Нагаево Михалев у трапа радостно встречает жену с сыном. Он берет на руки Сережу:

«Вот он, мой архаровец». Михалев обнимает жену. В ее глазах пустота и безысходность. Она уважает его, но ее сердце и тело принадлежат другому, покинувшему ее навсегда.

Магадан, современность.

Поздно вечером прибывшего из Москвы высокого чиновника, о котором уже знает весь Магадан, навещают неожиданные визитеры. Два местных бизнесмена просят его уделить им внимание, приглашают в соседний пустующий номер. Они просят московского гостя оградить их от наездов Михайлова. Бизнесмены сообщают, что Михайлов везде насаждает верных себе людей, которые начали контролировать и портовое хозяйство, и рыбный промысел, и рынки, и северный завоз. В области процветает коррупция. Организованная Михайловым система откатов по северному завозу приведет к параличу региона. Зимой скажется недостаток топлива. Люди, не видя никаких перспектив, бегут «на материк». Москва поневоле вынуждена будет согласиться на создание на Колыме особой экономической зоны. «Косоглазые», которые «купили» Михайлова с потрохами, подомнут область, заселят опустевшие жилища и приберут порт, рыбку, начнут осваивать, безжалостно ломая природу этого заповедного края, недра. А Михайлов станет конкретно «Хозяином» Колымы, как это уже было здесь. Только тогда был «Усатый» и «Лаврентий в пенсне», а теперь будут «Михайлов» и «косоглазые». И денюжки у Михайлова будут такие, что его никакая Москва не тронет, а московские олигархи будут на поклон прилетать к господину Михайлову. Московский чиновник спокойно выслушивает гостей и просит на прощание оставить свои координаты. Они, ссылаясь на то, что боятся мести Михайлова, когда Михалев уедет к себе в Москву, говорят, что сами его найдут, если ситуация поменяется.

Андрей в номере ждет деда. Щеку внука пересекает свежая царапина. Дед похлопывает внука по плечу и усмехается — он все понимает. Внук раздражен. Они ссорятся...

Пятая серия

Москва. Перед войной. Начало войны.

Берзарин один на оперативной квартире. Он лежит на кровати и сосредоточенно курит одну за одной папиросы «Казбек». Пепельница на тумбочке уже полна окурков. Он стряхивает пепел и от неловкого движения сбрасывает пепельницу за тумбочку. Поднимается, отодвигает ее и обнаруживает заколку. У Нади такой заколки нет — это он точно помнит. Она вообще заколки не носит. Значит, кто-то, кроме него, «использует» спальню, в которую доступ не разрешен никому. Это «его» спальня, в которой он остается один, чтобы подумать. А теперь, с появлением Нади, это место их встреч.

Голос за кадром.

Спасая от преследования мужа своей возлюбленной, Берзарин понимал, на какой риск он идет. Ведь если Надежда останется с ним, то непременно найдутся желающие сделать достоянием «кого следует» его отношения с женой спрятанного от сталинского меча «врага народа». И всех участников этой истории, включая маленького Сережу, ждут очевидные последствия. Есть только один путь — порвать под каким-либо предлогом отношения с Надей, не препятствовать, а способствовать ее отъезду к мужу на Колыму... Артистическая натура, она слишком наивна и эмоциональна,

чтобы понять действительное положение дел. Их любовь должна быть принесена в жертву ради спасения всех. И не надо ничего ей объяснять, надо просто «отойти»... В жизни бывают ситуации, когда необходимы жертвы, другого выхода нет! Иначе каюк всем!..

Берзарин вызывает дежурного: «Кто здесь был недавно?» — «Старший уполномоченный Загубин. С вашим помощником было согласовано, товарищ комиссар». — «Так. Где они находились?» — «В столовой и на кухне». — «А еще где? Отвечать!» — «В спальне, три раза, он с новым агентом...» — «А кто убирается, Аня? Она не изменила прическу, все с косой ходит?» — «Так точно, с косой и в платке». — «Понаблюдай за ней, как убирается. Иди».

Берзарин в своем рабочем кабинете, вызывает помощника: «Кто такой Загубин?» — «Старший лейтенант госбезопасности — мой человек». — «Кто разрешал пользоваться моей оперативной квартирой?» — «Я докладывал Вам». — «Подготовь приказ о переводе Загубина начальником оперчасти в лагерь на Воркуту или Колыму. Там толковые сейчас очень нужны... и прыткие». — «Слушаюсь, товарищ комиссар».

Надя у врача. Из ее разговора с врачом становится ясно — она беременна. По дороге домой Надя падает в обморок. Незнакомая женщина поднимает ее, приводит в чувство, помогает дойти до дома. Так происходит знакомство Нади с сотрудницей местного ЗАГСа Ниной Хохловой, или, как ее будут звать Михалевы, «тетей Ниной». Одинокая женщина, завоевав доверие Михалевых своей добротой, открытостью и радушием, войдет в семью на правах ближайшей подруги Нади.

В теплое воскресенье 22 июня 1941 года (и единственный раз за всю колымскую эпопею) семья в полном составе на берегу бухты Нагаево. Михалев с сыном бросают в воду камешки. Надя, подстелив клеенку и большой пуховый шарф, сидит на камне у обрыва и смотрит на спокойное море. Кричат чайки. Ее взор туманен, на лице грустное выражение.

Неожиданно появляется «газик». Водитель машет руками. Михалев поднимается к нему, возвращается: «Все, война».

Теперь Михалев редко бывает дома, он все время на Трассе.

Кабинет Берии. За столом сидит нарком, Коржев стоит, ему не предложили сесть. Это плохой признак. «Неужели конец?» Нарком выходит из-за стола, снимает пенсне, протирает стекла: «Не будет золота — нас с тобой не будет... Обороны бесплатно не бывает... Делай что хочешь: стреляй, лопату бери сам, но золото дай». Нарком вызывает заместителя. «Надо готовить крупные партии заключенных на Колыму, обязательно с учетом сроков навигации, когда и сколько — решите вдвоем. Мне докладывать лично каждую неделю. Стесняться не надо, расстрел за “контрреволюционный саботаж” хорошо дисциплинирует. В первую очередь ликвидировать нужно тех, кто не может толком работать, причины потом выяснять будем. Сейчас — только золото... Лишние рты места занимают. Сам разберешься», — говорит Берия Коржеву.

На ночном совещании Хозяину доложили об успешном проведении трех показательных акций на приисках, во время которых по обвинению в контрреволю-

ционном саботаже было расстреляно несколько сот заключенных. «Это хорошо, — Коржев постукивает карандашом по столу, — но нужен опытный специалист, знакомый с организацией производства. А вам волю дай — всех перестреляете, кто золото мыть будет?» — «Товарищ комиссар, есть тут один спец, строил ДнепрогЭС», — встает начальник техотдела. «А как он здесь оказался? Освобожденный?» — «По контракту», — вскакивает начальник Управления кадров. «Я пару часов вздремну на диване. И этого спеца ко мне».

В шесть утра адъютант Коржева вводит Михалева в кабинет Хозяина. Спустя два часа Михалев выезжает на Трассу — у него приказ: через десять дней доложить о предполагаемых мерах по увеличению добычи золота. А Трасса — это не одна сотня километров, и лагеря... лагеря.

Похудевший и осунувшийся от бессонных ночей и увиденного, Михалев в кабинете Хозяина. «Ну что, инженер, придумал?» — «Это план мероприятий», — Михалев протягивает пару листков. «Коротко — значит, по делу... Завтра в десять у меня. Доложишь подробно. Соберу всех».

Доклад Михалева у тех, кто облечен безграничной властью над жизнью многих тысяч бесправных заключенных и привык другими методами решать вопросы, вызывает злостное недоверие. Но все же начальник Дальстроя, человек очень жесткий, но понимающий свою личную ответственность перед Вождем и наркомом за выполнение поставленной задачи и не лишенный здравого смысла, предоставляет Михалеву чрезвычайные полномочия.

Магадан, современность.

Михалев начинает проверку. Он убеждается, что Северный завоз идет с нарушением сроков и объемов поставки. Есть вероятность того, что на зимний период местное население может остаться без жизненно необходимых продовольствия, топлива. Вечером Михалев сам, без сопровождения, проводит рейд по магазинам. Его удивляют высокие цены на продовольствие. Бензин тоже дорог...

В своем рабочем кабинете Михалева встречает Михайлов. Сообщая ему о полученной информации, Михалев начинает довольно резко. Михайлов пытается объясниться — он развернул борьбу с местной мафией, которой верховодит некий Кашин по кличке «Кашалот». Это местный «авторитет», бывший уголовник. Он появился пять лет назад на Колыме и вполне оправдывает свою кличку — подобно кашалоту, он жадно заглатывает все. С Кашалотом связаны и выявленные коррупционеры из администрации. Михайлов проводит кадровую чистку и наживает себе кучу врагов. Зато кое-чего успел уже добиться в экономике. Весной бензин стоил в полтора раза дороже.

На Северном завозе долгие годы паразитировала куча посреднических «левых» фирм. Он решил навести порядок. Это вызвало недовольство у многих в порту и городе. Завоз намеренно, не без участия Кашалота, тормозится — но он, Михайлов, уже предпринял необходимые меры и уверен — к зиме все необходимое будет доставлено.

Но главное, на что упирает Михайлов — «кое-кто» боится, что он «дотянется» до платиновых россыпей на реке Уктар. Кому-то очень хочется, чтобы о месторождении, где платину самородную можно брать практически с поверхности, никто не знал. Его слова вызывают

улыбку Михалева. Михайлов обижается, горячится. Неожиданно Михалев замечает на книжной полке рядом с фотографиями жены и детей Михайлова небольшую черно-белую фотографию улыбающейся молодой женщины с короткой стрижкой. Это его мать — Надежда Тихоновна Михалева. Михайлов продолжает эмоционально рассказывать о догадках геологов, о свидетельствах тех, кто знал покойного Цареградского, а Михалев, забыв обо всем, не сводит глаз с портрета. Наконец спрашивает: «Откуда это у тебя?» — «Это? Как откуда? Это моя матушка... Умерла в 1944 году, от воспаления легких, тогда антибиотиков не было еще, а почему ты спрашиваешь?» Вместо ответа Михалев вытаскивает из бумажника точно такую же фотографию: «Моя мать. Надежда Тихоновна... Фотография у тебя откуда?» — «Приемная мать передала. Нина Алексеевна Хохлова... — Михайлов оторопел. — Как в кино про шпионов... обменялись паролями... Выходит, мы... ты... брат мне». Он обнимает Михалева, силится что-то сказать, но слезы душат его: «Брат, брат...»

Николай Михайлов рассказывает, как он из Михалева превратился в Берзарина, потом в Хохлова, а потом в Михайлова: «Это целая история. Когда мы с мамой Ниной проводили вас, я у нее жил. Она мне за мать была. Я ничего не знал про дела наши семейные и путаные. Кто отец мой настоящий? Мальчишке все одно было... Мать есть и есть. Тогда безотцовщина нормой была, одно слово, — Война! А когда в пятьдесят третьем насчет Берии объявили, мама Нина и сказала мне, что мой отец настоящий — Берзарин. Он по делу Берии в куче был расстрелян. Она мне документы на Хохлова (это ее фамилия была) переделала и к дяде Жене во Владик со знакомым капитаном отправил, подальше от греха. Я только седьмой тогда класс окончил. Дядька прочитал письмо, при мне сжег

его и меня в мореходку устроил. Сказал, чтоб я молчал, Хохлов и Хохлов, отец погиб, мол, во время войны. После мореходки я два года мотористом на буксире ходил. В портовом ресторане с матросней отмечали премию. Кто-то за столом из наших вякнул, что, мол, если так каждый день, то хер с ней, с советской властью — пусть будет. Нас всех взяли. Мне ребята говорят: возьми на себя — у тебя дядька, отмажет. Я, по детской гордости, стал хорохориться. А дядька в больнице, в Хабаровске, лежал, у него с войны почки и печень больные были. Мне и впяяли «пятерочку» по политической. Тогда уже послабление было, остальных вообще отпустили. Когда вышел, дядя Женя еще жив был, но из госпиталя не вылезал. Он мне помог паспорт на Михайлова поменять, и с глаз долой. Его жена меня не терпела. Я ее с хахалем припутал, так она и боялась, что дяде Жене доложу. Дядька умер. Я по Сибири мотался. Потом в Магадан подался. Мама Нины уже не было. Она уехала... с концами. Соседка рассказала, что мама Нина, когда одна осталась, повесила в углу своей комнаты иконки Божьей матери и Николая-угодника, ходила в платке... А потом уехала на материк, толком никому ничего не объяснила. Соседка мне письмо передала, которое для меня мама Нина оставила. Могу прочесть, храню его. Михайлов достает пожелтевший конверт, достает листки, разглаживает аккуратно их и вслух читает:

«Дорогой сынуля, ты читаешь эти строки, зна- чит, помнишь меня.»

Жизнь дает Бог и забирает Бог. Уходя, человек надеется, что не принес людям беды. У каждого есть минуты, которые он унесет в вечность с собой, они неинтересны другим. Но есть минуты, когда он поступил или вынужден был в силу обстоятельств поступить так, что потом, по прошествии времени, люди или он сам оценят по-

ступок как слабость. Такая минута была и у меня! Мне стыдно за нее, и всю оставшуюся жизнь буду отмаливать свой грех. Когда Сашу, жениха моего, взяли, у меня рухнуло все. Свет стал не мил. Я подала заявление, чтобы уехать по «северному контракту» в Магадан и встретить Сашу после освобождения. Меня заставили подписать бумагу о сотрудничестве, иначе, мол, я поеду вслед за Сашей в товарном вагоне с решеткой. Содержания бумаги толком не понимала — слова и буквы плыли перед глазами. Мне назначили встречу для инструктажа на квартире. Когда я пришла туда, сразу поняла, ЧТО, кроме инструкций, будет... Я предала Сашу. Как в тумане, ходила туда. В Магадане меня направили в ЗАГС. Так началась моя вторая жизнь. Но поверь, сынок, я не принесла людям беды, ведь «сообщала» то, что знали и без меня. Как иначе я могла поступить, кто бы встретил моего Сашу, думала я. Прости и пойми. Да не судимы будете. Ибо человек не знает своего времени. Время, быть может, простило меня. Я не простила... Твоя мамуля».

Михайлов дочитал письмо. Братья сидят молча, у обоих на глазах слезы. «Я думаю, она в монахини постриглась, — говорит Михайлов. — А где ее было искать, у меня самого столько проблем было, когда освободился. Сам понимаешь». — «Да, она, наверное, многое могла рассказать о нашей семье. Ну что теперь, не судьба. Столько времени прошло. Вряд ли она жива», — Михалев обнял брата. «Так на Колыме я Михайловым и остался. Соседка, что письмо мамы Нины дала, скоро на материк к детям уехала. Концы в воду. Мне, сам понимаешь, не больно-то нужно было расследование проводить с паспортом на другую фамилию. Вдруг кто чего «вспомнит». А про Михалева — отца нашего магадан-

ского — я уж потом от рыбаков случайно узнал. Они на Курилы ходили. В сорок седьмом его японцы на катере взорвали. Михалев у них рыбацкое имущество в советское подданство переводил. А про тебя я вообще ничего не ведал. Ни дядя Женя, ни мама Нина ничего не говорили. Сейчас этого, наверное, не понять. А тогда время другое было. Люди всего боялись и молчали, конечно... Вот ведь как судьба порезвилась над семьей нашей, всеми нами».

Сергей сидит молча. На его глазах слезы, он обнимает Николая: «Я этого тоже ничего не знал. Когда мы приехали во Владик, отец сразу на Курилы подался. Я тоже жил у дяди Жени. От отца только одно письмо пришло. Оно у меня дома. Каждое слово помню». Михалев, закрыв глаза, декламирует:

«Дорогой сын, сна нет. Шумит океан. Здесь такие огромные волны. Порой кажется, что они перехлестнут остров. Думаю и думаю, почему сейчас не могу тебе все рассказать. Поверь, сынок, я честен перед тобой. Время должно пройти, ты вырастешь, узнаешь и поймешь. Сейчас я не могу тебя взять сюда, здесь нет школы. Учись, сынок, без этого нельзя. При первой возможности приеду. Если со мной что случится, тебе все расскажет дядя Женя. Помни, сын, земля на мужиках держится. Целую, папа».

Потом дядя Женя сказал, что отец во время урагана погиб. Дядя списался со своей родственницей из Москвы, и я поехал в столицу. Тринадцать суток поезд шел. Я в спальном вагоне ехал, со мной в купе какая-то женщина была, она присматривала за мной, дядя Женя с ней договорился. Всю дорогу твердила: «Деточка, деточка». В вагоне большой генерал ехал, так ему на каждой станции докладывали. И пока он в вагон

не войдет, поезд не трогался. В Москве я сначала у родственницы жил, которая меня на перроне и встретила. Она все время кашляла, у нее туберкулез в острой фазе обнаружили, и меня определили в детдом на Пресне. Школу и институт закончил, работать стал — жизнь своя шла, мне дядя Женя в Москву с собой денег, фотоальбом и шинель морскую отцовскую дал, ее прислали с Курил, вместе со свидетельством о смерти. Я форменку эту до окончания института носил. Да, брат, развела нас жизнь... Выходит мы с тобой сироты круглые... Надо же было столько пройти, чтобы опять на Колыме встретиться».

Братья возвращаются в столовую. Михайлов достает вторую бутылку водки, чистойшей, из таежной воды: «Только здесь самая чистая вода, может, только в Арктике или Антарктиде такая есть». Перебивая друг друга, братья рассказывают о прожитых порознь годах... Потом переходят в комнату рядом с кабинетом. Там тренажер и боксерская груша. Сергей подходит к ней. Ударив пару раз, он осведомляется у брата, сколько времени тот «стучал» и в каком весе. Узнав, что Николай дошел только до второго разряда в весе 67 кг, Сергей замечает: «А я до “квадрата” достучался. Тогда рослых мало было, и с едой туго. После войны дети в основном дистрофики были, потому «полутяжи» на вес золота ценились. Меня в институт, если честно, приняли только за спорт». Братья садятся друг напротив друга за письменный стол и борются на руках. Сергей укладывает Николая подряд два раза. Михайлов улыбается: «На Колыме я Хозяин, а так — ты старший».

Шестая серия

Колыма. Военные годы.

На одном из приисков вышел из строя электродвигатель привода драги. Боясь персональных последствий для себя за остановку работ, начальник прииска обвиняет группу зэков в контрреволюционном саботаже и по радио запрашивает санкцию на их расстрел. Михалев выезжает на место, знакомится с ситуацией и вместе с механиком прииска пытается отремонтировать электродвигатель. Они не спят вторые сутки. Безрезультатно.

К вечеру на объект в сопровождении охраны и своих сатрапов приезжает Коржев. Разбираться в причинах и тонкостях случившегося ему недосуг. Он подзывает к себе Михалева и коротко приказывает: «Если в течение 24 часов лично не доложишь мне о том, что двигатель работает, здесь останешься. Все ясно?» И, взглянув на часы, уезжает.

Михалев вместе с механиком повторяют попытки запустить электродвигатель — ничего не получается. К Михалеву, непрерывно кашляя и хромя, подходит худой, изможденный зэк, у него красные пятна на лице: «Начальник, там, в бараке, человек есть, он может сделать». — «Пусть подойдет». К Михалеву под руки подводят еле передвигающего ноги истощенного зэка. Он в незашнурованных ботинках, грязные, в бурых пятнах портянки волочатся по земле. Зэк говорит медленно, но внятно: «Я к утру запущу... С условием... Мне все одно амба, пугать не надо, начальник... Дубарь сегодня... или завтра... — какая разница!» — «Ваша фамилия и какое условие?» — «Долгин, до ареста был завкафедрой электрических машин Политеха в Ленинграде... Член-корреспондент академии... Ставлю на кон жизнь: починю — *Воля*, не починю — *пуля*. Все

просто, начальник». — «Идет». Михалев рукой останавливает дернувшегося начальника лагеря. Через три часа электродвигатель запущен. Михалев по радиации докладывает Хозяину. Тот приказывает явиться и лично доложить обстоятельства.

Ночью Михалев в кабинете Коржева. На вопрос Хозяина, как удалось все исправить, рассказывает правду. Коржев вначале приходит в ярость: кто дал право Михалеву разбрасываться подобными обещаниями? Затем, успокоившись, решает: «Спеца перевести в город. Пусть откормят, подлечат. Применение найдем».

Пользуясь моментом, Михалев делится с Хозяином давно зреющей у него идеей — отобрать по зонам серьезные и полезные специалистов и, освободив от изнуряющих работ, создать из них экспертную группу. Коржев обещает подумать, но он явно расположен воплотить идею Михалева, понимая, что за ней большое будущее. (Так в зачатке начинает реализовываться некий прообраз будущих «шарашек»...)

Коржев один в кабинете... Он пьет чай. Вызывает адъютанта: «Узнай, по какой норме Михалев получает продукты. Если по “второй”, скажи, чтобы на “первую” перевели». Коржев сидит молча, переводит и подписывает бумаги.

Михалев стоит перед огромным письменным столом в кабинете Коржева. Теперь он по распоряжению Хозяина занимается не электротехникой, а поисками и подбором специалистов для инженерных служб Главного управления. Коржев рассматривает списки. Обнаруживает среди технарей художника: «А это еще что такое?! Художник... Зачем мне здесь художник?!» — «В городе нет плакатов. Война идет, надо, чтоб все по-

нимали...» Коржев молчит, морща лоб, затем обмакивает перо, ставит решительно подпись. Бросает список через стол: «Ладно, пусть плакаты рисует! Но чтобы больше никаких мазил... Занимайся, чем приказано! И вот еще что, раз такой пряткий. У нас не хватает грамотных медиков. Поищи с умом — там наверняка что-то подходящее есть».

Михалев выезжает в лагеря, разговаривает с бывшими врачами. Военврач, приняв его за опера и желая выслужиться, тут же «стучит» ему на своих солагерников. Профессор Скобло молчалив, односложен, ничего не просит. Михалев включает в список профессора...

Магадан, современность.

Утром в субботу братья едут на городское кладбище. На памятнике родной матери, выполненном из черного мрамора, тот же портрет, что и на фотографии. Братья стоят, обнявшись и не стесняясь слез. У самого выхода они останавливаются перед могилой профессора Долгина. Сергей тихо произносит: «Какой человечеще был...»

В воскресенье на губернаторском катере (это мощный японский военный катер, конфискованный у браконьеров) в сопровождении пограничников они уплывают за скалы на морскую рыбалку. Сергей смотрит в бинокль на скалы, над ними кружат чайки, вдали стая касаток. Как ему, мальчишке, стоявшему на берегу бухты Нагаево, мечталось добраться до этих скал, а потом, уже взрослому, сколько лет снились они! Он потрясен суровой красотой скал, обилием улова: контейнер, стоящий на корме катера, за полчаса наполняется доверху огромными блинами камбалы. Николай с гор-

достью говорит, что такая рыбалка может быть только здесь. Он рассказывает, как японцы обхаживали его, когда хотели получить разрешение на вывоз трубача: «Ценнейший морской продукт, сто процентов отличного белка, и главное — ноль холестерина». Сергей опускает бинокль: «Ты знаешь, я пару лет назад в Норвегии был. Очень похоже». Николай улыбается: «В Норвегии был, а на родину не удосужился. В Европе давно все схвачено. А тут бери не хочу. Обидно, колымчане на материк съезжают. А «желтенькие» под шумок появляются. Так дело пойдет, из-за сопкок косоглазые скоро глядеть будут. Особо, конечно, если другой на мое место заступит... Меня народ уважает. Здесь свой нужен, я не пришел хапать... Это же бред: Колыма — дотационный регион! Я в Москву с подарками летаю за подаванием — горючее и уголь по Северному заводу запрашиваю. Да Колыма не только себя, Россию кормить может! Вложиться надо, и лет через пять-семь в Магадан билет по благу доставать будут. Во время войны на золотишко колымское, небось, оружие закупали. Я аффинажный завод в будущем году запущу. Но это капля в море. Помнишь такое выражение: “закрома Родины”? Правда, говорят, их так и не нашли. Так я, как нынче говорят, “за базар отвечаю”: здесь они, “кладовые России”». Николай смеется и продолжает: «Люди нужны. Только не временщики, от этих бутылки пустые на берег останутся... А ты... “Норвегия!”».

Вечером братья в резиденции губернатора на Трасе. Сергей обращает внимание на детский портрет на клеенке. Николай сообщает, что этот портрет он нашел в мастерской художника, бывшего зэка, который после освобождения остался на Колыме и работал на кладбище, на могильных надгробиях надписи и портреты вы-

бивал. Уж больно понравился мальчонка, такие живые глаза... А клеенка потрескалась. Жив ли этот мальчонка? Художника весь город знал, он церкви помогал. «Если покопаться, много чего на Колыме найти можно. Оставайся. Сейчас другая Колыма. Людей только не хватает, здесь народ неизбалованный и вкалывать хочет. Мне одному трудно со всей швалью справиться и дело поставить! Многое перекручено, срослось с криминалом».

Михайлов достает бутылку. «Это настойка — эликсир здоровья, по рецепту одного умельца: семьдесят пять градусов, на морошке, жимолости и кедровых орешках. Крепкая, мертвого из гроба поднимет».

Беседа братьев затянулась до утра. Неожиданно Михалев сам вспоминает, как взрослые говорили дома о речке Уктар. Отец слышал от самого Цареградского. О речке, спрятанной где-то в труднодоступном горном распадке между сопок. Михайлов восторженно восклицает: «Это как раз то, о чем я тебе говорил. И речка есть — и россыпи. Я знаю, где приблизительно все это находится...» — «Если знаешь, что ж молчишь?» — «Сколько раз в Москву докладные посылал!..» Михайлов предлагает брату посетить это место и своими глазами увидеть то, о чем он говорит... Михалев смеется: «Тоже мне, новые Цареградские, открыватели-туристы... А что, коли я здесь, а ты — брат мой... Вот как дело поворачивается. Приехал проверить, а в авантюру полез...»

Узнав о предстоящей поездке, Наташа через Андрея просит взять их с собой. «Почему бы и нет? Настоящую Колыму посмотрите. А места в “вертушке” всем хватит...» — говорит Михайлов.

Седьмая серия

Магадан. Военное время.

Двор знакомого трехэтажного дома в Магадане, на улице Сталина, 6. Ребятишки с деревянными палками, изображающими винтовки, играют в войну. Одна группа — наши, другая — немцы. Вместе с ними носится пятилетний Сережка Михалев. Брату Кольке два с половиной года, он тоже пытается поучаствовать в игре, но только путается под ногами... «Забери своего мелкого! Чуть не сбил!» — кричат Сереже товарищи по игре. Он оттаскивает брата в сторону, усаживает на лавочке: «Сиди здесь! И не слезай!» — Достает из кармана кусок жмыха. — Вот, соси и не лезь». Игра продолжается, пока не открывается окно на втором этаже, высовывается Надя: «Сережа! Коля! Обедать!»

Коржев срочно вызван в Москву к Берии. Ждет в приемной. Цель вызова неизвестна — он в напряжении, поскольку знает, чем может закончиться такой вызов.

В кабинете Берия ставит задачу — максимально, любой ценой увеличить добычу золота. Защищаясь, Коржев почти слово в слово повторяет наркому то, что уже ему говорил Михалев — о нерациональности использования серьезных специалистов на физических работах. Не забывает упомянуть и то, что благодаря такому подходу Дальстрой перевыполнил план по золоту.

Берия слушает внешне спокойно, затем все более внимательно, задает несколько вопросов. Протирая платком стеклышки пенсне, приказывает Коржеву остаться в Москве, пока его не вызовет.

Коржев в кабинете наркома, где, кроме него, находится Берзарин. Все трое стоят. Берия сообщает, что он встречался со Сталиным. Доложил Вождю о возможностях и опыте использования спецов на Колыме. Сталин выслушал его и одобрил подобные действия. Мало того, ввиду острой нехватки командных кадров в войсках, Сталин предложил пересмотреть дела осужденных военспецов. Также надо отыскать научных и технических работников, способных принести пользу в оборонной промышленности. Для выполнения задания на Колыму командировается Берзарин. «У всех могут быть личные и другие сложности. Сейчас главное — Фронт, Победа. И золото — только для этого. А победителей не судят. Разобраться с осужденными надо, кто будет работать на Победу, а кто злобу на партию затаил. Тут ошибки не должно быть. Обоим поручаю, с обоих и спрошу, если что... В Магадан вместе полетите», — нарком встал, показывая, что разговор окончен. Когда они подошли к двери, Берия вдогонку говорит Берзарину: «Вернешься, доложишь лично».

Весь перелет Коржев и Берзарин молчат. После взлета выпили коньяка и задремали.

Голос за кадром.

Начальник Дальстроя комиссар НКВД Коржев подчинялся непосредственно наркому внутренних дел. В кругу самых близких он любил подчеркнуть, что над ним только нарком и Вождь.

Начальнику Дальстроя до 1953 года подчинялись все партийные, административные, хозяйственные и инфраструктурные субъекты. При этом Дальстрой был освобожден от уплаты налогов и сборов, ему было предоставлено право распоря-

жаться средствами гострудсберкасс, доходами от реализации облигаций госзаймов, лесными угодьями.

Перед посадкой в Хабаровске Коржев повернулся к спутнику: «Что-то холодно. Знобит меня. — Они выпили по полному стакану коньяка. — Заночуем здесь. Экипажу надо отдохнуть. Одного человека взять нужно. Со мной будет жить. Артистка, достойная женщина. Молода, правда! А с женой я договорился, ателье ей дал в Магадане, пусть заведует. На улицу не выгонишь, столько лет прожили, еще с гражданской... В двадцать втором я на Кавказе полком командовал. Там и срослось у нас. Все прошли, всяко бывало. Она ничего не боялась. Когда меня после смерти Ильича в «чрезвычайную» направили, я ее с собой взял. Поженились, со мной везде была. В Хабаровске, когда осели, я сына или дочку запросил. Но не получилось. Видать, гражданская свое сделала... Я узнал, что в церковь тайком она молиться ходит. Пригрозил... В ногах валялась, чтоб не тронул попа. С той поры у нас наискосяк пошло. А тут встретил...»

В семь утра они стоят у самолета. Коржев тяжело дышит, глаза его воспаленно красны. Он представил Берзарину подругу: «Луиза». Женщина улыбнулась и протянула руку в перчатке. «Надо переодеться, не в Сочи летим», — с улыбкой, но властно сказал Коржев, окинув взглядом спутницу. Луиза послушно поднялась в самолет. Мужчины курили у трапа. «Давно знакомы?» — «Второй год... Война, дел по горло, золото надо мыть, а тут сердце по ночам стучит и давление стало прыгать... Тянет меня к ней. Она появилась, не поверишь, что-то внутри повернулось. Я другой, чувствую, стал. Вот и решил: легче будет, если вместе

жить. Может, родит. Еще пяток лет, и поздно будет в отцы напрашиваться. Стукнет по мозгам или по сердцу — не до детей будет... А ты женат?» — «Был... Мы не здесь работали... Я все больше на перекладных». — «У меня для наших дел человек по лагерям есть... Главным энергетиком большого строительства был... Михалев. Сюда по контракту приехал. Думаю, смотался. Пусть работает. Ретивый. Здесь у нас, сам знаешь, какая публика, а толковых днем с огнем...»

Берзарин промолчал. Кольнуло в сердце: «Значит, и Надя здесь. Зачем это? Дороги разные. Чего судьбу испытывать? Все решено уже».

Берзарин занял гостевые апартаменты на первом этаже особняка Коржева. После ужина Луиза поет под гитару. В половине третьего ночи адъютант вводит Михалева в кабинет Хозяина. «Вот о ком я тебе говорил», — обращается Коржев к Берзарину. «Будем работать. Нужна ваша помощь», — Берзарин встает и внимательно смотрит на вошедшего. «Я готов», — отвечает Михалев по-военному.

Утром Берзарин вызывает начальника Управления кадров: «Кто у тебя по семьям ИТР в городе работает?» — «Хохлова, Цыбин». — «Кто такие?» — «Хохлова в ЗАГСе, Цыбин в школе». — «Давай Хохлову ко мне».

В кабинет входит Хохлова. Берзарин внимательно оглядывает ее, предлагает сесть. «С какими семьями работаете?» Хохлова называет фамилии, среди них Михалевы. Берзарин говорит, что в условиях военного времени надо быть особо бдительными. «Михалев — очень важный человек, помогает Коржеву, но много общается с зэками. Надо аккуратно собирать информацию.

Трогать его не будем, пока война. А там посмотрим. Как у него дома?» — спрашивает, между прочим, комиссар. Хохлова докладывает о Михалевых, сообщает, что Надежда Тихоновна последнее время чувствует себя неважно, но к врачам не обращается. «Нам очень важно, чтобы Михалев был в работоспособном состоянии. Он много с заключенными общается. Наверняка с женой делится. Устройте мне встречу с его женой, только у себя дома, чтобы не испугалась. И не надо об этом распространяться! Михалев человек эмоциональный, пусть своим делом занимается! О его работе никому ни слова, и Михалевой тоже».

Нина заходит днем к Михалевым, на кухне она тихо говорит Наде: «Тебя хотят видеть, большой начальник из Москвы. Будет вечером ждать у меня дома. О разговоре — никому. Очень важно сохранить Михалева, от его работы зависит выполнение плана по золоту».

У Нади сжалось сердце. Она почувствовала, *с кем* предстоит встреча.

После ужина Михалев уходит на службу. Надя причесалась и пошла с ребятами на Портовую к Нине. Возле дома стоит «ЗИС». Нина машет рукой из окна и спускается. Надя входит в комнату. Берзарин сидит за столом с закрытыми глазами. «Здравствуй, Коля!» — «Здравствуй... — Он опускает голову. — Прости за все... Есть обстоятельства, не могу их перешагнуть». Он замолкает, потом берет папиросу: «За меня решили... У нас будущего вместе нет, у тебя ребята есть... а у меня дела... Прости, я себе не принадлежу... Хохлова рассказала — тебе надо на здоровье обратить внимание. Я могу переговорить в горбольнице». — «Спасибо. Ничего не нужно. Сама справлюсь... Извини, ребята на улице ждут».

Берзарин вызывает Хохлову. «Вот адрес до востребования, по которому в особых случаях можно со мной связаться. Михалевы под особым контролем, он выполняет секретное задание государственной важности. Необходимо оказывать помощь, но об этом никому. Работать в обычном режиме». Хохлова уже научилась молчать и знала, что значит нарушить приказ.

Михалев приносит к Берзарину отобранные им дела заключенных. Комиссар внимательно просматривает дела, складывает их в две стопки. Неожиданно прерывает работу, начинает расспрашивать Михалева о семье. Тот говорит о болезни жены: «Надя сильно похудела...» Берзарин предлагает свое содействие — на днях он улетает в Москву. Он может поговорить с главврачом горбольницы. Ей устроят консилиум, проведут обследование. Михалев передает этот разговор Наде. Она знает, кто этот московский начальник. Надя молча уходит на кухню. Потом возвращается и тихо говорит: «Сами справимся».

Берзарин и Михалев на Трассе. Они объезжают лагеря. В домике начлага они сидят за столом. Трещат дрова в печке. Входит начлаг, протягивает лист, останавливается навтытяжку: «Товарищ комиссар, одного нашли из списка, комбриг, совсем “дошел” — активировать будем. Два полковника и военврач первого ранга в прошлый раз... саботаж... Сказать, чтоб чай подали или сразу пельмени?» Берзарин поворачивается к Михалеву: «Чай утром пьют, а сейчас — что покрепче и пельмени». — «Только засыпать. В момент, товарищ комиссар! Трали-вали, засыпай!» — Начлаг открывает дверь и громко кому-то командует. «Кто такой?» — спрашивает Берзарин. «Не беспокойтесь, товарищ комиссар. За убийство отбывает».

Комиссар поднимает стакан: «За товарища Сталина! За Победу!» Они пьют стоя.

Колыма, современность.

Группа вылетает на вертолете. Наташа в восторге. Наконец-то она имеет возможность сделать настоящие снимки нетронутой колымской природы... Михайлов по дороге объясняет, почему в свое время предположения самого Цареградского, открывшего колымское золото, о платиновых залежах ни у кого не вызвали интереса: «Война. И только золото было нужно». — «А позже, после войны?» — «Экономика... Разработки требовали капиталовложений... Дармовой зёковской рабочей силы уже не было. Надо было привлекать людей с материка, прокладывать дороги, создавать инфраструктуру, завозить технику... Даже при вахтенном режиме затраты велики были. Аффинажный завод строить надо. Ведь там платина с вкраплениями палладия, иридия. Тогда толком таких промышленных технологий не было, да и потребность в спутниках платины уже позже появилась, когда космос, редкоземельная металлургия стали развиваться, атомная промышленность, самолеты другие стали и, самое главное, новый источник энергии из воды... Ты, брат, следишь за будущим двигателестроением?» — «В каком смысле?» — «В самом прямом. Помнишь такое ходячее выражение: “на вес золота?”» — «Ты чего, старшего брата русскому языку учить собрался?! У меня дома три издания словаря Даля». — «Не за горами время, брат, когда бензиновому двигателю и дизелю придет на смену водородный. В основе его электрохимическая реакция — получение энергии из воды, а для этого нужен платиновый электрод. Так что, мой дорогой старший брат, будущее энергетики за тем, кто будет в огромных количествах производить платиновые электроды». — «Целую лекцию мне прочел.

Согласен, но это уже без нас». — «Почему?! Речь идет о паре десятилетий. Грядет великая водородная энергетическая революция. Это не слабее компьютерной и информационной будет. Теперь понимаешь, что такое колымская платина? Все будут говорить тогда — “на вес платины”. Заработают водородные установки в домах, на производствах. Углеводороды пойдут только в химию, как сырье». — «Ну просто Менделеев колымский!» — «Не смейся, брат. Колыма — это будущее России. Да и на нас с тобой Россия не заканчивается. Дети, внуки — страна, наконец! Не стыдно нам будет на кладбище ехать — уж больно не хочется кашалотам разным Колыму оставлять!»

Восьмая серия

Магадан. Военные годы.

Утром колонну из отобранных эзков под конвоем приводят в город и отпускают по рабочим местам. Вечером колонну строят и, после переклички, уводят. За городом построен новый барак с двухъярусными нарами.

В подвале книжного магазина молодой художник-эзк, которого Михалев включил в список, под охраной, на использованных в роддоме кусках клеенки рисует маслом по фотографиям портреты. Художник под присмотром. Талантливому юноше, ученику знаменитого карикатуриста Бориса Ефимова, дали десять лет лагерей за неправильное толкование политики партии. «Тройка» пожалела его, а редактору газеты дали «высшую». Художник по фотографии рисует на клеенке, натянутой на фанеру, портрет мальчишки.

После месячного восстановления в горбольнице член-корреспондент Академии наук Долгин был

оформлен вольнонаемным сотрудником технического отдела без права выезда из Магадана в течение пяти лет.

Михалев на обед приводит домой сморщенного худенького человека: «Это профессор Скобло. Он из “колонны”, консультирует поликлинику и роддом».

Голос за кадром.

Он рассказал о потрясающем случае, когда зэк, испугавшись медведя, потерял речь и принял облик зверя. Профессор Скобло установил причину такого переживания и за несколько сеансов восстановил зэка. Профессора уважали все.

Еще до революции Скобло окончил медицинский факультет в Берлине. Этот энциклопедически образованный, несгибаемый, несмотря на внешнюю немощность, человек, получивший десять лет, и в лагерных условиях продолжал научную работу.

Об этих визитах становится известно недоброжелателям Михалева. В отсутствие Коржева в управлении кадров Михалеву вручают приказ о новой должности и переводе на «второй», пониженный уровень продовольственного обеспечения.

Коржев открыл папку с грифом «для служебного пользования». Там лежала справка — донесение о контактах Михалева с зэками и необходимости привлечения его к ответственности по «пятьдесят восьмой».

Комиссар вызывает начальника Управления кадров: «Откуда сведения?» — «Товарищ комиссар, у меня подтвержденные данные, что Михалев ведет подрывную работу и использует зэков, которых доставляют в “колонне” по обслуживанию города». — «Неплохо! А ты знаешь, как драга работает и зачем она нужна?» — «Золото, товарищ комиссар, мы должны давать!» — «Это

верно, что должны. Только вот от “должны” до “даем” сколько километров?.. Как Трасса! Михалев знает, как драга работает, и, если авария, починить может. А ты можешь? Понизили в должности, и ладно. Образумится. Если что, объясним. Я товарищу Сталину должен докладывать, сколько золота добыли, а про врагов народа кому надо и без меня доложат... Этих гадов и искать надо с умом. А то мы с тобой лопатами сами ковырять золото будем. Думаешь, много наковыряем? То-то».

Магадан, современность.

Вертолет опускается в распадке. Дальше лететь нельзя. Низкая облачность и сильный ветер. Наши герои пешком отправляются за перевал. «Это километров пятнадцать», — говорит штурман вертолета.

Горную речку Уктар они не находят. Смеркается. Блуждают и к вечеру натываются на странное поселение. Бородатые мужики, похожие на отшельников-староверов, встречают их неприязненным молчанием. Они явно что-то скрывают и появление нежелательных свидетелей вызывает у них подозрительное недовольство.

Михайлов, не представляясь, пытается разговорить их, выведать, чем они занимаются в этой глуши. Бородатый бригадир Пахомыч отвечает односложно и неопределенно: ничем не занимаются, просто живут. Охотятся, рыбу ловят... То, что таежные старатели скрывают что-то важное, становится очевидным... Михайлов пытается связаться по рации с экипажем вертолета, но рация отказала.

У Наташи исчез фотоаппарат вместе со снимками, которые она делала по дороге и в поселении. Михайлов подозревает неладное, он предлагает своим спутникам, несмотря на позднее время, покинуть лагерь...

Когда наши герои пытаются уйти, их окружают бо-

родачи. Милиционера разоружают, а затем всех заталкивают в бревенчатый сарай и запирают...

Девятая серия

Магадан. Последние военные годы.

На аэродроме Коржев провожает Берзарина. Они прощаются по-дружески. «В добрый путь. Ни пуха». — «Ты правильно сделал, что Луизу взял сюда. Одному тяжело... Жизнь одна... А золото будет — Победа будет! Я не сомневаюсь. Бывай». Самолет взлетает.

Коржев садится в «паккард». По дороге их обгоняет «газик». «Узнай, кто такой шустрый. Пусть на Трассе поработает», — обращается он к адъютанту. — «Есть, товарищ комиссар».

Надя в отдельной палате. У ее постели Михалев, он целует ее ладонь. Надя открывает глаза и плавно убирает руку: «Я плохая мать и никудышная жена!» — «Все нормально будет. Войне скоро конец. Какие пацаны у нас! Мне на Трассу надо. Нина за ребятами присмотрит, у нас ночевать будет. С завтрашнего дня домработница будет ходить с восьми утра до шести — я договорился, интеллигентная женщина. Преподавательница английского, “член семьи”¹». — «Врача позови... Плохо мне», — Надя отворачивается к стене.

Состояние Нади резко ухудшается, она все время молчит. Только иногда просит, чтоб воды принесли кислой. Нина каждый день после работы в палате. «Вот как меня бог наказал, я знаю. Прости меня, Ниночка. Ты сына хотела, вот пусть Коленька... с тобой живет. Запуталось все, тьма непроглядная...»

Надя в забытии бормочет: «А Коля ушел, совсем

¹ См. примечание на стр. 158.

ушел... Не нужна я ему... Это Берзарина сын. В тумбочке иконка Николая-угодника... Возьми, пусть вас бережет... А Колю... Берзарину, если бог даст увидеть, отдай...» — она закрывает глаза.

Берия вызвал Берзарина: «В Магадан прилетит заморская птица — Уоллес, личный посланник Рузвельта. Часть ленд-лиза пойдет через Магадан. У нас есть сведения, что японцы собираются серьезно активизироваться в проливе Лаперуза. Уже потопили одно судно, это не случайность — агентурные сведения. Сейчас технари готовят вопрос о возможности прохода через Татарский пролив». — «Но там очень мелко. Серьезные суда не пройдут, товарищ нарком». — «В том и вопрос. Американцы предлагают в счет ленд-лиза поставить плоскодонные транспортные сухогрузы типа “либерти”. У них малая посадка и они должны пройти». — «Но Охотское море — это не озеро Мичиган. Пять баллов — обычное дело, а семь или восемь — нередко. У плоскодонок устойчивость плохая. Во время шторма опрокинутся, товарищ нарком». — «Вот и разберись со спецами. Уоллес будет ставить вопрос об улучшении для американцев условий поставки. Они наверняка чего-нибудь еще поиметь захотят. Капиталисты! Здесь надо ухо держать востро. Побольше дипломатии, и конкретно ничего не обещать. Уоллес хитрая и опытная бестия. Попросят лагерь ему показать — надо подготовиться... А то потом у себя будут вопить. Ты не показывай, что английским владеешь. Послушаешь, о чем они между собой говорят. Понаблюдай за их поведением. На переговоры с нашей стороны людей лишних не брать. Надо показать, что мы готовы по-деловому решать. Но аккуратно, сам понимаешь. Я докладывать буду Вождю».

На похороны Михалев не берет детей, они дома у

Нины, с домработницей. Тогда поминок не было. Михалев просит Нину помочь разобрать вещи и уезжает на Трассу. В альбоме Нина находит две одинаковые фотографии Нади, одну берет себе.

После двух бессонных ночей Нина решается и посылает короткую телеграмму по известному адресу: *«МИХАЛЕВА СКОРОПОСТИЖНО УМЕРЛА тчк ВОСПАЛЕНИЕ ЛЕГКИХ тчк КОЛЯ ВАШ СЫН тчк ЖДУ УКАЗАНИЙ тчк ХОХЛОВА»*.

Через неделю приходит телеграмма-молния: *«НИКАКИХ РЕШЕНИЙ тчк МИХАЛЕВ УЗНАЕТ ВСЕ МЕНЯ тчк»*.

Прилетает Берзарин. Он привозит ящик орденов для вручения правительственных наград руководящему составу Дальстроя за выполнение плана по добыче золота. С аэродрома он сразу едет в Главное управление.

Коржев встречает гостя внизу, у самых дверей. Они обнимаются: «Извини, не встретил на аэродроме. Кашляю, продуло на Трассе. Ну как добрались? Знаю, с чем прилетел». — «Болтанка была сильная всю дорогу. Не волнуйся, награды не растряс. Перед отлетом был у наркома. Благодарит тебя лично. Скоро звания воинские у нас будут. Так что генералами будем, заказывай лампасы. В Магадан прибудет серьезная птица — от Рузвельта, Уоллес. Я привез инструкции... Тебе — Звезду Героя. Получать в Москве сам будешь. Нарком у Вождя был. О тебе хорошо говорили».

В кабинете Берзарин и Коржев. Адъютант и дежурный офицер вносят два ящика. Коржев обращается к адъютанту: «Вскрой, только аккуратно. Тебе бы только лопату держать или маузер... Документы там?» — он показывает на второй ящик. Адъютант достает список награжденных и протягивает Хозяи-

ну. Тот внимательно смотрит: «А почему Михалева нет? Вот засранцы, без меня готовили список. Обидели мужика... В другой раз не забуду!» — «У него жена умерла», — говорит Берзарин. — «Война... у всех потери. Я ему премию выпишу... А ты откуда знаешь?» — «А где мы работаем?!» — улыбается Берзарин. — «Небось, и про меня настучали... Борзые». — «Что дозволено Юпитеру, то не дозволенно быку. План даешь — Юпитер, не даешь — в стадо. Все так живем!» — Берзарин подходит к окну.

Михалев убит горем. Когда он не на Трассе, каждый день на кладбище.

Берзарин вызывает Хохлову и приказывает привезти к ней домой маленького Колю. Берзарин осматривает мальчика. Сцена похожа на опознание. Проверяет уши, сравнивает свой и мальчика нос... Никак не может окончательно удостовериться... Вспоминает: «У меня пальцы на ногах растопырены, у Коли такие же растопыренные пальцы...» — «Да не сомневайтесь, товарищ комиссар! Я знаю Надю. Она верующая!» Растерянный Берзарин обсуждает с Ниной, как ему поступить дальше. Хохлова советует пока не разделять мальчиков. Берзарин соглашается, но тут же властно говорит: «Оформи метрику на меня. Фамилию запишешь мою. И учти — головой отвечаешь за пацана. Это мой сын! Пока пусть живет как Михалев, чтоб не мутить воду. Потом дам указания. Документы у себя держи. Я тут еще пробуду некоторое время».

Берзарин по приглашению Коржева присутствует вместе со всем руководством на награждении. В зале и Михалев. Он безучастен к происходящему. В перерыве к нему подходит адъютант Коржева и сообщает, что его

хочет видеть Берзарин. Михалев подходит к Берзарину. Они здороваются. Комиссар говорит, что им надо поговорить с глазу на глаз по важному делу. Где и когда, его оповестит Хохлова.

Вечером Берзарин дома у Нины. Он сидит за столом в верхней одежде, в штатском. «Как это случилось?» — «Запущенная форма воспаления легких. Я в телеграмме докладывала. Она не лечилась и не боролась совсем... Оставила вот...» — она протягивает иконку Николы-угодника. «Оставь у себя», — Берзарин сильно волнуется, тон разговора меняется. Он обращается к Хохловой то на «вы», то на «ты» и непрерывно курит. Недокуривая, бросает папиросу, берет новую. «Нужна твоя помощь, на какое-то время. Коля — мой сын, и это главное! У меня на работе загрузка особая. За материальную сторону не волнуйтесь». — «Хорошо. Я тогда Колю возьму к себе. Мальчишкам как-то объяснить надо...» — «Ничего Михалеву не говорите. Сам скажу».

На следующий день в обед мужчины встречаются у Нины. На столе — бутылка водки и закуска. «Здравствуйте, Николай Владимирович. Новое задание?» — «Владимир Андреевич, выслушайте меня спокойно...» — «Я готов. Что-нибудь случилось?» — «Мы — мужики и, полагаю, отнесемся к ситуации исходя из здравого смысла. Для начала давайте помянем Надежду Тихоновну».

Они выпили стоя и не чокаясь. «Дело в том, что Коля мой сын». Михалев оторопело глядит на Берзарина. «Давайте не вдаваться в подробности. Это факт». Комиссар протягивает телеграмму Михалеву.

«Ничего не понимаю. Как это?» — «Факт есть факт, и точка. Мой сын будет жить со мной. Ваш сын — это ваш сын... Некоторое время Коля поживет у Хохловой».

Это будет правильно... Сейчас ребята не поймут, и им надо объяснить, что после смерти Нади придется временно пожить в разных местах, так как домработнице с двоими не справиться... Пусть отвыкнут друг от друга... Вырастут... Живы будем, поймут... Захотят — будут общаться... Надю не вернешь, в тонкости входить бесполезно... Жизнь есть жизнь!» — «...Что мне сейчас надо делать?» — «Объяснить ребятам, продолжать работать и решить самому, как жить дальше. Если что нужно от меня... хотя понимаю нелепость своего предложения». Мужчины встают.

Михалев, не прощаясь, выходит на улицу. Он идет домой в полузабытьи. Сердце то стучит, то останавливается. У дома его ожидает «газик». Домработница гладила на обеденном столе постельное белье. «Ребята где?» — «В парке, смотрят, как с парашютной вышки прыгают. Скоро придут. Пошли со старшими, вполне приличными мальчиками. Я отпустила. На вышку их не пустят». Михалев взял из буфета бутылку водки и ломоть хлеба, спустился к машине: «В бухту Гертнера, только на парях».

Минут через тридцать «газик» останавливается на обрыве. Михалев здесь не первый раз. Море спокойно. «Часов в шесть за мной приедешь. Давай газуй. Мне побыть одному надо». — «Может, я с вами?» — шофер вышел и открыл дверцу с другой стороны. «Спасибо, Вань, но бывают моменты, когда помощники не требуются».

Михалев сел на знакомый камень, достал бутылку, откупорил и медленно из горла выпил всю. Потом понюхал хлебный ломоть и бросил его в воду. Чайки сиделись на берег. «За все платить надо. Сколько еще и кому я должен?»

Берзарин заезжает к Нине. Он кладет на стол конверт: «Вот деньги. Высылать буду ежемесячно. Я понимаю, что деньги сейчас немного стоят, поэтому вас переведут в “первую”. При нужде — мне телеграмму... Она будет у меня через три-четыре дня. Если очень срочно и важно, как исключение — запишись на прием к Коржеву, он в курсе. Но это в самом крайнем случае... За сыном прилечу — предварительно сообщу. Естественно, все держать в тайне. Спасибо и за Надежду Тихоновну. В жизни бывают ситуации, которые управляют нами...».

Магадан хоронит профессора Долгина. Колька и Сережка провожают полуторку, на которой лежит открытый гроб, до самого кладбища.

Магадан, современность.

Ситуация трагикомичная. Руководителя области и важную московскую птицу вместе со всей экспедицией держат под арестом. Михайлов пытается приободрить всех: «Ничего страшного... Нас будут искать. Наверное, уже ищут. Эта публика понимает, кого задержала. Не круглые же они идиоты!»

Михалев настроен не столь оптимистично. Его занимает вопрос: почему их задержали и кто эти люди? Михайлов говорит, что это старатели, ведущие нелегальную добычу на платиновых россыпях. Наташа высказывает опасения, которые терзают каждого: а вдруг эти дикие старатели решатся на отчаянный шаг и расправятся с ними как с нежелательными свидетелями? И тут взрывается Андрей: «Что же, мы так и будем сидеть и ждать, когда нам, как баранам, перережут горло?!» Он пытается прорыть подкоп под стеной сруба, но грунт совсем тонкий — а под ним скальные породы.

Старики обсуждают возникшую проблему. Михайлов вполголоса рассказывает брату: в крае полно «диких» старательских артелей. Они моют золото на заброшенных с ГУЛАГОВСКИХ времен разработках. Добыча невелика, и государство сквозь пальцы смотрит на их промысел. Но здесь, по-видимому, работают по-крупному. И добывают не золото, а платину. «Но зачем им платина? — спрашивает Михалев. — Ведь ее не так-то легко сбыть...» — «Неочищенную — да. Значит, где-то должен быть подпольный аффинажный цех. И налаженный трафик с выходом на заграничных клиентов...»

Андрей смотрит на крышу. Сквозь стропила и дранку проглядывает ночное небо. Ему приходит идея выбраться через крышу. Он поднимается на ноги, насвистывая мелодию из «Бременских музыкантов». Все удивленно смотрят на него. «Не врубаетесь? А все просто: собака взобралась на осла, кот на собаку, петух на кота! Кто у нас самый легкий — Наташа? Давайте делать пирамиду!»

План Андрея срабатывает — Наташу удается поднять до стропил, по бревну она ползком поднимается к кровле и, отодрав две доски, оказывается на крыше с внешней стороны... Дверь снаружи открыть ей не удастся — она закрыта на замок. Наташа находит рядом с дверью веревку. Забирается на крышу и бросает веревку внутрь сарая.

На волю выбирается Андрей. Он подкрадывается к дому старателей. Из подслушанного разговора узнает, что они ждут «Большого». Именно он должен решить судьбу пленников. Один из старателей недовольно бормочет: «И чего с ними валандаться? Поджечь сруб — и все дела!» Вдвоем с Наташей Андрею удается вывернуть петли на двери и сорвать замок. Пленники оказываются на свободе...

Десятая серия

Магадан. Последние военные годы.

В подвале дома на Сталина, шесть — прачечная. Ребята постарше придумали новую игру: назначенный по жребию должен идти за человеком, выходящим с бельем. А потом в удобном месте, где стоит кучка «наблюдателей», якобы споткнуться и, падая, выбить куль. Все разбегаются, а пострадавший, видя бегущих в разные стороны, на какое-то время теряет ориентацию...

Когда из подвала вышел сутулый и худющий мужчина в ватнике и с большим кулем, Колька пристроился сзади. По команде он «споткнулся» — куль упал в грязную лужу. «Команда» бросилась врассыпную. Мужчина поднял куль, а другой рукой ловко ухватил за ухо «басурмана».

Проходившая мимо Нина грозно спрашивает мужчину: «В чем дело?» — «У них игра такая — выбивать чистое белье, я не первый раз вижу». — «А ну, отпусти. Я тебе покажу “игра”!.. Недавно освободился — опять захотел на Трассу?» В мужчине она узнает Павла Загубина. Он тоже ее узнал, посмотрел быстрым взглядом, съежился, подхватил куль и скрылся за углом. Оторопев от увиденного, Нина стоит молча и гладит по голове Колю.

Всю ночь она лежит с открытыми глазами.

В городе поползли слухи, что японцы потопили теплоход с доходягами и ценным грузом, пришедшим из Америки.

В Магадан прибывает Уоллес. На первой встрече он передает личное послание президента Рузвельта и просит показать, в каких условиях содержатся осужденные.

Уоллеса доставляют в чистенький лагерь с привезенными на «спектакль» и переодетыми в новенькие робы «счастливыми» зэками, вступившими на путь исправления. Они прошли соответствующую подготовку. Каждый понимал, чем для него могло кончиться, прояви он «самостоятельность».

В кабинете Коржев, Берзарин и Уоллес со своим переводчиком. Берзарин не подает вида, что понимает английскую речь. Речь идет о поставках по ленд-лизу через Магадан.

Перед Коржевым по стойке «смирно» стоит адъютант. «Вызови прокурора, чтоб через час был». Появляется прокурор Колымы. «Я тут по городу ехал, несколько “доходяг” у подъездов толкаются. Этот американец нос везде сует. Разберись. Это твое дело!» — «Есть, товарищ комиссар».

Прокурор выходит, садится в «эмку», снимает головной убор и вытирает пот со лба: «Слава богу, пронесло». Он подъезжает к столовой. В мусорном баке копается «доходяга». Прокурор недовольно смотрит в его сторону и узнает своего бывшего командира. Он оглядывается и быстро говорит: «Владимир Иванович, я ваш ординарец Семенов. Вы мне рекомендацию в Юракадемию давали. Не признали?» — «Признал...» — «Не оборачивайтесь. Завтра к десяти утра будьте во дворе прокуратуры, копайтесь в мусорном баке. К вам подойдут. Выполняйте, что скажут. Никаких вопросов. О нашем знакомстве — никому. Будет возможность, отправлю на материк, а в трюме можно не добраться до Находки. Там условия невыносимые. Надо ждать, Владимир Иванович. Большого сделать не смогу».

Голос за кадром (кадры кинохроники, суд над высшими военачальниками Красной Армии).

До Колымы Владимир Иванович Обухов служил в Генштабе. В тридцать восьмом за неосторожное высказывание на совещании высших армейских чинов, где присутствовали Ворошилов и Буденный, что «настало время коней с гривами менять на коней стальных», «тройка» приговорила Обухова к высшей мере. Но приговор заменили на двадцать лет лагерей. Крепыша, игравшего двухпудовыми гирями, после пяти лагерей «активировали» и привезли в Магадан для отправки на материк в очередной партии «доходяг»... Так бывший комдив очутился в теплом сарае, при кроликах, мясо которых было рекомендовано его ординарцу, а ныне прокурору всей Колымы. Бывшие сослуживцы больше никогда не общались.

Колыма, современность.

Беглецы пытаются ночью пробиться к распадку, где их ждет вертолет. Старатели, обнаружив открытую дверь сарая, бросаются в погоню.

Михайлов берет на себя руководство группой. Благодаря ему беглецам удастся обмануть преследователей и оторваться от них. Но с рассветом они обнаруживают, что заблудились и ушли в противоположную от вертолета сторону... Наташа натывается на медведя. Андрей становится между зверем и девушкой... Медведь оказался ручным и вывел беглецов на одинокую заимку, в которой живет отшельником охотник. Охотник помогает им добраться до вертолета...

Наши герои возвращаются в город. Михайлов вызывает начальника УВД области и сообщает, что к северу от реки Уктар ведется нелегальный промысел платины. В воздух поднимаются два вертолета с представителя-

ми прокуратуры и спецназом. Но на том месте, где был старательский лагерь, представители власти ничего не находят... Только дымящиеся головешки на месте недавнего пожарища.

Братья вместе с Андреем в бане. Они с шутками отмечают свое «освобождение». Высоко оценивают оба брата действия Андрея, который проявил себя настоящим мужчиной. Деду теперь не будет стыдно за внука.

Андрей с Наталией гуляют по Магадану. Они обсуждают возможность продолжить свои отношения, когда вернутся в столицу.

Одинадцатая серия

Магадан, современность.

Утром Михалева, бегущего по улице, догоняет джип. Дверца приоткрывается, хорошо одетый мужчина средних лет и плотного телосложения предлагает подвезти Михалева. «Спасибо, я хочу один прогуляться». — «Не возражаете, если присоединюсь? Моя фамилия Кашин. Местный бизнесмен. Для вас есть интересное предложение». Михалев обрывает разговор, пытается избавиться от навязчивого попутчика. Но Кашин не собирается отступать — из джипа выходят два парня. В одном из них Михалев узнает «жалобщика» от лица «местных бизнесменов», посещавших его в день приезда. Парни преграждают дорогу Михалеву и очень вежливо, но убедительно просят сесть в машину. «Это что, похищение?» — «Ну что вы, — усмехается Кашин. — Приглашение к уважительному разговору». — «Что вам от меня нужно?» — «Я хочу вам представиться и не только дать важ-

ные сведения, но и сделать предложение. Наша встреча вас ни к чему не обязывает. На Колыме народ уважительный и порядочный. Я гарантирую, что беседа вас заинтересует. Всегда можно интересное сообщить умному человеку...»

Кашин и Михалев внимательно смотрят друг на друга.

Андрей возвращается от Наташи под утро и обнаруживает номер пустым. Деда нет. Мобильник отключен. Охранник в отеле сообщает, что видел Михалева, сдившегося в черный джип. Заподозрив неладное, Андрей звонит Михайлову, тот приказывает поднять на ноги милицию...

Джип останавливается возле здания ресторана в центре Магадана. Кашин вежливо приглашает на деловой завтрак. Михалев выходит... «Это самый лучший ресторан в городе. Японская кухня. Повар — из Токио. Я плачу ему десять кусков американских рублей в месяц. Здесь можно отведать настоящие японские блюда из морепродуктов, выловленных только сегодня утром. В Москве такого никогда не будет». Михалев оглядывается. «Идемте, идемте, не пожалеете», — приглашает Кашин. Михалев, улыбаясь, показывает на табличку. «Ресторан-то открывается в двенадцать. А сейчас половина восьмого». Кашин усмехается: «Для нас с вами всегда открыто...»

Они проходят внутрь. «Не люблю толпу», — комментирует Кашин, усаживаясь за столик. Достает сигареты и, кивком указав на хрустальную пепельницу, говорит официанту: «Эту убери. Принеси фирменную, для уважаемого гостя». — «Я не курю».

Официант приносит серебристо-серую, массивную, невзрачную на вид металлическую пепельницу. Кашин, стряхнув пепел, приподнимает ее: «Чистая платина.

Здесь больше килограмма... У меня дома такая же, но на десять килограммов. Дарю близким друзьям и просто понравившимся мне людям». — «Зато вы мне не нравитесь — и очень!» — «Зачем так сразу... Давайте поговорим. Может, ваше мнение обо мне и переменится... Кстати, у меня тут оказалась одна вещица. Рад случаю вернуть в целости и сохранности». Кашин выкладывает на стол фотокамеру Наташи. «Мы тут стерли несколько снимков. Остальное не трогали. Мне лично понравилось. Впечатляет». — «Слушаю вас». — «Видите ли, прямо или косвенно, я владелец многого на Колыме. Одному мне справляться с такой собственностью трудно. Устаю. Давно ищу надежного и влиятельного человека в партнеры... Сюда к нам не желаете перебраться после ухода на пенсию? В Москве-то все уже разобрано, а у нас еще только начинается. Хочу вам перспективы обрисовать... С моими возможностями и вашими московскими связями... Достойные дела можно вершить!»

На вопрос Михалева — на каких основаниях он владеет Краем, Кашалот заявляет: «Наследство. У меня четыре ходки. Коронован. На Колыме я один “в законе”. Так что все конкретно, по закону. Этот край поднят и освоен эзками. Здесь их кости по всей трассе дотлевают. Значит, по праву и владею всем...» — «Не передергивай, Кашалот, — Михалев уже понял, с кем имеет дело. — Это не те эзки были, не твои...» — «Твои, что ли?» — впервые не сдерживается Кашалот. «Да, мои... И ты отлично знаешь, кто здесь в земле лежит. Тебе здесь ничего не будет принадлежать».

Кашин улыбается и невозмутимо продолжает: «Новые времена приходят... Пока государство раскачается — поздно будет. Время новой водородной энергетики приближается. И мы с вами можем оседлать это дело. Платина нужна для электродов водород-

ных двигателей. У меня все схвачено — на Хоккайдо завод строится. Я в большой доле. Мне не деньги нужны — мозги. А у вас друзей-академиков, как у меня килограммов платины. Мы все про вас знаем. Объединимся — Азия наша. Свой завод построим по выпуску электродов. Торговать-то надо не платиной, а электродами. Надо реалиям в глаза смотреть, а лозунги — это большевикам оставим. Давайте дело делать и серьезные деньги зарабатывать».

В зал врываются милицейский наряд и Андрей. За ними входит Михайлов. Михалев успокаивает его: «Все в порядке, брат! Так, посидели, поговорили по доброму. Мы мужики!»

«Значит — война?» — «Да, Кашалот, — война... выбора нет». — «У нас руки длинные». — «Укоротим, я сюда сам вернусь...» Михалев встает из-за стола...

Магадан. Накануне Победы.

После школы — раздолье. Сегодня домработницы не будет. Сережа еще на школьной лестнице увидел, как у Дома культуры остановились сани-розвальни. За Домом культуры продуктовый склад, ребята там подбирают куски подсолнечного жмыха, его полдня сосать можно. Кучер укладывает в сани мешки. Когда Сережа подошел, кучер подмигнул ему: «Садись, прокачу. Не бойся, она умная, держись покрепче». Кучер бросает мальчику одеяло.

Лошадь пошла рысью. Они въезжают во двор двухэтажного деревянного здания магаданской прокуратуры. Лошадь медленно подходит к воротам длинного сарая. От нее идет пар. Вокруг глаз и ноздрей кобылы ледяные нити. Кучер достает из-за пазухи мешковину и заботливо вытирает морду лошади, снимает удила: «Опять пристыла, моя красавица... Видать, нам обоим Колыма не в радость. Пойдем скорее, — он открывает

ворота. — Корма на неделю хватит. Оклемаешься, моя хорошая!»

Кивнув мальчику, он приглашает его зайти в сарай. «Это кто?» — удивляется Сережа. «В первый раз кроликов видишь?.. Мои подопечные. Походи, погляди на эту публику. А я пока мешки занесу».

В самом углу сарая крошечная каморка размером два на полтора метра. Через небольшое полупрозрачное оконце сочится свет. Здесь и живет дядя Володя.

Сегодня Сережа принес дяде Володе взятые тайком из дома продукты и объявил, что скоро они с отцом уедут на материк.

«Ты ведь мужчина и умеешь хранить военную тайну? Попрошу тебя об одном одолжении. Выполнишь его, когда сам поймешь... Раньше вы в Москве жили, так?» — «Да, мама говорила — недалеко от Кремля. Она Сталина видела». — «Ну вот и хорошо. Запомни адрес, и больше ничего... Рядом с кинотеатром “Ударник” большой серый дом, его все знают в Москве. Из него Кремль виден. Запомни номер квартиры: сто тридцать шесть. Спросишь кого-нибудь из Обуховых... Если они там жить будут... Расскажешь, что захочешь. Только это надо сделать тогда, когда вырастешь и сам решишь. Это и будет наша с тобой военная тайна. Хорошо?» — «Ладно», — серьезно отвечает мальчик. «Ну, коли никого не застанешь... не судьба, значит».

Хозяин приехал с трассы совсем разбитый. На двух дальних соседних приисках взбунтовались зэки. Пришлось применить меры, хотя для недовольства были причины.

«Но сейчас война, всем трудно. Начальник прииска перебрал, триста человек под пулемет поставил. Реши-

тельный мужик. Надо его заменить, чтоб дальше не пошло. Советская власть — справедливая».

Не раздеваясь, он входит в домашний кабинет и садится в кресло. Покалывает сердце, и в висках стучит. Подходит Луиза в японском кимоно. «Спой что-нибудь, а то сердце ноет!.. Скажи, чтоб коньяк и рюмки принесли».

Чуть позже она появляется в цыганском и с гитарой. Присев к нему на ручку кресла, поет его любимые «Очи черные». Коржев закрывает глаза. Напряжение спадает. Он просит повторить. Луиза кладет ему голову на плечо: «Скоро войне капут. Надо к мирной жизни готовиться. Хорошо бы и нам театр. Сцена есть, зал есть. А то только заседания к праздникам проводишь... Я ведь артистка — зачахну без зрителей и сцены. Нужно труппу и оркестр набрать. Постановки будем ставить. Чем плохо? У меня дело будет, а то ведь только и жду тебя». — «Я думал, мне только два человека задания могут давать... — усмехается Коржев. — Ну да ладно, завел молодую, красивую... Есть у меня один спец по лагерям. Он заявление написал — на материк просится... Тебе поможет — отпущу... А сейчас по рюмке и спать». Коржев кряхтя встает с кресла.

«И совсем ты, брат, слюнявый стал», — говорит он вслух себе.

Двенадцатая серия

Магадан. Война окончена.

Утром Михалева вызывают к Хозяину.

«Заявление твое передали. Чего ты вдруг надумал сбежать от меня? Обиделся, что не наградили? Сам виноват — со всеми воюешь. Исправим. Я сам тебя в дописаниек включу и восстановим “первую” с должно-

стью. Завтра приказ будет. У тебя больно “дружков” много. У меня тоже друганы есть... борзые, мать их». — «По семейным обстоятельствам». — «Знаю... Давай так. Поможешь артистов набрать, и отпущу». — «В каком смысле? Блатных, что ли?» — «В самом прямом. Театр будем делать. Мнение есть, — Коржев криво усмехается, — у меня...»

Через три месяца труппу и музыкантов размещают в двух новых бараках, которые специально были построены по настоянию Луизы. Вместо нар кровати.

Нашли режиссера и дирижера «с именами», доставили из Хабаровска спецрейсом инструменты. В подвале клуба пограничников Луиза отыскала рояль. Список требований ее расширяется: портные, художники, специалисты по сцене, костюмер, настройщик. Богата Колыма, если по лагерным сусекам поскрести. Нашли даже гримера-художника.

Решено к октябрьским готовить праздничный концерт. Из лагеря привезли в Магадан известного певца Вадима Козина. Но выступить ему Коржев не разрешил: «Борзые мои рады будут весточку на материк отписать. Гоголи-Фонвизины, мать их».

Хозяин совсем подругу не видит. С утра до позднего вечера в Доме культуры она готовит генеральную репетицию. Коржев у себя в домашнем кабинете — для него лично ведется прямая трансляция из зала. Он зовет адъютанта: «Пойди скажи, чтоб “Очи черные” Луиза спела, а потом пусть репетирует сколько хочет».

В феврале 1946 года Коржев подписывает заявление Михалева. Девятого мая, в годовщину Победы, вместе с Сережей Михалев поднимается на борт «Советской Колымы». Теплоход покидает бухту Нагаево.

Медленно отходит от причала, разворачивается... На палубе стоят двое — Михалев и мальчик. Смотрят, как, затягиваясь дымкой, все дальше и дальше отходит колымский берег...

Мальчику холодно. Отец заботливо кутает его в свое кожаное пальто... «Мы ведь вернемся? — Спрашивает мальчик. — Мы вернемся к Коле?» — «Конечно, вернемся. Обязательно вернемся! Пойдем в каюту».

Они уходят...

Голос за кадром.

Когда объявили, что Берия и его ближайшие сподвижники — агенты империализма, Нина Хохлова вновь переделала свидетельство о рождении Коли. Теперь Николай Хохлов ее сын, а в графе отец — прочерк. Через месяц с новым свидетельством Коля был во Владивостоке. Его ждала новая жизнь. Время такое было.

Москва, современность.

Михайлов привозит брата в детскую спортивную школу. Они входят в зал, где тренируются боксеры, и, улыбаясь, смотрят на спортсменов. На ринге, поделенном по диагонали на четыре сектора, боксируют четыре пары в шлемах. Николай толкает плечом Сергея: «А что, слабо постучать? Давай замажем на бутылку». Оба улыбаются.

Братья прощаются на аэродроме. Николай вполне серьезно предлагает брату переехать к нему: «Россия не в Москве. Россия здесь. Теперь мы хозяева Колымы! Отцы наши не НКВД служили, а России. Время такое было! Надо и нам послужить».

В зале VIP появляются Михалев с внуком и Наташа.

На диване, в огромных белых очках, закинув ногу на ногу, сидит Минина.

Андрей толкает Наташу: «Смотри, Минина».

Михалев подходит к певице: «Какая встреча». Она протягивает руку. Он поднимает певицу с дивана. «Я узнала профессора. Ну что, все меридианы проверили и пересчитали?» — «Пусть теперь они, — Михалев кивает в сторону молодых, — считают. Я один меридиан, Колымский, выбрал и за него крепко держаться буду».

В знакомом по первой серии кабинете Михалев передает министру сувениры: вырезанную из кости моржа сценку охоты на медведя и альбом с цветными снимками колымской природы. Министр ставит сувениры на полку и достает его заявление: «Ну что, решил все-таки на пенсию?» Михалев протягивает отчет: «Нет, поеду на Колыму — Севера поднимать... Жена согласна еще разок тряхнуть... А с Михайловым Москва не ошибется. Только такие и нужны России». — «Когда приказ готовить?» — «А что тянуть, служивому только подпоясаться, и в путь. Вот только военное поручение одного довоенного комдива исполню — должок за мной старый есть, и махну рукой Престольной».

В Москве на Тверской улице в молодежном кафе за столиком сидят Наталия и Андрей. Громко играет музыка.

«Мои колымские снимки понравились. Я получила шикарную командировку — по всему Дальнему Востоку, на целый год. Буду делать альбом «Солнце всходит на Востоке». — «Поздравляю... Здесь так шумно. А помнишь, как мы на Уктаре к старателям попали? Какая там тишина была!.. Посмотри на эти лица: попроси что-нибудь — пошлют. А там зверь, медведь, нас спас.

Я переведусь на факультет по редким металлам. Закончу — и к деду, комбинат будем огромный, как в Норильске, строить. Дед с бабушкой на Колыму собираются». — «Да, дела. Как неожиданно все срослось», — молодые люди чокаются. «Альбом подаришь?» — «А как же! А ты меня на комбинат позовешь?» — «А то!»

Титры на экране.

В 1953 году, после образования Магаданской области, Дальстрой передал свои административные и партийные функции соответствующим органам и остался хозяйственной единицей в системе Министерства металлургической промышленности СССР.

В этой истории изменены только имена и некоторые факты. Не дай бог, чтоб внуки тех, кто стоял тогда по разные стороны колючей проволоки, подошли к барьеру. Но и не дай боже нам в беспмятстве жить... Мужчины и женщины, которым не суждено было вернуться на материк, пусть спят в колымской мерзлоте. Скольких Вавиловых и Мейерхольдов, и просто детей своих после колымской людорезки недосчиталась щедрая земля расейская!

Не случись беда колымская, может, и сериалы нынче другие были бы, и нарзан, а не «Аква Минерале» пили бы...

Только время никого не ждет. Нынче песни другие, а не грех и старые помнить!

Пока идут титры, тихо звучит песня:

*Я помню тот Ванинский порт
И вид пароходов угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные, мрачные трюмы.*

*...Будь проклята ты, Колыма,
Что названа Чудной Планетой...
Сойдешь поневоле с ума,
Обратно дороги уж нету...*

Снова раннее утро в Нескучном саду. Профессор МГУ приветствует Михалева: «Ты куда опять исчез? Небось, уже в Новой Зеландии себе латифундию при-сматриваешь?» — Профессор пожимает Михалеву руку. «Да нет. На нашу Колыму летал, по местам детства прошел, где обруч гонял... Всколыхнулось все... Брата родного встретил, почти полвека как судьба различила... Он за Россию по-честному стоит, не на словах, на деле». Профессор внимательно смотрит на Михалева: «Видать, надумал что-то по-серьезному, коль такие слова говоришь». Михалев, помолчав, говорит: «Надумал... К брату поеду, Колыму поднимать надо, а то поздно и мне, и Колыме будет... Хоть и говорят, что два раза в одну воду не входят, а я рискну». — «А что, сосед, дети и у меня выросли... Позовешь, и я со своей мадамой соберусь, она у меня легка на подъем. Там, на Колыме, московский профессор с настоящим докторским дипломом, а не купленным в переходе под Манежем, лишний небось не будет!» — профессор улыбается, Михалев хлопает его по плечу: «Моя уже вещи собирает... Большие дела — серьезные люди нужны. Представляешь, Россия спит, а нам уже солнце улыбается... Восьмой меридиан». — Профессор: «Не понял?» — «Приедешь — расскажу и Меридиан покажу, вместе клеймить будем!» Профессор: «А что, верно, сосед. За стариками молодежь потянется... Как мы?! Круто берем!» Михалев: «Просто не будет». Профессор: «А когда нам в России просто было? На то и Россия».

Они пожимают друг другу руки и разбегаются. Профессор поднимает руку и, оборачиваясь, громко про-

износит: «Ну, до встречи на Колыме. Помнишь “Бриллиантовую руку”?» — «На Колыме бегать по утрам будем!.. Вот времена какие настанут!»

Братья и профессор в московской квартире Михалевых сидят за столом. Жена Сергея накрывает на стол и напряженно молчит.

«Ну что, родные мои, окончательно решили? Я уже свою предупредил. Она волнуется, говорит — сна не стало». Жена Сергея вздыхает: «Решим... Правда, не знаю, как это, так сразу?..» — «Не волнуйся, сестренка, благодарить будешь. Теперь у нас такая семья... Вместе мы — силища! Андрюха к нам придет специалистом. Династия!» — «Колымский Меридиан укреплять будем», — смеется профессор.

Сергей и Николай подъезжают на служебной машине к кинотеатру «Ударник», выходят из машины и идут вдоль стены. На ней сплошь мемориальные доски.

«Сатрапы и жертвы, обличители и молчуны... Теперь все рядом. И слава богу... Забывать только нельзя! Простите нас всех, Владимир Иванович. — Сергей закрывает глаза и кланяется стене. — Колыму поднимем и грех наш общий отмолим...»

К о н е ц

ПРОСТИ МЕНЯ...

(ПОЧТИ СТАРОМОДНАЯ МЕЛОДРАМА)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Н и к о л а й Л а п т е в, 58 лет, старый холостяк, доктор наук, спортивной внешности, в юности занимался боксом.

Н а т а л и я, 28 лет, замужем, имеет малолетнего сына, стройная, красивая.

И р и н а, 40 лет, не замужем, в прошлом артистка оперетты, яркая брюнетка.

П е т р о, 36 лет, журналист областной газеты.

П а с с а ж и р в поезде, 35 лет, блатной, только что освобожден из заключения, во рту фиксы.

А с т р о ф и з и к, 42 года, турист поневоле, на лице редкая растительность, худой.

П р о в о д н и ц а вагона, около 40 лет.

С т а р и к на кладбище, 72 года, с манерами еврея-одессита.

В р а ч в Онкологическом центре, женщина, 40 лет.

Москва. Квартира Николая: тахта, торшер, цветы в кадке, большой напольный телевизор, холодильник, на стене картина, на комоде граммофон с раструбом.

Дверь в ванную приоткрыта. Раннее утро. Звонок. Николай выходит из ванной в халате, полотенцем вытирает голову, открывает входную дверь. Входит радостная Наталия с дорожной сумкой.

Наталия (виснет на шее Николая, сумка падает). Ну слава богу, с сыном все обошлось. Просто затяжная простуда, парень растет, иммунитет не поспевает... Ты почему не звонил? У меня сердце разрывалось: сын кашляет — на подушке кровь, ты не проявляешься, изменщик несчастный...

Николай (прижимая к себе Наталию). Связь с корабля никакая... Соскучился... (Целует Наталию.) Больше без тебя — никаких отпусков... Привет из Константинополя привез. (Берет со стола коробку, достает золотые серьги в виде больших колец, пытается одеть серьги Наталии.)

Наталия (вырывает серьги из рук Николая, смеется). Сама-сама, ваше дело раздевать, а уж серьги мы как-нибудь сами наденем (вставляет серьги в уши). Спасибо, дорогой — с тобой всегда праздник (целует Николая в щеку).

Николай. Весь круиз одну мысль думал — давай твой день ангела отметим вдвоем в «Национале». Возьмем номер, отдохнем... (Хитро улыбается.) Соскучился, аж зубы сводит. А вечером ресторан. Ты бабам нервы подергаешь, а мужики мне завидовать будут.

Наталия (игриво). А что мне надеть?

Николай (тоже игриво). Я места знаю, где красавиц одевают и... раздевают.

Н а т а л и я. Нахал, у тебя одно на уме.

Н и к о л а й. Неправда, два.

Н а т а л и я (*крутится перед зеркалом*). Изменял мне?

Н и к о л а й. Ты мне кислород перекрыла — на других женщин не реагирую... С завода звонили — скоро пуск. Сразу, как отметим именины, вместе и вернемся в твою Хохляндию.

Н а т а л и я. Как я люблю с тобой вместе!..

*Н и к о л а й увлекает Н а т а л и ю на тахту.
Гаснет свет.*

Слышится музыка («Грезы любви» Листа).

На другой половине сцены высвечивается купе вагона, у окна сидит небритый мужчина, на нем майка-тельняшка, плечи и руки сплошь в наколках, на столике на газете хлеб, банка килек, неполная бутылка водки.

Купе трехместное: три полки с одной стороны, кресло через столик с другой. Слышится шум от движения поезда.

*Н и к о л а й и Н а т а л и я с сумками идут по проходу.
Навстречу П р о в о д н и ц а .*

П р о в о д н и ц а. Опоздавшие?

Н а т а л и я. Еле успели в последний вагон...

Н и к о л а й. Хорошо таксист-москвич попался — знал, как везти.

Н а т а л и я. Никак не привыкну к московской торопильке. Как вы тут живете?! (*Оборачивается к Н и к о л а ю.*) Спасибо тебе, какой праздник ты мне устроил.

Н и к о л а й и Н а т а л и я останавливаются перед открытой дверью купе.

Н и к о л а й. Это наше... (*Приветливо пассажиру.*) Добрый день.

П а с с а ж и р (*ковыряя алюминиевой вилкой в зубах и не поворачивая головы*). Валите отсюда. Праздник у меня.

Н и к о л а й (*недовольно оборачивается к проводнице*). Это кто?

П р о в о д н и ц а (*испуганно закрывает рот ладонью*). Больше местов вдвоем нет.

Н и к о л а й (*деловито*). Барышни, вы там, в коридорчике, пошепчитесь... Корефана встретил (*резко закрывает дверь*).

П а с с а ж и р спокойно, не глядя на Н и к о л а я, берет бутылку запрокидывает голову и выливает в горло содержимое. Затем снизу замахивается, чтобы ударить Н и к о л а я в пах. Н и к о л а й уклоняется и наносит П а с с а ж и р у прямой удар в лицо. Тот роняет бутылку, закрывает лицо ладонями и опрокидывается на спину.

П а с с а ж и р (*стонет, сквозь ладони гнусавит*). Приходи, живи всей семьей.

Н и к о л а й берет с полки полотенце, открывает дверь купе.

Н и к о л а й (*Наталии*). Быстро в туалет, намочи холодной водой.

Н а т а л и я удаляется с полотенцем. В купе протискивается П р о в о д н и ц а.

П р о в о д н и ц а (*испуганно*). За что же так его, родимого?

Николай (*с усмешкой, спокойно*). Да у него флюс, зубы болят!

*Появляется Наталия с полотенцем.
Николай накладывает полотенце на лицо
Пассажиру.*

Николай. Утрись, друже!

Пассажир (*стонет*). Ты кто?

Николай (*усмехаясь*). Дед Пихто, хер с горы, мохнатый... Слухай сюда, чудо вагонное. Могу еще теплее. Хошь, лепило¹ позову — ливер смотреть будем, не прохунилось случаем что?

Пассажир (*продолжает стонать*). Все понял, хозяин.

Николай. Ну и ладушки. Были гуси у бабуси...

Наталия (*прижимая руки к груди*). Мне страшно, Коля.

Николай (*закидывает сумку на верхнюю полку*). Время нынче такое. Вот и сосед наш сначала очко «жим-жим», а сейчас успокоился... (*Пассажиру.*) Верно говорю?

*(Пассажир лежит на спине,
продолжает стонать.)*

А ты, мать, (*поворачивается к Наталии*) полезай наверх и отдохай. Поутру дел навалом — Алика мыть будем... (*Пассажиру.*) Шевельнешься до утра — бейцы на колеса намотаю.

*Гаснет свет. Слышится постукивание колес.
Утро. Николай сидит в кресле.*

Пассажир (*снимает полотенце с лица, смотрит, оно в крови*). Мне ослобониться надо.

Николай. Не суетись... Выйдем, и ты потянешься...

¹ См. примечания на стр. 313-314.

*Николай помогает Наталии
спуститься с полки.*

*Они вместе выходят из купе, идут по проходу.
Проводница с испугом провожает их взглядом.*

Наталия. Что ты ему говорил? Я ничего не поняла. Какого Алика мыть?

Николай (*кладет руку Наталии на плечо*). Я ему по-родному посоветовал за гигиеной следить.

Наталия. Неправда, ты ему нехорошее говорил.

Николай. Когда с одного языка на другой переводишь, возможны искажения. Нормальное дело.

Наталия. Откуда ты это все знаешь?

Николай (*усмехаясь*). Детство послевоенное... А позже книги разные читал, мимо жизни не ходил...

Наталия (*задумчиво*). Почему люди часто так ненавидят друг друга?

Николай (*целует Наталию в затылок*). Жизнь такая, какая есть... Успокойся, я ведь рядом... Как линию на заводе пустим, в Словению махнем на недельку... Сможешь? Чудная страна. А озеро Блед — жемчужина. Там вилла Иосипа Броз Тито... На озере гондолы, и все названия русские... Есть даже «Наталия»...

Наталия (*грустно*). Постараюсь... Я теперь дома квартирантка... Не жена, не мать... Выгонят — куда идти... (*вздыхает, отворачивается*).

Гаснет свет.

Утро. Квартира Николая.

Он в халате, стоя смотрит телевизор.

Наталия спит на тахте.

Из телевизора доносится голос диктора:

*«По состоянию здоровья Михаил Сергеевич Горбачев
не может выполнять обязанности Президента
страны...»*

Н а т а л и я (*открывает глаза, потягивается*).
Что там еще случилось?.. Война что ли? (*Зевает.*)

Н и к о л а й (*не оборачиваясь*). Серьезные мужи в
большевистское недалече опять народ зовут.

Н а т а л и я (*потягиваясь*). С тобой — хоть куда...
Позови только... и насовсем... в одну минуту соберусь и
никаких условий ставить не буду. Даже иногда изменять
разрешу... (*Встает, обнаженная, надевает халат
и идет в ванную.*)

Н и к о л а й (*громко*). Чую я, не пройдет и пол-
года, как на территории ЦК КПСС появится пятнад-
цать независимых республик, или, как там... княжеств,
ханств... Вместо одного Генерального секретаря вы-
строится шеренга президентов, эмиров... Так-то, моя
дорогая!.. На завод в твою Хохляндию меня уже не пу-
стят. А ты теперь — новая Мата Хари будешь.

Н а т а л и я (*выглядывает из ванной*). Это кто?

Н и к о л а й (*не отрываясь от телевизора*).
Легенда шпионажа в Первую империалистическую.
(*Имитируя акцент Саахова из кинофильма «Кав-
казская пленница».*) Красавица, танцовщица, умни-
ца, наконец. Когда ее разоблачили и приводили выс-
шую меру в исполнение, солдаты целились мимо.
Просила глаза ей не завязывать. Смерть встретила с
улыбкой... Мне, как засекреченному профессору, те-
перь предъявят обвинение в государственной измене...
через сексуальные отношения с иностранкой...

Н а т а л и я. А в Словению-то, пока не разоблачили,
успеем? Смотри (*игриво*), что я купила... (*Распахивает халат, на ней яркий купальник в огромных
красных маках.*)

Н и к о л а й (*смеется*). Успеем... Если появишься
на суде в таком купальнике и судья мужчина будет, мак-
симум что тебе дадут — условно.

*Они обнимаются и падают на тахту.
Гаснет свет.
Звучит музыка («Грезы любви» Листа).*

*На другой половине сцены освещается
ущелье, уходящее вверх.
На большом камне лежит полураздетый
мужчина в темных очках.
Наталья в том же купальнике и темных очках
в красной оправе.*

Наталья. Мужики-иностранцы увидят меня рядком с тобой и скажут — что же это за кобелино старый, если с ним такая красotka... Пойдем по ущелью наверх.

Николай. А если твой кобелино старый сдохнет на полдороге?

Наталья. За меня держись. Ты еще не раз это поймешь, если не бросишь меня... Смотри, там человек. *(Показывает на камень.)*

Николай. Давай замажем, это наш.

*Мужчина на камне (Астрофизик) поднимает руки
в приветствии, спускается с камня, подходит.*

Астрофизик *(снимает очки)*. Не ошиблись. Потомственный московский абориген. Могу пригласить к себе в опочивальню *(показывает на камень)*.

Наталья *(тоже снимает очки, осматривает подошедшего)*. Что мы, ящерицы?

Астрофизик. Я не люблю случайных знакомств и покидаю Престольную, чтобы никого не видеть. Но перед дамой такого экстерьера...

Наталья *(с вызовом)*. Между прочим, я не Каштанка.

Астрофизик. Простите покорнейше за бестактность. Одичал-с... На камнях правила хорошего тона быстро забываются... В России сейчас люди моего уровня подготовки и интеллекта не нужны. Я астрофизик — специалист по сверхплотным объектам во Вселенной. Но когда нам перестали платить за поиск черных дыр, а жизнь моя стала сплошной черной дырой, бросил это черное дело. Пару-тройку подготовлю богатеньких отпрысков в вуз, получу ренту за использование докторских мозгов, семьдесят процентов семье, остальное мне. Уезжаю в недорогую страну с небольшой плотностью населения и в природных условиях улучшаю свою чакру. *(Смотрит на небо.)* ...Полет скоро. Советую вернуться, а я привычный *(поворачивается и направляется к камню)*.

Николай *(обнимает Наталию за плечи, смотрит вслед Астрофизику)*. Я думаю, у него с психикой не все в порядке. Надо делом заниматься, а не обижаться на весь мир... Мы пойдем другим путем, как заметил один малоизвестный адвокат, ставший потом крупным политическим деятелем первой четверти двадцатого века.

Наталия. Это кто же такой?

Николай. Ты его не застала. Он в Кремле главным начальником работал. «Аппассионату» Бетховена больно любил, считал ее «нечеловеческой» музыкой... Потому, наверное, тьму людей и погубил. А потом его другой начальник сменил, тот, который театр теней любил. Большой интриган был и людей положил еще больше... Астрофизик прав — вымокнем.

Наталия. Как скажешь, мой господин.

Николай. Поедем-ка лучше в старинный итальянский городок на Адриатическом берегу, Пиран. Каменные улицы шириной три метра, можно укрыться от зноя и дождя. А на центральной площади памятник

Джузеппе Тартини. У нас не знают об этом выдающемся виртуозе-скрипаче и родоначальнике теории музыки.

Н а т а л и я. Ну, сел на своего конька. Я пить и есть хочу, а не теорию музыки.

Н и к о л а й. Ты права, любовь моя. Кому теперь нужен Тартини? И играть скоро будут на электрических скрипках. Интересно, сколько процентов европейцев с высшим образованием знают, кто из трех великих мастеров скрипичного дела — Амати, Страдивари, Гварнери — учитель, а кто ученики... В Пиране (*задумчиво*) замок над морем с крепостной стеной, с нее неверных жен бросали в воду.

Н а т а л и я (*целует Николая в нос*). Меня бы не сбросили.

Н и к о л а й. Это почему такая привилегия?

Н а т а л и я. Я бы с тобой жила.

Н и к о л а й. А окошел бы твой друг по старости или перестал выполнять обязанности...

Н а т а л и я. И я тоже...

Гаснет свет. Слышится музыка (начало концерта Мендельсона для скрипки с оркестром, опус № 64), постепенно музыка стихает. Высвечивается привокзальная площадь провинциального городка. В центре площади гипсовый памятник Ленину, освещаемый лучом прожектора. Шум от подъезжающего автомобиля. Появляется Н и к о л а й. Он останавливается у изваяния: вместо пальцев торчат металлические штыри, на них болтается кепка.

Н и к о л а й (*глядя на памятник*). Ну и что, товарищ адвокат, осталось от шквала социалистического переустройства? Кепка на ржавых прутьях, миллионы

жертв и искалеченных судеб, попранное во имя мировой революции человеческое достоинство... Сколько крови было пролито, чтобы начисто уничтожить крестьянский дух. Войну выиграли, но какой ценой — своих двадцать пять миллионов положили супротив восьми — фрицев. Вернувшихся из плена на Колыму погнали, дабы никому не рассказывали, что в немецких деревнях ванны были и отхожие места не на дворе... Что же вы строили, господа большевистские начальники, если не моргнув глазом, стали присваивать себе заводы, пароходы и целые республики? А может... (*задумчиво*) не думать об этом?.. Жить, сколь бог даст, с Наталией?.. А как подохну, ей-то молодой, красивой, ни разу на комсомольское собрание не сходившей, дальше что делать?.. Отпустить ее?.. Пусть лучше ко мне на могилку придет со здоровым мужиком, да детишек выводком.

Появляется Наталия в кожаной курточке и кожаных бриджах.

Наталия. Ну что мне делать?.. С кем это ты разговариваешь?.. Не с женщиной?

Николай. С адвокатом из Симбирска обмениваемся соображениями по истории... В ремонт (*деловито*) нужно барышню твою...

Наталия подходит к Николаю, упирается лбом ему в грудь, безвольно опускает руки.

Наталия (*жалостно*). Опять до вторника... Давай, в субботу приеду к тебе и поцелую в семь утра... всего-всего?

Николай (*гладит ее рукой по голове*). Мать, давай по делу, а потом по слюням. Телку надо на

ямку — и полный огляд, включая интимные подробности... Похоже, ты ейную девичьест не уберегла-а. За пару месяцев такую недотрогу-«вишенку» в экспортном исполнении опустить до вокзальной шалашовки... Где тебя угораздило глушитель зацепить? В багажнике проволока, принеси, будь ласка. Глушитель отвалится — такой трах-таредох случится, стар и млад с перепугу обмочатся.

Н а т а л и я (*обхватывает Николая обеими руками вокруг талии*). Не могу я, когда ты уезжаешь. Мне все мерещится, что ты в своей Москве еще не одной «мать» говоришь.

Н и к о л а й. Хорошо, отныне твой отзыв — «кума Наталия». С кумой хорониться не надо от глаз людских. А если конфуз случится, всегда на толпу сослаться можно: мол, советами отвлекают.

Н а т а л и я. Дома что творится?! Он на сына руку стал поднимать... (*Вздыхает.*) Его тоже можно понять. По три недели критические дни. Я могу уже экзамен по женским болезням сдавать. Ну что мне делать? Хочешь, я уйду? Купи мне хоть палатку...

*Н а т а л и я отходит в темноту
и возвращается с мотком проволоки.
Протягивает моток Н и к о л а ю .*

Н и к о л а й. Что ты хочешь услышать? Мне тоже жаль его, такую кралю не приручил. Ну, давай возьмем его третьим... Я ведь ничего не требую от тебя. Есть твоя жизнь, есть моя жизнь, а есть наша с тобой — жизнь. Так мир устроен (*смеется*).

Н а т а л и я. Злюка старая, ну давай в субботу залезу к тебе под одеяло.

Н и к о л а й. Мы взрослые люди, ты хотела «Ниву». Вот она, «спелая вишня». Ты хотела независимой быть

и сама дать сыну шанс. Ну так чешись, кума, чешись! А против койки, особенно с кумой моей дорогой, кто возражает.

Н а т а л и я. Вот и я думаю, у тебя есть варианты.

Н и к о л а й. Если все дело в хате — особнячок не потяну, а квартиру, не сильно многокомнатную, справим.

Н а т а л и я. Почему ты не хочешь быть со мной насовсем? Зачем тебе эта свобода — сам говоришь, устал от одиночества.

Н и к о л а й. Эх, кума-кумушка моя дорогая! Взвесь реально, небось, на три «красненькие» я ране вылутился и ведь в школу ходил, когда порознь учились, и первый день войны до сих пор в глазах. Через десять лет ты мне утром клизму будешь ставить, а днем рога. И это не только неизбежно, но и справедливо!

Н а т а л и я. Я тебя люблю, и никогда...

Н и к о л а й (*закрывает ладонью ей рот*). И я тебя люблю. Разница есть, солнце мое... Настоящая любовь приходит только в зрелом или даже «послезрелом» возрасте. Моя любовь бескорыстна и должна тебя уберечь от всех напастей. Ведь тобой гормоны движут, а мной — вся прошлая жизнь. И Америки своей мы не откроем. Не ровен час, семафор откроет путь твоему куму в дорогу дальнюю... Потом ты достойного настоящим мужиком сделаешь, а он кого-то — классной любовницей. Это и есть преемственность поколений. Ведь я «оттуда», а ты «отсюда». Так судьба распорядилась. У Чарли Чаплина есть великий фильм «Огни рампы»... Там все сказано.

Н а т а л и я. При чем тут Чарли Чаплин? Пусть десять лет, но моих. Я тебе еще сына и дочь рожу.

Н и к о л а й. Есть такое понятие — биологическая справедливость: до тридцати — отец, до шестидесяти — дед, до девяноста, если в жмуры не поступишь, — прадед. Когда отец ходит с сыном в баню,

от стакана не хватает за сердце, а за мать может дать в челюсть на улице, сын вырастет нормальным мужиком. А если отрок видит, как мать вместо рюмки отцу плечо подставляет, чтоб с лестницы не свалился и шейку бедра не вывихнул, — ребенку гарантированы комплексы.

Н а т а л и я (*закрыв глаза, подставляет губы*). Ты еще молодым фору дашь.

Н и к о л а й (*целует Наталию*). Как знать... Поясничка уже восточкой шлет. Мне не нужны понты. Когда ты увидишь меня немощным, с привязанным к агрегату целлофановым пакетом, я буду проклинать себя, а ты забудешь между клизмами наше счастье. И все равно уйдешь... Или страдать будешь...

Н а т а л и я (*отворачивается*). Не уйду, куда мне идти... Мое серденько с тобой.

Н и к о л а й (*показывая рукой в темноту*). Смотри, кметы ягодицу приготовили дорогим москалям.

Н а т а л и я. Почему ты так нехорошо о трудягах говоришь?!

Н и к о л а й. Наоборот, «кмет», то бишь крестьянин по-словенски, это самая надежная часть населения. Куды он от земли денется? А мы кредиты под сумасшедшие проценты, вместо дотации, даем. Как коммунаки уничтожали крестьянство под видом раскулачивания, так и нынешние демократы-управители последних трудяг добивают. Ты хоть изредка в окно своей тачки смотришь? Амбары без крыш стоят. Фермеры на брошенной и загаженной земле-матушке из сорняков вдруг сами появятся? Три, а то и четыре поколения нужно, чтоб крестьянин вновь народился, не по названию, а по образу жизни, по самой философии ее. Чтоб в четыре утра вставать, щи серые хлебать, а не родимую! Солнцу и дождю радоваться, землю на зуб пробовать, прежде чем посевную начинать. Ведь при коммунаках семена в

холодную землю бросали по команде секретаря райкома, который порой овес от проса отличить не мог.

Наталья. Ты мне зубы не заговаривай. Ну, целуй меня, каменюка противная... Ты скоро бросишь меня... Мое сердце чует...

Николай (целует ее в волосы). Держи ключи от тачки и не гони.

*Хриплый прерывающийся голос объявляет:
«Пассажирский поезд номер пятьдесят восемь,
следующий до Москвы, прибывает на платформу
номер два. Стоянка поезда две минуты».
Гаснет свет. Гудок. Слышится шум
от уходящего поезда.*

В другой половине сцены освещается знакомое купе вагона. Двое сумерничают. Яркая брюнетка (Ирина), поджав ногу, сидит на нижней полке у окна. Напротив через столик — худосочный лысоватый мужчина (Журналист), в очках и с усами. На столике водка, сало, огурцы, хлеб, литровая бутылка пепси-колы.

Николай отодвигает дверь и входит в купе.

Николай. Здоровеньки булы! Вот она (*кивает на столик*), родина нынешняя гетмана Хмельницкого. Водка с пепси — куда идут славяне?!

Ирина (спускает ногу, приветливо улыбается). Сидайте к нам. Теперь и блюдо новое — сало в шоколаде.

Николай (деловито). Спасибо, жирное и сладкое не пользую. У вас, наверное, деловой разговор — не буду мешать. Я могу и в коридоре подождать, пока не соберетесь отдохнуть.

Ирина. Вы из Москвы?

Н и к о л а й. Точно, чистый москаль!

И р и н а. Мы тут за профессии балакаем. А вы кто будете? Вот я — замдиректора областной филармонии, а Петро — журналист.

Н и к о л а й. Я бы не хотел обсуждать свою профессию.

И р и н а. Это что, тайна? *(Протягивает руку.)*
Ирина.

Н и к о л а й *(пожимает протянутую руку)*.
Николай. Просто профессия несколько специфичная. Давайте о чем-нибудь более интересном.

Ж у р н а л и с т *(наливает)*. Давайте по пять капель за знакомство.

Н и к о л а й. Я тружусь, если так можно сказать, в социальной сфере... Я директор... кооперативного кладбища.

Все выпивают.

И р и н а *(ставит на стол стакан, удивленно)*.
Как это?

Н и к о л а й *(картинно вздыхает)*. Полагаю, мои милые сокупейники осведомлены, что в отечестве Александра Сергеевича и на родине Тараса Григорьевича православных хоронят на муниципальных кладбищах. У нас не принято распространяться о тонкостях профессии. Но мы вряд ли когда-либо свидимся, и надеюсь, у вас не будет повода искать со мной встреч, и потому сделаю исключение... По православным канонам, а хороним мы исключительно православных, покойника увозить с кладбища нельзя... Так?

Ж у р н а л и с т *(со знанием дела)*. Естественно.

Н и к о л а й. А почему?.. В ворота кладбищенские покойника вносят вперед ногами, а как выносить: го-

ловой или ногами? Привезли клиента, а на него нет документов, то есть официального свидетельства, извините, не ко сну будет сказано, с указанием причины. Куда девать православного? (*Хитро смотрит на собеседников.*) Но надо все по-людски. Все-таки последний путь... Вот мы и хороним так рано ушедших без ксивы¹.

Журналист (разливает, пытается достойно выглядеть в разговоре). Это и есть ваш бизнес?

Николай (с наигранной обидой). Вы меня развели, как лоха-первогодка... Нет, уважаемые, это только «прикрыша», так сказать, посильная помощь остающимся и уважение ушедшим. Бизнес — когда клиента привезли, а он еще не в курсе, будут его хоронить или только попросят о каком-нибудь одолжении.

Ирина (смотрит, широко открыв глаза, на Николая). В каком смысле?

Николай (с деланной невозмутимостью). Давайте поговорим теперь за украинского композитора Лысенко и его незабвенную оперу «Наталку-Полтавку».

Все замолкают.

Гаснет свет. Слышится стук колес.

Утро. Свет. В купе входит Ирина.

Николай надевает куртку.

Ирина. Извините. Моя сестра — концертмейстер в Гнесинском училище. Я всегда приезжаю на выпускной концерт. Хотите пойти? Будут романсы, русские народные песни из репертуара Лемешева. Помните такого замечательного оперного тенора? Он еще в кинофильме «Музыкальная история» снимался.

Николай. В мое время было немного певцов на эстраде. Их знала вся страна. И каждый был на-

¹ См. примечание на стр. 70.

стоящий вокалист: Виноградов, Абрамов, Бунчиков, Нечаев. На радио пел изумительный мягкий тенор Хромченко, а с неаполитанскими песнями выступал Михаил Александрович... А концерт Лемешева — это событие было... Его искренность так была нужна загнанному народу...

Ирина. Тем более вам интересно будет послушать, как сейчас его репертуар исполняют. Я вполне серьезно приглашаю.

Николай (смотрит на Ирину изучающе). Соглашусь, и с удовольствием. Тем более, что современная попса — это не мое. Хотите, я вас довезу, у меня машина на стоянке.

Ирина. Спасибо, здесь идти пешком полчаса. Люблю ранним утром пройтись через Бородинский мост, Смоленку, Арбат... Сумка у меня не тяжелая... История с кладбищем — это розыгрыш? Вы просто хотели нас уложить спать... Угадала?

Николай (продолжает). Ну а царицей песни-спектакля всегда была и будет Клавдия Ивановна Шульженко. Рядом можно, пожалуй, только Пугачеву поставить, и то, когда она достойный материал поет. А у Шульженко никогда проходного материала не было. По уровню вокального таланта, художественному вкусу и культуре пения бесспорный король советской песни на эстраде — Муслим Магомаев. Мне кажется, что, при всей огромной популярности Муслима, он недооценен. А по сути, Магомаев не меньшее явление, чем Марио Ланца. Только из-за наших большевистских барьеров, он не стал мировой суперзвездой... Были и есть прекрасные исполнители среди драматических актеров, но они в шоу-бизнесе не толкаются.

Ирина. Так нельзя говорить. Меняется время, эстетика, но в целом, конечно, все идет по пути вытес-

нения мелодии ритмом... И сильного, в основной массе, упрощения текста.

Н и к о л а й. Время всегда «другое»! Звезд не может быть много... а их пекут как блины. Это бред! Сейчас можно не учиться в консерватории, а проямлить что-нибудь сексуальным полушепотом или бедро выше допустимого показать — и звезда.

И р и н а. Какой нетерпимый! Народу всегда хотелось зрелищ и хлеба... В роке и поп-музыке есть демократичность. Что бы там ни говорили, классика по своей природе элитарна. Даже раньше офицеры больше любили оперетту.

Н и к о л а й. Это из-за девочек.

И р и н а. Не только (*смеется*). Людям нужна повседневная музыка, чтобы чувствовать себя как дома.

Н и к о л а й. В халате на голое тело?

И р и н а. И так. Вы, наверное, были бы достойным директором в институте благородных девиц (*громко смеется*). А я живая, хоть и не очень юная.

Н и к о л а й. Я нормальный мужик!

И р и н а. Ну слава богу! А то я испугалась, что меня начнут десяти заповедям обучать, а не склонять к прелюбодеянию.

*Гаснет свет. Тихо звучит «Ноктюрн»
в исполнении Магомаева (стихи Рождественского,
музыка Бабаджаняна).*

*Музыку заглушает голос из динамика:
«Поезд прибывает в город-герой Москву.*

*Счастливого вам дня,
дорогие гости и жители столицы».*

*Вечерняя Москва. Возле уличного фонаря стоят
Ирина и Николай.
Они только что вышли после концерта.*

Н и к о л а й (*берет под руку Ирину*). Ребята — чудо! Знают, о чем поют, и школа настоящая есть... А полная блондинка в первом отделении — супер! В трех регистрах как дома, а крещендо¹ какое... А квартет ребят а капелла — просто песня. Голосоведение безупречное. Школа чувствуется. Вокалом нельзя заниматься непрофессионально.

И р и н а. Бывают же самородки.

Н и к о л а й. Все равно им потом специальными упражнениями голос ставят... Вы думаете, я так о вокале говорю, чтобы произвести впечатление? У меня пять тысяч дисков, можно сказать, антология мирового вокала. Хотя есть много симфонической и инструментальной музыки.

И р и н а. Сначала бы не поверила... после «кладбища» (*хитро улыбается*).

Н и к о л а й (*задумчиво*). Смешно сказать, много лет назад со своей почти невестой поругался из-за Лемешева.

И р и н а. Это как?

Н и к о л а й. Мы поспорили, кто лучше фольклор поет, Лемешев или Козловский. Я уверен, лучше Сергея Яковлевича никто не исполнял, да и сейчас не исполняет русские народные песни. Козловский пел украинские песни, но он всегда «себя» пел. А Лемешев проживал песню.

И р и н а. Соглашусь. А вообще, кто ваши любимые оперные певцы?

Н и к о л а й. Трудно сказать однозначно. Это зависит от репертуара. Никто никогда не споет юродивого, как Козловский. Вообще, русская опера — это особое явление.

И р и н а. Вас прямо на телеэкран.

Н и к о л а й (*с легкой обидой*). Напрасно вы так! Я не квасной патриот! Но считаю, что по самобытности

¹ См. примечания на стр. 200, 202.

русская опера не имеет равных. Возьмите «Князя Игоря», «Хованщину» или хотя бы «Китеж».

Ирина (*с удивлением*). Ну почему, а «Кармен»?

Николай. Это единичное явление... Когда мне плохо, я ставлю четвертый акт «Бориса Годунова», с Христовым. Это вершина оперы, не только русской, а вообще оперы как вида искусства. В сцене смерти Годунова, если говорить пафосно, три гения сошлись...

Ирина. Вы, я вижу, серьезный слушатель, нетрадиционный.

Николай. Если имеете в виду сексуальную ориентацию, здесь у меня все нормально.

Ирина. Не надо ерничать! Употребила этот термин только по отношению к слову «слушатель».

Николай. Почему в маленькой Словении по вечерам на эстраде исполняют народные песни в современной обработке, и все поют? А у нас, где есть такие титаны, как Мусоргский, Чайковский, Рахманинов и еще десятка два гениев, слушают англоязычную попсу... (*Помолчав.*) А русский городской романс — уникальное явление... а просто советская песня — военная, послевоенная, шестидесятых, семидесятых! Там и мелодия, и драматургия...

Ирина. Теперь я понимаю, что вы немолодой человек (*громко, по-театральному, смеется*)... Идемте лучше к моей сестре чай пить. Она живет тут рядом.

Николай. Неудобно, уже поздно!

Ирина. У артистов все удобно, это обычное дело.

Николай. Хотя вы пытались «балакать», выговорю у вас москальский.

Ирина. Какой наблюдательный! Да, я родилась в Москве, в квартире, куда мы идем. Окончила Гнесинку, прошла по конкурсу в Московский театр Оперетты. Два сезона проработала — стала петь заглавные партии. На гастролях простудилась и потеряла голос. Год

лечилась. Но, увы, большая сцена меня не собиралась ждать... Думала, умру... Познакомилась с одним офицером и уехала с ним в Чернигов. Поступила в областную филармонию — по домам культуры, в кино перед сеансами пела... Муж получил назначение на Дальний Восток. Я подумала, что между сопок будет конец всему, да и хозяйка из меня никудышная. Мы разбежались. В Чернигове и осталась... У нас вся семья музыкальная. Было стыдно к своим возвращаться. Тогда родители еще живы были. Не хочу вспоминать. Пережила все одна... Вы ведь тоже не женаты?

Н и к о л а й. Почему вы так решили?

И р и н а. Разве ошиблась? Я могу многое по картам рассказать... Когда стало ясно, что со сценой покончено, мысли всякие были, земля разверзлась под ногами, к гадалке ходила... Научилась и сама гадать. Второй и последний раз приглашаю на чай.

Н и к о л а й. Ну кто может отказать такой красивой женщине?!

И р и н а. Не надо уличных комплиментов! Просто увидела, что вы такой же неустроенный и одинокий человек... А журналист, что с нами в купе ехал, у меня год назад интервью брал.

Н и к о л а й. Почему красивой женщине нельзя сказать, что она хороша?

И р и н а. Когда люди только пытаются познакомиться, комплименты звучат нарочито.

Н и к о л а й. Согласен. Я даже разовью эту мысль.

И р и н а. Ну что ж, готова послушать.

Н и к о л а й. Если поэт в стихах объясняется в любви всем женщинам, значит, он уже импотент. Проверить ведь нельзя.

И р и н а. Не поняла.

Н и к о л а й. Во-первых, любить можно только конкретно. Пушкин или Есенин всегда обращались со сло-

вами любви к определенной даме. А во-вторых, почему мужики со снисхождением относятся к прекрасной половине человечества? Принесут по обязательке к Восьмому марта букетик мимозы... А разве нельзя дарить цветы первого апреля или двадцать девятого февраля? Когда душа захочет.

Ирина. Ну, философ-холостяк, идем чай пить?

Николай. Вы мне царский подарок сделали. Могу ли и я вас пригласить на императорское китайское чаепитие к себе домой?.. Здесь недалеко... Пока идем, привыкнем друг к другу.

Ирина (*с вызовом*). Какой быстрый и... опасный! А если соглашусь? Не страшно? Мы, артисты, люди не пугливые и бесцеремонные.

*Гаснет свет. Звучит русская народная песня
«Не одна во поле дороженька» в исполнении Лемешева.*

Николай и Ирина в квартире Николая.

Николай. Вы, наверное, в отместку за мое «кладбище» гадалкой представились.

Ирина. Не имею обыкновения пудрить мозги. Если у вас есть карты — докажу.

Николай. Только сначала, для убедительности, о нынешнем, а потом прогноз на будущее.

*Николай достает карты.
Оба садятся за стол напротив друг друга.
Ирина раскладывает карты.*

Ирина. Ну что ж... Ставим на пикового короля... Уверенный, скрытный, взрослый. (*С вызовом смотрит на Николая.*) Я не сказала «старый»... Восьмерка червей. Вы вложили во взаимоотношения с молодой, красивой дамой, очень нежной, чувствительной,

много сил. А она не свободна. Возникли проблемы, и вы сожалеете, что отношения зашли так далеко. (*Стучит ногтем по карте.*)

Н и к о л а й. Интересно... А что впереди?

И р и н а (*перетасовывая колоду*). Оставляем пикового короля. Вас ожидает сложный период раздумий, и придет беда, черная беда, с которой справиться будет нелегко, но вы найдете решение, чем успокоите душу и сердце... Страдать долго придется...

Н и к о л а й. Это для любого и в любой ситуации подходит. Всегда есть проблемы и их решение. Иначе бы жизни не было... Простите за назидательный тон, но есть такое понятие — «вероятность». В обиходе этим пудрят мозги простому люду. Ну, скажем, выступает профессор-синоптик и вещает, что с вероятностью восемьдесят процентов дождя не будет. Бабуся не взяла зонтик и промокла. Дело в том, что по отношению к единичному, неповторяющемуся событию вероятностная оценка — это чушь собачья.

И р и н а. Это для моих гуманитарных мозгов очень сложно.

Н и к о л а й. Сейчас объясню, на примере. У меня в юности был приятель, большой педагог по женской части. Его отец-генерал не поощрял педагогические опыты сына. А мать считала, что мальчику надо перебеситься, и дала ему ключ, который оставила ей подруга, чтобы в квартире поливать цветы. Приятель решил подготовиться к встрече со своей пассией заранее, но ключ не подошел. Мать позвонила подруге и узнала, что та дала копию, которую заказала в мастерской рядом с домом. Друг только сдал экзамен по теории вероятности и, облеченный знанием, подошел к делу так: если при изготовлении копии с оригинала была допущена ошибка, то существует вероятность, что при изготовлении нескольких копий с «плохой» копии может

быть сделана ошибка в другую сторону. Пятая копия подошла. Вот это и есть «вероятность» в действии.

Ирина. Все равно не поняла... Жизнь покажет, врут карты или нет. Только не забудьте про мое гадание...

Николай. Не забуду. А мне как до вас правду донести?

Ирина (*смотрит на часы, смеется*). Захочется — сможется, люди говорят.

Николай. Оставайтесь. Я не буду претендовать на вашу честь... Хотите, на настоящем граммофоне поставлю Карузо?

Ирина (*игриво, с вызовом*). Хочу!

Николай встает, подходит к комоду, открывает крышку граммофона, крутит ручку, ставит пластинку. Шипенье, звучит романс Неморино из оперы Доницетти «Любовный напиток» в исполнении Карузо.

Николай (*задумчиво*). Время ушло. Техника вокала и, главное, носители — другие. Карузо — гений бельканто, но он пел *как*, а сейчас надо и *что*, и *как*. С Карузо закончилась эра чистого бельканто, ведь настоящее бельканто могло быть только у кастратов, а Карузо, судя по отзывам (*смеется*)... современниц, был полноценный мужик. Не мне говорить профессионалу, что бельканто — это, прежде всего, чистое воспроизведение каждой ноты, подражание инструменту. А сейчас в энциклопедиях пишут, что бельканто — красивое легкое пение. Это следствие, а не определение.

Ирина. Кабы не собственные уши, никогда бы не поверила, что директора кладбищ такие знатоки вокала.

Утро следующего дня.

Ирина и Николай завтракают.

*На Николае передник, он встает из-за стола
и включает музыкальную систему.*

*Звучит заключительная ария Сильвы из одноименной
оперетты Кальмана в исполнении Татьяны Шмыги.*

Ирина (*задумчиво*). Как ты догадался? Я ее всегда на «бис» пела...

Николай. Сколько дней ты пробудешь в Москве?

Ирина. Пару недель, я в отпуске. Давно не была в Третьяковке, Пушкинском... И подкупить надо кое-чего из шмоток. Хочется выглядеть... Вон какие мужики еще обращают внимание (*громко смеется*).

Николай. Можем вместе в Пушкинский сходить. Я когда-то был знаком с одним искусствоведом или, точнее, искусствоведшей, и даже готовился к встречам — читал умные книги по живописи, чтобы впечатление произвести.

Ирина. И как, успешно?

Николай. Мимо.

Ирина. Я за партнерские отношения. А то позовешь меня замуж, а я не хочу лишаться свободы.

Николай. Если честно, не знаю, за какие я отношения. Точно знаю, что не за современные.

Ирина (*пьет из бокала вино*). Ты настоящий холостяк... Так готовят только принципиальные холостяки.

Николай. А какие макароны по-флотски я могу! Попробуешь и останешься навек. Вечером будем слушать великую музыку.

Ирина. На это не рассчитывай. Лучше с голоду умру, чем свободу потеряю. Из тебя путного мужа все равно не получится. Это диагноз... окончательный... (*Смеется*.)

Гаснет свет.

*Квартира Николая.
Входит Наталия с сумкой.
Николай напряжен и растерян.*

Наталия. Я уже два часа тебя во дворе жду. За неделю ты даже ни разу не позвонил. Бог знает что в голову лезло.

Николай. В командировке был... Ты пока приведи себя в порядок. А потом пойдем куда-нибудь в приличное место, поужинаем...

*Наталия бросает сумку и уходит в ванную.
Николай быстро осматривает квартиру.
Потом берет в руки телефон и набирает номер,
поглядывая на дверь в ванную.*

Николай (*негромко*). Привет. У меня срочная командировка на завод, там наши напортачили. Буду через три-четыре дня. Как приеду, сразу позвоню (*кладет трубку, поглядывая на дверь в ванную*).

*Выходит из ванной Наталия.
Она в красивом открытом платье.*

Наталия. Узнаешь свой подарок?.. (*Крутится.*)
Давай никуда не пойдем, ты ведь сам говоришь, что никогда не променяешь пустую гречневую кашу дома на котлету по-киевски в лучшем ресторане.

Николай. Ну, мать, хороша! Могу замазать, тебе можно вручать сертификат гейши и диплом мастера секс-спорта. Сейчас на всех серьезных спортсменов на рынке спрос. Это в наше время за спортивный костюм и талоны на питание до крови колотились. А сейчас время другое. Пора тебя на торги выставлять. Представляешь, какая у тебя будет формула цены: бизнес — можешь, фигура и фейс — вне обсуждения, «прикид» справили, в койке не сегодня-завтра — ма-

стер спорта международного класса... А хозяйка — тут вообще вопросов нет.

Н а т а л и я. Как птичка запела! Скажи прямо, избавиться хочешь. Небось, еще одну дурочку присмотрел для обучения! Думаешь, я побегу за тобой, как псина верная.

Н и к о л а й. Почему так примитивно! Ты в бизнес стремишься, там каждый за себя. И хорошо, что не побежишь, — за тобой побегут, и еще сколько! Грех за таким богатством не бежать.

Н а т а л и я (*отворачивается, тихо говорит*).
А ведь я бы за тобой побежала.

Н и к о л а й. Ну давай трезво... Еще десяток лет, и разбухшая уретра пережмет мои семенные канатики. Не помогут никакие китайские премудрости. Ты же не захочешь давать мне отпускные, чтобы восстанавливать либидо. Так что, дорогая, пора тебе подыскивать «сладкого» из Канады.

Н а т а л и я. Не нужно мне ни сладкого, ни соленого. (*Подходит к Николаю, обхватывает его обеими руками за талию.*) Мой, мой, никому не отдам!

Н и к о л а й. А напра-асно! Там, в Канаде, на сумских хохлушек ба-альшой спрос. А как ты ему варэники з вишнею на парú да секс-ликбез на подушке с оторочкой и хохляцким орнаментом...

Н а т а л и я. Это ты на словах такой демократ! Вы все мужики — собственники... Ты так легко отдашь меня другому?

Н и к о л а й. Точно, буду под окном измены волком выть. Хотя куды деваться?.. Коли еще чуток буду опасен, к тебе на уик-энд... не каждый, конечно, а так, по либидным и материальным возможностям.

Н а т а л и я. Скажи честно, у тебя много было женщин?

Н и к о л а й. Нет. Я не Ференц Лист... Если по правде, по-настоящему у меня только с тобой...

Н а т а л и я. Знаю, что врешь, а все равно приятно...
А почему Лист?

Н и к о л а й. Он был гений в трех ипостасях: композитор, пианист-импровизатор и покоритель женских сердец. В каждом городе, где концерты давал, сбегал от очередной страдающей пассии.

Н а т а л и я. Ты тоже сбежишь, и я страдать буду.

Н и к о л а й. Нет, любовь моя, страдать буду я, а ты должна жизнь без розовых очков видеть... Один мудрый человек, когда я дураком юным был, сказал, что мужиком может стать только тот, кто потерпит пару поражений кряду. Тогда он и поймет, как относиться к любимой надо.

Н а т а л и я. Точно, тебе пора курсы для молодых кобелей открывать!

Н и к о л а й. Этому не научишь. Каждый либо поймет, либо сдохнет нарциссом... Знаешь, к какой я мысли пришел? Женщина всегда такая, какой ее видит любимый мужчина. Только вот поздновато понял, пора на похоронный марш Шопена заявку подавать...

Н а т а л и я. Опять за свое. Я хочу на жизнь с тобой вместе смотреть, и долго. А на кладбище вместе поедем, на белом «мерседесе» с белыми розами. Я буду в белом подвенечном платье, а ты в белом смокинге. Хоть по дороге этой буду твоей невестой, а когда закопают — женой. Раньше ты меня целовал в глаза, я потом открыть их боялась, вдруг открою, а тебя нет... Что ты наделал! Муж столько лет твердил, что спит с ледышкой. А теперь я сознание теряю, когда с тобой.

Н и к о л а й. А ты думаешь, я всегда был боец? Один мудрец сказал: «Юношей движут гормоны, мужчиной он становится, когда постигает мастерство и гормоны еще не кончились, ну а потом делится воспоминаниями, как правило, сильно преувеличенными». Может, пора и мне кое-что записывать, чтобы потом не преувеличи-

вать. Все хотел тебя спросить, почему в твоём городе девять памятников Володе Симбирскому и ни одного — двум его революционным подругам¹? Они ведь тоже помогали мир переиначивать. Миллионы людей положили, чтобы философию людскую переделать. Элиту расейскую: офицерство — честь нации, интеллигенцию, духовенство извели. За одного Вавилова, величайшего генетика двадцатого века, коммунякам каяться и каяться. Бриллианты расейские — Ландау, Туполева, Королева, Стечкина, Тарле — зачем надо было в остроге держать? Королев на Колыме санки возил и чуть не замерз, а фон Брауна с почестями в Штаты привезли и институт дали. Мы своих гениев гнобили, а американцы их поштучно собирали. Сикорский и Леонтьев — чьи парубки? А Мандельштам и Бабель куды подевались? В мое студенчество за одно упоминание о Винере из комсомола можно было вылететь.

Н а т а л и я. Раньше ты со мной о музыке, книгах говорил, а теперь политинформацию читаешь...

Н и к о л а й. Мы просто теперь близкие люди. Какая, к черту, политинформация? Это боль моя. Сколько с ней по ночам еще ворочаться?.. А тебе она к чему? Это для тех, кто «оттуда»...

Н а т а л и я. Кичишься, а я, между прочим, «Все люди враги» твоего любимого Олдингтона еще до тебя читала. Думаешь, на Хемингуэя и Фицджеральда ты мне глаза открыл? Я их в десятом классе еще прочла. Мне просто нравилось, как ты серьезно со мной разговаривал, а твой любимый Второй концерт Рахманинова по памяти напеть могу.

Н и к о л а й. А чего тут особенного?! Когда флирт переходит в серьезные отношения, эта ширма не нужна.

Н а т а л и я. Значит, ты просто мне лапшу на уши вешал? И зачем я только как коза за тобой пошла...

¹ См. примечание на стр. 219.

Н и к о л а й. А что я тебе особенного говорил?

Н а т а л и я. Ну как же! Что готов встретиться со мной в любой точке, какую я укажу на глобусе. Потом предупредил, что тебя интересуют только платонические отношения, а сам глазами раздевал меня. У меня по спине мурашки бегали от твоих глазюк бесстыжих.

Н и к о л а й. А как же можно было пройти мимо такого совершенства? От тебя на десять верст гормоны кругами расходились.

Н а т а л и я. Возьми меня в Москву. Мне не нужна печатка в паспорте. Ведь я знаю, когда ты не спишь, когда у тебя спина болит и даже когда лапшу на уши мне вешаешь.

Н и к о л а й. Ну давай реально: у сына твоего все налажено — тренировки в танцклассе, школа, английский. Как бы там ни было, но у него близкие отношения с отцом.

Н а т а л и я. Поклянись, что у тебя никого, кроме меня, нет, изменщик несчастный!

Н и к о л а й. Ты же знаешь мое отношение к гигиене. И кто верит в наше время клятвам?! И представь, как гнусавый через десять лет храпеть будет рядом и воздух портить, вместо того чтобы утром и вечером доказывать свою кобелиную сущность.

Н а т а л и я (*задумчиво*). Не нужна мне кобелиная сущность!

Н и к о л а й. Не скажи, кума, а как по ночам Коломба ворочаться будет...

Н а т а л и я. Мне глаза мгла черная застилает, когда представляю, что ты говоришь о «гигиене» другой... Зачем ты мне все сломал? Жила как все... Изменщик ты!..

Н и к о л а й. Жизнь и у тебя одна. Только я «уже», а ты «еще». У счастья срок есть, но разный он у нас.

Н а т а л и я (*в ее глазах слезы*). Точно, разный. И

таким дезодорантом, что в ванной стоит, я не пользуюсь... Дурак ты, хоть и старый... Проводи меня... Посуду сам помоешь или тебе уже моют?..

*Наталья берет сумку и молча выходит.
Николай садится на тахту и закрывает глаза...
Звучат первые аккорды Второго концерта
Рахманинова для фортепиано с оркестром.
Звук усиливается, а потом стихает. Гаснет свет.*

*Голос из динамика «Прошло пять лет».
Утро. Николай, изрядно поседевший, выходит из
ванной. Он собирается на работу. Звонит телефон.*

Николай (берет трубку). Да... Кто звонил?.. Из Онкологического центра?.. А почему срочно?.. Какой телефон?.. Кого спросить? (Записывает, кладет трубку, она падает, снова кладет, нервно поднимает, набирает номер.) Ираида Федоровна, моя фамилия Лаптев, вы просили срочно связаться... (Встает, меняется в лице.) Сейчас можно?.. Буду через сорок минут, какая палата?..

*Гаснет свет.
Одинокaя палата в больнице.
На кровати Наталья.
На голове ее марлевая повязка.
Николай садится рядом.*

Наталья (открывает глаза). Пришел... Не хотел ты меня брать... в Москву. Сама приехала и все сделала, как ты учил... Хотела тебе доказать... Ты все боялся, что молода я для тебя... Прости меня, продав я твои подарки. Когда в Москву приехали с сыном, тяжело было... (Протягивает вялую руку. Николай берет ее и целует.) ...Мое сердце не захотел

взять, свое мне отдай, с собой возьму... А тело — кому хочешь... Не могу больше говорить... Завтра приходи... Сына...

Николай (*встает, громко кричит*). Врача! Здесь кто-нибудь есть?!

*Входит женщина в зеленом халате.
Она проверяет пульс и зрачки Наталии.
Медленно закрывает ее лицо простыней.*

Врач (*обращается к Николаю*). Вы родственник?

Николай. Родной... совсем родной...

Врач. Я с вами разговаривала по телефону?

Николай. Со мной... Что — все?

Врач. Это должно было случиться. Медицина пока бессильна. К сожалению, у молодых все скоротечно. Организм был предельно подорван, иммунитет истощился, возможности бороться.

*Гаснет свет.
Звучит колокольный погребальный звон
из оперы «Борис Годунов» Мусоргского.
Постепенно высвечивается Николай.
Он сидит на тахте в своей комнате,
рядом на полу бутылка водки, фужер.*

Николай (*обхватив голову руками, раскачивается*). Прости меня, солнышко мое, счастье мое потерянное... Я во всем виноват... Гаденыш я... мразь подзаборная...

*Гаснет свет.
Утро. Николай сидит в той же позе.
Входит Ирина с дорожной сумкой.*

Ирина. Наружная дверь настежь. Ты больше года не звонил... И вдруг... такая телеграмма. Что случилось? А если я уже не одна...

Николай. Прости меня. Я многое в жизни пере­думал. Выходи за меня...

Ирина. Прямо сейчас... так сразу... Может, на ко­лени встанешь, попросишь руки и сердца, а я... откажу.

Николай. Попробуй отказать.

Ирина. А отношения будут демократические, пар­тнерские?

Николай. Никакой демократии! Спать только со мной. Полный домострой! Жить будем в деревне. Меня ублажать будешь без отлынивания, а в перерывах петь романсы и песни из репертуара Сергея Яковлевича и Клавдии Ивановны!

Ирина. А подумать можно?

Николай. Думать буду я. У тебя никаких прав, одни обязанности. Разрешаю обсудить один пункт брач­ного контракта: «ночевка на сеновале с обязательной музыкально-сексуальной программой еженедельно или раз в две недели»... Анекдот расскажу. Встречают­ся два холостяка — Веселый и Хмурый. Веселый спра­шивает у Хмурого: «Ты чего такой невеселый?» Тот потупился: «Да, понимаешь, приведу барышню домой, говорю, — давай, мол. А она ни в какую». Веселый говорит: «Ну кто ж так сразу?! Надо по-культурному: про книгу или писателя спросить». На следующий день Хмурый приводит барышню: «Пушкина читала?» Та отвечает: «Нет». — «Ну ложись, потом прочтешь!»

Ирина. Так я еще контракт не видела!

Николай. Потом посмотришь! А сейчас сооб­щаю — свадебное путешествие в Словению. Платье белое закажем тебе, а мне белый смокинг.

Гаснет свет.

Кладбище. У холмика с табличкой

«Н. М. Жильцова

1971/23.05—2001/28.08»

стоит Ник о л а й. Он поправляет табличку.

Подходит С т а р и к.

С т а р и к. Думаете за памятник?

Н и к о л а й. Нужен очень достойный памятник.

С т а р и к. Во что оцениваете это достоинство?..
(*Смотрит оценивающе на Николая.*) Могу устроить.

Н и к о л а й. Ну, скажем, тысяч сто зеленых американских рублей... Идея памятника моя.

С т а р и к. Деньги и художественный вкус теперь ходят порознь.

Н и к о л а й. Готов внести задаток... Сколько времени займет все с установкой?

С т а р и к. Полгода.

Н и к о л а й. Нужно за три месяца.

С т а р и к. Можно договориться (*смотрит с прищуром на Николая*). Портрет будем на камне выбивать?

Н и к о л а й (*достает фотокарточку, протягивает старику*). На камне... Надпись — одно слово: «Прости».

С т а р и к (*внимательно смотрит на фото, потом на Николая*). Я уже давно на этой земле... Это не жена и не дочь... Мой подарок: я отдам всю прошлую жизнь за тот день, когда увижу, как вы положите розы этой красавице... И не надо туда спешить... Это не поезд, на который опаздывают... Моей первой подружки уже нет на Земле. Мы ночью купались в море. Мы любили друг друга, а море любило нас. А какие слова говорили! Разве сейчас такие слова знают? Теперь по те-

левизору инструкции, как любить, дают, а мы смотрели на звезды и любили так, что Луна отворачивалась... Ее за богатого выдали, а у меня в кармане фи́га без масла была. Мне за людей обидно. Без денег скучно — это арифметика, но нельзя, чтоб сначала деньги, а потом человек. Связь времен порвется... Простите, милейший, почему такой солидный человек не оформил союз с этой красавицей?

Н и к о л а й. Наверное, струсил... (*Закрывает лицо руками.*) Один я здесь, старик, а она *там* одна... Связь времен нарушил.

З а н а в е с

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Мединский. ИСТОРИЯ В ДЕТАЛЯХ...</i>	5
<i>Виктор Ерофеев. ОПРАВДАНИЕ ЛЮДЕЙ</i>	8

РАССКАЗЫ

Часы идут... ..	15
Зять Николай Иванович	47
Не оступись, доченька	61
Медаль	80
Дуська	103

ПОВЕСТИ

Мальчики с Колымы	121
Прости, мое красно солнышко	186

ДРАМАТУРГИЯ

Колымский меридиан (<i>сценарная разработка</i>)	339
Прости меня (<i>пьеса</i>)	416

Реклама

Книги Александра Файна
и других российских писателей

Вы можете приобрести
по оптовым ценам

в магазине издательства
«Вест-Консалтинг»

www.litlavka.ru

Всегда новые книги
Курьерская служба доставки

Тел. для справок: (495) 971-79-25

E-mail: stepanovev@mail.ru

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крешатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.

Тел. для справок: (495) 978 62 75

Сайт: www.writer21.ru

Александр Маркович Файн
Среди людей
Рассказы, повести, драматургия

Главный редактор издательства — *Евгений Степанов*

Редактор — *Татьяна Виноградова*

Художественный редактор — *Андрей Глазов*

Компьютерная верстка, макет — *Марина Кива, Татьяна Смирнова*

Корректор — *Фёдор Мальцев*

Бумага офсетная
Гарнитура Литература
Тираж 1000 экземпляров
Сдано в набор 05.12.2011
Подписано в печать 20.01.2012

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75

Типография «Наука»,
г. Москва, Шубинский пер., 6.